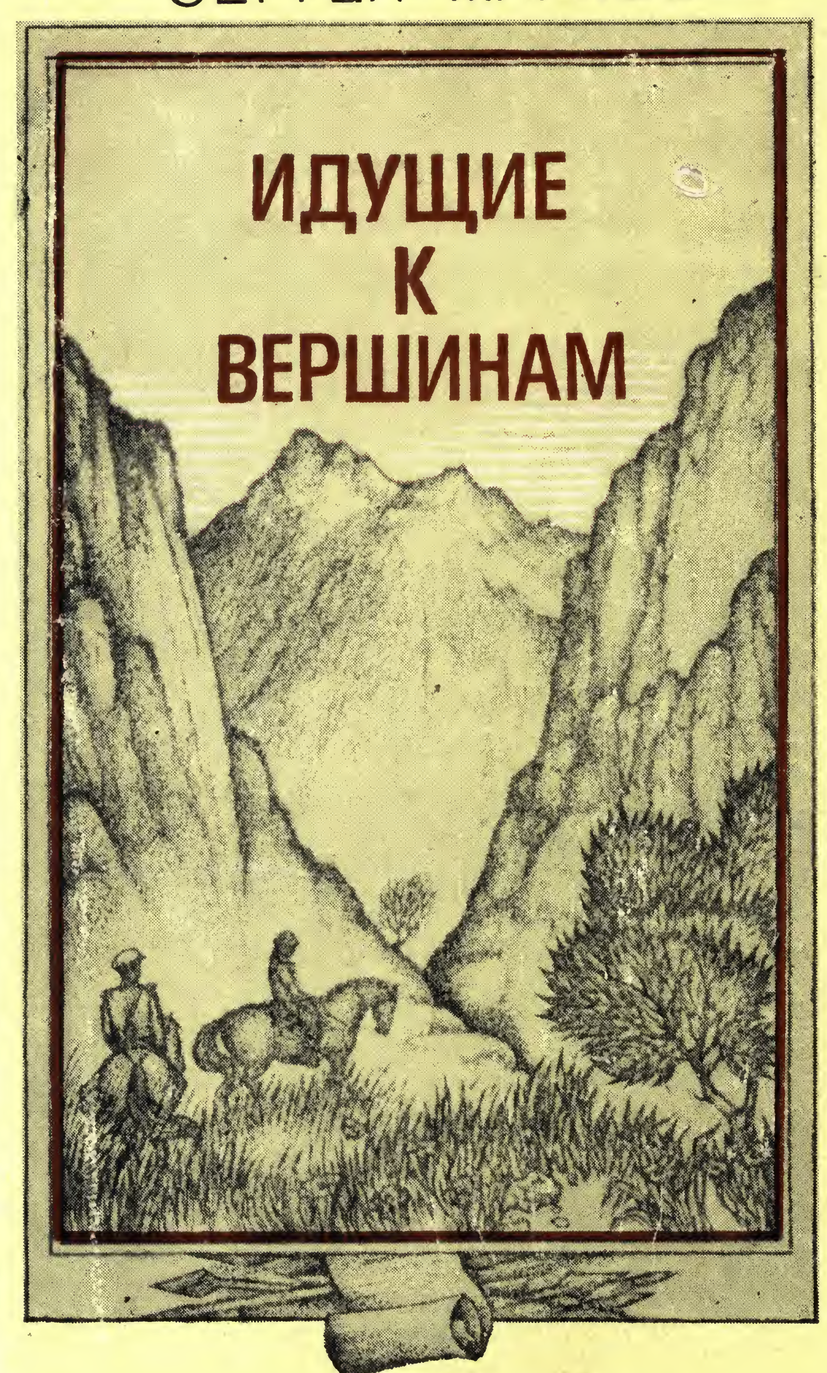
СЕРГЕЙ МАРКОВ

ИДУЩИЕ К ВЕРШИНАМ

СЕРГЕЙ МАРКОВ

ИДУЩИЕ К ВЕРШИНАМ

ИСТОРИКО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЖАЗУШЫ»
Алма-Ата — 1981

Р 2
М 26

Печатается по изданию: *С. Марков.*
Избранное в двух томах, том 2. М., «Худож. литература», 1981

Марков С. Н.

М 26 Идущие к вершинам: Ист.-биогр. повесть.— Алма-Ата: Жазушы, 1981.—352 с.

Историко-биографическая повесть «Идущие к вершинам» рассказывает о жизни и деятельности выдающегося исследователя Средней Азии Чокана Валиханова. Она вместе с тем знакомит читателя с жизнью, бытом, обычаями, нравами населявших в прошлом веке Среднюю Азию народностей и племен, говорит о большом вкладе русских ученых в ее освоение.

Читатель найдет здесь немало любопытных страниц о путешествии П. П. Семенова на Тянь-Шань, о жизни ссыльного Ф. М. Достоевского. Автор повести документами подтверждает ту большую, крепкую дружбу, что связывала их и многих других передовых русских людей с казахским народом, с его национальным героем Чоканом Валихановым.

Р 2

М $\frac{70302-106}{402(05)81}$ 159—81 4702010200

ПАМЯТИ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Чужая жизнь — безжалостней моей —
Зовет меня... И что мне делать с ней?
Ведь можно лишь рукою великана
В лазоревой высокогорной мгле
Куском нефрита выбить на скале
Рассказ о гордом подвиге Чокана!

1937

Сергей Марков

ЮНОСТЬ ЧОКАНА ВАЛИХАНОВА

Родословное древо его уходило корнями в глубь столетий. Он был потомком Чингиса, вернее, его старшего сына Джучи, чей мавзолей до сих пор можно видеть в степях Казахстана.

Прадедом Чокана был Аблай-хан, вождь Средней кайсацкой орды. Он воевал с Ходжентом и Ташкентом. Ташкентцы платили ему дань. Грозный хан завоевал Сайрам, Азрет, Сузак и Чимкент. Аблай умер в городе Туркестане, и его прах положили в склеп подземелья мечети Хаджи-Яссави.

Аблай пронес свои пестрые знамена до Джунгарии и Тянь-Шаня. От брака Аблая с каракалпачкой Сайман родилось много сыновей; из них известен Вали, последний хан Средней орды, родной дед Чокана.

Мухаммед-Ханафия Валиханов, более известный по прозвищу Чокан, родился в 1835 году близ берегов большого озера Кушмурун, в верховьях Тобола.

Неподалеку от озера Птичий Клюв находилось урочище Куба-Кыз. Здесь кочевали казахи родов Аргын, Кыпчак, Керей и Уак.

В Кушмурунском (в то время Аман-Карагайском) округе было шестьдесят три аула; в них — около пяти тысяч кибиток. Площадь округа составляла 38 446 квад-

ратных верст. Кушмурунские рощи славились по всей степи. Посреди синего горько-соленого озера проходила мощная водная жила, это была река Убаган, рождавшаяся в соленой колыбели.

Охотники, плавая по озеру на легких и подвижных плотах, добывали лебедей, затем отвозили их белоснежные шкурки в Петропавловск и Пресногорьковскую. Через Кушмурун проходил торговый путь из Петропавловска в Оренбург, к узлам караванных дорог.

Отец Чокана, султан Чингис Валиев, был управителем Кушмурунского округа и имел чин полковника русской службы.

Родовое гнездо потомков Аблая, находившееся близ безлесных скалистых гор Аккан-Бурлука, часто посещали русские топографы, делавшие съемки степи, и геологи, искавшие ценные руды.

В числе гостей Валиевых были такие исследователи, как Шренк, Федоров и, может быть, даже И. П. Шангин, один из первых геологов казахской степи первой половины XIX века. Бабка Чокана, Айханым, вела деловую переписку с русским правительством, общалась с путешественниками.

Чингис, отец Чокана, покровительствовал певцам и музыкантам степи, собирал образцы народного творчества. Он поддерживал знакомство с просвещенными представителями казахского народа, которых тогда можно было пересчитать по пальцам. В числе друзей Валиевых были и русские ориенталисты. Один из них, А. А. Сотников, былой питомец Училища восточных языков в Одессе, разъезжая по казахским кочевьям, гостил в доме Валиевых. Сотников был одним из тех людей, которые посоветовали отцу Чокана отдать мальчика в русскую школу.

Чингис Валиев был знаком с Николаем Костылецким и М. В. Ладыженским — трудолюбивыми собирателями образцов казахского народного творчества.

Муса Чорманов, дядя Чокана, управитель Баян-Аульского округа, знал славного путешественника, хорунжего Николая Потанина, дважды побывавшего в Кокандском ханстве.

Хорунжий Потанин жил в Баян-Ауле одновременно с Мусой Чормановым. Бывалый казак ходил к Сузаку и Чимкенту, производил съемку течения реки Сарысу. Потанин имел возможность общаться с семьей Валиевых и

тогда, когда жил в Пресновской, заведуя там огородами бригадного командира Эллизена. В то время хорунжий Потанин, разумеется, не мог предположить, что его путевые записки станут известны самым признанным знатокам Азии — Александру Гумбольдту и Карлу Риттеру и лягут в основу некоторых карт «Киргизской степи» и Турана. Вскоре судьбе стало угодно, чтобы сыновья Чингиса Валиева и Николая Потанина стали друзьями на всю жизнь.

В 1847 году двенадцатилетний Чокан Валиханов сидел в квартире В. И. Дабшинского, переводчика при пограничном начальнике. В. И. Дабшинский с удивлением смотрел на карандаш в руках смуглого мальчика. Чокан быстро зарисовывал вид Омска. Толмач пограничного начальника был единственным собеседником мальчика —тогда Чокан не знал ни слова по-русски.

Чокана определили в Эскадрон, как называлось отделение, где обучались дети русских казаков и казахов, обрядили в казакин, дали кивер с помпоном, шашку и светлые шпоры. В одной из комнат, в которых размещался Эскадрон, Чокана поразила висевшая на стене картина, изображавшая гибель Ермака.

Маленький, худенький, сын бывшего хорунжего Потанина Григорий говорил по-казахски, и Чокан в первую очередь сблизился с ним.

Чокан попал в хорошие руки. Инспектор классов Омского кадетского корпуса Иван Викентьевич Ждан-Пушкин не раз говорил своим воспитанникам о том, что любовь к родине и есть религия, которую должен исповедовать каждый из них. Преподаватель Николай Костылецкий, знавший несколько восточных языков, был поклонником Белинского и Гоголя. Свободомыслящим был даже законоучитель, священник-ученый А. Сулоцкий, в свое время громогласно заявивший, что российский император до миропомазания был всего-навсего лишь кирасирским полковником. Сибирский казак Евгений Старков преподавал кадетам географию. Уроки его были живы и занимательны, пробуждали чувство любви к родине.

Воскресные дни Чокан проводил у А. А. Сотникова, в доме его можно было разговаривать на родном языке, вспоминать лебяжье озеро Кушмурун и аул близ горы Сырымбет. Летом мальчик ездил туда. Он уже в первые годы ученья в корпусе сделал много зарисовок родных мест.

Учитель рисования Померанцев одобрил творчество Чокана. Радовался и Григорий Потанин: Чокан подарил ему рисунки различных образцов оружия, снастей и домашней утвари казахов.

Григорий Николаевич Потанин вспоминал: сначала Чокан не мог рано вставать — дома он привык просиживать ночи у костра, пока не побледнеет утренняя звезда — Шолпан.

Чокан начал прилежно изучать русский язык и вскоре уже читал труды Петра Симона Палласа, «Путешествия» Петра Рячкова. Из книг Чокан узнал о том, как морской офицер дважды обошел на корабле земной шар и «открыл» статую Венеры Милосской. Дюмон-Дюрвиля сменил Гоголь, Диккенс и Теккерей. Они стали любимыми писателями Чокана Валиханова.

Все это почти непостижимо! О четырнадцатилетнем Чокане говорили как о будущем ученом.

Чокан Валиханов и Григорий Потанин мечтали о том, как они станут открывателями новых земель и посвятят жизнь исследованию Азии и ее во многом загадочному прошлому.

Однажды, стоя на берегу Иртыша, во дворе Омского корпуса, тонкий, как озерная тростинка, мальчик указал на желто-голубые, бесконечные просторы и сказал, что он, Чокан, когда-нибудь достигнет еще неведомых рубежей, дойдет до Небесных гор, совершит путешествие в страну, где проходил лишь один знаменитый путешественник — венецианец Марко Поло. Озорной и смешливый Чокан умел дружить и со взрослыми. Он расположил к себе чиновника Капустина, у которого часто собирались передовые люди Омска. Хозяйка дома Е. И. Капустина — сестра Д. И. Менделеева — принимала у себя путешественников и писателей, там говорили о научных новостях и, в частности, об открытиях Кювье, обсуждали политические события.

Чокан часто снимал в передней историка Гонсевского свой кивер с помпоном и шашку с кожаным темляком и спешил к нему в кабинет.

Об отношениях Ивана Ждан-Пушкина и Чокана лучше всего расскажет такой случай: однажды непоседливый Чокан на уроке допустил какую-то вольность, и его через весь Эскадрон, размещавшийся в нижнем этаже огромного здания корпуса, повели наверх, на расправу к Ждан-Пушкину. Чокан встал навытяжку перед инспек-

тором, а тот взял из книжного шкафа книгу «Современника» и дал ее читать своему питомцу в собственном кабинете, представлявшем святая святых Омского кадетского корпуса. Только впоследствии Чокан узнал, что грозный на вид Ждан-Пушкин был добрым гением Сергея Дурова и Федора Достоевского. Когда они, закованные в кандалы, в тулупах и казахских малахаях, прибыли под охраной конвойных в Омск, какой-то рослый жандарм, явившись к инспектору классов Омского кадетского корпуса Ждан-Пушкину, тайно передал ему письмо от их доброжелателей из Тобольска. Друзья петрашевцев просили капитана облегчить, насколько это возможно, участь будущих обитателей Мертвого дома. Ждан-Пушкин следил за жизнью узников: как они разгружали иртышские баржи, носили кирпич для постройки казармы... Он постоянно сообщал друзьям Дурова и Достоевского сведения о них, облекая свои письма в форму ведомостей об успеваемости кадетов. Однажды ему удалось даже получить записку Достоевского из-за скрипучих частоколов Мертвого дома и переслать ее друзьям писателя. Ждан-Пушкин знал, что делается под кровлей смрадной казармы арестантской роты № 50, где томились Достоевский и Дуров.

Юный Чокан в Омске был вхож в дом дочери декабриста Анненкова — Ольги Ивановны. Муж ее, К. И. Иванов, служил в корпусе жандармов. Человек честный, прямой и независимый, он приютил у себя Достоевского и Дурова на целый месяц. Достоевский впоследствии не раз вспоминал, что этот начальник жандармов был ему «как брат родной».

СЧАСТЛИВОЕ ЗНАНИЕ

В 1853 году Мухаммед-Ханафия, он же Чокан Чингисович Валиханов, был произведен в офицеры. Ему дали чин корнета и, причислив к армейской кавалерии, назначили в Шестой полк Сибирского казачьего войска.

Чокан и Григорий Потанин были разлучены. Годом ранее Потанин покинул Эскадрон и уехал на службу в Семипалатинск. Оттуда он отправился в поход. Отряду пристава Большой орды М. Д. Перемышльского было поручено начать устройство Заилийского края. Русский флаг был поднят у подножья Алатау среди яблоневых и

абрикосовых рощ, где вскоре в привольной долине выросло укрепление Заилийское, переименованное потом в Верный (Алма-Ата).

Там в землянке с дерновой кровлей Потанин выпускал рукописный журнал Заилийского отряда; в этом издании можно было найти рассказы, военные и исторические статьи и очерки, картины быта русских пионеров Небесных гор. Иногда издателям этого журнала, название которого до сих пор осталось неизвестным, приходилось откладывать в сторону перья и кисти для того, чтобы с сотней казаков и ракетными станками идти через ущелья в долину Чу для наказания конокрадов-барымтачей, тревоживших внезапными набегами то алма-атинские сенокосные угодья, где казаки и солдаты караулили душистые стога, то само новое поселение. Это было время, когда люди, живущие у подножия Тянь-Шаня, при скудном свете сальной свечи прочли впервые «Записки охотника» Ивана Тургенева. «Современник»— любимый журнал Чокана и Потанина — получали в отряде Перемышльского, в Копале и Верном.

Чокан устраивал свою жизнь в Омске. Молодой офицер поселился в небольшом домике в Мокринском форштадте, неподалеку от Сенной площади. На стенах комнаты — вышитые казахские кошмы и тюменские ковры, сабля, шинель с бобровым воротником. Стол завален книгами и бумагами. У Чокана были и свои причуды вроде собирания портсигаров. На одном из них была изображена крыса, сверлящая буравом земной шар. Щелкая крышкой этого портсигара, доставая из него папиросу «Ферезли», Чокан часто шутил, что это не просто крыса, а разведчик земных недр. Сам он уже тогда читал книги по геологии и зачастую старался научно объяснить свидетельства старинных сказаний. Что это, например, за камень «джад», будто бы обладавший способностью вызывать дождь? Камень, как гласила древняя легенда, был самим богом подарен Яфесу, праотцу тюрков, в знак особого благоволения к тюркским народам. Чокан связал это сказание с тем, что в XIX веке среди киргизов Тянь-Шаня еще существовали колдуны «джайчи», искренне убежденные в том, что они могут ниспосылать благодатные дожди на знойную землю. В определителе горных пород надо было отыскать и «ослиный камень», будто бы предохраняющий от дурного глаза.

Чокан постукивал по крышке портсигара длинным

ногтем на мизинце правой руки. Такое щегольство можно было ему простить. Он усердно изучал доступные ему древние китайские источники по истории Средней Азии и Казахстана. Его волновали свидетельства Сюань Цзана, китайского странника VII века нашей эры, проведшего семнадцать лет в скитаниях. Сюань Цзан побывал в стране Хаванда, где-то возле Кашгара. Он прошел перевалы Тянь-Шаня. Сюань Цзан обмолвился об «огненном золоте» Средней Азии, о неисчислимых сокровищах, спрятанных в одной из горных пещер.

В начале V века нашей эры жил Фа-сянь, обошедший мир от Кабула до Индии и Цейлона, знавший пути через Кашгар. Он проведал о высоких горах Цунлин, где обитали якобы драконы, извергающие яд.

Чокан знал и самого древнего китайского землепроходца Чжан Цяня, первого исследователя Восточного и Западного Туркестана, жившего в первой половине II века до нашей эры.

Быть может, минет не одно столетье
И явится необычайный гений.
Простому человеку не под силу
Проникнуть взором в золотые недра,
Открыть богатства поднебесных гор...

Так было сказано в одной старинной оде в честь Чжан Цяня, написанной его соотечественником. В первой половине II века до нашей эры Чжан Цянь был послан из Китая к племенам, вытесненным полчищами хуннов из Тянь-Шаня в область реки Или. Путник попал в плен к хуннам, протомился там десять лет. Наконец ему удалось бежать в страну Давань.

Вернувшись на родину, Чжан Цянь предпринял новое путешествие. Он добыл первые достоверные сведения о Средней Азии.

Читая впервые о Чжан Цяне, юный Чокан не мог, разумеется, предположить, что через какие-нибудь три года он сам достигнет южного склона Тянь-Шаня и с высоты Теректы-Давана увидит окутанные голубым дымом сады Кашгарии...

В табачной синеве перед Чоканом вереницей проходили образы прошлого. Снова протягивая руку к портсигару с изображением крысы, он вспоминал, что в Хотане крысы считались священными. По существующей легенде, когда однажды к Хотану подошли воины хуннов, се-

рые грызуны перепилили своими острыми зубами конскую сбрую, тетивы на луках врагов и этим спасли город.

Гуньмо, властитель усуней, впоследствии долго сопротивлявшийся власти хуннов, согласно преданиям, был вскормлен сначала молоком волчицы. Когда он подрос, мясо ему стал приносить степной ворон.

Было еще сказание о том, как один из царей хуннов заточил свою красавицу дочь в башню, опасаясь, что она отдаст свое сердце недостойному избраннику. К подножию башни пришел одинокий волк, улегся на песок пустыни и стал напряженно и вместе с тем терпеливо ждать, когда царевна сама выйдет к нему, чтобы разделить с ним его страшную любовь. Так некоторые древние народы Азии создали легенду о том, что они произошли от волка.

Чокану чудились хагясы, украшавшие себя татуировкой и носившие в ушах большие кольчатые серьги. Он вспоминал царевича Ли Лина, выходца из Китая, оставшегося у хуннов.

Названия народов и племен, то пламеневших, то погасавших на просторах Азии, волновали воображение юного Чокана. Он старался отыскать редкие свидетельства о них в книгах и старых рукописях.

Юэчжи, хунны, тукиу, жужане, хагясы, усуни...

Это звучало как стихи на неведомом языке.

От древних времен осталось слово «цилян», что на языке хуннов означало «небо». Цилян-Шань — это Тянь-Шань, Небесные горы!

Чокан особенно внимательно прослеживал историческую судьбу усуней и дулатов, ибо старинные писатели сообщали, что усуни наряду с некоторыми другими племенами вошли в состав народа, получившего затем название казахов.

Были усуни и в Кашгарии. К роду Дулат принадлежал Мухаммед Хайдар, или Гудар, женатый на принцессе из рода Чингизидов. Он правил Кашгаром, затем удалился в Кашмир и Лахор. «Летописи Рашида» были созданы Хайдаром в Кашмире в первой половине XVI столетия. В них говорилось о том, как сложился казахский союз, в состав которого вошли усуни, кыпчаки, найманы, дулаты.

Первая часть «Тарихи-и-Рашиди» представляла историю кашгарских ханов от Тоглук-Тимура от чингизида Султан-Саида, у которого служил Мухаммед

Хайдар. Во вторую часть летописец включил собственные записки с богатыми сведениями о Тянь-Шане, Куньлуне, Тибете и Болоре.

«Летописи Рашида» Чокану довелось читать еще до путешествия в Кашгар. Он узнал, что существует и рукописная история династии ходжей — «Таскира и ходжаган».

Чокан узнал о кыпчакском султане Бейбарсе, основавшем династию мамелюков в Египте, о тюркских названиях некоторых египетских местностей, об обмене посольствами между Египтом и Золотой ордой. Он узнал, что слова «казахи» или «казах» упоминались в турецких диалектах еще в XIII веке, что Бабур, Великий Могол, властвовавший в Индии, в своих записках тоже говорил о казахах.

Русские летописи и сказания восточных историков, труды Абеля Ремюза и С. Жульена об уйгурах, рисунки и надписи на знаменитой Каталонской карте, родословная Аттилы с перечнем имен азиатских хуннов — все это волновало пытливое воображение корнета Шестого казачьего полка Чокана Валиханова.

Его привлекали письменность и литература уйгуров, язык которых еще не был исследован учеными Западной Европы. Вполне достоверные сведения об уйгурах приводились в поэме «Кудатку Билик» («Книга о достижении счастья»), созданной в 1069 году.

Григорий Потанин вспоминал потом, как Чокан овладевал всеми этими счастливыми знаниями.

«Чокан все более и более углублялся в историю Востока; какие-то загадочные отношения киргизского племени (имеются в виду казахи.— *С.М.*) к этой истории, среди которого являлись имена древних народов усуней, киреев, найманов в качестве имен поколений, заставляли его задумываться и, может быть, мечтать сделать разоблачения в древней Истории Востока посредством данных, которые представляют народные предания и остатки старины киргизского народа»,— писал Григорий Потанин.

Он отмечал, что у Чокана уже тогда зародилась мечта — проникнуть в недоступный европейским путешественникам Восточный Туркестан. Там, в глинобитных городах, стоящих за исполинской стеной Тянь-Шаня, таились вековые загадки происхождения некоторых народов и племен Азии, скрещивались их былые дороги.

Неподалеку от Чокана, в том же Мокринском форштадте, в доме с сердцевидными вырезами на ставнях, жил петрашевец Сергей Дуров.

Впервые Чокан встретил этого изможденного чернобородого человека с горящими глазами в семье Капустиных в Омске весною 1855 года. К тому времени С. Ф. Дуров успел выйти из Омской военно-каторжной тюрьмы и пробыть год рядовым Третьего Сибирского линейного батальона, размещенного в «оборонительной казарме», стоявшей при въезде в станицу Кокчетавскую. В стенах казармы Дуров вел свою начатую работу — составлял гербарий растений, которые он сумел собрать летом 1854 года на берегах озера Копа, славившихся богатыми лугами. Ранней весной следующего года недавний узник Мертвого дома, искалеченный тюрьмой и солдатчиной, был отпущен из станицы Кокчетавской в Омск и определен писцом 4-го разряда в Областное управление сибирских киргизов. Семьи Капустиных и Гутковских, состоявшие в родстве друг с другом, помогали Дурову и всячески облегчали его страдальческую жизнь.

Сергей Дуров обратил внимание на необыкновенного юношу и, несмотря на значительную разницу в годах, подружился с Чоканом. Из уст Дурова Чокан услышал историю возникновения кружка петрашевцев, куда входили Н. Плещеев, Н. А. Спешнев, А. И. Пальм, Н. А. Момбелли, Федор и Михаил Достоевские и многие, многие другие.

Отставной коллежский асессор, бывший чиновник морского министерства, Сергей Дуров отличался прямотой и крайностью своих суждений. Это был один из самых непримиримых борцов с самодержавием.

Он проповедовал необходимость уничтожения крепостного права, говорил о том, что русские революционеры должны иметь подпольную печать для распространения свободолюбивых идей. Ружейные дула, направленные в грудь Дурова, Достоевского и их товарищей, были ответом на высказанные ими убеждения.

Петрашевцы должны были привлечь внимание Чокана еще и потому, что среди них находились ориенталисты, знатоки географической науки, путешественники, скромные труженики исторических архивов.

В доме Дурова, неподалеку от квартиры К. К. Гут-

ковского и от домика, где жил сам Чокан, молодой офицер провел много времени в беседах с Сергеем Дуровым. Из уст ссыльного революционера молодой казах услышал «Ямбы» Огюста Барбье, стихи Беранже, Шенье и Байрона, переведенные Дуровым.

Дуров открыл Чокану творения передовых русских и западноевропейских мыслителей и ученых. Чокан считал своего учителя человеком необыкновенным. Пользуясь тем, что он состоял при генерал-губернаторе Западной Сибири, Чокан добился для Дурова разрешения провести лето 1856 года в Кокчетавской степи.

По-видимому, С. Ф. Дурова Чокан отправил в свой аул, к подножию Сырымбета, или на берега светлого озера, где летом стояли белые юрты семьи Валиевых. Там больной петрашевец мог пользоваться гостеприимством радушного и просвещенного султана Чингиса, возившего с собой русские книги вместе со списком «Песни о Баян-Слу и Козы-Корпеше».

В СТОРОНУ НЕБЕСНЫХ ГОР

В 1855 году Чокан получил возможность впервые познакомиться с Тарбагатаем и Семиречьем. Генерал-губернатор Западной Сибири Гасфорт приказал корнету Валиханову принять участие в большой поездке в сторону Небесных гор.

Тогда только что была учреждена Семипалатинская область, в состав которой вошли кроме нового областного города важнейшие опорные пункты вроде Кокпектов, Аягуза и Копала.

Из Семипалатинска дороги вели в города Чугучак, Кульджу, Копал, Верный. Через перевал Хабар-асу из Чугучака в «Семипалатный» перевозили чай. В 1854 году, например, чая туда было доставлено на один миллион шестьсот тысяч рублей. Китайские товары шли из Семипалатинска водой на Тобольск и Тюмень.

Торговля России с Восточным Туркестаном была бы очень успешной, если бы этому не помешали чугучакские события 1855 года. За четыре года до этого Егор Ковалевский, Иван Захаров и Александр Татаринов договорились в Кульдже о взаимных выгодах Китая и России, и с тех пор русские фактории в Кульдже и Чугучаке работали вполне деятельно. Если в 1850 году

в Восточный Туркестан было вывезено русских товаров всего лишь на тридцать девять тысяч рублей, то через четыре года вывоз составлял двести сорок одну тысячу рублей. Азиатский департамент министерства иностранных дел предполагал учредить консульство в Кашгаре. В Кульдже и Чугучаке уже жили такие знатоки страны, как И. И. Захаров и А. А. Татаринов. Русская фактория в Чугучаке, окруженном стеною, во всю длину которой простерлось изображение дракона, осуществляла большую розничную торговлю.

Но случилось то, чего никто не ожидал. Вблизи Чугучака находились поселения ссыльных из внутренних провинций Китая. Преступники эти, называвшиеся «чампанги» или «цяньфан», занимались добычей золота, причем ради этого они нередко переходили русские рубежи. Однажды среди этих ссыльных начались беспорядки. По указке неизвестных подстрекателей толпа клейменых золотоискателей ворвалась в русскую факторию в Чугучаке, разорила и сожгла лавки и склады. В пламени погибли тысячи тюков с тканями, обувь, знаменитые туринские сундуки «со звоном», находившие сбыт не только в Китае, но даже на рынках Калькутты. Убытки, подсчитанные после разгрома фактории, составили 285 353 рубля.

После чугучакских событий нечего было и думать об учреждении русской торговой фактории в городе Кашгаре, хотя правительства России и Китая почти договорились об этом. Русских купцов в Восточном Туркестане всегда встречали очень хорошо и охотно торговали с ними. Это мог всегда подтвердить семипалатинский торговец городской голова С. И. Самсонов.

В Семипалатинск не раз привозили наравне со златоткаными индийскими платками кашмирские шали и шелка, закупленные в Яркенде.

Весть о событиях в Чугучаке взбудоражила семипалатинский Меновой двор, население Татарской слободы, русских купцов. Она дошла даже до казарм Седьмого Сибирского линейного батальона, размещенных против Знаменского собора неподалеку от каменных крепостных ворот. Там, в помещении первой роты, сидел солдат в шинели со сборками на спине, с красными погонами на плечах. Уродливый, похожий на ведро кивер с чешуйчатой застежкой стоял на столе неподалеку от бумаг и чернильницы.

Человек с красными погонами писал одному из своих друзей о гибели русской фактории в Чугучаке.

«...Консул спасся бегством»,— заканчивал солдат свое сообщение о чугучакском погроме. Речь шла о первом российском консуле в Чугучаке Александре Татаринове, действительно вынужденном тогда бежать в Бахты, оставившем на время не только свою прямую работу, но и научную деятельность. К тому времени он успел написать несколько трудов о китайской медицине, составить список китайских медикаментов и каталог лекарственных растений. В конце письма стояла подпись: «Ѳедоръ Достоевскій»...

Солдат семипалатинского батальона писал в промежутках между строевыми занятиями или тяжелым трудом на берегах Иртыша, где под командой ротного Артемия Гейбовича линейцы, засучив белые полотняные штаны, связывали в плоты смолистые стволы, срубленные в густом и темном бору.

«Азия глубокая» давала знать о себе на каждом шагу в Семипалатинске. Начиная с 1851 года в гербе города красовался золотой верблюд, осененный полумесяцем и пятиугольной серебряной звездой. Если бы он ожил, он смог бы шагать отсюда и на Алтай, и в Кобдо, к подножию Тарбагатая, в Копал и Кульджу, в Коканд и Ташкент.

Здесь сохранились следы древних связей края с Востоком. Неподалеку от крепости, где содержался в заключении Достоевский, были развалины знаменитых Семи палат. На крутом берегу когда-то стояли здания из глинистого сланца. Изображения драконов, птиц и цветов еще недавно украшали изнутри стены этих палат. Среди руин, затерянных в семипалатинских степях, не раз находили листы с восточными письменами.

Лет за десять до появления Достоевского в казарме линейного батальона исследованием истории торговых и иных связей Семипалатинска с Китаем занимался Григорий Карелин. Кончилось это для путешественника очень печально. Он навлек на себя гнев предшественника Гасфорта, западносибирского генерал-губернатора П. Д. Горчакова, недовольного тем, что Г. С. Карелин якобы «обнадеживал торговцев выхлопотать понижение пошлин на чай». За это исследователь был выслан из Семипалатинска.

Удалив беспокойного Карелина, генерал-губернатор

вскоре с распростертыми объятиями встретил англичанина Томаса Уильяма Аткинсона, по-своему тоже изучавшего связи Степного края с «Азией глубокой».

После Карелина и Аткинсона по песчаным улицам Семипалатинска ходил Егор Ковалевский, один из творцов Кульджинского трактата 1851 года, успевший к тому времени побывать в хивинских песках, открыть Николаевскую страну с рекою Невкой в самых глубинах Африки и совершить путешествие в Пекин. Подписав вместе с богдыханскими сановниками Бу Ян-таем и И Шанем договор в Кульдже, возвратившись из Восточного Туркестана через поросший елями перевал Уйгентас, Егор Ковалевский уделил внимание Копалу, Аягузу, Семипалатинску как главным вехам на пути из Синьцзяна в Западную Сибирь.

Кульджинский договор ускорил освоение русскими Заилийского края и способствовал упорядочению отношений с казахской Большой ордой и киргизами Тянь-Шаня; через их кочевья проходили караваны в Китай. В Семипалатинске учредили таможенную службу.

Российские консулы Татаринов (Чугучак) и Захаров (Кульджа) получили предписания, обязывавшие их уважать обычаи, нравы и законы Китая, а также внушать русским купцам, чтобы они, находясь в чужой стране, вели себя безукоризненно, стараясь ничем не запятнать честь своей родины. Русским купцам было запрещено ввозить в Кульджу или Чугучак опиум, порох и огнестрельное оружие.

Из Чугучака и Кульджи в Копал и Семипалатинск шли караваны с плиточным и зеленым чаем и бумажным холстом — дабой. Во вьюках лежали чайные плиты разного веса — от семи с половиной фунтов до двух пудов; зеленый чай перевозили в ящиках.

Несмотря на то что богдыханские власти нередко облагали очень высокими пошлинами чай, вывозимый в Россию, вереницы вьючных лошадей и караваны верблюдов шли к воротам Кашгара, Чугучака и Кульджи. В Восточный Туркестан везли товары из Ирбита. Все было хорошо .. Кто же вызвал обострение отношений, приведшее к разгрому русских торговых складов в Чугучаке? Откуда возник этот зловещий ветер, раздувший чугучакское пламя?

Несколько позже, во время посещения Кульджи, ответ на подобные вопросы Чокан мог получить от замеча-

тельного знатока Восточного Туркестана российского консула Ивана Ильича Захарова, жившего там уже больше пяти лет. Захаров говорил, что англичане, угадывая неизбежность развития торговли России с Восточным Туркестаном, стали возить товары из Индии в Яркенд — через Тибет. Это началось почти сразу же после того, как сотник С. М. Абакумов основал укрепление Копал.

В то время когда копальское офицерское собрание еще помещалось в просторной войлочной юрте, в долине Джунке появился Томас Уильям Аткинсон, не испугавшийся ураганного ветра «юйбе»— собрата вихрей Патагонии и мыса Доброй Надежды. Джунгарский ветер, прорывавшийся сквозь ущелье между Тарбагатаем и отрогами Джунгарского Алатау, переворачивал щебень, разбивал лед, выдувал семена растений из земли.

Аткинсон вовсе не зря обрекал себя на скитания по Уралу, Сибири, Степному краю, Джунгарии и Восточному Туркестану. Он внимательно изучал места рудных залежей и другие богатства азиатских степей. За его россказнями о казахском султане Сюке, который будто бы хотел купить у Аткинсона его жену, скрывалось пристальное и неравнодушное внимание к истории похождений Кенесары. Иногда Аткинсон проговаривался, что он сам был причастен к междоусобицам и заговорам.

Всем, кто изучал историю деятельности Григория Карелина, невольно бросается в глаза то обстоятельство, что очень часто пути Томаса Уильяма Аткинсона совпадали с более ранними смелыми путешествиями Карелина и его приемного сына Ивана Кирилова по степям и городам Казахстана.

До сих пор не разгадана тайна смерти Ивана Кирилова в арзамасской гостинице. Он вел в Петербург драгоценный отчет Григория Карелина об исследованиях, проведенных на Бухтарме, Снежном Нарымском хребте, на озере Зайсан, Черном Иртыше, в Аягузе, на берегах Лепсы, изобиловавших в то время тиграми, на снежных венцах Джунгарского Алатау и высотах Тарбагатая, склоны которого поросли гигантскими астрагалами, на каменных россыпях Алтын-Эмеля, где Карелин нашел пудовый золотой самородок.

Отчет Карелина исчез в час смерти его верного спутника в арзамасских нумерах. Городничему Арзамаса впоследствии донесли, что, когда Кирилов лежал в гробу, его зарисовал художник, не пожелавший назвать свое-

го имени и тотчас же исчезнувший из города. Произошло это в 1842 году, а лет пять спустя знатный иноземный путешественник, уже успевший побывать в Нижнем Новгороде и на Урале, сидел в Копале, беседуя о делах Русской Джунгарии с сотником С. М. Абакумовым.

Наглядевшись на плодородные долины Копала и фазаний рай Лепсы, Аткинсон двинулся к китайской границе. Ради избранной им цели Аткинсон не убоялся фаланг Илийской долины, где ему приходилось спать на земле.

Перевалив через Алтын-Эмель, миновав Тургень, преодолев вброд серебряный Хоргос, англичанин вскоре достиг Кульджи с ее глинобитными стенами толщиною в две сажени, защищенными пушками из чугуна, облитого медью. От городских ворот Аткинсон легко нашел дорогу в дом, где заседал цзянцзюнь, маньчжурский сановник.

Подробности пребывания английского гостя в Кульдже остались неизвестными, но вскоре русские власти в Семиречье и Западной Сибири пришли к выводу, что Аткинсон мутил воду Или. Он подстрекал маньчжурских чиновников в Кульдже к противодействию русским.

Об Аткинсоне Чокан Валиханов слышал уже во время своих встреч с Абакумовым, а несколько позже — с И. Ф. Бабковым, который первым раскусил Аткинсона, указав на него как на прямого агента правительства Великобритании.

Забежав несколько вперед, скажем, что Томас Уильям Аткинсон знал некоторых родичей Чокана. Дело в том, что под конец своей жизни Чокан взял себе в жены сестру султана Тезека, предводителя казахов-атбанов Большой орды. Отцом Тезека и Чокановым тестем был султан Сюк, которого англичанин почему-то именовал «Зукой». Это он якобы стремился любой ценой заполучить жену Аткинсона.

Эти и другие небылицы досужего английского путешественника Чокан мог прочесть уже в первом издании книги Аткинсона, одолев все шестьсот страниц его труда, выпущенного в 1858 году в Лондоне. В этом сочинении приведены рисунки господина Аткинсона. Среди них есть виды Джунгарского Алатау и Копала. Но где портрет Сюка работы Аткинсона? Приписывая тянь-шаньскому султану лишь одни разбои, Аткинсон изобразил Сюка с отрубленным носом. По уверениям путешественника, это было возмездием за многие грехи, бывшие на

совести Сюка. Но как бы то ни было, Сюк очень радушно принимал Аткинсона в своем кочевье где-то возле Копала.

От Семипалатинска до Копала было шестьсот тридцать восемь верст. На этом пути находилось одно примечательное русское поселение на реке Аягуз.

В Аягузе располагался приказ, управлявший казахами-найманами. Небольшая крепость, форштадт, татарская слободка с мечетью. В числе его жителей были так называемые чалаказаки. Чокан всегда любопытствовал в отношении их, ибо чалаказаки были выходцы из кокандских и бухарских владений. Они селились среди казахов, обладали равными правами с ними и поэтому заинтересовали Чокана. Более всего чалаказаков было в Большой орде, в Кокпектинском и Аягузском округах. От этих поселенцев можно было получить много сведений о жизни Бухары, Коканда, Ташкента и других городов Средней Азии. Эти новые русские подданные больше всех знали о происках азиатских правителей. Стоило, например, ташкентскому беку Мирзе Ахмету начать сбор девяти тысяч всадников для похода на Верный, как чалаказаки немедленно сообщили об этом в Копал и Семипалатинск.

Очевидно, через чалаказаков генерал-губернатор Г. Х. Гасфорт в 1855 году получил вести о том, что в Бухаре появились английские и турецкие подстрекатели, поощрявшие эмира Насыр-Уллу Богадура к набегам на русские города и укрепления в Азии.

Александр Врангель в своих воспоминаниях о встречах с Ф. М. Достоевским и Чоканом Валихановым обмолвился, что Чокан навестил писателя в Семипалатинске по дороге в Ташкент и Коканд. Если это не ошибка Врангеля, то такая поездка Чокана могла относиться ко времени его путешествия с Гасфортом. Какой-то неясный намек на это есть и в записках Чокана; в одном месте он упоминает о том, что ему приходилось опасаться людей, видевших его до этого в Коканде.

Можно назвать тех, кто мог помогать Чокану в его опасном путешествии в Коканд и Ташкент.

В Ташкенте в то время жил караванбаши Мусабай. Сам Чокан писал, что он хорошо знал бывалого маргеланского купца Наманбая, не раз пересекавшего степи и пустыни, лежащие на пути в Коканд, Ташкент и Бухару. В числе знакомых Валиханова мы находим касимовского

татарина Файзуллу Ногаева — искусного толмача и путешественника по азиатским ханствам, знатока Тянь-Шаня.

Во всяком случае, поездка Чокана Валиханова в Среднюю Азию представляет собою совершенно неизвестную страницу его жизни. Ее полностью могут раскрыть лишь новые находки в наших архивах.

...На казачьих пикетах, стоявших на Копальском тракте, слышался лай собак; огромные псы несли сторожевую службу в этих укреплениях. Между пикетами № 2 и № 4, на берегу реки Аягуз, в лоне выбитых ветром солончаков, одиноко возвышалась островерхая могила Козы-Корпеша и Баян-Слу. Из зарослей белого чия, как цветные ракеты, стремительно поднимались яркие фазаны. Солончаковая область простиралась от Аягуза почти до Копала.

Дорога из Семипалатинска в Копал пересекала Аркатские горы, синие зубцы их были видны издалека путнику, едущему с севера. Возле Аркатских гор стояла заимка Букаша. И Гасфорт и Чокан во время своей поездки должны были обратить внимание на букашевскую усадьбу.

Букаш Аупаев, живший в Семипалатинске, был уроженцем кокандских владений. Он постоянно торговал с Кульджой, имел прочные связи с Восточным Туркестаном. На своей заимке у Арката кокандец занимался земледелием, разводя преимущественно просо. Заимка его была настолько известна, что кто-то из топографов, делая съемку местности, даже определил положение заимки Букаша Аупаева — 49° северной широты и 97°57′ восточной долготы. О такой примечательной личности, как Букаш, упоминал не раз Григорий Карелин.

Надо думать, что заимки Букаша не могли миновать торговые и иные гости из Кашгара. В таком случае в аркатском доме Аупаева, так же как и в его семипалатинских хоромах, в свое время побывал и правитель города Кашгара Хакимбек Зурдун, ездивший из Кашгара в Коканд и Семипалатинск. Из Семипалатинска Хакимбек направился в Петропавловск и Казань. Зурдун изучал русскую торговлю, поощрял казанских и сибирских татар купечествовать в Восточном Туркестане. Побывав в в России, Хакимбек возвел новые кварталы и обновил городские стены в Кашгаре. После знакомства с Букашем Аупаевым Чокан упоминал о Зурдуне.

За Аксу и Абакумовским пикетом надо было подни-

маться на перевал, названный Гасфортовым. Генерал-губернатор не скупился на всевозможные средства самовластного увековечения своего имени.

Копал стоял близ северного склона Джунгарского Алатау. Здесь Чокан впервые увиделся с величайшим знатоком местного края С. М. Абакумовым, помнившим посещение Копала неутомимым Григорием Карелиным.

В Копале была еще жива память о сотнике Тимофее Нюхалове. В 1825 году Нюхалов осмотрел «Терскей-Алатау и высочайший Алатау», откуда «реки текут в Иссык-Куль». Так было сказано в документах 40-х годов. Если бы эти документы получили известность именно в то время, когда этого требовала история, Тимофей Нюхалов был бы признан бессмертным открывателем Тянь-Шаня. Почтенный сотник в те годы совершил восхождение на вершину Ок-петты, где ему удалось найти самоцветы. Его исследования были продолжены Г. С. Карелиным, посылавшим по следу Тимофея Нюхалова людей своей экспедиции. Они подтвердили открытия Нюхалова — одного из первых русских исследователей Небесных гор.

Дорогу из Аягуза и Копала на Чугучак и Кульджу в 40-х годах прошлого века хорошо знал старшина-казах Джаксылык, главный проводник экспедиции Карелина и Кирилова. В Копале накапливались сведения о путешествиях русских купцов в Китай, вплоть до Юньнани. Торговец Пиленков не раз бывал в глубинном Китае, в Кашгарии, проходил казахские степи на пути в Ташкент.

На юге протекала Или, а за ней стояло укрепление Верный. Путь сюда от Копала шел подле западного края Джунгарского Алатау, мимо большого аула на реке Каратал, где жил казах-проводник Булек, участвовавший в основании крепости в долине реки Алматы.

У илийского выселка путники переправлялись на паромах через Или и, пересекая равнину, достигали подножия Заилийского Алатау, где возвышались стены Верненской крепости. Русские из укрепления Верный направлялись все дальше и дальше в глубь Небесных гор. Всего за год до поездки Гасфорта по Семиречью пристав Большой орды подполковник М. Д. Перемышльский и майор Шайтанов перешли северную цепь Заилийского Алатау и достигли реки Чу к северо-западу от Иссык-Куля.

В этом походе находился друг Чокана хорунжий Григорий Потанин, бывший участником преследования немирного султана Таучубека, не раз нападавшего на Вер-

ный по указке Худояра, хана кокандского. Увидев, что второй алматинский султан Дикамбай зажил в мире с русскими, Таучубек в год основания Верного сбежал в долину реки Чу и оттуда время от времени, пробираясь через глубокие ущелья, выходил к Верному. Сыновья Таучубека убивали казаков, работавших на полях, а головы их надевали на высокие шесты. Сотня казаков или рота пехоты с приданными им ракетным станком и горным «единорогом» шли наказывать коварного Таучубека.

Участниками таких военных экспедиций часто были ученые офицеры вроде первых исследователей Заилийского края Василия Обуха или Н. А. Тургенева. Они собирали сведения об Иссык-Куле, дополняя расспросные данные топографа А. Нифантьева, который еще в 1847 году составил подробную карту Иссык-Куля и окрестных гор и написал очерк «Об области дикокаменных киргизов». Этот очерк Чокан мог прочесть в «Записках Русского географического общества». Очень важным было то обстоятельство, что Нифантьев перечислял пути от Иссык-Куля к Кашгару.

Генерал-губернатор Г. Х. Гасфорт был доволен деятельностью Чокана Валиханова, благодарил его в приказе. Во время губернаторской поездки были собраны данные о развитии торговли с Восточным Туркестаном, особенно об укреплении торговли Ирбита с Кульджой.

Возникла мысль об устройстве судоходства на реке Или и Балхаше. Гасфорт сразу после своего путешествия приказал снарядить отряд для исследования Балхаша и Или. Тогда уже знали, что Или вскрывается в марте, ледостав уже начинается в ноябре или декабре. Известно было, что река доступна для судоходства от Балхаша до границы с Китаем.

Даже песчаный перекат близ устья Или и каменный порог за Илийским выселком, где река проходила в ущелье из порфировых скал с начертанными на них буддийскими письменами и изображением Будды, не были препятствием для движения речных кораблей. Топливом для пароходов мог служить саксаул, которым изобиловала область Балхаша, или каменный уголь, залегавший по притокам реки Или.

Полезные предложения Чокана Валиханова и других знатоков Степного края тонули в самочинных и сумбурных предначертаниях Густава Христиановича Гасфорта. Он был притчей во языцех — этот обладатель пяти док-

торских дипломов, былой слушатель университетов в Мюнхене, Йене и Дерпте, кавалер орденов Георгия, Анны, Владимира с бантом, знака Железной короны, владелец табакерки, осыпанной бриллиантами, и золотой шпаги с алмазами.

В годы правления Гасфорта широко были известны его проекты устройства «вооруженных гумен» возле Копала, «заградительной горной цепи», бессмысленного усиления крепостных сооружений в Омске.

Однажды Гасфорт потребовал, чтобы жители Обдорска воздвигли в его честь прижизненный памятник. Затем Гасфорт добивался этого же и в Омске. Он сочинил проект введения «высочайше утвержденной религии» в Степном крае.

Если присмотреться внимательно к этой навязчивой идее Гасфорта, можно убедиться в том, что она была не что иное, как извращенная до предела мысль Чокана об отрицательном влиянии мусульманства на казахов, которым эта религия была непонятна и чужда. Чокан, например, не раз вспоминал султана Барака, современника Аблай-хана. Барак, считая себя истым мусульманином, в то же время говорил, что Магомет был, вероятно, разбитным малым!

Мусульманство, навязанное в свое время казахам, сковывало жизненные силы народа, отрицательно сказывалось на творчестве. Чокан мог бы рассказать Гасфорту о внуке Великого Могола Бабура Акбаре. Этот бабурид потратил очень много времени для того, чтобы создать свою, новую веру из составных частей разных религиозных систем. Лавры Великого Могола не давали Гасфорту спокойно спать, и он с упорством, достойным лучшего применения, стал изводить казенную бумагу и гусиные перья, отстаивая придуманную им «Новую религию для киргизов».

Памятник себе Гасфорт соорудил только в Обдорске. Но, возможно, что еще во время поездки с Чоканом в 1855 году генерал-губернатор нарек собственным именем горный перевал близ Арасанских теплых ключей, на дороге из Верного в Аягуз и Семипалатинск. Что же касается Аягуза, то название этого нового города показалось Гасфорту неприличным, и он самовластно попытался переименовать Аягуз, но довести дело до конца, как это с ним часто случалось, не смог.

О Гасфорте приходится вспоминать и говорить потому,

что на долю Чокана Валиханова выпало состоять адъютантом при особе этого самодура, заставлявшего семипалатинцев и копальцев встречать его как царственную особу колокольным звоном. Сергей Дуров первым открыл Чокану глаза на Гасфорта; петрашевец сказал, что генерал-губернатор Западной Сибири и командир отдельного Сибирского корпуса — не только исчадие, но и воплощение всего русского самодержавия, зеркало всех пороков последнего. «Дело вовсе не в Гасфорте, а в системе управления»,— говорил Дуров своему молодому другу, и Чокан вскоре согласился с этими доводами наставника. Гасфорту же Валиханов был удобен как человек, в совершенстве знающий степь, обычаи ее народа, в ряде случаев незаменимый для заимствования у него полезных мыслей, которые генерал-губернатор всегда мог выдать за собственные. После путешествия 1855 года он произвел Чокана в поручики и продолжал оказывать ему покровительство.

Неизвестно, встречал ли Омск колокольным звоном грозного Гасфорта, возвращавшегося из поездки по новому краю. Во всяком случае, у генерал-губернатора зародилась мысль — добиться себе титула графа Заилийского. Одновременно Гасфорт начал трудиться над планом постройки двухэтажного каменного тюремного замка вместо обветшалого Мертвого дома и вынашивать мечту о возведении губернаторского дворца с башней и высокой стеной, которая должна была окружать его.

На плацу, близ церкви Скорбящей божьей матери, по-прежнему свистели шпицрутены и слышались крики людей, которых прогоняли сквозь строй.

В Омске Чокану Валиханову не раз по долгу службы приходилось отводить на гауптвахту подчиненных Гасфорта, навлекших на себя гнев владыки Западной Сибири. Гауптвахта находилась неподалеку от дома Гасфорта и помещалась в надежном каменном здании, где кроме гасфортовского училища была школа азиатских языков, основанная при военно-сиротском отделении.

У дверей гауптвахты стояла охрана во главе с караульным офицером, а под навесом сидели чиновники, коротавшие срок наказания за мирной игрой в шашки. Появление арестанта, влекомого Чоканом под каменные своды, несказанно оживляло игроков. Они отодвигали клетчатые доски, шумно и радостно приветствовали нового товарища по заключению.

Три местных завода, как свидетельствуют историки степного города, были заняты производством сальных свечей для военных и гражданских канцелярий, размещенных в Омске, и праздничных плошек, чадивших на балах чиновной знати.

В маленьком доме, в Мокринском форштадте, где жил Чокан, день ото дня росли ряды книг и увеличивались связки рукописей. Если Валиханову были нужны, к примеру, последние труды В. В. Вельяминова-Зернова — «Исторические известия о киргиз-кайсаках», Чокан, не задумываясь, выписывал оттиски «Оренбургских губернских ведомостей», где были напечатаны работы этого историка, писавшего в те годы и о Кокандском ханстве.

Судя по дошедшим до нас остаткам архива Чокана, молодой ученый уже тогда знал и труды бурята Доржи Банзарова, и исследования финна Кастрена, посвятившего свою короткую, но благородную жизнь изучению народов Азиатской России. Юный Чокан обратил внимание на сходство якутской речи с тюркскими языками и успел собрать образцы народного творчества якутов.

В его архиве лежала и рукопись поручика Чижова «Взгляд на Ташкент с начала прошедшего столетия по 1840 год». Мало ли Чижовых на свете? Но человек, написавший это сочинение о Ташкенте, без сомнения, не кто иной, как декабрист Николай Чижов, былой моряк, исследователь Новой Земли, а затем — певец Якутии и ее народа. Он появился в Омске после того, как пробыл около десяти лет в Олекминске, а затем — на Александровском заводе и в Четырнадцатом линейном полку, в Тобольске. Декабрист жил на берегах Оми в 1839—1842 годах. Именно в Омске ему были возвращены офицерские эполеты. Служил он по провиантской части при штабе Сибирского корпуса.

Источники «Взгляда на Ташкент» легко угадываются в архивных накоплениях того времени, например, в бумагах «Пограничного управления сибирских киргизов». Управление это, ведавшее делами населения степей, осуществляло также и связи с Бухарой, Кокандом, Ташкентом. Именно с этим учреждением состояли в деловой переписке Чоканова бабка Айханым и его отец султан Чингис Валиев. Составляя записку о Ташкенте, Н. Чижов использовал главным образом данные о путешествии Потанина-отца.

В разное время в Пограничном управлении в Омске

служили декабристы Степан Семенов, Николай Басаргин и петрашевец Сергей Дуров, уже непосредственно связанный прямым знакомством с Чоканом. Все они занимали скромные канцелярские должности, но были крупнейшими знатоками Степного края и городов Средней Азии. Недаром Степан Семенов в 1829 году сопровождал Александра Гумбольдта в его путешествии, когда тот с китайским компасом в кармане ехал на Усть-Каменогорск и Бухтарму.

Во время поездок с Гумбольдтом декабрист Семенов знакомил творца «Космоса» с купцами из Средней Азии, вожатыми караванов и знатоками восточных наречий. Гумбольдт был немало удивлен, когда в Омске услышал обращенные к нему приветствия на маньчжурском, монгольском, татарском и других языках. Значит, недаром ели казенную кашу питомцы сиротского отделения — солдатские и казачьи дети, юные татары и казахи, жившие под тяжелой кровлей крепостной гауптвахты! В Омске знатный путешественник посетил и Войсковое казачье училище — тот самый дом, где впоследствии учились Чокан и Григорий Потанин.

Через двадцать семь лет после того, как Гумбольдт перешагнул гулкий каменный порог Войскового училища, Чокан услышал живой рассказ о встрече со знаменитым ученым из уст своего нового знакомого.

СОБЕСЕДНИК ГУМБОЛЬДТА

Однажды в Омске, в доме Карла Казимировича Гутковского, стоявшем в том же Мокринском форштадте, неподалеку от жилища Чокана, появился статный, с военной выправкой, черноволосый человек лет тридцати.

Учился он когда-то в школе гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров, но ни юнкера, ни прапорщика из него не получилось.

Гость Гутковских говорил о ботанике, об альпийских ледниках, вулканических явлениях. Ради изучения последних он, по его словам, прожил несколько месяцев у подножия Везувия. Он объехал Италию, Швейцарию, Германию. Не раз виделся с Александром Гумбольдтом и Карлом Риттером.

Маленький, сухой, старчески согбенный Гумбольдт,

державший голову на одну сторону, с увлечением беседовал с молодым гостем из России.

Возможно, что великий естествоиспытатель вспоминал свой путь по Бухтарме на сосновом плоту и справлялся о судьбе декабриста С. Семенова. Ведь по возвращении из сибирского путешествия Гумбольдт, представляясь Николаю I, восхищенно заметил, что на самых далеких окраинах необъятной Российской империи встречаются поистине образованные люди. Гумбольдт имел в виду своего недавнего спутника-декабриста. Разгневанный царь приказал выслать Степана Семенова из Омска в Туринск. Лишь через восемь лет туринскому узнику удалось возвратиться в Омск, где С. Семенов вскоре получил место в «Пограничном управлении сибирских киргизов».

С. Семенов давал советы путешественникам, посещавшим Омск, например А. И. Шренку, останавливавшемуся там в 1842 году на пути к Балхашу и Семиречью, в годы, когда он исследовал Приишимье, горы Алатау и достигал Сарысу и Чу. Он не мог миновать дома или летнего кочевья султанши Айханым и Чингиса Валиева, так как А. И. Шренк проходил по землям Средней орды.

Человек, беседовавший с Гумбольдтом в Берлине, был однофамильцем декабриста Семенова, и это обстоятельство должно было оживить воспоминания великого старца и вызвать в его памяти картины иртышского приволья и алтайских теснин.

Гумбольдт, начиная с 1843 года, собирал расспросные сведения о Тянь-Шане; они дополняли известные ему китайские источники и шли прежде всего из России.

Гумбольдта всегда занимали вопросы, связанные с вулканизмом Центральной Азии. Он полагал, что вулканы расположены возле Кульджи, Урумчи, Турфана, Кучи, у Иссык-Куля.

Один татарский купец в свое время говорил Гумбольдту, что алакульская остров-сопка Арал-тюбе есть не что иное, как вулкан.

В существование огнедышащих гор в Тянь-Шане многие из путешественников уверовали настолько, что Аткинсон, когда он шел со стороны Баркуля, вообразил, что собственными глазами видит гумбольдтовский вулкан Бэйшань, заслонивший своей темной громадой небосклон.

С вулканами Тянь-Шаня дело обстояло не так-то просто. О дымно-пламенных горах писали не только древние

китайские историки, но и Абель Ремюза, Генрих Юлиус Клапрот и наш русский — величайший знаток Китая отец Иакинф.

Генриху Юлиусу Клапроту довелось побывать на Иртыше — от Омска до Усть-Каменогорска — лет на пятнадцать ранее Гумбольдта и слышать рассказы о путешествиях в сторону Тянь-Шаня.

От семипалатинских бывалых татар исходили вести о подземном огне, пробивающемся сквозь черные обуглившиеся горы. Говорили, что в Илийской долине тоже есть увенчанные пламенем холмы и, когда они горят, окрестности наполняются запахом серы. Сумрачные вершины, вздымавшиеся к югу от озера Чатыркёль, считались потухшими вулканами.

Петр Семенов, так звали гостя Александра Гумбольдта, поделился с ученым своей заветной мечтой о походе в Тянь-Шань.

Тогда Гумбольдт сказал, что он не умрет до тех пор, пока на его письменный стол не ляжет осколок, отломленный от одной из скал Небесных гор!

Семенов узнал, что Гумбольдт оказывает просвещенное покровительство важному предприятию. Король прусский вскоре послал в Индию двух братьев — Адольфа и Германа Шлагинтвейтов,— с тем чтобы они проникли оттуда в Кашгарию, а затем во владения Худояра, хана кокандского, и закончили свое невиданное путешествие в России.

Вскоре Семенов познакомился с обоими братьями. К русскому ученому тогда пришел также и молодой студент родом из Силезии, какой-то Ритгофен, имя это в те поры никому ничего не говорило. Поглаживая бородку, он советовался с Семеновым, как проникнуть в Кашгар со стороны Срединного Китая.

Карл Риттер, творец «Землеведения Азии», высокий и широкоплечий человек, встретил Петра Семенова особенно приветливо. Семенов переводил первый том огромного риттеровского труда, дополняя его обширными примечаниями, составлявшими добрую половину всей книги.

С Карлом Риттером можно было говорить о походе Потанина-отца в Кокандское ханство, о путешествиях алтайских горных офицеров Тимофея Бурнашева и Михаила Поспелова в Бухару и Ташкент.

Карл Риттер был тоже пламенным сторонником теории вулканизма Тянь-Шаня. Еще в 1817 году он напе-

чатал собранные им сведения о «горящих горах» глубинной Азии и поверил в них.

Петр Семенов беседовал с Карлом Риттером о загадочном синем Иссык-Куле — зыбкой могиле затонувших городов. Риттер водил старческим морщинистым пальцем по карте, отыскивая изгибы реки Чу.

Семенов, как и Риттер, придавал большое значение местоположению Иссык-Куля. Он считал, что озеро находится на одинаковом расстоянии от Черного и Желтого морей, Бенгальского залива и Обской губы.

Ко времени встречи Семенова с Гумбольдтом и Риттером кроме карты Нифантьева была создана карта Иссык-Куля, выполненная русским переводчиком Риттера, замечательным ориенталистом Яковом Ханыковым, включившим в «окрестности» озера все Кокандское ханство, северо-запад бухарских владений, часть «Киргизской степи».

Чокан с жадностью слушал рассказы Семенова о его собеседованиях с величайшими географами Западной Европы.

Уважая Гумбольдта и Риттера, отдавая должное их знаниям, Петр Семенов с сыновней почтительностью спорил с патриархами географической науки.

Он дерзнул оспорить непререкаемое мнение Александра Гумбольдта об огнедышащих горах Внутренней Азии. Это не вулканы, говорил Семенов, а очаги пламени от самовозгоревшихся газов или тлеющих в земных глубинах пластов каменного угля.

Семенов возражал Гумбольдту и тогда, когда тот говорил, что Каспийская котловина представляет собою огромную вулканическую впадину, похожую на лунный кратер. Нет, твердо отвечал русский ученый, Каспийская впадина создавалась медленно, когда поднятие, длившееся веками, иссушило морские воды, связывавшие Каспий с океаном.

Воспитанник школы кавалерийских юнкеров имел свой взгляд и на строение и истинную высоту плоскогорья Гоби, которую, без всяких на то оснований, увеличили в два раза. Семенов опровергал Риттера, убежденного в существовании исполинских высот, окаймляющих юго-восточный край Монголии. Одной из этих гор придали необыкновенную высоту в пятнадцать тысяч футов, потому что ученые на слово поверили иезуитам XVII века, со-

стоявшим на службе у богдыхана и возглавлявшим космографические исследования.

Гумбольдт недоверчиво хмурился, слушая Семенова, но не располагал данными для опровержения того, что говорил молодой ученый.

Петру Семенову нелегко давалось установление истины. Он терпеливо сопоставлял старинные источники, прибегая к помощи известного знатока Китая, профессора Василия Павловича Васильева, возвратившегося из Пекина в 1851 году. Васильев много потрудился в тиши библиотеки Русской миссии в пекинском подворье Бэйгуань, где хранились драгоценные рукописи по древней географии Китая. Изучение их привело к отрицанию существования на юго-востоке Монголии невероятных по высоте гор, покрытых вечным снегом.

Петр Семенов сомневался в пророчествах Гумбольдта, когда тот предрекал открытие огромных ледников в Тянь-Шане. Гумбольдт ссылался на данные китайских ученых. Семенов опирался на сведения об исключительно сухом климате, знойных ветрах Средней Азии, которые не могли, как он думал, содействовать развитию заоблачных ледниковых полей. Будущее показало, кто был прав.

Четверть века Гумбольдт размышлял над тем, как выглядит поверхность Центральной Азии. Она была для него каким-то подобием исполинских клеток, слагавшихся из высоких, продольных и поперечных горных хребтов, расположенных в строгом порядке, как линии на шахматной доске. В этих каменных клетках и размещались загадочные, окутанные дымом «огненные колодцы».

За широким письменным столом Гумбольдт наметил направление меридионального хребта Болор, будто бы замыкавшего нагорную Азию с запада.

— Существует ли Болор?— задавал себе вопрос Петр Семенов.

Он сказал Гумбольдту о своем решении проникнуть в Тянь-Шань со стороны Семипалатинска и Копала и в самом сердце Небесных гор решить все те загадки, которые волновали ученых в тиши их библиотек и кабинетов.

Семипалатинск! Гумбольдту стоило лишь протянуть руку к бумагам, лежащим на его столе, чтобы среди них отыскать пакет с почтовым штемпелем «Семипалатинск» и пометкой, сделанной рукой семипалатинского почтмей-

стера. Связи Гумбольдта с Прииртышьем не прерывались и в 50-х годах.

Разговоры о Копале вызывали в памяти Гумбольдта дошедшие до него рассказы о неистовых юго-восточных ветрах — «юйбэ», налетающих со стороны Джунгарских ворот, о путях к заветному Алакулю, где одиноко высится остров-гора, которую не раз видели караванбаши из семипалатинского Менового двора.

В доме Гутковских приезжий из Петербурга говорил и о том, что он прослушал лекции В. Шотта по китайскому языку и истории Китая. Внимание Шотта привлекали и киргизы Тянь-Шаня, «буруты», как назывались они в китайских источниках. Ученые того времени путали казахов с собственно киргизами, и Шотту в 1854 году еще не суждено было написать труд «О настоящих киргизах».

Чокан, как завороженный, слушал этого необыкновенного человека, обрекающего себя на скитания в Небесных горах. При свете оплывающих свечей поручик Валиханов жадно читал рукопись риттеровского «Земледения Азии» в переводе Семенова, пополняя свои знания о хуннах, уйгурах, дунганах.

Из Омска Петр Семенов выехал в Барнаул.

В ОМСКОМ ОРДОНАНС-ГАУЗЕ

К Чокану пришел его старый товарищ Григорий Потанин, тянувший лямку казачьего хорунжего за сто рублей годового жалованья. Он приехал в Омск с Колывано-Воскресенской линии, из станицы Чарышской, что южнее Барнаула, неподалеку от снежного Королёвского Белка.

До того как отправиться на Алтай, Григорий Потанин побывал в Копале. Там он виделся с сотником С. М. Абакумовым, поручившим молодому хорунжему ехать в Кульджу для доставки запасов серебра российскому консулу Ивану Захарову.

Потанин поднялся на перевал Алтын-Эмель, пошел на Хоргос и вскоре достиг гостеприимного дома Захарова. Жилище его было выстроено китайскими зодчими и находилось вне зубчатых стен Кульджи на берегу Или. Оттуда была видна Кульджинская крепость, большие башенные ворота с железными створами. За крепостны-

ми стенами размещались солдаты императора-маньчжура Сянь-фэна и стояли пушки, на стволах которых были начертаны слова «всеобщее блаженство».

Иван Ильич Захаров возвратился на родину из Пекина в год воцарения Сянь-фэна. До этого он одиннадцать лет жил в южном подворье на улице Дунцзян мисян. Именно там Захаров составил «Описание западных китайских владений», как будто предчувствуя, что он сам вскоре поселится там. Ему были доступны такие источники, как, например, «Дайцин и туичжи»— география династии Цинь, «Сиюй тучжи», или «Описание Западного края», а также огромный географический словарь на шести главных языках Китая, составленный к 1763 году тридцатью шестью сановниками, генералами и знаменитыми учеными Китайской империи.

Потанин был необычайно рад встрече Чокана с Петром Семеновым. Еще бы! Именно в те годы, когда Чокан увлекался изучением истории усуней и хуннов, он увиделся с переводчиком книги Карла Риттера и получил возможность познакомиться со взглядами знаменитого географа на прошлое Центральной Азии.

Потанин с жадностью слушал рассказы Чокана о Гумбольдте и Семенове. Ведь друзья давным-давно вместе читали вслух гумбольдтовскую «Центральную Азию» и очерки его путешествия по степям.

У подножия Тянь-Шаня Григорий Потанин не раз вспоминал о «шишке в Центральной Азии», как он непочтительно называл умозрительный вулкан Гумбольдта, стараясь хоть что-нибудь разузнать о нем от караванбашей, купцов и от таких знатоков китайского землеведения, как кульджинский Иван Захаров, изучавший книги Сюй Суна о его скитаниях по Восточному Туркестану.

Потанин по-хорошему завидовал своему другу. Чокану посчастливилось. Когда они оба покинули стены кадетского корпуса, Потанин попал сначала в семиреченское захолустье, а потом в алтайскую глухомань.

Пока Потанин гонялся за мятежным султаном Таучубеком или отбивал набеги кокандцев, Валиханов в Омске читал столичные журналы. Тиски царской цензуры после Крымской войны были на время разжаты, и в степной город доходило живое слово.

Друзья снова говорили о науке, которой они хотели посвятить жизнь. Потанин показывал Чокану чудесный

гербарий растений горного Алтая, собранный в долине Чарыша, коллекцию шкурок птиц Джунгарского Алатау, разные редкости, привезенные из Верного и Кульджи. Часами молодые ученые просиживали под сводами ордонанс-гауза — здания комендантского управления в Омской крепости, где хранились старинные архивы. Потанин отыскивал бумаги XVIII века со сведениями о караванной торговле с «Джунгарской Бухарией». Перед ним оживали картины прошлого. Барабаны гремели на иртышском берегу, там, где против крепости высился Елизаветинский маяк. Под стенами Елизаветинской защиты ревели верблюды, ржали вьючные лошади, нагруженные тюками с чаем, шелком и ревенем. Так было в середине XVIII столетия.

Григорий Потанин листал голубоватые страницы, делал выписки. Он добился, что его на время причислили к штабу западносибирских войск для просмотра омского архива.

В тяжелых связках хранились драгоценные свидетельства вроде донесения омского генерала Страндмана о том, что Юнус-ходжа прислал гонцов, приглашая к себе русских людей для поисков и разработки золота и серебра из «предъявленной близ Ташкента горы». Здесь можно было найти заметки атамана Григория Волошанина о пашенных местах по Или вплоть до самой Кульджи или данные о путешествии Андрея Путинцева в Кульджу в 1811 году.

Потанин развертывал рукописные карты с четкими надписями, сделанными китайской тушью. На этих картах были показаны пути, начинавшиеся в Омске и уходившие к Зайсану, Черному Иртышу, Тарбагатаю, Чугучаку.

Потанин читал Чокану воспоминания о своем отце, хорунжем Николае Потанине, о его походах. Вот через пустыню Бетпак-Дала шагает индийский слон, подаренный российскому двору кокандским ханом Мадали, и Потанин-отец возглавляет почетный конвой кокандского посольства. Вот старый Потанин переправляется на камышовом плоту через реку Чу, делает глазомерную съемку пройденного пути. Хорунжий Потанин когда-то рассказывал сыну о стадах куланов, проносящихся в тучах лессовой пыли. Григорий Потанин в омском архиве нашел сведения о границах распространения куланов в Степном крае, причем оказалось, что в XVIII веке эти

животные в изобилии водились неподалеку от станиц на Горькой и Иртышской крепостных линиях.

Из своего скудного жалованья Г. Потанин ухитрялся выкраивать деньги на приобретение изданий Русского географического общества. У счастливца Чокана книжные полки были заставлены годовыми комплектами «Вестника» Общества; некоторые из этих томов были настоящей энциклопедией Средней Азии. Страницы журналов за 1851 год, заложенные засушенными цветами желтой альпийской розы, содержали описания замечательных путешествий.

Кто из исследователей не знает того благородного волнения, которое охватывает искателя при виде счастливых находок? Иногда строки примечаний, набранные мелкими буквами, бывают дороже многотомных сочинений! Чокан и Потанин с жадностью читали примечания ориенталиста Якова Ханыкова к путешествию Бурнашева и Поспелова в Ташкент, сообщения П. И. Небельсина о путях из Ташкента в Кашгар, сведения о «дикокаменных киргизах», собранные штабом корпуса сибирских войск, выдержки из путевых записок А. И. Шренка, Федорова, знаменитое «Описание Аральского моря» А. И. Макшеева.

На одной из страниц «Вестника» остался след от ногтя Чокана; он подчеркнул в рассказе неизвестного русского приказчика следующие слова:

«А для русского купца Ташкент важная страна, и в Кошкар и в Бухару почти что рукой подать. В Кошкар из Кокана каждую неделю ходят караваны и везут на потребу неизвестных нам стран русские товары: сукно, цветной плис, коленкоры, миткаль, железо, чугун...»

Неизвестный приказчик описывал дорогу через степи Акмолинского приказа и пустыню Бетпак-Дала, долину Чу и горы Каратау к Ташкенту. Путь на Кашгар лежал оттуда через Коканд, Маргелан и Ош. Со стороны Коканда когда-то прошел в Кашгар и Яркенд былой бухарский невольник Филипп Ефремов, преодолевший головокружительные «косогоры» Тянь-Шаня. На кашгарских рынках он встретил татарских купцов из России.

В 50-х годах прошлого века, как выяснилось вскоре после этого путешествия, в Кашгар ходил с торговым караваном кокандский пленник, сибирский казак Максимов. Перебежав к русским во время битвы при броде Карауткуль на Чу, он рассказал о Кашгарском кара-

ван-сарае в Ташкенте, о Чюрчют-сарае, где собирались китайские купцы. Однажды кокандцы снарядили караван из пятисот верблюдов, навьюченных разными товарами, и заставили Максимова ехать с ними в далекий Кашгар. Описывая торговлю в Алтышаре, Максимов обмолвился, что туда в большом количестве идут грузы маральих рогов из киргизской «Дикокаменной орды».

ОТ ПИКЕТА К ПИКЕТУ

Вскоре Чокану посчастливилось побывать на Иссык-Куле. 18 апреля 1856 года он выехал из Семипалатинска, города золотого верблюда, на Аягуз. Над солончаками уже кружились жаворонки. Там, где в ложбинах еще сохранялись весенние воды, были видны утки — турпаны, оперение которых Петр Семенов сравнивал с нарядом райских птиц.

Чокан, изучавший ботанику под руководством Дурова и Потанина, составлял список растений, попадавшихся ему в пути. Их было здесь немного. Дикий укроп, одуванчик, караган и таволожник покрывали степи, через которые проходил извилистый Аягузский тракт.

По мере приближения к Аягузу соленая степная гладь сменялась холмами. Холмы переходили в зубчатые Аркатские горы из белого и красноватого гранита, включавшего черную слюду, высившиеся к западу от русского пикета. Здесь было горное озеро, обрамленное гранитными скалами, а на привольных берегах реки Ащису располагались кочевья и зимние жилища казахов из родов Уак и Найман.

Чокан, к своему удивлению, встретил в Аркате юрты среднеазиатских «сартов», как называли тогда торговых узбеков. Узбекских юрт было не менее сотни. На расспросы Чокана узбеки ответили, что свои скитания по Аркату их отцы начали лет семьдесят назад, следовательно, около 1786 года.

Произошло это так.

Узбеки, прижившиеся возле Менового двора в Семипалатинске, завели там торговлю азиатскими товарами. Для снаряжения караванов они приобрели собственных лошадей и верблюдов, считая, что это гораздо выгоднее, чем ежегодный наем вьючного скота у казахов. Верблюдов и коней надо было где-то пасти, и узбеки решили

взять во временное пользование земли казахов Арката, купили себе войлочные юрты и превратились в кочевников. Вскоре в Аркатских горах появилось около ста пятидесяти новых узбекских юрт. Когда все это дошло до Густава Гасфорта, он встревожился, вообразив, что кочевые узбеки смогут укрывать у себя беглых колодников и контрабандистов. Генерал-губернатор приказал узбекам или оставить привольный Аркат, или записываться в российские мещане. Наманганские и маргеланские старшины не знали, как поступить. Им было жаль расстаться с их второй родиной.

Апрельской ночью Чокан вступил в Аягуз и лишь утром увидел, насколько мал и невзрачен этот степной городок с небольшой крепостью, полевой батареей и казармами для казаков и пехотинцев. Чиновники Окружного приказа коротали здесь время за картами или распивали пятирублевое шампанское.

Отряд, с которым следовал Чокан, пошел из Аягуза к протоке реки того же названия, переправился через нее и углубился в каменистые холмы. Там стоял первый пикет Копальского тракта. Долина реки Аягуз уже зеленела, на карагане и таволге появились листья. Чокан смотрел на левый высокий берег реки и вспоминал, что здесь родилась прекрасная легенда о любви Баян-Слу и отважного Козы-Корпеша. До их могилы было рукой подать! Чокан спросил ямщика, когда он рассчитывает быть возле Кызыл-Кийского пикета, и получил ответ, что мимо пикета они проедут глубокой ночью. Тогда путник приказал вознице не спешить и ехать так, чтобы с первыми звуками песни жаворонка, с уходящими на север ночными тучами поравняться с усыпальницей героев неувядаемого сказания.

«Человек предполагает, но бог располагает,— записывал в свой дневник Чокан, сидя на Жуз-Агачском пикете.— Всю ночь крупные капли дождя стучали по зонту тарантаса. Истомленные лошади, скользя по грязи, перебирались шажком. Только усиленное хлопанье бича, фырканье усталых коней и отчаянные крики ямщика нарушали однообразный бой дождя... Я несколько раз обращался к ямщику с вопросом: «Ну что, не разъяснело?» Ямщик, промокший до костей, брюзгливо отвечал: «Нету»— и потом, в виде обращения к судьбе, прибавлял: «Эка погода! Бр...»— и стряхивал набравшуюся на колени воду. Жаль мне было ямщи-

ка — если б ехали скоро, он давно бы отдыхал на теплой печке. Жаль было и памяти прекрасной Баян.

Так мы ехали час.

— Ваше благородие,— отнесся ямщик,— вот и могила!

Я высунул голову. Солнце тускло выходило из-за густых туч, все небо было покрыто сплошной массой грязно-матовых облаков, дождь шел, как прежде, замылившиеся лошади едва тащились по грязному солончаку, направо за рекой виднелся через верхи тополей остроконечный шпиц могилы...

— Кажись, и река в разливе, ваше благородие; не переедете,— заметил ямщик, как бы угадав мою тайную мысль.

— Ну поезжай вперед, посмотрим в обратный путь,— сказал я и, завернувшись в шубу, повернулся на правый бок и закрыл глаза, чтобы уснуть».

Эти заметки Чокана напоминают лучшие образцы русской прозы XIX столетия. В то время, когда Чокан писал их, ему было всего двадцать с небольшим лет. Не надо забывать, что слова русского языка он стал произносить впервые лишь девять лет назад.

Жуз-Агачский пикет, где останавливался Чокан, был узлом караванных дорог, идущих от Троицка, Петропавловска и Семипалатинска. Всего за пять лет до приезда Чокана в Жуз-Агаче побывал неутомимый странствователь по земному шару Егор Ковалевский. Он обратил внимание на возможность создать водный путь по Балхашу, Аягузу, Или и ее притокам, улучшить связь с урочищем Алматы. Ковалевский говорил, что каменный уголь из Восточного Туркестана можно с выгодою перевозить в Семиречье водой. Он настаивал на превращении в колесную удобную дорогу всего пути из Алатауского округа до Чугучака и городов Илийского края. Для этого путешественник предлагал устроить переправы через Аягуз и Лепсу, чтобы обойти страшную гору на дороге в Копал. Между Копалом и Джунгарским Алатау Ковалевский советовал возвести мосты над руслами рек Каратал и Коксу, а главным проходом в Джунгарский Алатау считать перевал Уйгентас.

Чокан испытал на себе все неудобства пути вдоль Лепсы по солончаковой грязи, залитой весенними водами. Приходилось выбирать кружную дорогу, но все по той же размокшей, соленой степи, белой от кустов чия.

Теперь неподалеку от восточного края Балхаша путнику открывался хребет Арганаты, где в горных складках прятался Арганатинский пикет. Подходы к горам были так покрыты зарослями ревеня, что вся поверхность издали казалась багряной. Здесь, в области желтых тюльпанов, не было кормовых трав. Напрасно Чокан искал взором памятники прошлого — курганы и каменные могилы, следы жизни. Там, где было изобилие трав и много воды, располагались не только многочисленные кочевья, но и усыпальницы целых поколений кочевого народа. Так было на Аягузе и Лепсе, но Арганаты были лишены каменных знаков скорби.

Между Арганатами и Лепсинским пикетом, в низовьях Лепсы, Чокан увидел могилы; им, казалось, не было счета. Он решил, что здесь места сбора многих кочевых родов. Казахи, проводившие лето в горах, уходили на зимовку в камыши Балхаша. Здесь же, у затерянного в холмах озера, кочевники делали остановки для отдыха, длившегося более недели. За озером простирались подвижные пески, где водилось много черепах и змей.

Люди Лепсинского пикета жили тревожно из-за тигров. Незадолго до приезда Чокана полосатый зверь, прокравшийся из речных камышей, напал на часового, бодрствовавшего у ворот укрепления.

Климат здесь был мягким. Снег сходил к февралю, а на страстной неделе казаки и солдаты уже собирали яйца в гнездах диких гусей по камышам Лепсы.

В «Дневнике поездки на Иссык-Куль» у Чокана есть большой пробел. Путешественник почему-то ничего не говорит о дороге, пройденной им от Аксу до Чилика. Он умалчивает о том, какой путь был избран им к Илийской долине, в каком месте отряд переправлялся через Или, и приводит читателя прямо в область, простирающуюся между южным берегом Или и Иссык-Кулем. Так или иначе, страна Семи рек осталась позади, и караван переправился почти через все эти реки, грохочущие и сияющие голубоватым живым серебром. По левую руку оставались усыпанные щебнем тропы, исчезавшие в глубине гор, за которыми лежала Джунгария.

Возможно, что Чокан не коснулся Гасфортова перевала, Арасана и Копала, а обошел их с востока. Арасанскую каменную чашу и исполинские курганы Копала Чокан увидел на обратном пути, когда возвращался с Иссык-Куля.

Чокан описал в своем дневнике глубокую реку Лепсу, проносящую свои воды между берегов, поросших тополями, тальником и жимолостью. Между Лепсой и Аксу струился Баскан. Где-то в его верховьях, среди базальтовых скал, в нагромождениях яшмы и порфира находилась Разбойничья пещера: в ней, по преданию, всего каких-нибудь десять лет назад скрывался Кенесары. К нему через темные пади Тарбагатая шли беглые китайские каторжники с клеймами на щеках.

От Аксу уже были видны снежные венцы Джунгарского Алатау, а у их подножия, как трава под стволами столетних дубов, располагались горы Кейсык-ауз.

Тарантас мчал путника по ровной и твердой степи; на ней виднелись казахские юрты и стояли темные надгробья. Свет утреннего солнца падал на эти могилы, пронзал облака пыли, поднятые табунами вольных скакунов, летевших в сторону взошедшего солнца.

Пятнадцатого мая 1856 года Чокан, вынув из тарантаса дорожный погребец и напившись чаю, перед тем как отойти ко сну, написал целый очерк о притоке Или — реке Чилик. Чокан подсчитал, что в рождении Чилика участвует по меньшей мере пятнадцать кипучих речек Джунгарского Алатау. При описании течения Чилика путешественник впервые привел название «асу́», о котором впоследствии он вспоминал не раз. «Асу» — проход, образованный течением реки, прорывающейся через горы. Такие «верховые асу», доступные лишь всаднику с конем, проходили по Чилику.

Верблюжий караван еще мог пройти через Курменты, да и то лишь в июле или августе. Верховья Чилика были известны как отличные места для зимовок — сначала киргизов-сарыбагишей, а затем казахов-атбанов. Какой-то тянь-шаньский киргиз, новый знакомый Чокана, уверял, что там есть никогда не замерзающие родники, в них круглый год живут лягушки величиной в человеческую ладонь, с белой кожей. О белых лягушках урочища Бакалы рассказывали также и казахи, бывавшие в тех местах. На верхнем Чилике никогда не бывало жестоких зим, не выпадало обильных и глубоких снегов, там не слыхали о буранах. Это подтверждали восьмидесятилетние старцы, на памяти которых не было сильных холодов. Здесь пламенел дикий мак — кизгалдак, зеленели кусты барбариса.

Чокан приводил список растений Чилика, указывал на границы леса Бау-Агач, тяготевшего к месту впадения Чилика в Или.

У края влажного лога Корам Чокану удалось открыть следы старого джунгарского укрепления, разрушенного Чокановым прадедом Аблаем. Потомок грозного хана, осмотрев развалины, поднял из земного праха обломки глиняных сосудов. На берегу Чилика высились остатки большого кургана. Киргизы-сарыбагиши рассказали Чокану, что их манап, Урман-батыр, победитель Кенесары, когда-то кочевал здесь и его люди, тревожившие вековой курган, находили в нем кораллы, жемчуг и цветные бусины.

Старшие в отряде, с которыми следовал Чокан, советовались с проводниками — какой путь с Чилика на Иссык-Куль лучше всего избрать. Были две дороги — Темерликская и Меркенская, обе они сходились у Каркары и вели к проходу Сан-Таш, доступному для верблюжьих караванов. Последняя дорога проходила через горы Соготы и три речки Мерке и была намного короче первой. Поэтому спутники Чокана избрали меркенский путь. Поскольку его никогда не касались колеса, единственную маленькую горную пушку и телегу, представлявшую весь обоз отряда, было решено навьючить на верблюдов. Двугорбые труженики пустынных дорог понесли на своих хребтах и остальные грузы, в том числе — пожитки Чокана, среди которых находились его научные находки.

Чокан поднимался на горы Соготы. Было холодно и дождливо, но несмотря на это, путник сумел определить местоположение гор Асы и Саускандык и реки Асы. Отряд заночевал на южном склоне Соготы, где сильный ветер раскачивал стволы диких яблонь. Утром открылось плато, склоненное к горам Турайгыр. Северная окраина плоскогорья была покрыта красными пятнами зарослей отцветшего ревеня. «Сторона терскей. Горы Турайгыр...»— записал Чокан в дневнике и тут же дал пояснение: «Терскей есть общенародное имя северного или западного склона гор, кунгей — южного или восточного склона». На «терскее» Турайгыра завесы дождя закрыли от Чокана и его спутников каменный порог прохода («асу») Аир, и было решено там заночевать. Потом вдруг повалил снег, такой, что вскоре все вокруг побелело, как в середине суровой зимы.

Метель шумела за стеной войлочной юрты, Чокан надел волчью шубу и уселся у костра, разложенного посредине кибитки. Он записал предания казахов о Турайгыре. В этих горах когда-то жили джунгары. Казахи изгнали джунгар отсюда и в скором времени нашли на горе гнедого жеребца, видимо ходившего под каким-то джунгаром. С тех пор горы получили название в честь этого коня — Турайгыр. Казахи нарекли всю округу Турайгыра «Благословенной землей»—«Джумугды жер», потому что, по их словам, там почти не бывает снегопадов. В самые лютые зимы турайгырский скот сохранял тучность, ибо он кормился чудодейственными травами.

«В мае месяце привел нас бог застать в этом благом месте снег...»— написал Чокан в своем дневнике. Только через три ярких и солнечных дня согнало снег с благодатной земли Турайгыра, и багряные острова ревеня снова обозначились на волнистой поверхности плоскогорья, примыкающего к горе ветров Соготы. Если бы не дождь и снег, сменявшие друг друга у каменных плеч Турайгыра, поросших величавыми елями, то в тот день Чокан, поднявшись на узкий гребень перевала, с высоты его увидел бы чудесную картину. Как на ладони великана лежала вся Илийская долина, а далеко на юго-востоке виднелась вершина Царя Духов — Хан-Тенгри. Внизу по ущелью Турайгыра проносился Чилик.

Отряд выбрался на «кунгей» Турайгыра, на его южный склон, преодолев заваленный огромными глыбами песчаника проход Аир. Чокану ранее Петра Семенова удалось проникнуть на плоскогорье Жаланаш, совершенно удивительное по своим природным особенностям. Плоскогорье это Чокан называл «перешейком» или даже мысом, соединяющим горы Куулук с основными хребтами. Песок, глина, валуны составляли почву Жаланаша, настолько слабую, что пенные русла ушли на страшную глубину, достигавшую восьмисот футов! Реки мчались по дну крутых ущелий. Отряд достиг Первой Мерке. Здесь пришлось разгребать снег, чтобы поставить юрты для ночлега. Рядом гремел и клубился Чарын. Над скалами кружились орлы-ягнятники, белые, как лебеди, но с черными окончаниями крыльев.

Двадцатое мая было ослепительным высокогорным днем, когда солнечные лучи, отраженные снегом, были нестерпимы для глаз. Снег лежал в лощинах всех трех Мерке, блестел на гололобых валунах. Злосчастную гор-

ную пушку не раз приходилось поднимать и тащить вверх на лямках.

Чокан шел по стране антилоп, горных снегов и желтых крестовидных цветов, от которых тучнел киргизский скот, с жадностью пожиравший эти растения. Извилистый Чарын пробивался сквозь отвесные утесы, увенчанные темными пирамидами елей. Невидимая тропа привела путников к берегу Второй Мерке. Караван перешел вброд через нее и поднялся по косогору.

В долине Третьей Мерке, когда задымились костры привала, Чокан отправился осматривать окрестности. Он бродил вдоль прибрежных зарослей, нашел красноватый кустарник черганак; из его древесины киргизские мастера изготовляли ложа для ружей. Он встретил также желтоцветную розу караган с мелкими листьями, похожую на толстый хвощ кызылку, пепел которой киргизы клали в жевательный табак. Потом Чокан записал в свой дневник разные сведения об этой стране, в том числе данные о горе Куулук, которую он считал колыбелью Чарына; о ней ходили слухи как о вулканической вершине.

По Третьей Мерке, в том месте, где река низвергалась с гор, можно было достичь Иссык-Куля через проход Тобулды-асу. Но отряд, с которым следовал Чокан, пошел на Каркару, оставив Тобулды-асу в стороне от своего пути и углубившись вскоре в сумрачный бор из тянь-шаньских елей, весь заваленный сугробами горного снега. Через некоторое время дорога стала лучше. Мимо логов и ключей, мимо камня Тиек-Таш путешественники добрели до реки Черганакты, рядом с которой лежала круглая долина Каркара́ с речкой, от которой она и получила свое название.

Во время стоянки на Каркаре 21 мая 1856 года Чокан набросал целый очерк о тех, пока едва уловимых водных звеньях, что составляли в конечном счете реку Чарын. Истоки ее звенели в горах Каркары, затем сливались с горными струями Сарыджаза и ключами, струящимися по солончаковым почвам, текли к горам Куулук, где вновь рожденная река получала впервые название Чарына. Он описал гору Кушмурун. Название это должно было напомнить Чокану о его родине и об одноименной «караульной сопке» возле Семипалатинска. Неподалеку от Кушмуруна, как отметил Чокан, высилась сопка Монасненбоз-тобе. По преданиям, знамени-

тый киргизский богатырь Манас стоял со своим воинством на этой сопке во время войны с джунгарами. Из самого же горного мыса Кушмуруна истекал теплый ключ.

Чокан определил границы округлой долины Каркара. Рубежи ее составлены были из Кушмуруна, прохода Сан-Таш, хребта Темерлик и других гор и перевалов. Путешественник наметил направление холмистой гряды Тасмаджон, протянувшейся на пространстве от слияния рек Сарыджаза и Кегеня до берега Каркары. У восточного края вереницы этих холмов Чокан открыл источники, заполнявшие водоем, покрытый, как куполом, твердой соляной корой. У склона гор Лобасы находилось соленое озеро Боро-Дабсуннор. Озеро это, как узнал Чокан, соединялось с солончаками Кегеня.

Еще лет тридцать назад, записывал путешественник в свой дневник, в местности от Чилика до Сан-Таша жили калмыки, кочевавшие близ Турайгыра и имевшие зимовки в Куулуке. Калмыцкие пикеты были выдвинуты на Первую Мерке и соленые ключи Каркары. В 1856 году через киргизов-богинцев было известно, что китайские калмыки кочевали по ту сторону гор Лобасы и Кушмурун. Это были представители родов Аргун-Суун и Зурган-Суун. Богинцы рассказали Чокану, что дорога, пролегающая через горы Сумбэ, приведет к ламаистскому монастырю. Что же касается ближних промыслов, то возле Кушмуруна существовали рудники, где ссыльные преступники добывали свинцовую руду.

Отряд пошел по течению Каркары к юго-востоку и остановился на том месте, где обрывается гряда тасминских холмов. Здесь Чокану рассказали, что среди тяньшанских киргизов ходят тревожные слухи. Говорили, что фарманчи, кокандский губернатор Пишпека, пришел в область Иссык-Куля и с 1500 солдатами стоит на урочище Кутемалды, возле поворота реки Чу. Кокандцы будто бы захватили в плен Умбет-Али, сына Урмана — манапа киргизов-сарыбагишей.

Сарыбагиши были данниками кокандского хана, киргизы рода Богу считались подданными богдыхана. Между этими единокровными родами кипела свирепая война.

Урман-батыр, принимавший в свое время участие в умерщвлении Кенесары, пал в битве с богинцами в 1854 году. Три тысячи сарыбагишей и столько же богинцев сошлись в долине реки Курменты, близ северо-

восточного угла Иссык-Куля. Каменные бабы, наполовину зрытые в землю, как бы удивленно смотрели на колыхавшиеся в осеннем небе огромные знамена киргизов. Сарыбагиши стояли возле священной осиновой рощи. Она, как и грубо высеченные из сиенитовых глыб каменные бабы с огромными усами, с чашами в руках, была явным пережитком древности. Поскольку осины росли только здесь, роща Ишан-Ата была предметом суеверного поклонения. На ветвях деревьев висели лоскутья, ленты, пучки волос и другие жертвенные приношения.

Войско богинцев расположилось возле двух ключей Сарыбулак, среди нагромождений камней. Именно здесь и стояли балбалы с чашами в руках, ибо древние ваятели считали наиболее удобным пользоваться местным материалом для своей работы.

Загремели медные трубы, пороховой дым заволок рощу. Богинцы и сарыбагиши пошли друг на друга, столкнулись, и началась страшная битва. Богинский батыр Клыч, сын Бурамбая, умертвил Урмана, но, несмотря на его гибель, сарыбагиши одолели богинцев. Старый Бурамбай схватился за голову. Он потерял все свои владения!

Двадцать четвертого мая 1856 года Чокан впервые встретился с подполковником Бурамбаем Бекмурадовым, главой рода богинцев, человеком, владевшим землями Небесных гор. Ему было уже за семьдесят пять. Он считал себя потомком древних владетелей, каганов Джаза. Город этот принадлежал когда-то народу джикиль, населявшему область красных песчаников близ реки и перевала Заука. Именно здесь находился горный проход в Фергану и Восточный Туркестан. У Бурамбая на Зауке был сад, которым очень гордился потомок джикилей, пашни, мельницы и склады, свои крепостцы.

Вдоль южного берега Иссык-Куля владения богинцев простирались до устья Барскауна, дальше, к западу, кочевали сарыбагиши. Земли, занятые богинцами, доходили до горы Хан-Тенгри и верховьев Сырдарьи. Когда всадники Бурамбая были обращены в бегство, им пришлось уйти к перевалу Сан-Таш. Там Чокан Валиханов увидел Бурамбая. Он был небольшого роста, в халате с четырьмя шнурами-завязками на груди, в узорном тюбетее. Прибыв на Каркару вместе со своими старейшинами, Бурамбай беседовал с русскими людьми. Ви-

димо, уже тогда он понимал, что только покровительство России спасет богинцев от полной гибели. Бурамбай, как пишет Чокан, советовался тогда же и с представителями казахских родов, атбанами и дулатами.

Между тем русский отряд, собрав подводы в окрестных аулах, снялся с привала и направился в сторону прохода Сан-Таш.

Местность к северо-востоку от Каркары показалась Валиханову землей обетованной. Здесь росла необычайная рябина с алой корою, сплошь зеленели широколиственные растения с длинными, как у камыша, стеблями.

Чокан подробно осмотрел знаменитый каменный курган Сан-Таш, высчитал, что окружность его равна тридцати пяти саженям, а высота — трем. Местные жители поведали о Счетном Камне следующее предание. Тимур, или Тамерлан, двинулся на Пекин, чтобы взять живую дань — прекрасную дочь Кан-Чина, императора Китая. Поднявшись на этот перевал, Тамерлан приказал каждому из своих воинов положить один камень на место, которое он указал. Когда Железный Хромец возвращался назад, он заставил людей перекладывать камни. Рядом с первым вырастал новый курган. Количество камней, оставшихся в первой пирамиде, соответствовало числу убитых.

Но все это было лишь старинной занимательной сказкой. Записав ее, Чокан заметил, что Тамерлан никогда не был на Сан-Таше. Замыслив простереть свою беспощадную длань к Китаю, он двинулся туда, но умер в самом начале пути, в знойном городе Отраре. Тут же, в дневнике, Чокан привел более вероятное объяснение истории возникновения каменной груды на берегу горного озера. Было сказание о том, что казахский хан Ишим воздвиг этот памятник в честь победы над джунгарами. То, что Ишим побывал здесь, не подлежало никакому сомнению.

«Во всяком случае, для сооружения сан-ташского кургана нужно было много людей и много труда, и, конечно, он есть памятник, завещающий грядущим дням какой-нибудь знаменательный факт в жизни когонибудь из прошедших здесь народов»,— писал Чокан на странице дневника, где стояла пометка: «25 мая. Ночлег на реке Тюп при проходе Сан-Таш».

В этом месте отряд пробыл три дня, но Чокан не объясняет причин столь длительной стоянки. Он рассказы-

вает, что ездил с ружьем в горы, видел множество серн, но не добыл ни одной. Он слышал воркованье голубей с красновато-темными крыльями, следил за полетом белоголового орла. В этот день он собрал сведения о направлении реки Тубоголты и широком логе, известном под названием Кенсу.

Двадцать шестого мая Чокан сделал открытие, подобное обретению неизвестной страны.

СТРАНА МАНАСА

«26-го числа (мая),— писал Чокан,— был у меня певец дикокаменный киргиз (рчи). Он знает поэму «Манас»... Манас, герой поэмы,— ногаец, вот бесстрашный охотник до сбора жен. Вся его жизнь состоит в драках и в искательстве красавиц. Только нрав его не совсем восточный — он часто ругает своего отца, угоняет у него скот, вообще обращается с ним очень и очень неделикатно. Это странно. Вообще все кочевые народы уважают старость, и аксакалы (белобородые) пользуются у них большим почетом.

В этой поэме сталкиваются на Чу, Ташкенте, Или и озере Иссык-Куль три народа: ногайцы, кайсаки и киргизы. Кажется, сближения их не могло быть, да и приход их на озеро, как говорили они сами, не далее как 70 лет тому назад...

...Странно, что ногайцы замешаны во все предания всех кочевников среднеазиатских. Ногайцы «ташкентские» упоминаются в «Манасе». Джанибек, Асан-Кайгы известны и здесь. Пестрый жеребенок (двух лет) — тай, наделавший столько бед, занимает и киргизов. Будет о ногаях...»

Отрывок этот и есть первое свидетельство самого Чокана о том, когда именно и где он открыл величайшее сказание тянь-шаньских киргизов.

Позднее он определил «Манас» как «энциклопедическое собрание всех киргизских мифов, сказок, преданий, приведенное к одному времени и сгруппированное около одного лица — богатыря Манаса».

«Один эпизод из поэмы «Манас», именно тризна по Кукетай-хане, записан мною со слов киргизского рапсода. Вероятно, это первая киргизская речь, переданная на бумагу»,— замечал Чокан.

Карандаш бежал по бумаге. Стройный юноша с эполетами на плечах внимательно слушал певца кочевого народа, улавливая все оттенки его песни.

У высокорослого Манаса подняты брови
И холодно лицо, кровь черна,
Но тело бело, живот пестрый, хребет синий,
На кого похож храбрый Манас?
Он подобен щетинистому волку!

Чокан узнал о существовании эпоса, продолжающего «Манас», сказок об одноглазом Алпе-людоеде и киргизском Одиссее, скитальце и удальце Батурхане.

Когда Чокан шел вдоль подошвы гор, низменная гряда Тасма оставалась у него с правой руки. Он мысленно пересчитывал множество речек, впадавших в Тюп. Каждая из них, прорезая горные громады, образовывала проходы, «асу».

На пути встретились следы загадочных на первый взгляд сооружений. Поручик Валиханов терпеливо исследовал одно из них и пришел к выводу, что это — могила Карабека, сына Атеке. Карабек был убит Аблаем, прадедом Чокана. Памятником самому Атеке служили проложенная им дорога, извивающаяся по самому краю бездонной пропасти, и ограждавшие ее деревянные перила. Это удивительное сооружение Чокан видел в горном проходе Чаты.

«Если у киргизов есть свое художество, архитектура, то это, нет сомнения, есть архитектура монументальная, архитектура могил»,— записал Чокан.

Он размышлял о том, что здесь жил народ, приглашавший к себе зодчих из соседних стран — людей, умевших изготовлять обожженный кирпич и глазурь. Путешественник сравнивал памятники казахов и киргизов. Казахи обычно старались увековечить того или иного батыра постройкой уступчатой башни, крепостной стены, насыпным курганом.

Недаром и знаменитый монумент Козы-Корпеша считается надгробным сооружением, мавзолеем героя великого сказания. В более близкие времена султаны Большой орды потратили огромные средства для постройки памятника султану Сюку, о котором уже упоминалось выше в связи с рассказом о Томасе Уильяме Аткинсоне.

Чокан из своих наблюдений сделал вывод, что развалины в юго-восточной части казахских степей — это следы былых городов или поселений.

Здесь, у киргизов Тянь-Шаня, было несколько памятников-усыпальниц, по-своему просто великолепных. Между Тюпом и Джиргаланом стояло увенчанное башней и куполом здание, сложенное из серых кирпичей, облитых глазурью. Изразцы эти были привезены откуда-то из Восточного Туркестана и отличались красотой и прочностью. Когда солнце освещало купол, на нем проступали изображения всадника, поднявшего копье, еще одного конника, верблюдов с вьюками. Сказочные деревья, цветы и травы дополняли роспись купола. Пыль покрывала своды восьмиугольной храмины, где лежал прах Ногая, батыра богинцев, умершего лет пятнадцать назад. Он был изображен неведомыми художниками вместе с сыном его Чон-Карачем и остальной родней. Лучшие зодчие, приглашенные из Кашгара, строили этот «храм Ногая», и за работу им было заплачено серебром, скакунами, верблюдами и баранами.

Через некоторое время Чокан имел счастье увидеть Чон-Карача, прижизненно увековечившего себя на фреске мавзолея Ногая. Большой Карач ехал, окруженный телохранителями, вооруженными дубьем и копьями. Он был очень тучен и неповоротлив. От своего отца он унаследовал звание манапа киргизского рода Салмеке.

Чокан ездил к устью реки Тюпа ради того, чтобы обследовать второй памятник, возведенный тоже кашгарским мастером. Это была гробница Сарымши — сына Джантая из рода Атеке. Над ней были возведены две башни, ее прикрывал купол. Внутрь здания вели узорчатые двери. Стены палаты были расписаны восточными узорами. Чокан заметил, что кладка кирпичей производилась без известки и поэтому в стенах были явственно видны просветы.

Зодчий-кашгарец, как говорили, получил от Джантая восемь «девяток», весьма любопытных. Первая девятка состояла из одного раба и восьми лошадей, вторая — из одного верблюда и восьми лошадей, в третью входили конь-бегунец и восемь обычных лошадей, в четвертую — один вол и восемь коров. Состав девяток достаточно красноречиво говорит о плате, полученной искусным строителем из Алтышара.

Два дня стоял отряд в урочище у речки Карабатпак.

Отсюда хорошо были видны два лазоревых залива Иссык-Куля. В один из этих заливов и впадала река Тюп. Мимо каменных истуканов, держащих в руках чаши, мимо усыпальницы сына Джантая Чокан ехал к устью Тюпа. Казаки, засучив штаны с красными лампасами, бросили невод в воды Иссык-Куля. Судя по дневнику Чокана, в нем проснулся рыбак; он обстоятельно пишет о рыбе маринке, которую киргизы называли «кара-балык», о язях, подъязках и чебаках синего озера.

В озерных камышах рыбы было так много, что киргизы на глазах Чокана рубили ее саблями. Казаки в тот же день закинули огромный невод. Улов был богатым. Тюп и берега озера покрыты зарослями черганака, из которого, как уже говорилось, изготовляли ружейные ложа. Киргизы рассказали Чокану, что черганаковые дебри несколько лет назад были так густы, что пройти сквозь них было невозможно. Чокан изучал животный мир Иссык-Куля. На озере водились маленькие черные бакланы, утки, гуси и черная цапля кара-бай.

«В моей юрте убили трех змей. Их много»,— записал Валиханов в своем дневнике.

В первый день июня Чокан, вместе с каким-то Нагибеком, пустился в путь, чтобы отыскать Бурамбая, предводителя рода богинцев. Он, по слухам, находился в своем кочевье на Джиргалане, верстах в тридцати от речки Карабатпак. Чокан перешел вброд Тюп возле самого его устья, где был виден мавзолей сына Джантая. Далее начиналась гряда Тасма, лежащая между Тюпом и Джиргаланом.

В жаркий полдень открылся вид на реку и множество юрт, рассыпанных по ее долине. Киргизские всадники, встреченные на дороге, рассказали, что Бурамбай снялся со стоянки и перешел на новое место.

Путники решили переждать палящий зной и в часы вечерней прохлады, которую казахи называли «салкинчак», продолжать поиски аула Бурамбая. Чокан свернул в ближний аул, где его приветливо встретил Клыч, сын Бурамбая. Он отвел гостям палатку, приказал подать чай с солью, по-калмыцки, и свежий кумыс. Имя Клыч означало «Сабля», но его владелец был известен как искусный мастер копья. Это он метким ударом, направленным прямо в сердце, сразил угрюмого сарыбагишского батыра Урмана в знаменитой битве при Курменты. Урман еще дышал, когда его привезли в юрту

Коджигула, двоюродного дяди беспощадного батыра Клыча. Глаза Урману закрыла его дочь, доводившаяся Клычу невесткой.

Гостеприимный Клыч распорядился, чтобы для Чокана и его спутника был приготовлен обед, но гости спешили. Перед самым их отъездом откинулась войлочная завеса одной из юрт, и оттуда выглянули тянь-шаньские красавицы — молодуха в полосатом халате из крученого бухарского шелка и девица в белой рубахе и в красном колпаке с кистью. Они тут же скрылись за дверью своего убежища. Девица в белой рубахе дала Чокану повод вспомнить слова киргизского певца о румяном женском лице, подобном белому снегу, окропленному алой кровью.

По дороге к следующему аулу Чокан переоделся в изысканный наряд казахского «сала», как назывались щеголи. Уловка эта нужна была ему для того, чтобы население аулов, особенно женщины, не испытывали страха перед приезжими и не бросались в юрты с криками«Урус!» Киргизы, сопровождавшие Чокана, затянули народную песню, а сам он, лихо подбоченившись, натягивая поводья, поднимал на дыбы своего коня.

Его великолепный вид подействовал. Женщины уже без всякого страха выходили навстречу всадникам. Одна из них, видя в гостях правоверных и ревностных мусульман, стала причитать по покойнику. У киргизов вдова обязана была оплакивать мертвеца в течение целого года, исполняя похоронную песню перед всеми проезжими и прохожими единоверцами.

Чокан расспросил женщину и узнал, что муж ее погиб в битве с киргизами-сарыбагишами. Над юртой вдовы развевался зловещий черный флаг. Цвет его указывал на то, что умерший был человеком среднего возраста. О смерти молодого человека извещал бы другой флаг — красный, при кончине старца вывешивали белое полотнище.

«Мы остановились и слушали элегию дикокаменной матроны,— рассказывает Чокан.— Слов мы не могли расслышать».

Один из киргизов прочел несколько погребальных стихов, и по ним исследователь мог определить содержание песни киргизской вопленицы. Она молила бога о своей судьбе, спрашивала мертвеца о том, кто будет теперь шить обувь, с кем теперь ей есть варево из пшена.

Чокан разговорился с киргизами, и они узнали о том,

что сам он — казах и потомок древних ханов. Женщины почтенного возраста в звании «аяч» с состраданием вглядывались в бледное лицо Чокана, лишенное румянца, и ахали по поводу того, что бедный тёрэ очутился в чужедальней стороне. Некому его приголубить, некому даже поискать в его одежде докучливых насекомых, которых он мог развести во время странствий! Чокан улыбался, слушая эти простодушные причитания. Какая-то старушка от всего сердца сунула в руки гостя кумыс в немытой чаше, и Чокан, чтобы не обидеть ее, осушил до дна.

В одном из аулов Чокана встретили словами приветствия «Алдияр». Так приветствовали только султанов, людей белой кости. Несколько киргизов обратились к приезжему с просьбой, которая сильно его озадачила. Чокана просили выгнать бесов из одержимой, отстегав ее ременной нагайкой. Путешественник терпеливо старался выяснить причину безумия. Больной было всего лет пятнадцать от роду. Оказалось, что ее избил муж, расколотил вдребезги зеркало, изорвал платье. Она была единственной дочерью состоятельных родителей, любимица семьи. Выйдя замуж, потеряла свободу, испытала побои и вскоре помешалась. Женщина смотрела на Чокана огромными черными глазами, беспрестанно повторяла имена своих родных: «Джамбек! Чон! Карыджан!» Чокан утешил ее как мог, а мужу строго-настрого запретил издеваться над женщиной.

Бурамбаевский аул пришлось искать очень долго, Чокан и его спутники, блуждая по горам, прошли верст сорок лишних и лишь на закате встретились с пастухом, согласившимся провести Чокана в кочевья Бурамбая. На уровне горных снегов уже светились вечерние огни. Киргизы радостно встретили утомленных всадников, поставили для них отдельную юрту, закололи барана, вскипятили котел с чаем, сдобренным солью.

Вскоре появился сам Бурамбай Бекмурадов. Он начал говорить о своих врагах — сарыбагишах, отнявших у него дорогу в Кашгар, гору Хан-Тенгри и светлые истоки Нарына — Сырдарьи.

После сладкого, глубокого сна Чокан вышел за порог юрты, чтобы осмотреть окрестности аула при урочище Тулпар-Таш. Кибитка стояла на высоком месте, отсюда отлично была видна вся низина. Юрты на ней располагались так, что образовывали замкнутый круг,

внутри круга бродил скот. Киргизки, сидя около своих войлочных жилищ, варили курт — сыр из овечьего молока. Валиханов захотел посмотреть, как живет Бурамбай, но тот почему-то вдруг застеснялся, стал говорить об убожестве своего жилища, разграбленного сарыбагишами. Гость был настойчив, и старый манап внял просьбе Чокана, попросив его лишь немного обождать.

Наконец Валиханов приблизился к «орде» предводителя богинцев. «Уда-коб! Встать!» — крикнул Бурамбай своим приближенным, сидевшим на полу юрты, и Чокан шагнул к почетному месту.

Старшая жена Бурамбая «аяч» Альма сидела на бараньей шкуре, вокруг валялись обрезки конского волоса и клочья шерсти. Супруга князя богинского только что кончила плести аркан. Она ответила на приветствие приезжего.

Обстановка в юрте оставляла желать лучшего. За тростниковой занавеской висели куски войлока и немытые ковши с засохшим на них куртом. Возле самой Альмы возвышалось несколько бурдюков для кумыса. Однако почетное место было застлано дорогим ковром. Около двери блеяли ягнята. На полу юрты валялись обрывки кошмы и кости, над которыми уже потрудились псы. Возле очага стояли чугунные кувшины с водой. «Аяч» разлила кумыс по китайским чашкам, и киргиз-слуга поднес их Чокану и Бурамбаю.

Альма положила за губу чуть ли не горсть жевательного табака.

Чокан, посидев еще немного в убогом жилище Бурамбая, приказал седлать лошадей.

«Цель моей поездки — видеть дикокаменных киргизов — была достигнута», — записал 2 июня Чокан. Он расстался с Бурамбаем, который был очень приветлив и доброжелателен. Он охотно дал молодому ученому сведения о манапах, о киргизских родах, простодушно воображая, что это нужно для представления манапов к наградам белого царя. Старый манап даже порывался подарить Чокану коня и отрез шелковой ткани, но путешественник сказал, что лучшим подарком для него будут воспоминания о дружбе; он их будет всегда хранить в своем сердце.

В одном из аулов произошел забавный случай. Любознательный Чокан, заглянув ненароком в одну из юрт, увидел там молодую киргизку в наряде первых дней

сотворения мира. Оправившись от испуга, киргизская Ева стала бранить дерзкого пришельца самыми последними и обидными словами, в том числе —«сопливым казахом».

В другом ауле приезда Чокана ждали с особым волнением.

Пронесся слух, что в горах пребывает молодой казахский султан. Особенно радостно переживала эту весть одна почтенная старуха, дочь которой вышла замуж за казахского султана-наймана. Киргизы вообразили, что Чокан должен знать эту султаншу. Он прибегнул к «невинной и утешительной лжи», для того чтобы приобрести дружбу этих простых людей. Чокан даже пошел на самозванство и выставил себя родичем этого найманского султана. Весь аул жадно слушал рассказы путешественника о том, как живет их землячка в казахских степях. В юрту, где он сидел, отовсюду сходились женщины — старые и молодые. Лукавый Чокан вдохновенно продолжал свои россказни, на ходу придумывая все новые и новые подробности, вызывая общий восторг у слушателей.

Чокана иногда можно было застать за несколько необычным занятием. Путешественник сидел, поджав ноги, на кошме в отведенной для него юрте и разбирал груду женской одежды. Время от времени он делал заметки карандашом. Вот бережно расстелил, а затем сложил рубаху из белой дабы, расшитую на груди красным шелком. В числе его сокровищ были пестрый халат, белые головные платки, остроконечный фес с маленькой кистью, коралловые нити, продырявленные серебряные монеты и даже привязная коса. Он с гордостью записал в дневнике, что ему удалось собрать полную коллекцию женских нарядов. Ради этого он и пускался на невинный обман, стараясь завоевать благосклонность красавиц «Дикокаменной орды».

Чокан еще раз посетил своего нового приятеля Клыча, сына Бурамбая, обедал у него и лишь 4 июня возвратился на место стоянки отряда при реке Кудурге, снова преодолев вереницу холмов Тасма. Попутно он описал реку Джиргалан, берущую начало из той же горы Сырт, что и Тюп, но только с южного склона. У Джиргалана были быстрое течение и значительная глубина. Эта река даже при выходе своем из горных теснин не имела брода. В Джиргалан с горы Сан-Таш низвергалась

речка Кызыл-Кия, со стороны Алатау текла Тургень-Аксу.

По всей полосе Тасмы, простирающейся между Джиргаланом и Тюпом, можно было видеть следы старинных рвов, валов и арыков. Чокан записал сказание о том, что калмыцкий хан Бака Манджу когда-то проложил длинный арык вдоль всей Тасмы. Проследив протяжение Тасмы, путешественник отметил, что она заканчивается мысом, вдающимся в Иссык-Куль, и название этого мыса — Коке-Холасун.

В эти дни Чокан побывал на недавнем поле битвы богинцев с сарыбагишами, видел каменных баб на Карабатпаке и пережиток шаманизма — священную осиновую рощу Ишан-Ата. Возле нее еще можно было увидеть следы побоища 1854 года.

Запись в дневнике Чокана говорит о том, что 2 июля отряд расположился на отдых. Исследователь собирал сведения о горных проходах к северу от Иссык-Куля. На Или можно было пробраться через Курменты — Дженишке — Кызыл-асу — Тургень. Был еще один проход по Кудурге, но им пользовались исключительно одни барымтачи.

Путь Чокана лежал через три горных ключа, каждый из которых носил название Урюкты. Возле одного из этих ручьев были видны развалины какого-то древнего сооружения. Оно занимало целую квадратную версту и было опоясано тремя рядами стен, причем внутренние стены были гораздо выше внешних. Среди развалин высилось подобие бастиона, другое, более значительное возвышение находилось у юго-восточного края этого городища. Чокан его зарисовал. Здесь было много развалин, очевидно очень древних.

Дальнейшая дорога была чрезвычайно трудна, так как все пространство до Кутемалды было завалено огромными камнями. По нему нельзя было проехать на коне. Чокану даже пришлось вернуться на Первую Урюкты, где он прожил целую неделю.

Любопытно, что в связи с этим и в чокановском дневнике упоминается имя Бейсерке, отделившегося от Чокана и отправившегося на Третью Урюкты. Вероятно, что это тот самый казах-дулат Бейсерке, который годом позже был героем своеобразного судебного разбирательства. Оно протекало под председательством П. Семенова.

Дело заключалось в следующем.

Бейсерке просватал свою дочь за одного казаха-атбана, получил калым, но невеста отказалась от жениха и заявила, что предпочтет умереть, чем выйти замуж. Для разбирательства был созван целый съезд племен дулатов и атбанов с участием пристава Большой орды М. Д. Перемышльского и Петра Семенова, вынесшего приговор в пользу дочери Бейсерке.

В своем дневнике Чокан не объясняет, по какому поводу он встречался с Бейсерке в 1856 году, но, видимо, именно этот спутник Чокана через год предстал перед строгим судьей Петром Семеновым.

Вскоре Чокан решил окончательно покинуть область Иссык-Куля и пересечь Кунгей-Алатау через проход Чаты. Проход был доступен для всадника во все времена года. Чокан знал, что путь через Чаты будет опасным и трудным.

«В качестве туриста я искал приключений»,— оправдывал путешественник свой выбор.

Чокан повернул обратно к месту, где Чаты впадает в Тюп, и исследовал древности, попадавшиеся ему на пути. Так были открыты новые многочисленные холмистые насыпи, каменные четырехугольники, выступающие из земли огромные гранитные глыбы, поставленные рукою человека.

Вход в ущелье Чаты сначала был обширным. Чокан уверенно двинулся по отлогой тропе вдоль реки до впадения в нее первого притока, потом повернул на север, отклонился к северо-востоку и снова к северу. Сиенитовые скалы, темные ели, заросли гималайского ревеня и астрагалов, поросли вереска сопровождали путника до самой границы снегов. На высотах снежный покров был плотен и хорошо держал коней со всадниками. На гребне перевала дул холодный ветер. Было холодно, и Чокану пришлось достать из своих пожитков меховую шубу.

В своем дневнике Чокан в тот день впервые описал огромное синее озеро, оставшееся у него за спиной:

«С высоты открывался вид на озеро Иссык-Куль. Озеро, сияя чистейшим кобальтом, сливалось с сиянием неба и дальним рельефом снежных гор, жаркое знойпалящее солнце бросало на долину кругообразные от облаков тени. Мы же стояли на вершине, где было тепла не более как на шесть или семь градусов...»

Обычная дорога оказалась погребенной под снегом, и всадники ехали напрямик по кряжу, выбирая наиболее удобные места. Копыта лошадей скользили по влажному снегу. Кони то и дело оступались, из-под их копыт срывались камни, с шумом катились вниз, стремились от ложбины к ложбине и падали в глубокие расщелины. Русские казаки брели, ведя коней в поводу, ступая тяжело и размеренно, подвешенные на шнурах пистолеты качались на их широких спинах. Киргизы же, питомцы Небесных гор, спокойно сидели в седлах, бросив поводья, предоставив коням, привыкшим к таким дорогам, свободно выбирать себе путь по страшной крутизне.

Часа полтора продолжался этот трудный переход, пока впереди не обозначилась дорога. Спуск шел по течению реки Чаты. В этом месте она, захватив левый приток и увлекая его за собой, стремительно неслась по ущелью, наполняя своими водами тесный горный проход. Она будто торопилась к еловым лесам и разноцветным скалам. Местами горные скаты так сжимали реку в каменных объятиях, что тропа исчезала под водой и кони шли возле берега. Вода доходила до самых стремян.

Стволы исполинских деревьев лежали поперек быстрого русла, от яра до яра, и Чокану не раз приходилось прижиматься лицом к гриве коня, чтобы проехать под навесом из еловых стволов.

Чокан рассказывает, что во время этого перехода на его пути встретилась огромная древесная колода. Он дал коню шпоры, чтобы взять препятствие, но вздыбленный конь задел подковой дерево и упал. Всадник вылетел из седла, но тут же встал на ноги. Конь рухнул на россыпи щебня и покатился по обрыву, увлекая за собой грохочущие камни. Чокан подошел к краю тридцатисаженного ската и увидел, что конь лежит в реке: из воды выступали лишь голова коня да седло. Все немало удивлялись, когда узнали, что лошадь осталась жива!

Киргизы и казахи изумились смелости и ловкости Чокана, сумевшего встать на ноги после падения со вздыбленного коня.

Придя в себя после этого приключения, Чокан приготовился к новому испытанию: впереди был страшный обрыв с узкой тропой, пролегавшей над самой пропастью. На пути к этому зловещему месту Валиханов разглядывал породы, из которых слагались скалы, и наряду с черным и белым гранитом находил выходы порфира.

Но вот даже бывалые киргизы спешились и пошли вперед — к гранитному утесу, простершемуся подобно навесу над рекой. Тропинка действительно отпечаталась, как кромка, на самом краю навеса. Говорили, что во время перехода батыра Атеке по этой опасной дороге какой-то малолеток упал вниз вместе с лошадью, но зацепился за ветви ели и висел до тех пор, пока его не подняли вверх на аркане. Пучина Чаты была наполнена костями верблюдов и богатствами, содержавшимися во вьюках, которые несли на себе верблюды, оступившиеся на гибельной тропе.

Вереница людей и коней благополучно прошла над пропастью. Дальше находился обрыв, но менее опасный. Миновав его, Чокан достиг верховьев Чилика, где располагались места зимовок казахов-атбанов.

Верхний Чилик был пройден в том месте, где он делал изгиб с запада на север. Чокан поднялся на плоскогорье Жаланаш по крутому склону. На колесах проехать туда было невозможно. Там путешественник нашел пещеру, как бы созданную руками человека.

В этих местах водилось много архаров. Черепа и скелеты их попадались на каждом шагу.

Верный своей привычке, Чокан осматривал просторы, лежавшие перед ним. С плоскогорья был виден Чилик, огибавший Жаланаш на своем пути к северу. Здесь в Чилик впадало несколько приметных рек, в том числе Кольдыбулак и Курменты.

Когда всадники спустились с плоскогорья, перед ними открылась узкая и длинная долина, затянутая дымом очагов. На ней стояли бесчисленные юрты казахов-дулатов. У северного края долины виднелись две отдельные сопки. Поэтому местность эта называлась Аралтюбе. После перехода длиной в восемьдесят верст Чокан остановился для ночлега в юрте султана Али, «мужа зело глупого».

Утром начался подъем в гору через «асу» реки Тургень и путь к берегам реки Иссык, где жили казахи-хлебопашцы. Чокан свидетельствовал, что область Тургеня богата растительностью. Буйные травы были по колено коням и настолько густы, что мешали движению.

В верховьях Талгара были открыты остатки Рустемовского «кургана». Так называли здесь старинное укрепление. Чокан отыскал два входа в «курган» и под-

нялся на насыпную площадь, возвышавшуюся на восемь саженей от земли. Яблони и барбарисовые кусты скрывали три ряда глубоких шестисаженных рвов. В Талгарской долине было много остатков седой старины —«курганов», земляных насыпей, заброшенных пашен.

В один из вечеров вдали показались огни укрепления Верный. Чокан озабоченно собирал сведения о положении дел с сарыбагишами и богинцами. Ему рассказали, что кокандцы действительно пленили сарыбагишского предводителя Умбет-Али и потребовали в качестве выкупа его дочь. Триста сипаев пришли на запад Иссык-Куля ради получения этой живой дани. При появлении кокандцев часть сарыбагишей удалилась на Козы-баши, находившийся всего в двух днях езды от Верного.

В Верном Чокана ожидала встреча с Михаилом Михайловичем Хоментовским. В то время для него был построен один из первых домов будущего города Алатавского округа.

Хоментовский, образованный и обаятельный человек, был приставом Большой орды и начальником нового края. Он перенес в Верный русское укрепленное Заилийское зимовье.

За плечами пристава Большой орды был богатый опыт. Он воевал с Кенесары Касымовым, хорошо знал казахские степи. О Хоментовском рассказывали легенды. Говорили, будто однажды он встретил шайку барымтачей, численно превосходившую русский отряд. Пушек у Хоментовского не было, но он не растерялся и повернул в сторону нападавших... медные самовары из отрядного обоза. Тульская медь заблестела на солнце, и барымтачи подумали, что имеют дело с горными единорогами. Конный строй, с воем устремившийся на отряд Хоментовского, повернул назад!

«Состоящий по армейской кавалерии полковник Хоментовский 1-й» проявлял смелость и решительность. Он не ожидал, что ему будет приказывать генерал-губернатор Гасфорт, а действовал по своему усмотрению, сообразно с обстоятельствами.

В 1856 году, после переселения в Верный, Хоментовский получил большие права. Новое положение в значительной мере содействовало умиротворению казахов Большой и Средней орд, нередко враждовавших между собой.

При всех своих прекрасных качествах Хоментовский страдал недугом, присущим не одному ему. По своей душевной простоте он даже не скрывал своего недостатка. Чудачества его выражались, например, в том, что он зазывал к себе первого попавшегося солдата линейного батальона и всю ночь пил с ним шампанское. Он простодушно гордился тем, что ему доводилось сидеть за рюмкой изюмной водки не только с семипалатинским судьей Пешехоновым или горным офицером Ковригиным, но и с Достоевским, в те годы еще ходившим в куцем солдатском мундире.

Было время, когда Достоевский страшно нуждался в деньгах, и добрейший Хоментовский вместе с Ковригиным выручали писателя из бедственного положения.

Позже, когда Гасфорт постарался избавиться от умного и предприимчивого пристава Большой орды, всегда действовавшего на свой страх и риск, Хоментовский был переведен обер-провиантмейстером во Владимир-на-Клязьме. Там он коротал вечера за бутылкой домашней настойки на владимирской вишне.

Однажды Хоментовский вышел к городской заставе и, волнуясь, долго вглядывался в даль, пока в облаке пыли не разглядел тяжелого сибирского тарантаса. Кони остановились, и герой Верного кинулся обнимать приезжего. Это был Федор Достоевский, возвращавшийся из Семипалатинска.

1856 году в Верном жил Василий Обух, капитан артиллерии, начальник верненских батарей и тоже приятель Федора Достоевского, отважный воин и пытливый ученый. Уже тогда он начал изучение климата Верного и его природных особенностей. Серебряная медаль Русского географического общества была достойной наградой за труды Обуха. Впоследствии он исследовал область Токмака.

Совершив бессмертный подвиг в деле под Узун-Агачем, Василий Обух погиб под Ташкентом. Будущий исследователь должен обратить внимание на замечательную цепь, звеньями которой являются Чокан, Достоевский, Петр Семенов, Хоментовский, Обух.

Но возвратимся к Чокану Валиханову. Он покинул укрепление Верный и направился к Илийскому пикету, пересекая степной простор. Пестрели отцветающие маки. Стебли высокого чия хлестали всадника по сапогам.

Чокан встретил большой караван, направлявшийся в Верный,— около ста верблюдов несли на своих горбах тяжелые вьюки.

К утру путник был на Илийском пикете. Оттуда поехал на Тамгалы-тас. День был необычайно зноен, и Чокан изрядно намучился за время пути. Бурьян, чертополох и дикая рожь росли на безрадостных приилийских песках. Река катила свои желтые от растворенного ила волны.

В мелких и частых сопках возле Чингильдинского пикета следовало быть осмотрительным и держать пистолет под рукой. Здесь проходила излюбленная дорога барымтачей, здесь они часто сидели в засаде, в зарослях колючего синеголовника, со своими секирами в виде полумесяца и фитильными ружьями, заряженными кокандским порохом и свинцом, добытым в горах Каратау.

В Чингильдах путешественник осмотрел древний водопровод и, возможно, взял с собою образец глиняной трубы. Выходит, что Чокан был одним из первых исследователей развалин города Еки-огуз. По свидетельству нашего современника, историка А. Х. Маргулана, Еки-огуз находился на месте теперешнего селения Чингильды. В его книге «Из истории городов и строительного искусства древнего Казахстана» (1950) напечатана фотография «Водопроводные трубы из городища Чингильды (XIII в.) ».

В пяти верстах от Кара-Чекинского пикета, писал Чокан, находилось месторождение камня кулыптас. И хотя Чокан проезжал пикет ночью, он успел расспросить о камне. Ему рассказали о только что найденной разновидности белого и красного кулыптаса. Это свидетельство Чокана нуждается в пояснении.

Кулыптасом или колыбтасом у казахов обычно назывался не просто камень, а уже вытесанный из него четырехгранный столб, все стороны которого были покрыты резными рисунками, изображавшими животных, домашнюю утварь и т. д. Столб этот устанавливался на могиле. Чокан писал, что восковидный камень кулыптас известен в науке под названием агальматолита. Он настолько мягок, что его можно резать ножом. Месторождения агальматолита издревле разрабатывали в Китае. Из кулыптаса изготовляли статуи и различные поделки.

Чокан миновал Куян-Кузский пикет; в соседстве с ним были порфировые горы Аркарлы и остроконечные сопки Май-тюбе. На урочищах Кушен-Тоган высились усыпальницы казахских султанов.

Июньским утром Чокан поднимался по сланцевым кручам Алтын-Эмельского перевала. Алтын-Эмель — название монгольское и означает «Золотое Седло». Вокруг Алтын-Эмеля многие места имели монгольские названия.

Казахи хранили предание о том, что джунгарский хан Тайдзи однажды выехал с ловчим беркутом в верховья Талгара. Беркут издали увидел добычу и рванулся в небо. Пустив беркута, Тайдзи поскакал с ним на волшебном коне Тулпаре. Беркут настиг белого оленя на Цаган-Бугу.

Когда сказочный конь Тулпар перелетал через Или, он коснулся копытами воды. Тайдзи приказал, чтобы отныне реку эту считали священной. Предание гласило, что на верхнем Талгаре тоже видны следы хана-волшебника Тайдзи: там лежат исполинские шахматы, в которые играл этот джунгарский кудесник.

Возле Алтын-Эмеля от встречных всадников Чокан узнал, что Тезек, сын Сюка, султан атбанов Большой орды, поставил свои юрты в долине Крунбель, неподалеку от пикета Терсаккан, где находились летние кочевья казахов — атбанов и джалаиров.

«У Тезека я пробыл пять дней. При мне были у него в ауле три байги и один туй»,— коротко сообщил Чокан в своем дневнике. Он почти ничего не сказал больше о Тезеке. Жаль! Ведь Тезек впоследствии стал шурином Чокана. Это был стройный, высокий человек лет сорока. Некоторые роды, которыми он правил, называли себя общим именем *уйшунь,* а уйшуньские старейшины часто не удерживались от соблазна утверждать, что они происходят от древних ушуней. Что же касается самого Тезека, то он, как правнук Аблай-хана, считал себя чингизидом. Он стойко защищал аулы Большой орды от опустошительных набегов. Всего за каких-нибудь пять лет до приезда Чокана к Тезеку ташкентские хищники угнали двенадцать тысяч казахских семей за реку Чу. Все эти казахи были русскими подданными, ибо Сюк, отец Тезека, принял добровольную присягу на верность великому государству.

Тезек помогал русским путешественникам. В 1851 году он вместе с султаном Адамсатом и Бараком прибыл в Копал для оказания помощи Егору Ковалевскому, ехавшему в Кульджу заключать торговый договор. Тезек со своими джигитами сопровождал караван Ковалевского, когда тот двигался через владения Большой орды к перевалу Уйгентас. Возвратившись из Кульджи, Ковалевский на некоторое время задержался в Джунгарском Алатау только ради того, чтобы изучить положение казахов Семиречья. Он не мог обойтись без советов с Тезеком, когда составлял записку об устройстве Большой орды, полную благородной тревоги за судьбы казахского народа. Егор Ковалевский придавал особое значение борьбе с барымтачами, требуя от русского правительства действенных мер для защиты мирных аулов от разнузданных насильников.

В дальнейшем жизнь показала, с кем был Тезек, и мы еще не раз встретимся с ним на страницах этой книги. Заметим лишь, что он был не чужд поэзии, играл на домбре.

Летом казахи-атбаны переходили через Уйгентас и занимали пастбища до берегов Коксу. Излюбленным местом кочевок была долина Крунбель. Тезек занимался земледелием. Его пашни были раскиданы по плодородным землям урочища Конур-узунь, где на значительной высоте вызревало просо.

Во время поездки к Тезеку путешественник ознакомился с местностью, лежавшей между Коксу и Уйгентасом. Здесь с некоторых горных вершин Восточный Туркестан был виден вплоть до самой Кульджи. Судя по записям в дневнике, Чокан побывал в верховьях Борохудзира, в долине Торе-Саз или просто Саз, где кое-где белели солончаки, но в то же время поднимались густые травы. Чокан видел там, как русские казаки размеренно взмахивали сверкающими на солнце косами, продвигаясь через заросли альпийских растений. Он расспросил о климате в области перевала Уйгентас. Высота перевала, по его мнению, составляла полторы тысячи метров.

Чокану сказали, что близ Уйгентаса и Теректы снега зимою почти не бывает. Зато в долине Коксу снег долго держался, и коксуйские посевы часто вымерзали. Все же этой долине предрекали большое будущее. На реке Кок-

су уже был возведен мост. Близ пикета, стоявшего возле устья угрюмого ущелья, было выбрано место для постройки казачьей станицы.

Неподалеку от Коксу сияли снежные горы Аламан и Куянды. Чокан описал невысокий перевал Агны-Катты на дороге к Коксу и местность Чубар, где повсюду были раскиданы огромные камни так, что не было пути коню.

Через поросший альпийским маком перевал Уйгентас, Джаркент и Хоргос когда-то прошел в Кульджу Егор Ковалевский. Его провожал туда Тезек-терэ.

СЛАВА КОПАЛА

С Коксуйского пикета Чокан двинулся к пикету Джангызагачскому, а затем на Каратал. Путешественник был очень скуп на слова, в чокановском дневнике нет описания дороги до Копала. Он должен был сделать не менее пяти остановок на пикетах, прежде чем, миновав Каратал, с высоты последнего кряжа увидеть плоскогорье Джунке, покрытое нивами, устоявшими против джунгарского ветра. Копальские пашни простирались до самого Биена.

Окружной город Копал стоял на высоте в тысячу метров. Еще недавно его окружали болота, превращенные теперь в выгоны. Как крылатый маяк, высилась мельница, столь необходимая этой семиреченской житнице. Полосатый верстовой столб и высокая мачта с подпорками для подъема флага сторожили въезд в город, раскинувшийся вдоль подгорья. Посредине обширной площади стояла деревянная церковь, увенчанная двумя крестами. В те времена в Копале насчитывалось около семисот обывательских и казенных домов. В казармах размещались пехотинцы линейного батальона, солдаты конной артиллерии, казаки Сибирского войска. На улицах Копала кроме русских можно было встретить казахов Большой орды — дулатов, атбанов, джалаиров, уже десять лет живших под покровительством России.

Абакумова в эти дни не было в Копале. Чокану сказали, что он уехал за Гасфортов перевал в страшное ущелье Кейсык-ауз, где надо было взорвать скалу для прокладки нового участка дороги. Абакумов обозначен в дневнике Чокана одною буквою А., но речь, без сомнения, идет о славном основателе Копала.

Ждал Чокан также приезда какого-то Д. Е., отбывшего из Копала в Верный, но кто это был, неизвестно.

Пока С. М. Абакумов закладывает порох в расщелины порфировой скалы, чтобы поднять ее на воздух, пока Чокан, вынув свой погребец, пьет чай на копальском постоялом дворе, расскажем о том, как русские люди основывали Копал. Это воистину героическая история, достойная вдохновить поэтов...

С тех пор как султан Сюк дал присягу русскому правительству, он не переставал просить о том, чтобы на Каратале был построен город, где был бы размещен Окружной приказ. Он должен защищать казахов от кокандских обид и притеснений, писал Сюк.

Настал 1846 год, и Абакумов, тогда еще сотник, получил приказ следовать в Джунгарский Алатау для постройки там русской крепости.

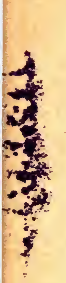
У С. М. Абакумова уже был богатый опыт исследователя. Лет за пять до этого собирал он для Григория Карелина растения, животных и птиц Семиречья. Вероятно, Абакумов сопутствовал Карелину и тогда, когда тот, взяв с собой с Зайсана лодку, первым из русских исследователей проник на загадочный остров Арал-тюбе на Алакуле, овеянный дыханием ураганного ветра «юйбэ». Проводник-казах Джаксылык и толмач Бурков, хорошо знавшие Северное Семиречье, разделяли с Карелиным и Абакумовым все тяготы дальних походов.

Когда Абакумов отправился основывать Копал, у него была лишь сотня казаков и несколько артиллеристов при шести орудиях.

Путь от Аягуза до Копала трудно себе представить! Реку Аягуз не раз приходилось переходить вброд, кроме того, пушки надо было тащить волоком по солончаковой грязи через заросли белого чия и колючие кусты чингила. Далее предстояли трудные переправы через Лепсу, Баскан и Аксу, преодоление гибельного ущелья Кейсыкауз и перевала, за которым лежала долина Джунке.

Повозки и пушки скрежетали на сланцевых скатах, на гранитных лбищах горных громад, когда отряд Абакумова спускался в одну из долин, где вначале решено было основать Копал. Там, на берегу горного потока, был поднят русский флаг. Происходило все это между Копальским гребнем и бешеной горной рекой Корой, откуда до Кульджи было всего суток трое пути.

Абакумов расположился на зимовку в ущелье. Его

люди стали добывать дикий камень для постройки хижин. Хижины эти покрывались дерновыми крышами. Двери обивали кусками древесной коры, в окна вместо стекол вставляли рамы, обтянутые тонким китайским шелком. Вряд ли такие жилища могли удержать тепло каменных очагов, в которых пылали смолистые сучья огромных горных елей.

Когда выпал первый снег, на нем четко отпечатались следы оленей. Они зачастую подходили к самым дверям хижин.

Входы в ущелье были прикрыты пушками. Их заиндевелые жерла были готовы в любое мгновение обрушить уральские ядра на головы кокандских сарбазов или барымтачей, если они вздумают сунуться к русской зимовке. Кенесары тогда еще был жив, и казахи, зимовавшие на Балхаше, приносили вести о том, что он, как волк в логове, укрылся на полуострове Камал. Кенесары делал набеги на уйсунов Большой орды, отнимая у них хлеб, и они стоном стонали при одном имени султанши Бопай, сестры Кенесары, возглавлявшей шайку, которую он посылал для разорения их аулов. Он сманивал на свою сторону казахский род дулатов и уже затевал поход на киргизов Тянь-Шаня.

Сюк и другие султаны с надеждой взирали на Копал. Русские власти утвердили Сюка и Рустема в звании предводителей родов, которыми они правили, и назначили султанам годовое жалованье.

Прослышав об основании русского поселения у Копальского хребта, Доломбай и Боток, султаны казахов, кочевавших в Семиречье и в Восточном Туркестане, стали проситься в русское подданство и получили ответ, что им будет оказано покровительство.

Между тем хижины Копальского поселения, затерянного на дне ущелья, заметало снегом. Однажды горный буран продолжался двенадцать дней кряду. Для сообщения между лачугами были вырыты снежные окопы; их приходилось разгребать каждое утро. В начале года умерло тринадцать казаков.

Абакумов стал подумывать о том, что крепость надо перенести на новое место. Как водится, пришлось затеять переписку с Омском и Петербургом, и вскоре в ущелье Джунгарского Алатау прибыл важный чиновник. Он дал согласие на перенесение будущего города несколько севернее, на берега реки Копалки. Петербургское и омское

начальство распорядилось прислать в долину Джунке пять сотен казаков с семьями и двести строевых станичников.

Оставив тринадцать неуклюжих еловых крестов на могилах первопоселенцев снежного ущелья, отряд снялся и потащил свои пушки на лямках через каменные перевалы — к северному склону Джунгарского Алатау.

Началась новая страда. Абакумову нужно было найти строительный лес, топливо, проложить дорогу, чтобы вывозить этот лес из гор. Для перевозок были закуплены у казахов быки. Вскоре тяжелые обозы двинулись к месту, где стояли юрты строителей крепости, а в горах близ «старого» Копала застучали топоры ста пятидесяти лесорубов. Так начали застраивать город на пустом месте, где когда-то кочевал джунгарский князь.

Вскоре прибыли казаки-поселенцы со своими семьями.

В 1848 году в Копал приехал с женой Томас Уильям Аткинсон в своей поярковой шапке, зеленой охотничьей куртке и высоких сапогах. У него были письма от генерал-губернатора князя П. Д. Горчакова, и основатели Копала должны были считаться с этим. Они радушно приняли англичанина и даже выстроили для него отдельную хижину, где у Аткинсонов родился сын, которого они нарекли Алатау-Тамчибулаком.

Впоследствии Аткинсон рассказывал, что первые жители Копала месяцами не видели белого хлеба, вместо бани мылись в яме, прикрытой войлоком, на дне которой была сложена булыжная каменка.

Зима 1848 года проходила в жестоких буранах, сотрясавших стены наскоро сколоченных домов. В довершение всего началась эпидемия. Лазаретный барак был переполнен тифозными больными, копальские плотники еле успевали сколачивать дощатые гробы и бревенчатые кресты.

Однажды произошло событие, о котором копальцы потом долго вспоминали. Перед самыми буранами в Копал пришли запоздавшие бухарские купцы со своим караваном. Они везли чай, ковры, фарфор, шелк, изюм, сушеные абрикосы и сливы. После того как начался затяжной буран, бухарцы на целую неделю задержались в Копале. Что греха таить, более всех радовались копальские винокуры, перегонявшие изюм на водку, отличавшуюся особой крепостью.

Между Копалом и Семипалатинском была учреждена

почтовая гоньба, и казаки, мчавшиеся на сменных лошадях, везли в новый край приказы и распоряжения западносибирских властей. В Копал пришел приказ об учреждении должности пристава Большой Киргизской орды, подчиненного лишь генерал-губернатору. Затем последовало распоряжение о назначении особого толмача, состоявшего при особе пристава. Переводчиком этим был А. И. Бардашев, один из самых выдающихся знатоков Семиречья того времени.

В Копале происходил съезд правителей родов Большой и Средней орд, враждовавших из-за мест для кочевок, которые они никак не могли поделить между собой. Султаны Средней орды считали, что им принадлежат земли до берегов Аксу, казахи Большой орды не соглашались с этим. Весною 1849 года русские пригласили представителей враждующих сторон в Копал, а когда те стали съезжаться, встретили их салютом из крепостных пушек. Так казанский порох стал глашатаем мира в Джунгарском Алатау. Но султаны договориться не смогли, несмотря на все увещания пристава Большой орды.

За восемь лет в Копале мало что изменилось. Поэтому Чокан мог видеть всех тех людей, с которыми в свое время общался Томас Уильям Аткинсон. Среди них был главный слуга пристава Большой орды казах-богатырь Жаралан в красном тюбетее и сапогах из алого сафьяна. Он считался самым высоким и сильным человеком во всей долине Джунке.

Был в Копале и основатель местного театра, неунывающий россиянин, отданный за какую-то провинность в солдаты. В 1849 году на масленой неделе он показал копальцам сочиненную им самим пьесу. Она привела зрителей в восторг и долго не сходила с местной сцены.

Царицею копальских балов была в те годы Анна Павловна, «исполинская женщина» в подбитых железными гвоздями толстых башмаках и в большой красной шали, покрывавшей ее могучие плечи.

Жили в Копале и люди вроде прапорщика П. А. Никитина, занимавшегося изучением местного климата и исправно измерявшего температуру воздуха. О замечательном знатоке края переводчике А. И. Бардашеве мы только что говорили. Он хорошо знал Григория Потанина по совместной зимовке в Алматинской долине, когда

друг Чокана брал у Бардашева для прочтения книги «Современника» за 1855 год.

Наконец С. М. Абакумов возвратился в Копал и встретился с Чоканом. Начальник Копальского округа был очень доволен своим пребыванием в Кейсык-аузе. Он не только удачно убрал с дороги скалу, но попутно открыл прекрасную строительную и гончарную глину. Абакумов разминал в старческих пальцах плотные жирные комья. Глина понравилась Чокану.

Об Абакумове как исследователе семиреченских недр известно мало. Между тем он много потрудился на этом поприще, открыл прекрасный точильный камень в предгорьях Копальского хребта. Ранее камень приходилось издалека привозить в Копал, и его продавали втридорога. Абакумов избавил копальцев от лишних расходов, и брусья зеленого камня вошли в житейский обиход.

Поисковой работе Абакумов учился не только у Карелина. Здесь, в Копале, бывали и Егор Ковалевский, и А. Е. Влангали, и их помощник Зеленцов — геолог из горного Алтая. Это они в 1851 году изучали строение Джунгарского Алатау, состав его пород. Они открыли железные руды, исследовали целебные источники и составили геологическую карту нового края.

Чокан не мог обойтись без Абакумова. Основатель Копала доверительно передал Чокану список птиц, открытых и описанных в течение последних лет. Пора сказать, что Чокан во время иссык-кульского путешествия ревностно собирал коллекции различных видов млекопитающих, птиц и насекомых. Впоследствии эти коллекции попали в музей в Дрездене.

Чучело снежного грифа бросало темную тень на стол, за которым сидели Чокан с Абакумовым во время долгих бесед в Копале. Если б Абакумов имел право на герб, в щите этого герба следовало бы поместить изображение великолепного весеннего жука-дровосека со звучным названием *«Dorcadion abacumovi»*. Его открыл в свое время С. М. Абакумов наряду с многими видами животных и растений. Жук этот появился в Джунгарском Алатау уже в конце апреля.

В те годы многочисленными коллекциями Абакумова гордились музеи России и Западной Европы. Но он разделил судьбу многих замечательных русских людей, совершавших подвиги и умиравших в полной безвестности. Седины, старческое одиночество, забвение — вот что

досталось на долю славного основателя и устроителя Копала и исследователя Русской Джунгарии.

Приезд Чокана должен был подействовать на Абакумова как свежий ветер. Абакумов помнил Григория Потанина. Когда-то этот друг Чокана пользовался покровительством начальника Копальского округа. Перед отъездом Потанина в Кульджу он получил поручение Абакумова — доставить серебряный запас российскому консулу Ивану Захарову.

Переписывался ли Абакумов в те годы со своим учителем и спутником первых упоительных странствий — Григорием Карелиным? До сих пор осталось невыясненным, почему Карелин, оставив дом и семью, уединился в глухом Гурьеве, где и окончил свои дни. Как только Абакумов расстался со своим замечательным учителем, наступила разительная перемена. Копальский начальник все чаще и чаще стал замыкаться в себе и прикладываться к штофу. Но неистощимая любознательность, заботы о пользе отечества брали верх над случайной слабостью. Этого человека надо было принимать таким, каким он был.

Абакумов окружил себя собственной гвардией — бывалыми старослужилыми казаками, выполнявшими его поручения и отлично знавшими край. Эти исследователи как свои пять пальцев знали весь Джунгарский Алатау — его снежные вершины, исполинские водопады, глубокие ущелья. Абакумовские казаки нашли «писаницы» с изображениями животных на берегах Коксу, курганы и каменные памятники, оставленные древними народами.

Когда прокладывалась новая дорога через долину Каратала, там в большом количестве попадались загадочные предметы; в глиняном круге было помещено изображение человека с венцом на голове, похожего на «Созерцающего Будду». На берегу Каратала были найдены остатки убежищ, сложенных из сланцевых плит, и глиняные изделия с тибетскими надписями.

Через год после встречи с Чоканом полковник Абакумов обратился к просвещенному содействию Петра Семенова, и тот с увлечением принялся за исследование остатков каратальских древностей.

Местную археологию, кстати сказать, до тонкости знал престарелый чалаказак Чубар-мулла. О чалаказаках Чокан упомянул очень коротко в «Дневнике поездки на Иссык-Куль», когда говорил о захудалом Аягузе.

«...Несколько чалаказаков составляют его гражданство,— писал Чокан за глинобитными стенами Аягузского укрепления.— Чалаказаками, т. е. полуказак (киргизы называют себя казак), называются выходцы из Средне-Азиатских владений, вступившие в русское подданство с записанием в киргизские волости на общих с киргизами правах. Их очень много в округах восточной части степи: Аягузском, Кукбектинском и Большой орде. Имя это не раз встретится в наших записках, а потому за малое отступление просим простить».

Очевидно, путешественник считал чалаказаков явлением настолько известным, что о них не стоило дальше распространяться.

Чокан чалаказаков видел, когда двигался к Копалу по Каратальской долине. Там, на левом берегу реки, поросшем черемухой, стоял «курган», как на кокандский манер называлось поселение чалаказаков. Они в полном довольстве и достатке жили в своих белостенных домах, окруженных цветущими садами и огородами с зарослями кукурузы.

Чалаказаками управлял почтенный Чубар-мулла, проживший в Ташкенте свыше десяти лет вместе с другими выходцами из России. После основания Копала он решился на первую поездку в Семиречье. Возвратившись в Ташкент, Чубар-мулла собрал своих товарищей, нагрузил верблюдов азиатскими товарами и снова появился в Копальском округе, на привольном Каратале, по соседству с гостеприимными и доброжелательными русскими казаками. Чалаказаки остались там и зажили в своем поселке — «кургане» рядом с древними могилами и остатками буддийских строений.

Живя под покровительством С. М. Абакумова и пристава Большой орды, ладя с казахами, Чубар-мулла оказался единственным человеком, знавшим места, где находили предметы древности. Вот почему в свое время Петр Семенов так добивался свидания с Пестрым или Рябым муллой (так можно было перевести прозвище предводителя чалаказаков). Если хорошо присмотреться, на лице седобородого старца можно было увидеть синеватые пятна, расположенные в известном порядке. Это были следы вытравленных каторжных клейм.

Чалаказаки обычно говорили на тюркских языках — узбекском и казахском, но когда некоторые из ташкентских выходцев чувствовали доверие к тем или иным лю-

дям, к ним возвращалась родная русская речь, и они чистосердечно открывали свою тайну. Среди чалаказаков встречались бывшие каторжные ссыльнопоселенцы, возможно даже — узники Мертвого дома на берегу Иртыша.

Бежав из Сибири и добравшись до Ташкента, каторжане поступали в услужение к состоятельным узбекам. Беглецы в Средней Азии научились садоводству, виноградарству, прокладке оросительных арыков. В среде чалаказаков было немало отличных мастеровых. Они, например, принимали участие в постройке дома российского консула в Кульдже. Один из русских ташкентцев сложил консулу такую замечательную печь, что кульджинцы приходили к Ивану Захарову только для того, чтобы посмотреть на это сооружение.

Чубар-мулла тоже был русский, хотя слова он произносил как казанский татарин. Так и жил на Каратале этот любитель старины с пятнами на лбу и щеках, с походкой человека, привыкшего к кольчатым кандалам сибирского острога.

Рядом с вотчиной предводителя чалаказаков высились могильные курганы. На сланцевой гряде возле реки виднелись следы древних мастерских. Старый Чубар-мулла хорошо знал места, где были скрыты старинные предметы, изваянные из каратальской глины.

ГОРНЫЙ ИНЖЕНЕР КОВРИГИН

Вслед за Абакумовым в Копал приехали загадочный Д. Е. и Ковригин.

Ковригин был, по-видимому, не кто иной, как горный инженер, поручик Н. Ковригин 3-й, искавший золотые месторождения в Сибири и «Киргизской степи».

В 1850 году Ковригин исследовал золотые прииски Восточного Саяна и Енисейского кряжа. Через четыре года в Баян-Ауле и Каркаралинских горах он отыскивал серебро-свинцовые и медные руды, покоившиеся в колыбели из глинистых и кремнистых сланцев. Он считал, что места, которые он прошел, представляют собой каменноугольный бассейн, к которому прилегали граниты. Из гранита состояли и горы Баян-Аула.

В 1856 году Ковригин побывал на Алтае, где осмотрел золотоносные участки в долинах бурной Катуни, Чуи и Коксу.

Позже Ковригин описал древние золотые бусы и медные орудия, найденные при промывке золотоносных песков в Калбинском хребте. В этих горах он нашел также зуб мамонта и огромный рог ископаемого барана.

Кроме печатных работ у Ковригина были рукописные заметки о его исследованиях. Впоследствии они попали в руки Петра Семенова и были приведены в его дополнениях к одному из томов «Землеведения Азии» Карла Риттера. Печатные труды Ковригина прослеживаются до начала 60-х годов. Дальнейшие разыскания пока ничего не дали.

Ковригин, находясь одно время в Семипалатинске, состоял в приятельских отношениях с Федором Достоевским. Когда Достоевский перед своей женитьбой оказался в бедственном положении, Ковригин и Хоментовский выручили писателя, раздобыв для него деньги через богатых семипалатинцев.

«Ковригин едет на прииски, что на урочище Иргайлы около Тентека,— писал Чокан в своем дневнике.— Мне хотелось видеть Ой-джайлау, лучшее место в степи, как говорили многие, и, пользуясь случаем, взялся я сопутствовать господину Ковригину».

Этот искатель руд был находкой для Чокана. Состоя при Алтайском горном округе, Ковригин знал инженера Александра Гернгросса, спутника Егора Ковалевского по путешествию к Муголжарам, Иргизу, Усть-Урту. Ковалевский и Гернгросс открыли тогда медную лазурь, самородную медь, нашли на Темире окаменелые рыбьи зубы.

В «Горном журнале», где позднее сотрудничал и Ковригин, Ковалевский и Гернгросс напечатали «Описание западной части Киргиз-Казачьей или Киргиз-Кайсацкой степи». Оно дополняло поданную Егором Ковалевским записку о состоянии и нуждах казахского народа. В ней исследователь советовал признать всех казахов подданными России, завоевать их доверие и не считать степняков «людьми низшего свойства». Ковалевский и Гернгросс описывали области, населенные казахами, причем земли, расположенные между Иртышом и Или, называли «прекрасным краем».

Ковригин знал и другого смелого и трудолюбивого разведчика, искавшего рудные тела. Это был А. Татаринов, посетивший места, уже столь знакомые Чокану,— Аягуз, Аркатские горы, Тарбагатай.

Вскоре после знакомства с Ковригиным в Копале Чокану довелось встретиться и с Татариновым.

От Ковригина или от кого-то другого Валиханов знал подробности перехода Егора Ковалевского через перевал Уйгентас во время поездки «странствователя по суше и морям» в Кульджу. Встреча с Ковригиным обогатила Чокана сведениями о поисковых работах в степях и горах.

Ковригин ехал в сторону Алаколя, где протекал Тентек. Путешественники отправились из Копала под вечер. Вблизи дороги на Арасан высились огромные курганы. Один из них, согласно преданию, был воздвигнут над могилой копальской Дианы, прекрасной дочери султана, страстной охотницы. Дух ее оказывал покровительство диким животным; горные козы приходили зимою к подножию кургана, где даже во время самых жестоких морозов будто бы зеленели густые и сочные травы.

От Копала до берега Биена тянулись пашни. Чокан и Ковригин ночевали на Арасане. Вода знаменитого теплого сероводородного источника заполняла купальни. Здесь же был построен домик. Неподалеку от ключа, как говорили, находились остатки древнего здания, возведенного буддийскими зодчими.

Здесь Чокана посетил несколько необычный гость — «знаменитый в Семиречье батыр и барымтач Тынеке», как отметил путешественник в своем дневнике. Тынеке привел с собой приятеля султана Худаймеде. Оба этих правоверных мусульманина проявили крайнее неравнодушие к содержимому большого дорожного погребца Валиханова. В итоге батыра Тынеке пришлось приводить в чувство, вылив на него четыре ушата биенской воды. Большеносый, с густой рыжеватой бородой и грудью, сплошь заросшей волосами, Тынеке недвижимо лежал на земле. Разумеется, он не смог сопровождать Чокана и Ковригина, хотя, пока он был трезв, напрашивался к ним в телохранители. Что же касается султана Худаймеде, то он бодрствовал и требовал еще водки. Отвязаться от него было очень трудно.

Путники прошли опасную дорогу через Кейсык-ауз, заросший дикими вишнями, пересекли бурный Биен с его гранитными берегами. За рекой вздымался перевал высотою с версту. Пройдя его, Чокан с Ковригиным свернули с главной дороги и двинулись на восток по Чубар-Агачскому пути. На одном из пикетов к проезжим

присоединились провожатые, более надежные, чем рыжебородый Тынеке,— шесть казаков при расторопном уряднике, скакавшие впереди повозок. День был жаркий, мучила жажда, и Чокан жаловался, что негде раздобыть кумыса. От зноя было лишь одно средство — частое купанье в изумрудно-белой воде горных рек.

Горы поворачивали на восток; дорога шла вдоль их подножия. Первой значительной рекой была Аксу, катившая свои воды по голубоватым валунам. К вечеру впереди загрохотал широкий, весь в извилинах Баскан.

В пору сумерек с гор стали спускаться казахские аулы. Это скотоводы и земледельцы Семиречья возвращались на свои пашни, укрывшиеся в долинах. Хлеба уже созрели, их надо было убирать. После сбора урожая казахи должны были отправиться на зимовку в пески к Балхашу. Чокан узнал, что эти аулы были обижены царскими чиновниками. Страх перед чиновниками был настолько велик, что при виде путешественников, сопровождаемых казаками, кочевники бежали куда глаза глядят, отказываясь от подарков. Те, кто не успел скрыться, заставили аульных красавиц надеть изодранные халаты и вымазать щеки грязью; так будет спокойнее.

Ночью Чокан и Ковригин слышали, как ревели верблюды, мычали волы, ржали кони.

Утром с гор спустился караван. Женщины, облаченные в праздничные одежды, покачивались меж верблюжьих горбов, мужчины брели, погоняя скот. Как оказалось, этот караван принадлежал султану. Простой же народ выглядел не только буднично, но и бедно. Женщины ехали верхом на быках с облезлой шерстью, старые, прохудившиеся юрты были навьючены на быков. Чокан заметил, что казахи-найманы беднее представителей других родов, например, аргынов. Владелец нарядного каравана, султан, счел своим долгом представиться Чокану и Ковригину, преподнес им целый бурдюк долгожданного кумыса.

После разговора с новыми знакомыми султан решил, что они, ввиду их кротости, «выродки между чиновниками», и вознамерился содрать с них тройную цену за овцу, которую до этого предлагал как подарок без всякой платы. Казаки подталкивали друг друга и потешались над «господами чиновниками», осуждая их за то, что они слишком мягко ведут себя с султаном. Вот

заседатель — дело другое: при нем султан и дышать не смеет!

Чокан писал, что у здешних казахов было широко развито земледелие. Огромное пространство глинистой степи возле Саркана было занято нивами. Там виднелось также множество могил. Это доказывало, что долина Саркана была излюбленным местом для кочевок целого союза степных родов. Верстах в сорока от Баскана степь переходила в горы, состоявшие из гранита и кварца, кое-где видны были следы железной окиси.

Поднявшись на горы через проход Биш-баны, Валиханов и Ковригин заночевали в урочище Алмалы при реке Теректы, притоке Лепсы. Вода Теректы была светла и быстра. Близ реки высилась роща из столетних тополей, от которых и получила название эта река. Здесь начиналась трудная дорога; к тому же степные кони, плохо ходившие в упряжке, не желали признавать пути, закусывали удила и заносили повозки в сторону.

За Теректы открывались красивые и привольные места, великолепный вид на Джунгарский Алатау с его вечными снегами. Земля была покрыта цветами, среди них преобладали луковичные. По ступеням гор поднимались огромные ели и белоствольные березы. Навстречу уже бежала, сверкая и переливаясь на солнце, речка Агны-Катты. Переправа через нее наделала много хлопот.

От Теректы надо было преодолеть несколько пологих перевалов, прежде чем начать спуск в долину реки Лепсы, где раскинулась окруженная горами Чубар-Агачская станица — будущий Лепсинск. Его не следует смешивать с Лепсинским пикетом, находившимся в низовьях Лепсы. Чубар-Агач был основан за два года до приезда Чокана сотней Десятого казачьего полка. Затем в долину пришли триста семей тобольских крестьян. В 1856 году поселение продолжали строить.

«Чубар-Агач — едва ли не лучшее место в хозяйственном отношении во всей юго-восточной половине степи»,— записал Чокан свои впечатления о плодородной долине Пестрого леса. Посредине ее он отыскал курган, сложенный из камней, подобный пирамиде на Сан-Таше, сооружение которой приписывалось Тамерлану.

Жаль, что дневник Валиханова обрывается сразу же после краткого описания долины Чубар-Агача. Поскольку он ехал с Ковригиным на Тентек, можно с большой уверенностью предположить, что именно в эту поездку

Чокан посетил и Алакуль, до которого от Тентека было рукой подать. То, что путешественник в 1856 году побывал на Алакуле, не подлежит никакому сомнению, потому что Чокан потом писал о себе:

«...Осмотрел край от Алаколя до Тянь-Шаня, на который я поднялся в том году по реке Джиргалан...»

Из Чубар-Агача к Алаколю не было иного пути, как на урочище Кызыл-Джар, реку Чинжалы и Тентек, куда так стремился Ковригин. За горами Саукан, барханами и гладкими солонцами лежали плоские берега Алаколя, разделенного перешейком на два озера — Западное и Восточное. Жестокий джунгарский ветер «юйбэ» пригибал камыши, окружавшие озеро. Впоследствии Чокан писал, что, по его мнению, Алаколь и озеро Балхаш были единым водоемом. Это совпадало с высказываниями других русских ученых.

История сохранила лишь несколько имен путешественников, в разное время посетивших Алаколь.

В 1856 году Чокан прошел часть пути по следам легендарного Саллама-толмача. Однажды, как рассказывают историки, калиф увидел страшный сон: разверзлась стена, воздвигнутая Александром Македонским и преграждавшая путь страшному народу Гог и Магог. Калиф заставил Саллама ат-Тарджумана двинуться для осмотра стены. Считают, что Саллам-толмач, отправившись из Самарры, что на Тигре, посетил Армению, Грузию и страну хазар, обошел вокруг Каспийского моря и направился через пустыню к Балхашу и Джунгарским воротам.

Некоторые ученые, делая догадки, где именно Саллам нашел «преграду Зул Карнайна», допускают, что самаррский переводчик XX века видел гулкие ворота и зубцы Великой китайской стены.

Во время поисков стены Гога и Магога толмач побывал в Барсхане — на южном берегу Иссык-Куля и в городе Таразе с его четырьмя крепостными воротами и плавильнями серебряной руды, добытой из окрестных рудников.

Обратно в Самарру арабский скиталец шел через Бухару. Это происходило в годы расцвета государства карлуков, владевших Семиречьем, во времена еще доныне полностью не изученных связей арабского мира со Средней Азией, когда в калифской Самарре возле Большого рынка и зверинца стояли дома хазар, ферганцев и «тюрков». Вот почему в городах Ирака слышали об «Абаску-

не», как называли арабы Иссык-Куль. Если Саллам ат-Тарджуман достигал Джунгарских ворот, он не миновал Алаколя с его островной сопкой.

Даже в том случае, если Саллам пробрался в Китай не Джунгарскими воротами, а через перевалы и горные проходы, его дорога неизбежно скрещивалась где-то с путем Чокана, пройденным им в 1856 году.

А Смбат, Гетум, Плано Карпини и Гильом Рубрук? Тени далекого прошлого движутся по просторам Азии...

Смбат, коннетабль, начальник конницы Гетума (Гайтона), царя Малой Армении, одним из первых отправился ко двору Великого хана. Надо учесть, что в данном случае речь идет не о той Армении, которую мы всегда привыкли себе представлять, а о стране, расположенной в непосредственной близости к Средиземному морю.

Гетум I царил в цветущем городе Сисе, в Киликии. Когда возникла необходимость везти дары монгольским завоевателям, Гетум отрядил в далекий поход брата своего Смбата.

Много гор и пустынь прошел Смбат, достиг цели и возвратился в Сис, составив короткое, но выразительное донесение о своих странствиях. Путь его лежал, по-видимому, через Джунгарские ворота, потому что, когда сам Гетум отправился по следу коннетабля, царь Малой Армении видел Алаколь с его знаменитым островом-сопкой.

Католический монах Плано Карпини, с сочинением которого Чокан познакомился по известному изданию Д. И. Языкова «Собрание путешествий к татарам и другим восточным народам...» (1825), определенно знал об Алаколе. Он писал, что в стране кара-китаев есть море, правда, не очень большое, а на берегу его — гора. В ней рождаются страшные ветры, вырывающиеся из жерла горы преимущественно в зимние месяцы, когда они сбивают человека с ног. Летом ветер дует постоянно, но он уже не так опасен. Речь шла о ветре «юйбэ». Он, как замечали, всегда летел именно со стороны сопки Алаколя.

Где-то неподалеку от этого озера находился город Омыл, восстановленный монголами после разорения ими земли кара-китайцев. Карпини там был приглашен на прием, устроенный в его честь; наместник Великого хана заставил старейшин города плясать перед гостем из далекого Лиона.

Название Омыла перекликается с именем реки Эмель,

впадающей в Алаколь. Қара-китаи при гурхане Елюйдаши действительно построили город Имиль неподалеку от нынешнего Чугучака. Плано Қарпини упоминал Алмалык. Здесь в долине Или была ставка Чагатая. Держава сына Чингисхана обнимала пространства от Амударьи до страны уйгуров. Настанет время, когда на письменный стол Чокана в домике Мокринского форштадта лягут золотые украшения, найденные в земле Алмалыка.

Алаколь видел, очевидно, и Гильом Рубрук. Во времена Чокана его еще называли Рубруквисом. В России о нем, пожалуй, впервые было рассказано лишь в «Вестнике Европы» за 1829 год. Этот источник был вполне доступен Чокану и Григорию Потанину в то время, когда они в Омске с жадностью отыскивали труды о Центральной Азии.

Тучный фламандец, брат Гильом, член ордена миноритов, сменил палящее солнце Палестины на пески азиатских пустынь. В Акконе он получил приказ своего покровителя Людовика IX, короля французов, следовать в качестве посла в ставку Великого хана монголов.

Крым, ставка Батыя, область Сырдарьи, горы Қаратау, долина Чу, ущелья Заилийского Алатау, река Или, перевалы Джунгарского Алатау лежали на пути монаха. Рубрук шел к Алаколю. Впоследствии он упоминал о городе Қинчате (Қенджеке) в долине Таласа, описывал таласские арыки. С берегов Таласа путешественник двинулся к востоку, поднялся на перевалы снежных гор и спустился к Или. Переправившись через реку, Гильом Рубрук очутился в просторной долине, покрытой отличными пашнями. Там он увидел глинобитный замок, разрушенный монголами. Далее Рубрук упоминает Эквиус. Название это звучит как латинское, но в Эквиусе легко узнать Еки-огуз, находившийся между теперешним Қопалом и Алма-Атой. «Еки-огуз» по-тюркски означает «Два быка».

Читатель должен помнить, как Чокан доставал в Чингильдах трубу от глиняного водопровода Еки-огуза.

Рубрук, возможно, спутал Балхаш с Алаколем, потому что утверждал, что видел некое море или озеро, вокруг которого надо было ехать не менее двадцати пяти дней. Долина, примыкающая к этому водоему, еще недавно была густо заселена, но монголы превратили цветущие поселения в развалины, находя, что так им будет удобнее пасти свои неисчислимые стада.

В Семиречье при монголах уцелел большой торговый город Койлык, бывший когда-то ставкой карлукского кагана. В Койлыке был в свое время водопровод, по которому текла чистая и живительная влага из снежных гор. В городе высились храмы и кумирни. Рассказывая о Койлыке, Гильом Рубрук заодно упомянул соседнюю область Алмалыка на Или, но назвал Алмалык Органумом, что не соответствовало истине, ибо Органум — это имя алмалыкской царицы, вдовы внука Чагатая. Тут же Рубрук обмолвился о стране уйгуров, граничившей с «Органумом» на востоке.

Выехав из Койлыка, минорит достиг какого-то города, который Рубрук называет даже столицей целой провинции. Город этот стоял «в начале вышеназванного моря»; вокруг него надо было ехать чуть ли не месяц. Речь идет, вероятно, об Алаколе, ибо Рубрук упоминает об острове на озере и о сильном постоянном ветре, пролетающем по долине, расположенной между Джунгарским Алатау и хребтами Майли и Барлык. Рубрук говорил, что долина эта на юго-востоке упиралась в берега второго «моря», а между «морями» протекала река; в ней можно легко узнать реку Токты. Второе «море» — озеро Эби-Нур.

Спутник Рубрука подходил к самому берегу большого «моря» — окунуть лоскут льняной ткани в воду, чтобы узнать, каков ее вкус. Вода была солоновата. Эта подробность дает нам право утверждать, что Рубрук проходил мимо Восточного Алаколя, потому что в Западном озере — вода пресная, вполне пригодная для питья.

Далее путь Рубрука лежал на север, где навстречу страннику вздымались ледяные зубцы Тарбагатая.

Начались диковинные и страшные вещи. Рубруку говорили, что злые горные духи, подстерегая свои жертвы на одном из перевалов, ужасном своей крутизной, уносят всадников или их коней. Бывали случаи, когда демоны вытаскивали у всадника внутренности так, что на коне оставалась лишь бренная телесная оболочка.

Как бы то ни было, Гильома Рубрука не коснулись козни горных демонов. Он благополучно вышел на равнину, где протекала река Эмель, впадающая в Восточный Алаколь. Там в свое время находилась одна из ставок Гуюк-хана.

Стоит вспомнить, что историки до сих пор не осмыслили одного примечательного события: к Гуюк-хану однаж-

ды ездил Александр Невский. Об этом лишь обмолвились Петр Семенов и Н. Костомаров.

Рубрук проходил по тем местам, где через шестьсот с небольшим лет появился Чокан Валиханов.

Первым европейским исследователем Алаколя нового времени был Григорий Карелин. В 1840 году, ступив на порфировую толщу острова Арал-тюбе, он внимательным взором отыскивал вулканические породы, поскольку Арал-тюбе считался огнедышащей горой. Но никаких следов вулканизма Карелин, как известно, не обнаружил. Зато он нашел бурый каменный уголь в виде галек, затерянных между валунами и, видимо, вымытых со дна озера.

После Карелина на Алаколь пришел Александр Шренк, тоже удостоверивший, что никаких вулканов в Русской Джунгарии нет. В скором времени устремился к островной сопке и Томас Уильям Аткинсон. Вулканов он не нашел ни на Алаколе, ни в Тарбагатае, ни в Калбинском хребте, ни у озера Зайсан. Егор Ковалевский обошел Алаколь во время первого путешествия в Кульджу в 40-х годах XIX века.

Из всего, что мы здесь рассказывали, явствует, что Чокан Валиханов должен войти в список первого десятка путешественников, посетивших Алаколь. Перечень этот начинается именем Саллама ат-Тарджумана и завершается Александром Влангали, исследовавшим Алаколь всего за пять лет до Чокана.

В заметках Чокана мы находим названия городов, упомянутых древними путешественниками. Он писал о Койлыке, посещенном Гильомом Рубруком, и Алмалыке, лежавшем на пути генуэзских купцов и кыпчакских послов, ездивших в Китай и к Великому хану — через Хонакай и Алмату.

Еще в Омском кадетском корпусе Чокан вместе с Потаниным пытался разгадать маршрут Ярослава Всеволодовича, отца Александра Невского, побывавшего в ставке Гуюк-хана и отравленного там по приказу жестокой и властной вдовствующей ханши Туракини. Потанин и Чокан даже мечтали найти могилу Ярослава, затерянную, как они думали, в Эмельской впадине. Оба они тогда не знали, что посиневшее тело русского князя было увезено его спутниками, среди которых находился воин и толмач Темер, на родину и с честью положено в дорогую гробницу во Владимире. Что же касается дороги, по ко-

торой Ярослав шел ко двору Великого хана, то ее направление определил Петр Семенов. Он говорил, что Ярослав, как и другие князья с Руси, Алаколя не коснулся. Он шел от ставки Батыя к Иртышу и Зайсану, где ворота Азии открывались для путников в местности между Тарбагатаем и южными склонами Алтая.

Чокан исследовал судьбу народов и отдельных людей, отыскивая их следы, затерявшиеся во мгле столетий.

К ВОРОТАМ ГЛИНЯНОЙ КУЛЬДЖИ

После поездки на Иссык-Куль и путешествия с горным инженером Н. Ковригиным Чокан в том же 1856 году отправился в Кульджу.

Вот его рукопись «Западный край Китайской империи и город Кульджа (Дневник путешествия 1856 года)».

«1-го августа 1856 года.

Китайский пограничный пикет.

Случай привел меня в Китай. Вот уже шесть дней, как я выехал из Копала и ожидал у Татаринова товарищей по путешествию»,— пишет Чокан.

Следовательно, после похода с Ковригиным он снова очутился в доме начальника Копальского округа Абакумова и не обошелся без его помощи. Ведь С. М. Абакумов до этого отправлял в Кульджу Григория Потанина и почти одновременно с Чоканом снарядил туда же Петра Семенова, переодев его в полное облачение казака копальского гарнизона.

В связи с упоминанием имени Татаринова в первых строчках кульджинского дневника Чокана будущих исследователей следует предупредить, чтобы они были осторожны в своих утверждениях — о каком именно Татаринове идет здесь речь. Дело в том, что в истории изучения Казахстана, Китая, Средней Азии встречаются то горный инженер Татаринов, то доктор Александр Татаринов. У обоих однофамильцев сходятся первые буквы имен, что еще более увеличивает путаницу. Оба они имели отношение к Семиречью, оба не раз бывали в Копале, и если в копальской квартире Абакумова был поднос для визитных карточек, то на нем, без сомнения, лежали карточки двух А. Татариновых.

По-видимому, в августе 1856 года Чокан виделся с доктором Александром Алексеевичем Татариновым, рос-

сийским консулом в Чугучаке. Ранее уже упоминалось, что, когда толпа ссыльных сожгла русскую чугучакскую факторию, ему пришлось бежать в Семиречье. Переговоры о возмещении убытков тянулись до 1858 года. Следовательно, доктор А. А. Татаринов еще не успел вернуться в Чугучак к тому времени, когда Чокан выехал из Копала в сторону Кульджи. Встреча этих людей вполне закономерна, и Чокану был смысл познакомиться с этим русским обитателем Пекина, прожившим там более десяти лет и затем поселившимся в Чугучаке.

В кульджинском дневнике Чокана вслед за Татариновым не случайно упоминается Егор Ковалевский, ибо Татаринов был участником миссии Ковалевского, подписавшей в 1851 году договор о торговле и учреждении российских консульств в Кульдже и Чугучаке.

Ковалевский, Татаринов и Захаров проследовали в Кульджу через горный проход Уйгентас. Он теперь лежал на пути Чокана. От Копала туда надо было идти сначала Каратальской долиной с поселком чалаказаков, потом — на Коксу и Агны-Катты. От этой речки и невысокого перевала к востоку до Борохудзира и Усёка простиралась сырая горная долина Уйгентаса, орошенная многочисленными родниками и ключами, кипевшими на солонцеватой земле.

С севера эту долину ограничивали снежные горы Джунгарского Алатау, на восток от Уйгентаса протянулась горная цепь, уходившая в пределы Китая, на западе были горы, к югу лежал Конурулен. Короче говоря, долина, называемая Саз, примыкала к верхнему течению Борохудзира, где и находился перевал Уйгентас; с вершины его были видны снежные поля на склонах гор.

На венце перевала Чокан отыскал взглядом знаменитый каменный, вернее, булыжный курган. Этот курган разочаровал путешественника. Чокан писал, что таких курганов в степях — тысячи. Груда булыжников не представляла ничего особенного. Но народные предания говорили, что она сложена по повелению джунгарского хана Батура — Хун-Тайджи, и этого оказалось достаточно, чтобы в честь кургана были названы долина и горный проход.

Уйгентас был вполне доступен для караванов, если не считать двух-трех глубоких логов, прорытых быстрыми и сильными ключами. По одному из них, как расска-

зали Чокану, прошел пять лет назад Егор Ковалевский, сопровождаемый казачьим конвоем при одном орудии. Самый трудный для продвижения людей и коней лог носил название Кескен-терек. Он лежал между Уйгентасским плато и отдельной сопкой Арал-тюбе.

Чокан оглядывал вздымавшиеся вокруг серые неприветливые горы, почти лишенные всякой зелени, если не считать угрюмые ели. Сам горный проход был ровен и покрыт живым изумрудом мягкой овсяницы. По нему хотелось мчаться вперед, джигитовать на всем скаку. Чокан считал, что после нагромождений диких скал, хаоса белокипящих горных рек спокойный и радостный вид долины должен радовать взор человека.

Вот что писал Чокан после пребывания на Уйгентасе:

«Все нам надоедает: живем на широкой и гладкой Руси,— рвемся на Кавказ, где стоит белоснежный Казбек, хочется видеть Альпы; нужны горы, «столпообразные руины» и звонкобегущие ручьи, а как бросит судьба в такую местность, сначала восхищаешься, потом все это начинает надоедать: и столпообразные руины, и звонкобегущие ключи, и опять хочется на свободу, на дол, на ровную степь, где растет береза белая, родная сосна. Там дыхание как-то свободнее, и мысли текут шире, там как-то привольно. Все безгранично, как степь,— и желания, и дела. Угрюмые, дикие виды гор, хоть и живописные, как-то заботят, отягощают вас: то вас поражает великолепный водопад, вы как-то усиленно напрягаетесь мыслями, то какая-то пропасть устрашает вас своею теснотой, громадные скалы, ревущие реки — все как-то сердито во всем, и вы настраиваетесь под этими впечатлениями к какой-то лихорадочной деятельности. Вам все чего-то недостает.

Нет возможности жить в горах и быть народом веселым, беззаботным. Только степняк может знать цену золотой лени, он только может жить без горя, без печали, не думая о будущем. Только степняк может быть беззаботно счастлив. Он знает цену наслаждения и покоя. В горах может воспитаться черкес. Он, рождаясь, борется с природой, каждый шаг его есть риск. Вокруг стоят твердые, угрюмые скалы, внизу пенится, шумит, ревет, ворочает камни какой-нибудь Терек. Вот его учители. Какие примеры! Какое хищничество в зверях и птицах гор. Тяжелый гриф терзает окровавленный труп, хищный ястреб нападает на беззащитного фазана, а орел отни-

мает его добычу. Медведь, тигр наполняют ужасом лес и делают беспрестанный набег на бедных оленей...»

После этих строк Чокан переходит к точному описанию местности, лежащей за проходом Уйгентас. Там начинались бесчисленные ручьи. Они сливались в мерцавшую серебром дугу у холма Қушмурун. Сколько же Кушмурунов и Арасанов видели Чокан и другие путешественники в Семиречье, Тянь-Шане и степном Казахстане! Это — распространенные нарицательные названия горных мысов и теплых источников.

Живая серебряная дуга подходила к возвышенностям Қойташ, а за ней начинались холмы, расположенные между Джунгарским Алатау и берегом Или. Тропа, проложенная через холмы, вела в узкую долину.

Борохудзир катил по ней свои волны, клубившиеся по каменистому дну. Сверху Чокану было видно все течение реки, сжатой серыми скалами. Вокруг было все голо, лишь виднелась небольшая тополиная роща.

Второго августа 1856 года Чокан описал дорогу от Борохудзира до реки Усёк, проходившую по голой песчаной степи. Близ Борохудзира еще были холмы, но дальше началась равнина — перемешанная с песком и даже мусором глины, как выразился Чокан.

Все заросло мелкой полынью, чернобыльником, колючими кустами. Только возле каменистого берега реки шелестели высокие кусты конопли и поднимались стебли белого чия. Змеи изумрудного цвета появлялись то там, то сям в жесткой степной траве, а ящерицы беспрестанно сновали под ногами. День был такой жаркий, что босую ступню можно было бы обжечь о раскаленную землю. При таком зное караван брел двадцать пять верст, пока впереди не блеснул первый источник, встреченный в пути после выхода из Борохудзира. Вода, отведенная из Усёка, струилась по специальному ложу. Над каналом нависали ветви серых ив, и путешественники укрылись в их тени, дожидаясь, когда подойдет отставший караван.

После короткого отдыха Чокан и его товарищи двинулись прямо на Усёк. Этот небольшой переход к реке был особенно мучительным. Люди с неохотой садились на коней. Всадники едва держали в руках поводья. Чокан, добравшись до реки, пошел купаться. Он почувствовал такую жажду, что начал пить теплый кумыс, шипевший в раскаленном на солнце кожаном бурдюке. Пыта-

ясь охладить кумыс, Чокан приказал опустить бурдюк в реку, но из этого ничего путного не получилось; кумыс пришлось пить чуть ли не пополам с водой. Путники отвели душу, как пишет Чокан, лишь крепким чаем и пришли в себя настолько, что даже смогли выпить по чарке водки. Жара была такая, что одна из куриц, купленная про запас у солонского поселенца, положенная на песок, немедленно снесла яйцо.

Переправившись через Усёк, верблюжий караван побрел на обильную воду и за кормами на речку Бурхансу, а Чокан и его спутники, подкрепившись едой и чаем, поехали уже на рысях навстречу обширному пространству, полному жизни. На смену пескам, глине и камням появились бесчисленные арыки, цветущие поля, сады. Справа текла Или. Кони скакали по цветам, и стебли мальвы с розовыми и белыми цветами задевали за конские подпруги. Густые травы и яркие цветы росли не только вдоль арыков, наполненных свежей водой, но и там, где были видны следы прежних каналов. Все это восхищало Чокана. Он видел, что земля этих новых мест ничем не отличалась от почв, лежащих за Борохудзиром — та же солонцевато-глинистая степь с добавкой песка. Не будь вмешательства человека, степь эта рождала бы лишь терновник.

В этой дорожной суматохе, в шелесте зеленых рощ русские заблудились. Чокан никак не мог понять, где находится передовая часть каравана — люди, которым было поручено выбрать место для привала. Он осматривал в подзорную трубу окрестности. Густые заросли закрывали часть небосклона.

Вот в светлой хрустальной орбите трубы обозначилась гряда холмов влево от дороги, при повороте трубы вправо появилась желтая Или с купой городов, окруженных садами. Пока русские офицеры любовались окрестностями, сверкая подзорными трубами, уже забыв о том, что им надо найти ушедший вперед караван, казахский джигит крикнул, что он видит купола семиреченских юрт, скрытых сенью густолиственных деревьев. Чокан вытянул коня нагайкой.

Вскоре он лежал на вышитых войлоках у деревянной решетки юрты, кошемные стены были подняты вверх, и походное жилище заполнял сквозной ветер. В тот вечер он почему-то вспоминал один из блаженных дней, проведенных им на Иссык-Куле, на привале при Кудурге.

Путники тогда собрались вокруг костра. Казаки сидели с трубками в зубах. Казахи жарили баранью грудинку на синевато-алых углях. С ветвей деревьев свешивались походные шинели. Это служивые устроили для себя кровлю и расположились на отдых. Рядом с узловатыми стволами деревьев высились сквозные пирамиды, составленные из пик, и меткие ружья на деревянных треногах. Вокруг них лежали походные сумки, лядунки, шашки, блистающие медными эфесами, стояли казачьи кивера. Возле кулей и мешков, постромок и хомутов, седел и единственной горной пушки, умещавшейся на одной сибирской телеге, бродил часовой. Он с завистью поглядывал на своих более счастливых товарищей. Над горбами верблюдов вились струйки пара, животные лениво перетирали пищу позеленевшими зубами. Стреноженные кони фыркали в кустах, подаваясь вперед всем телом, чтобы схватить сочную траву.

Заходящее солнце бросало на все розовый свет. Им было пронизано все окружающее; даже комары вились и толклись в столбах закатного света, поблескивая розовыми крыльями!

В третий день августа направо от дороги остались города Джаркент и Тычкан. Тянулись рощи из джигды и ивовых деревьев. Дикий хмель и вьюн с лиловыми цветами обвивали стволы серебристых ив. Земля здесь была досыта напоена водой.

Переправа через Хоргос — Серебряную реку была омрачена невероятным обилием комаров. Сон, как говорится, в руку! Лишь день назад Чокан, вспоминая привал на Иссык-Куле, писал о комарах, пронизанных розовым светом вечерней зари. Если хоргосские комары и были тоже розовы, то эту окраску надо было отнести за счет крови человека и животных, которой досыта напились крылатые хищники хоргосских камышей. Они, как живая кровля, нависли над караваном, провожая его до зубчатой башни китайского пикета. Тут было не до поэзии.

Древний Хоргос славился обилием плодов. Он состоял из трех городов-садов. Расстояние от одного города до другого составляло не более версты. Здесь Чокану представлялся случай вспомнить, как шведский штык-юнкер И.-Г. Ренат, пленник Петра Великого, попавший на службу к джунгарскому хану, кочуя с ним по этим местам, не только лил для него пушки, но завел даже

типографию. Петр Семенов указывал на важность изучения данных Рената, сделавшихся достоянием науки.

В числе других вопросов штык-юнкер Карла XII пытался, например, решить вопрос об истоках реки Чу, на что также обратил внимание Петр Семенов.

За рекою направо был виден город Чифанзе (Чампанзи), еще дальше в синеве абрикосовых садов терялись поселки сибо и солонов Нижний, Средний и Верхний Купчан.

Чокан и его спутники выслали вперед одного всадника, а сами медленно двинулись к берегу реки и принялись устанавливать там юрты. Вскоре они уже белели под ясным небом Восточного Туркестана. Лишь после этого из ворот крепостцы медленно, опустив поводья, выехал человек в синей курме, из-под которой виднелся халат, снизу разрезанный, чтобы легче было садиться в седле. По черной шапке, украшенной двумя собольими хвостами, и белому матовому шарику можно было узнать, что всадник был в ранге обер-офицера и находился в служебной поездке.

Человек с собольими хвостами сошел с коня, отдал поводья оборванному слуге и шагнул к юрте. Наклонившись всем телом, мандарин сначала спросил гостей: *полны* ли их желудки? Потом офицер сказал, что цзянцзюнь и его помощник хэмбэ — амбань, высокие правители края, поручили ему *понюхать,* то есть расспросить русских гостей об их здоровье, насчет дороги, погоды и прочего.

Когда его пригласили сесть, он умолк и стал вытирать потное лицо. Передохнув, человек с белым шариком рассказал, что по происхождению своему он *маньцзу,* занимает должность посыльного (дулай) при торговом дворе. Теперь же сам цзянцзюнь распорядился, чтобы он, *дулай,* ехал встречать русских и препровождать их до ворот Кульджи.

Мандарин умел говорить немного по-тюркски, но объяснялся на смеси уйгурских и китайских слов. Все длинные слова он бесстрашно сокращал или разделял на слоги. На этом языке он завел с гостями длинный научный разговор, стараясь быть изысканным. В юрте появился солон, офицер китайской службы, предложивший приезжим дары от имени самого цзянцзюня. Живые дары жалобно блеяли за порогом юрты: это были два барана. В руках солонского офицера были небольшие мешки, со-

державшие по десяти фунтов муки и риса. Когда гости попробовали отказаться от подарков, маньчжур и солон упали духом. Солон-офицер заявил прямо, что лицо его почернеет от бесчестия и он подвергнется наказанию по приказу наместника. Баранов, муку и рис пришлось принять из уважения к древнему обычаю, согласно которому все гости Китайской империи получают съестные припасы от правительства.

Начальник пикета пригласил русских осмотреть крепостцу, открыв для них вход с восточной стороны. Посреди небольшого сада стояло возвышение, а на нем — подобие клетки для птиц. Внутри клетки находилось деревянное изваяние женщины.

Казарма, где размещались солдаты, выглядела очень убого. Чуть ли не вровень с голой землей были устроены нары, заваленные солдатской обувью и амуницией. Обитатели офицерского помещения спали на конских потниках вместо постелей. Приезжих пригласили занять места на нарах. Угощение состояло из крепкого кирпичного чая, поданного в медном кувшине и разлитого по убогим чашкам, носившим следы неоднократной починки. Огонь был разложен на большом камне.

Выпив чаю и покурив, русские стали просить показать им храм западного сада. Дымя трубками, хозяева святилища распахнули ворота. В глубине стояло капище, ограда его была покрыта надписями и изображениями. Неподалеку от входа в храм, под навесом, висели колокол и бубен. Кто-то ударил в них, как бы извещая солонских богов о приходе иноземцев. Откинулась дверная завеса, Чокан шагнул внутрь кумирни и увидел перед собой тучного золотолицего бога Гуаньюя, глядевшего из стенной ниши. Усы и борода идола лежали у него чуть ли не на коленях.

Направо стояла белая богиня. Казалось, что лишь мгновение назад она поймала, приняла на свои руки брошенный ей меч. Свой нежный взор она обращала налево, где высился истукан бога Фо. Он показывал в страшной улыбке кабаньи зубы, а его глазные яблоки, казалось, вот-вот выкатятся и упадут на пол маньчжурского капища. Сибо и солоны содержали за свой счет этот храм трех кумиров. Город был погружен в безмолвие, и Чокану показалось, что он вступил в царство древних развалин. Каждый дом стоял отдельно от другого и был окружен стеной, как маленькая крепость. Но вот из-за угла

показалась солонская женщина с двумя мальчиками. На ней было синее платье из китайки с широкими рукавами, обшитыми двумя рядами белой тесьмы. Чокан, понимавший толк в дамских нарядах, разумеется, как этнограф, подробно описал одеяние смуглой женщины с цветами в волосах. Что же касается мальчиков-солонов, то у старшего была заплетена косичка на макушке, а меньший ходил с обритой головой, только на висках у него были оставлены волосы и закручены в виде рожек.

В Ак-кенте удалось рассмотреть и кумирню. Резные ворота и изображения драконов отличали ее от других домов города. Она была укрыта сплошной стеной тополей с серебряной листвой.

За городом раскинулись огороды, сады, бахчи. Женщины и дети дружно работали на полях. Чокан все больше убеждался в том, что солоны — трудолюбивый, скромный и зажиточный народ.

Рано утром в окрестностях города загремел походный барабан. Русский лагерь проснулся, разобранные белые юрты были быстро погружены на верблюдов. Казаки радовались тому, что переход через гряды песков, надвинувшихся со стороны Или, будет совершен в часы утренней прохлады. «Гвоздь-человек» по-прежнему ехал впереди всадников, вступавших в лес, который здесь так же, как и на Лепсе, назывался Чубар-Агачем.

На месте ночлега Чокан нашел себе приятеля. Это был старый солон в колпаке, сплетенном из камышин и увенчанном султаном из крашеного конского волоса. Почтенный воин рассказал, что службу свою он начал с солдата, через восемь лет получил чин бакши — урядника, а года полтора назад илийский цзянцзюнь произвел старого служивого бакши в офицеры.

Вот что узнал Чокан о воинах-солонах. Прародиной солонов были Даурия и провинция Сахалян-ям, но когда богдыханский Китай впервые подчинил себе Джунгарию, солонов переместили в Илийский край и прикрепили к военным поселениям. Впоследствии к солонам были присоединены представители маньчжурского племени сибо.

Сибо обитали в районе Кульджи, солоны — возле Или, вплоть до границы с Россией.

Чокан установил любопытные подробности быта военных поселенцев. Общаясь с казахскими кочевниками Восточного Туркестана, потомки маньчжуров кроме своего родного языка в совершенстве знали и казахский

язык. Некоторые сибо и солоны были настолько искушены в этом, что могли сочинять стихи по-казахски, в этом Чокан убедился сам, слушая пенье толмача, состоявшего при двух офицерах-маньчжурах.

Главным начальником военных поселенцев был *абе-бу* — бригадный генерал, постоянно находившийся в Кульдже. Ему были подчинены восемь полков.

Солоны и сибо были наиболее храбрыми воинами Китайской империи. Они поклонялись страшному черному изваянию божества Фо, державшему в руке острую секиру.

Рассуждая о солдатской жизни, Чокан и его собеседник незаметно очутились среди безжизненных песков, что протянулись верст на пятьдесят в сторону реки. Илийская песчаная полоса в поперечнике имела верст десять.

Чокану показалось, что таких страшных пустынь, как эта карликовая Сахара, нет ни возле Сарысу, ни в других местах, известных ему. Мертвенно-серебряные суставчатые стволы бесплодных кустов, бесчисленные следы короткохвостых ящериц, перечертившие вдоль и поперек сыпучие гряды... Приподнявшись на стременах, Чокан разглядел аспидную змею, свернувшуюся в клубок возле уродливого растения с желтой головой, усеянной острыми иглами. Несмотря на то что переход был сравнительно недолгим, верблюды утомленно вытягивали шеи, влачась по зыбким скатам.

За последним барханом началась гладкая степь. Ее украшали божье дерево и джигиль.

Когда Чокан расположился на ночлег в трех верстах от города, он не раз просыпался от скрипа колес огромных повозок, сетуя на то, что их владельцы, очевидно, поскупились на кунжутное масло для смазки осей. Способы передвижения китайцев и кашгарцев очень занимали Валиханова, и он не забыл описать выезд одного знатного лица.

Всадник ехал впереди синего домика с полотняными стенами и прорезанными в них окнами, поставленного на колеса, окрашенные в тот же лазурный цвет. Три лошака, запряженные гуськом, весело звеня колокольцами, тащили эту воистину небесную колесницу. Коренной двигался под сенью холщового зонта, хитро прикрепленного к переднему краю кузова и концам оглобель. Возница не ехал, а шел рядом с повозкой и погонял лошаков длинным жезлом. Чокан не упускал ни одного

случая, чтобы не искупаться в холодной голубой воде всех Семи рек. Купанье близ Хоргоса не состоялось лишь потому, что он увидел там водяных змей. От этой змеиной реки отряд двинулся в сторону Или через поля кукурузы и кунака. Нивы здесь перемежались пустырями с бурьяном цвета ржавой крови и чертополохом, но пытливый взгляд Чокана заметил здесь островки злаков, посеянных когда-то рукою человека, но со временем одичавших. Такое открытие было тут же подтверждено немыми и угрюмыми свидетельствами: в зарослях сорных трав виднелись развалины домов земледельцев. Далее снова начались нивы. Расстилались широкие поля, дававшие большие урожаи проса, кунака и гаоляна. Чокана особенно поразил вид гаоляновых нив, являвших подобие джунглей: хаос широких листьев лоснился и блестел на солнце. Путешественник отдал должное трудолюбию и настойчивости людей, преобразивших эту суровую землю.

«Вот пример для наших земледельцев Астраханской и Оренбургской губерний, где такие местности считаются совершенно негодными и остаются без разработки»,— писал Чокан.

Люди, победившие землю, на которой от начала века нельзя было найти ни горсти чернозема, заслоняясь от жарких лучей, с удивлением смотрели на русских путешественников. Между созревшими нивами были раскиданы летние хижины солонов. Женщины с трубками в зубах, сидя у этих шалашей, бормотали: «Улус», что означало —«Русский». Мужчины молотили хлеб каменными катками. По пыльной дороге двигались арбы с исполинскими колесами, возницы погоняли лошадей длинными шестами. Попадались и общественные повозки, рассчитанные на целый десяток людей; такие «омнибусы» тащило шесть-семь сильных лошадей.

Под высоким деревом сидели местные крестьяне. Они послужили Чокану поводом для сравнения их с другими жителями Средней Азии, которых он хорошо знал. В своем дневнике Чокан писал, что они похожи на афганцев. Путешественник обратил внимание на их впалые, глубоко сидящие глаза, тонкие и изогнутые, подобно турецкой сабле, носы, узкие губы, сухощавые бедра. Хотя тюрки Шести городов и были мусульманами, в них не чувствовалось того зловещего фанатизма, на который всегда со всей своей страстью обрушивался Чокан. Вот

и тут, в кульджинском дневнике, он говорил, что Бухару, оплот мусульманства в Западном Туркестане, нельзя называть «неугасимым светильником истинной веры». Бухара — вертеп, притон ханжей и корыстолюбцев, бесцельных спорщиков о внешних обрядах веры. «Священный город» изрыгает из своих недр изуверов и лицемеров — мулл; они становятся бичом для магометан Азии и России.

Тюрки Восточного Туркестана, с точки зрения Чокана, были «более веротерпимы и не так привязаны к рутине внешней обрядности». Его радовало, что в Шестиградье женщины пользовались свободой, присутствовали на всех общественных собраниях и без участия женщин была немыслима даже деятельность меджлиса. В Западном Туркестане этого быть не могло.

Бытовая культура китайцев оказала на уйгуров совсем небольшое влияние. Заимствования ограничивались, пожалуй, только тем, что уйгуры носили на поясе ножи с палочками для еды и покрывали головы небольшими шапками с кистью.

«Народ этот никогда не пользовался совершенной свободой; влияние этого рабства и зависимости положило на их лица печать какой-то угрюмости и печальной безнадежности»,— писал Чокан об уйгурах.

Эти заметки он набрасывал, сидя у подножия высокого дерева и слушая воркование голубей. Чокан повествовал, как дулай с собольими хвостами и офицер-солон, выспавшись под деревом, куда-то ненадолго удалились и с сияющим видом пригнали двух баранов и принесли рису.

Дулай незамедлительно «понюхал» здоровье «большого человека»— очевидно, М. Д. Перемышльского — и стал умолять русских принять подарки. Чокан не удержался от того, чтобы не записать образец речи дулая:

«Большой человек... дорога далекая... спроси... хорошо спал... Цзянцзюнь и хэмбэ-амбань... скажи... большой человек... юсун бар... есть обычай... есть бараны... есть рис...»

«Большой человек», к которому взывал дулай, переглянувшись с Чоканом, согласился в последний раз уважить просьбу дулая и солона — подносителя даров — по той простой причине, что баранов в русском отряде хватало, за кульджинские подарки рано или поздно надо

было давать тройные дары. Так уж было заведено богдыханом!

В заключение дулай и солон-дарохранитель стали залихватски пить ром, которым их угостили копальские путешественники. Дорожный погребец Чокана и чарки из черненого серебра показались мандаринам бездонными. Дуньчи, толмач, состоявший при двух высоких особах, затянул калмыцкую песню, оба сановника стали подтягивать. Чокан и его товарищи получили возможность подряд выслушать песни калмыков, уйгуров и киргизов. Чокан заметил, что солоны, живущие бок о бок с казахами, хорошо знают тюркский язык.

Неподалеку от пишущего Чокана пылал костер, хлопотали повара, готовя обед. К костру сходился местный люд — посмотреть на русских гостей. Чокан увидел в этой толпе чампангов, ссыльных из внутренних провинций Китая. Они резко отличались от маньчжуров, представленных здесь сибо и солонами. Чампанги были худощавы, невысоки и безбороды. Маньчжуры, наоборот, отличались высоким ростом, крепким телосложением и чем-то напоминали уфимских башкир.

Чокан познакомился здесь с двумя девочками-подростками — дочерьми чампанга из Кантона. У старого каторжанина были очень лукавые глаза. Он показал приезжему синие пятна на своих скулах; так когда-то заклеймил его кантонский палач.

Старик представил Чокану своих дочерей. Девочки с астрами в волосах прыгали и смеялись и, словно белки орехи, грызли сахар, подаренный им поручиком Валихановым. Одна из них погладила черноволосую голову Чокана, приговаривая: «Хороший господин русский».

Начальник отряда, всегда спокойный и рассудительный М. Д. Перемышльский, основатель укрепления Верный, полез в карман сюртука, вынул две серебряные монеты и подарил их дочерям каторжника. Девочки пришли в бурный восторг. Они подбрасывали монеты на ладони и спорили между собою — чья новее. «Улус славный человек»,— кричали юные китаянки.

Увлекающемуся Чокану трудно было с ними расстаться, но нужно было спешить. Гонец-казак, посланный в Кульджу, прискакал оттуда и доложил Перемышльскому, что «их высокоблагородие господин консул изволят ожидать в ближней деревне». Прелестные

девочки с их клейменым отцом, голуби и гостеприимное дерево вскоре скрылись из виду.

Много любопытного было в деревне Урда-хоза. Окованные железом колеса больших повозок скрежетали на дороге, покрытой черным слоем размельченного каменного угля, добытого из кульджинских месторождений.

Очень смолистый, он обычно горел ярким пламенем. Выражаясь современным языком, кульджинский уголь был зольным. За пять лет до того, как Перемышльский и Чокан двигались по дороге в Кульджу, Егор Ковалевский исследовал качества каменного топлива и предложил наладить вывоз его в Семиречье.

В угольных копях, проклиная тяжкий подневольный труд, работали чампанги. К слову сказать, они же добывали селитру.

Ссыльные трудились и на окрестных полях. Они шли и шли по дороге в Урда-хозу, таща на себе снопы гаоляна и той самой знаменитой «травы мусу», или люцерны, что была завезена в древние времена в Китай из Ферганы вместе с «небесными конями» Коканда. Если у чампанга заводился лишь один ярмак — медная монета с отверстием,— он спешил в харчевню. Под навесами харчевен Урда-хозы сидело множество народу, поглощавшего лук, похлебку со свирепым красным перцем и запивавшего эти яства чаем. Табачный дым синими волнами ходил над пестрой толпой китайцев, уйгуров и маньчжуров.

Дулай с собольими хвостами с гордостью сказал Чокану, что таких мест, как Урда-хоза, надо еще поискать, ибо сюда приезжают много людей и в селе есть даже гостиница. Русские заняли места под камышовым навесом странноприимного дома и тоже предались чаепитию.

Вскоре Чокан, закрыв свою походную тетрадь, снова сел на коня.

Слева от дороги, у горного подножия, был виден город Гомту, где мусульмане поклонялись гробнице Темир-Кутлук-хана, кашгарского властителя, признанного святым.

Какие хлеба раскинулись вокруг деревни Торджи, населенной клеймеными чампангами и кашгарскими переселенцами! Кроме пшеницы здесь было много джугары и мусу. Нивы были черным-черны от воронья. Оно кружилось в воздухе, затмевая солнце и отражаясь в водах пруда. Там купались уйгурские дети, не обратив-

шие никакого внимания на появление отряда. Местное население, как оказалось, привыкло к русским караванам, перевозившим мату из Кульджи.

Навстречу Перемышльскому и Чокану уже спешил со своей свитой Иван Ильич Захаров. Он решил сопровождать дорогих гостей до дверей своего дома в Кульдже. Вечером, когда на привале пили чай, охотники никак не могли усидеть на месте, потому что стаи диких гусей подняли такой шум на лугу, возле самой деревни, что русским стрелкам было не до ужина. Ночевать в Торджи отряд не стал и двинулся прямо на Кульджу мимо арыков и пашен, рощ и садов. Садов больше всего было в той стороне, где с севера простирался хребет Борохоро. Прибрежная полоса Или, наоборот, была безлесна, и на ней возвышались песчаные барханы.

Чокан снова размышлял о трудолюбии и терпении уйгуров и маньчжурских поселенцев. От Борохуджира до Кульджи путешественник насчитал восемь городов и множество селений. По существу, все они были оазисами, затерянными в первородной песчаной степи. Но человек создал оросительную сеть, посадил деревья, посеял злаки, добыл камни, изготовил кирпич и глину для постройки зданий и городских стен. Чокан снова вспоминал о судьбах земель в юго-восточной России.

Ночью были преодолены последние версты пути, и широко распахнутые ворота русской фактории, приняв гостей, вновь закрылись на все засовы.

В ДОМЕ КОНСУЛА ЗАХАРОВА

Утром Чокан выглянул в окно. Фактория располагалась на песчаном берегу Или, за Сарыбулаком. Строения были окружены стенами так, что они образовывали три внутренних двора. Поэтому, для того чтобы осмотреть все владения Захарова, надо было переходить из одних ворот в другие.

Захаров жил в большом каменном доме с мезонином и кровлей, увенчанной изображением чудовищ — Лу и драконов. Рядом обитали секретарь и служащие консульства; отсюда можно было сосчитать зубцы на стене Кульджи — так хорошо был виден город. В ведении Захарова находились также гостиный ряд, номера для приезжих, баня, две казармы. Иван Ильич был любителем-садово-

дом. За три года он успел развести при фактории сад, где испытывались плодовые деревья, цветы и огородные растения Китая.

Сам цзянцзюнь завидовал Захарову, потому что у могущественного правителя Илийской провинции не было такого красивого и удобного особняка. Но русский консул был в тревоге. Река Или неумолимо наступала на рыхлый берег. Обвалы происходили каждый год... Захаров говорил, что река скоро подойдет к самым стенам фактории, ибо до обрыва осталось всего сорок саженей, а весной надо было ждать нового оползня.

Иван Ильич Захаров, смуглый широкоплечий человек лет сорока с небольшим, к 1856 году успел привести в порядок научные данные, собранные им в Пекине. Он составил карту Тянь-Шаня и Джунгарии. Основою ее были труды китайских географов. Захаров учел также последние съемки русских исследователей в области Балхаша.

В то время топографической службой в Западной Сибири руководил генерал-майор Сильверсгельм. Он был известен как составитель «Военно-статистического обозрения Киргизской степи Западной Сибири». У злоязычного Чокана был прямой повод рассказывать об одной фантасмагории, связанной с самодурством генерал-губернатора Гасфорта.

Однажды Гасфорт рассматривал свежие планшеты съемок и вдруг спросил: почему на некоторых водоразделах он не видит гор? Сильверсгельм доложил, что в местах, указанных старческим перстом наместника, никаких гор нет. Гасфорт вскипел, накричал на Сильверсгельма и приказал ему, чтобы горы были.

Топографы знали, что ослушаться Гасфорта было невозможно. Не пожалев черной и цветной туши, они в течение какой-нибудь недели составили сводную карту. На ней, прямо по Гумбольдту, красовались широтные и меридиональные хребты.

Гасфорт был в полном восторге по поводу того, что горы оказались именно там, где он хотел. Но он не знал, что Сильверсгельм не внес никаких исправлений в подлинники съемок, а спрятал их под семь замков подальше от взоров генерал-губернатора.

«Проектированные начальством горы» стали предметом насмешек, но Гасфорт и в ус не дул, рассматривая карту невероятной горной страны, сердцем которой, как

Мекка на чертежах древнеарабских географов, был Гасфортов перевал близ Копала! В таких условиях приходилось работать сибирским составителям карт. Но карта Захарова, созданная в Омске при помощи сотрудников Сельверсгельма, в лапы Гасфорту не попала, благополучно миновав его цензуру. Работа над ней шла в 1851—1856 годах. Впоследствии эта замечательная карта была отмечена патентом и медалью на всемирной выставке в Париже.

В Кульдже у Чокана был собеседник, с которым можно было часами говорить о вещах, волновавших воображение молодого исследователя,— о книжных и рукописных сокровищах библиотеки Русской миссии в Пекине, букинистах на улице Люличан. Иван Ильич Захаров еще недавно трудился вместе с известным русским китаеведом Палладием (Кафаровым), прожив с ним бок о бок в Пекине около восьми лет. Захаров не мог оставить без внимания труды Палладия, его изыскания о мусульманах в Китае и их связях с Бухарой, Кокандом, открытие Кафаровым пекинских историков, оставивших труды о западных странах.

В год встречи Чокана и Захарова в Кульдже Палладий еще был в Пекине. Он отыскивал там древние свитки, написанные на туркестанской бумаге, исследовал историю путешествия китайского отшельника Чан-чуня к Чингису в 1220 году через Семиречье, открывал старинные описания Самарканда и Бухары.

...Седьмого августа 1856 года в доме Захарова состоялась первая встреча русских представителей с китайскими сановниками. К консульским воротам подкатили повозки, влекомые мулами; возле каждой из них был человек с луком и колчаном стрел.

Близорукий туголдай, первый торговый пристав, поставил ногу на скамейку, угодливо подсунутую ему, сошел на землю и приблизился к Ивану Ильичу Захарову, приветствуя его радушной улыбкой.

Перемышльский, Чокан и остальные их спутники стояли в стороне, ожидая, когда их представят туголдаю. Взаимное знакомство состоялось в зале, после того как мандарины заняли места.

Туголдай не раз бывал у Захарова и выучил несколько русских слов. Он гордился этим. Чокан заметил, что торговый пристав вытянул из-за голенища длинную трубку только для того, чтобы тонким голосом потребо-

вать по-русски: «Огня!» Китайский табак был очень плохого качества и имел запах «сасыра» казахских степей. Однако все дружно курили его, и к расписному потолку поднимался сизый дым.

Туголдай оказался очень живым и разговорчивым. Блестя огромными очками, обмахиваясь веером, висевшим у него на поясе, он разохотился до того, что начал читать стихи. Чокану запомнились две строчки:

На небе — рай,
На земле — Ханчжоу.

Коголдай, помощник туголдая, не был ни в чем похож на своего жизнерадостного начальника. Бледный, худой, он как будто не мог оправиться от сильного испуга, прийти в себя. Из его слов явствовало, что он изучал философию.

Среди мандаринов были интендантский штаб-офицер, снабжавший войска провиантом, и особый блюститель благочиния. Китайские гости провели в доме Захарова три часа. Стороны порешили, что переговоры начнутся 11 августа.

В тот же день уже знакомый нам дулай снял шапку с собольими хвостами, ибо носить ее он мог только во время служебной поездки, и надел строевой головной убор.

Как человек образованный и склонный к торжественности, он вскоре появился у ворот русского консульства, держа в руках лист красной бумаги. Вслед за дулаем шествовали четыре человека, нагруженные дарами. На палке несли вверх ногами свинью, шевелившую длинными ушами. В числе подарков были мешок риса и корзина плодов. Все это перечислялось в списке на алой бумаге.

Посольство дароприносителей медленно взошло на крыльцо и положило прямо к ногам Перемышльского свинью, находившуюся в состоянии полного безразличия, а затем рядом с ней пастилу. Разумеется, русские немедленно послали ответные подарки цзянцзюню и его товарищу — хэмбэ-амбаню. Дулай, подняв вверх большие пальцы, тесно сблизил их и заявил, что Срединная империя и Россия находятся в дружбе, мире и согласии.

Чокан на страницах дневника проклинал кульджинскую скуку. Сидеть в четырех стенах, не быть вольным

над собой, не иметь права выхода за ворота захаровского дома!

Он за обедом отвел душу в разговорах с Иваном Ильичом. Тот рассказывал о русских исследователях Китая, в частности об отце Петре (Каменском), архимандрите Русской миссии. Более четверти века провел он в Пекине. Перед отправлением в Китай он был пострижен в монахи из чиновников и зачислен в студенты для изучения китайского языка. В 1820 году он получил сан архимандрита. Каменский вел дневник, охватывавший двадцать семь лет его жизни. На страницах дневника были записаны впечатления, наблюдения, выборки и выписки из китайских исторических источников и литературных произведений. Эту огромную книгу своей пекинской жизни отец Петр назвал «Мешком». Когда ученый монах возвратился на родину, он, по свидетельству Захарова, сдал в Азиатский департамент уже не один, а несколько настоящих, а не символических мешков, битком набитых драгоценными записями. Чокану оставалось только подивиться тому, что мешки Петра Каменского уже более четверти столетия лежали, перевязанные казенной бечевкой, и до них никому не было дела.

Все оживились, когда Иван Захаров рассказал, как озорничал отец Петр, переводя стихами древнее учение «Иньян», о двух началах в природе. Иван Ильич позволил себе привести на память некоторые отрывки из творения Каменского.

Когда на стол подали сома, выловленного в верхней Или, разговор зашел об отце Иакинфе, умершем три года назад в Петербурге. Захаров рассказывал о бурной молодости Иакинфа, о его заключении в монастырской темнице на острове среди огромного северного озера. Собеседники понимали, что главное в Иакинфе было вовсе не то, что, будучи монахом, он держал у себя в келье молодую красавицу под видом послушника или, как говорили злые языки, ходил по пекинским улицам под руку с двумя хорошенькими «нимфами» Срединной империи.

К тому времени Чокан уже был хорошо знаком с замечательным трудом Иакинфа (Бичурина) «Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена» (1851). Отец Иакинф пользовался китайскими первоисточниками, рукописными и печатными книгами по истории древних династий. Он рассказал о

Чжан Цяне, много лет пробывшем в стране усуней, о войнах Китая с Кокандом из-за «небесных коней» Ферганской долины, об усуньских посольствах, прибывших в Китай наравне с послами из Кашгара и Карашара, о дальних странствиях Бань Чао. Бань Чао, бывший писец, стал грозой Восточного Туркестана. В честь Бань Чао в Кашгаре был воздвигнут храм возле озера, названного по имени этого завоевателя и путешественника. По-видимому, уже после того как Бань Чао перешел хребты Небесных гор, он послал на запад своего спутника Гань Ина, и тот достиг берегов «великого моря».

Только недостаток в средствах заставил Гань Ина возвратиться обратно, отказавшись от своего твердого намерения добраться до Фолиня, как называли старинные китайцы вечный город Рим. Китайский странник описал области и местности, пройденные им.

У отца Иакинфа можно было прочесть и описание государства хагясов — рыжих и голубоглазых людей, одетых в собольи меха. Их страна в IX веке простиралась от Байкала до Восточного Туркестана и Тянь-Шаня. «История династии Тан» от 618 до 907 года нашей эры повествовала, что хагясы приходили ко двору императора Китая, приносили образцы богатств своей страны. Император поручил ученым-толмачам составить описание страны хагясов, а художникам — написать изображение хагясского государя.

Иакинф знал, что из Кана (Самарканда) в Китай еще в VII веке были привезены черенки вишен, посаженных в саду императора, однажды даже приказавшего сочинить торжественные стихи в честь послов, прибывших из Кана.

Иакинф раскрывал старые связи с Восточным Туркестаном и Средней Азией, рассказывал, как люди из страны Юэчжи научили китайцев изготовлять цветное стекло. Юэчжи находилась между Амударьей, Кокандом и Сырдарьей.

В китайских летописях, сочинениях путешественников не раз упоминались степные области Запада, где люди обитали в войлочных жилищах, а владыки кочевников носили валяные шляпы, украшенные самоцветами.

Когда отец Иакинф возвращался из Китая на родину, он вез сокровища, нагруженные на несколько верблюдов. Это были древние рукописи и книги, картины и изваяния китайских мастеров.

Иакинфу было над чем размышлять в недрах монастырской темницы, перебирая пальцами бусины железных четок, сделанных из кандалов декабриста Николая Бестужева, с которым был дружен неукротимый отец Иакинф. Он написал десятки трудов о Китае, Джунгарии, Тибете, Восточном Туркестане.

Современники иногда упрекали Иакинфа в том, что он имел пристрастие к изучению «книжного» Китая, боготворя его летописцев и историков и уделяя мало внимания сегодняшнему дню этой страны. За обедом у Захарова кто-то заметил, что у Иакинфа была еще одна слабость. Он будто бы не видел различия между своими мыслями и догадками и данными, приведенными в китайских источниках.

Тем не менее и Чокан, и его кульджинские собеседники прекрасно понимали, каким богатырем русской науки был этот неистовый, противоречивый человек, отдавший свою жизнь для изучения прошлого Китая.

«Труженик вечный...
Свет проливает в скрижали истории...»

Так было написано по-китайски на могиле друга декабриста и опального монаха, в миру — Никиты Бичурина. Лишь через четыре года после путешествия в Кульджу Чокан Валиханов смог обнажить голову на месте последнего упокоения Иакинфа.

Захаров рассказывал также о русском знатоке Китая, обитателе Пекина отце Аввакуме. Кульджинский консул отзывался об Аввакуме как о прямом, честном человеке и большом ученом, бескорыстно делившемся со всеми своими огромными знаниями, накопленными за годы неустанных трудов под сводами библиотеки Русской миссии.

Девятого августа 1856 года Чокан делал записи по изучению китайского языка, состоявшего из слогов, как, например: у, ао, хао, мао... Каждый из этих слогов имел несколько значений. Чокан записал, что слог «хой» можно обозначить 214 разными письменами, выражающими 214 значений этого слога.

Вслед за этим путешественник занялся составлением обзора цен на некоторые съестные припасы в Кульдже. Сведения эти тоже полезны, и мы можем их привести, заглянув в чокановский дневник.

Возможно, эконом консульства рассказал Чокану, что

обитатели захаровского дома покупают говядину по четыре копейки за фунт. Фунт баранины стоил пять копеек.

Китайские гуси с хрящевым наростом на клюве — хуже русских, а утки в Кульдже — такие же, как русские утки. Из плодов Чокан отметил местный персик — плоский, но очень вкусный. Ему понравились кульджинские груши, зато Чокан плохо отозвался о местных арбузах, перерождавшихся от свойств почвы. Он разузнал о редком плоде, получившемся от скрещивания абрикоса с китайским фиником — жужубом. Высушенный плод этот напоминал винную ягоду, и Чокан настолько запомнил его, что описывал еще и в другом месте эту помесь урюка с китайским фиником. Далее Чокан переходил к заметкам о комульских дынях с зеленой корой, отличавшихся тонким и нежным запахом, китайском картофеле, луковицах дикой лилии сараны, употреблявшихся в пищу.

Одиннадцатого августа Чокан коротко записал в свой дневник, что в тот день начались переговоры с представителями илийских властей. Никаких подробностей он не приводил, очевидно считая все это будничным и утомительным делом. К тому же на Чокана навалился неожиданный недуг: у него началась зубная боль, не отпускавшая его несколько дней подряд. Китайский аптекарь прислал больному белый порошок из корня и листьев какого-то растения с сильным запахом. Снадобье это не дало облегчения.

Промучившись дня четыре, Чокан совершил первую поездку по городу. Участники прогулки ехали верхом, впереди следовал казачий урядник, но, разумеется, без лука, стрел и колчана, как его китайский собрат. Дорога вела к речке Сарыбулак или Шахэцза. Там Чокан увидел огромное мусульманское кладбище, окруженное большой стеной с двумя красивыми воротами. Город мертвых привлек внимание исследователя потому, что Чокан смог сравнить погребальные обычаи китайцев и местных магометан. Китайцы, как писал путешественник, не очень заботились об устройстве своих умерших. Могилы китайцев можно было видеть всюду — возле дома Захарова, на берегах Или и Сарыбулака и даже под речными мостами, у самой воды. Но на кладбище за красивой оградой были видны добротные памятники, каменные надгробья, украшенные вязью надписей с изречениями из Корана,

изображения чалмы и полумесяца. На кладбище было много зеленых деревьев, оно походило более на цветущий сад и было местом для прогулок кульджинцев.

Первая улица, на которую выехали всадники, была очень тесна. По обеим сторонам ее тянулись стены с зияющими воротами. Ворота вели во дворы, в глубине которых стояли дома с навесами. Но вот урядник повернул на главную улицу города. По правую руку остались стены крепости с зубцами и бойницами, налево — частные дома, для чего-то отгороженные рвом, заваленным отбросами.

Поравнявшись с воротами крепости, путешественики двинулись в сторону кульджинского рынка по улице, близ которой стояла кумирня.

Чокан ожидал, что перед ним откроется обширная рыночная площадь, но городской рынок в Кульдже представлял иную картину. Он размещался на длинной улице; проезжая часть ее была возвышена наподобие насыпи и огорожена перилами. По обе стороны виднелись лавки и навесы, над ними развевались похожие на хоругви вывески. Чокан разглядывал их. Вот на одной из хоругвей изображен исполинский сапог, повернутый белой подошвой к зрителю, на другой — красуются синие чулки, годные для ног великана.

Торговая улица оглашалась ревом лошаков, грызших коновязи, скрипом колес, звоном колокольцев и гулом толпы. Над прилавками качались опахала из конских хвостов; ими торговцы обмахивали снедь и плоды, от которых ломились плетеные корзины. Там, где не было навесов, над торговыми местами возвышались трехсаженные мачты с водруженными на них огромными зонтами. Эти хитрые сооружения позволяли перемещать зонты сообразно положению солнца.

Приманкой толпы была разная мелочь. Ею были завалены длинные столы, стоявшие под навесами. Здесь блестели зеркала, металлические бляхи, пестрели раскрытые, как крылья, веера. Люди перебирали смуглыми руками цветные кисеты, трубочные чубуки, пачки желтого табака.

«Сколько было тут разнообразных лиц,— писал Чокан,— сколько одежд! Сидел тут под навесом купец в курме и сером длинном халате, и был тут и андижанец,— так называют здесь всех среднеазиатцев,— в чалме, с круглой, черной, как вороново крыло, бородой и с пра-

вильным лицом. Чанту-кашгарец в белой рубахе и в одном аракчине угрюмо смотрел из-под насупленных бровей. Глаза у него были темные, нос у него был изогнут, как дамасская сабля. Оборванный таранчи, земледелец из мусульман, выселенный в эти провинции для службы китайским чиновникам, для возделывания земли, с наслаждением сосал только что купленный арбуз...»

Чокан описал запомнившегося ему ссыльнопоселенца из Внутреннего Китая, одетого в рубаху, до того пропитавшуюся потом и жиром, что она казалась сшитой из лощеной клеенки. А вот калмык в рысьей шапке, затянутый тугим поясом, приветствующий кого-то возгласом: «Менду!» Вот два маньчжура, курящие одну трубку. И все эти люди держали в руках связки медных монет, ибо здесь было принято нанизывать их на прочную нитку и таскать за собой до тех пор, пока деньги не будут истрачены.

Когда Чокан и его спутники вступили на торговую улицу, толпа сразу заметила их. Отовсюду доносились крики: «Улус! Улус!» Русских узнали по одежде. Чокан услышал, как один из китайских ссыльных промолвил, обращаясь к другому чампангу: «Ты только погляди, сколько ярмаков на этом русском господине».

Русским надо было сделать кое-какие покупки, и для этого они начали искать гостиный двор, где было много спокойнее, чем на толкучем рынке. Дорога привела во двор, вымощенный красным кирпичом. Лавка помещалась в красивом, спокойном и каком-то легком доме. От него веяло чистотой и удобством. В доме были широкие узорчатые окна, расписные карнизы, большие двери. Стены были покрыты надписями. Над дверьми висела тростниковая завеса, поднятая в дневное время, рамы были затянуты полосами матовой бумаги, сквозь которую мягко проходил свет солнца.

Переступив порог лавки, Чокан огляделся и увидел себя сразу в нескольких зеркалах, расставленных вдоль стен, украшенных картинами. Одна из них изображала почтенного и довольно древнего мандарина с невероятно длинными усами и бородой. С потолка свисали какие-то свитки, похожие на грамоты с маньчжурскими письменами. Счетные книги в строгом порядке были подвешены на гвоздях, вбитых в стены. Тут же возвышались нары, а рядом с ними — стол с медным тазом, наполненным

горячим углем. На этом очаге разогревался кувшин с чаем.

Направо от дверей протянулся прилавок; на нем лежали китайские счеты, с помощью которых торговцы делали самые сложные вычисления. Над столом висели ножницы и перламутровый клинок для разрезания оберточной бумаги.

Оказалось, что товарами эта лавка бедна, выбор вещей был очень ограничен, и Чокан почти ничего не смог купить. Зато он получил возможность изучить быт кульджинского купца. Гостеприимный хозяин провел незадачливых покупателей на свою жилую половину и усадил их на нары перед низеньким столом, заставленным блюдами с плодами и овощами, чайной посудой. Среди угощения были желтые финики — жужубы, называвшиеся «драконовым глазом».

Радушный торговец просил гостей остаться у него обедать и даже принял твердое решение послать гонца за «разрушительницами городов». Так назывались здесь феи, подобные тем, с которыми когда-то прохаживался по улицам Пекина неугомонный отец Иакинф.

«Разрушительницы городов» в Китае были непременными участницами всяких пиров и званых обедов, куда их приглашали для поддержания веселья и непринужденности. Нимфы приходили на пиры с трехструнными лютнями, затевали за столом нежную игру. Проигравший ее обязан был пить вино.

Но как ни заманчиво было приглашение кульджинского лавочника, русские отказались от обеда и знакомства с «разрушительницами городов» и распростились с любезным хозяином.

Путешественники направились в лавку фарфоровых изделий, но там столкнулись с кучкой каких-то изрядно выпивших людей. В числе их был один явно подозрительный господин в длиннейших синих чулках, все время старавшийся задеть приезжих. От него решили отвязаться. Чокан отправился на улицу Аш-фузул. Название это, как он объяснял в своем дневнике, произошло от смешения тюркского слова «аш» (еда) с китайским «фузул». Чокан отметил, что китаец нередко может сказать: «Худа чжэн-де» («Бог даст»), забывая о том, что первое слово он заимствует из языка тюрков.

Улица Аш-фузул дохнула в лицо дымом жаровен, огнем котлов, запахами пищи. Это был мир харчевен и

дешевых ресторанов. Здесь не было видно широко распахнутых дверей, так как эти заведения со стороны улицы не имели никаких стен. Прохожему или всаднику стоило лишь протянуть руку, чтобы взять прямо с улицы миску, наполненную до краев горячей похлебкой, щедро заправленной луком и красным перцем. Чуть ли не по середине этого обжорного проспекта, у черты подмостков, под сенью гигантских зонтов тоже располагались харчевни. Отварной рис высился горами на блюдах, выставленных напоказ. Громко ворчал кипящий жир, из котлов с лапшой вырывался густой пар.

Простой народ великолепно обходился здесь без всяких услуг и нежностей «разрушительниц городов». Он наваливался на грубую, но здоровую пищу и истреблял ее всю без остатка. Участников этих трапез не нужно было уговаривать. Кроме лапши, риса на стойках каждой корчмы были видны красная, как свекла, морковь, груды чеснока в сизой одежде, огурцы, изогнутые, как стручки, клубни «вьющегося» картофеля.

Чокану казалось, что на эту улицу вышел весь город, за исключением маньчжурских чиновников, сидевших в своих присутствиях.

Здешний рабочий люд, замечал Чокан, привык к уличной жизни. Он проводил целые сутки на рынке, в съестных рядах. Если у поденщика был хоть один ярмак с драконом, он бросал монету на прилавок харчевни и насыщался на целый день. Когда темнело, китайский рабочий укладывался спать на земле рыночной улицы. Но это хорошо было летом, а зимой, во время кульджинских буранов, много бездомного народа пропадало без вести, и лишь весною чины городской полиции начинали сволакивать к берегу Или тела погибших во время метелей. Трупы уносило в Балхаш.

Если бы насыщение тысяч рабочих людей стоило им дороже и неприхотливая пища не была бы так доступна им, множество бедняков Восточного Туркестана давно бы вымерло.

«Народу тысячи,— писал Чокан в кульджинском дневнике,— и все это народ рабочий, дельный, трудолюбивый, но что же делать?— Нет работы. Сколько рабочих рук пропадает даром! Сколько полезного народа. Труд здесь ставится в ничто. Китаец за сто рублей складывает каменный дом, который бы стоил у нас триста рублей. Вот до чего не ценят они труд и время. У вас избилась

посудина, вы бросаете, ибо она не способна ни на что. Нет, китаец возьмет, отдаст починить. Мне случилось видеть маленькую полоскательную чашечку, на которой было 150 мелких металлических скобок — на это нужно было непременно труда несколько дней. Это стоит ему несколько грошей. У нас за такую работу, конечно, никто бы не взялся и задаром, впрочем, никто бы не отдал, ибо чашка сама по себе стоит 20 копеек».

Пора было возвращаться с улицы харчевен, окутанной дымом очагов и жаровен. Остальная часть города была в эти часы пустынна. Впрочем, была одна встреча, которую описал Чокан.

По одной из улиц, заваленных навозом, двигалась целая семья таранчей, как тогда называли уйгуров. Смуглый лицом чалмоносец ехал с женой и дочерью. Юная уйгурка, как уверял Чокан, была достаточно красива, но настолько дородна, что, сидя в седле, заполняла собою все существо коня так, что постороннему глазу были видны лишь голова да хвост на редкость выносливого скакуна.

Чокан успел рассмотреть, во что одета исполинская уйгурка. Сколько аршин ткани пошло на ее необъятный халат с прямой тесьмой и цветными шнурами поперек могучей груди! Дочь Восточного Туркестана проводила Чокана обворожительной улыбкой, отразившейся во всех пуговицах его сюртука.

КУЛЬДЖИНСКИЙ ДНЕВНИК

Восемнадцатого августа 1856 года Чокан отметил в дневнике, что состоялось второе совещание русских представителей с сановниками Илийской провинции, но подробностей переговоров он и на этот раз не привел. Вместо этого молодой ученый объяснил значение слова «чэнь». Так называли себя государственные служащие Китайской империи. Чокан был склонен думать, что слово «чиновник» могло происходить именно от китайского «чэнь», привившегося на русской почве во времена монгольского владычества.

Общение с кульджинскими сановниками дало возможность Чокану собрать некоторые данные об устройстве Илийской провинции. Он писал, что город Кульджа является средоточием управления всего Западного края.

В него входили провинции Или, Тарбагатай и область Семи городов Турфанского оазиса. Илийского цзянцзюня следовало рассматривать как вице-короля или генерал-губернатора обширного края и главноначальствующего китайских войск Западного края. Хэмбэ-амбань был правой рукою могущественного богдыханского наместника. Управление Тарбагатаем было поручено тамошнему губернатору.

Кроме китайских сановников в крае были и туземные правители — хаким-беки. Они управляли мусульманской Старой Кульджой, городом Урумчи, Курумом. Одному из хаким-беков было пожаловано даже достоинство китайского *вана.* Ванское звание носил и торгоутский тайша, хотя над ним и стоял китайский пристав, ведавший калмыцкими делами. Из калмыцких родов более известны были чахары, кочевавшие возле Сайрам-Куля, и олеты, жившие на Текесе. Чокан в своем дневнике рассказывал об уже знакомых нам сибо и солонах, переселенных в Западный край из Маньчжурии. Он обмолвился об ужасном положении бедняков-таранчей, когда-то принудительно вывезенных из Кашгарии.

«Та-ра-хо» по-маньчжурски означало «пахать». Хлебопашество было навязано подневольным людям богдыханскими властями. «Таранчей» заставили снабжать хлебом войска императора.

Китайцы, обитавшие в Илийском крае, по свидетельству Чокана, разделялись на приезжих купцов, временных жителей-мастеровых и клейменых ссыльных — отчаянных и непокорных чампангов. Кстати сказать, последнее слово Чокан писал на разные лады — то «шампань», то «чампань».

Собственная жизнь для чампангов была не дороже позеленевшего ярмака. Они время от времени устраивали бунты и восстания.

В 1855 году вспыхнул большой мятеж чампангов в самой Кульдже. Это был далеко не обычный «джанджал», очередной бунт ссыльных, а грозный пожар, угрожавший маньчжурам гибелью.

Но слуги богдыхана, предупрежденные о подготовке мятежа, начали истребление людей с клеймеными скулами. Уничтожено было несколько тысяч чампангов. Их вешали, бросали в воды мутной Или. Множество тел выносило тогда в Балхаш! Какая-то часть чампангов успела убежать в сторону русской границы и укрылась в го-

рах Калкан. Чокану сказали, что беглецы еще отсиживаются там, решив дорого продать свою жизнь, если за их душой придут солдаты илийского цзянцзюня.

Пребывание беглых в свинцовых горах Калкан, в непосредственной близости от кочевок Большой орды, могло угрожать их спокойствию. Сами горы Калкан, очевидно, были уже знакомы чампангам, так как ранее там находились рудные разработки, зависевшие прежде всего от каторжного труда ссыльных.

В августе 1856 года Чокан собирал данные по истории уйгуров. Он мечтал найти образцы их древней письменности, существовавшей еще во времена Чингисхана. За долго до поездки в Кульджу молодой исследователь изучал основы уйгурского языка по известному словарю Генриха Юлиуса Клапрота.

Чокан считал, что, хотя язык уйгуров и произошел от тюркского корня, он существенно отличен от других тюркских наречий. В нем явственно звучали монгольские слова, попадались и слова, напоминавшие о языке тибетцев. Валиханов решил, что языки тянь-шаньских киргизов и уйгуров имеют между собой близкую связь.

Книги из кульджинской библиотеки Ивана Ильича Захарова, долгие беседы с этим знатоком истории Китая помогли Чокану уяснить многие истины.

В кульджинском дневнике мы находим записи о судьбе древнего императорского дома Цинь, погибшего от беспрерывных внутренних раздоров, заметки о второй по счету династии Хань.

Некоторые исторические повествования китайцев раздражали Чокана. Он находил в них места, свидетельствовавшие о рутине казенных историков, стремившихся сохранить старую форму в ущерб смыслу. Бывало так, что если какое-либо слово относилось к китайцу, оно имело одно значение, если же речь шла о «варваре», значение этого же понятия мгновенно изменялось, и постичь всю эту путаницу было нелегко.

Исторические заметки Чокана перемежались чисто жизненными записями. Он, например, узнал, почему китайский хлеб на вид был много белее русского хлеба. Оказалось, что китайцы после молотьбы увлажняли зерно. Такая пшеница давала белизну, столь заметную в муке и печеном хлебе. Но этот хлеб быстро черствел. К тому же к муке часто примешивали молотую кукурузу.

Чокан описал способ молотьбы хлеба при помощи каменных катков, влекомых лошадью или волом по току.

Любопытно замечание Чокана о том, что во Внутреннем Китае перед молотьбой на полях сначала снимали только одни колосья, оставляя на время стебли. Их скашивали потом отдельно. Спелая солома шла на изготовление домовых кровель и циновок, из нее плели шляпы.

Тяжелые жернова китайских мельниц приводились в движение конями.

Описывая некоторые обычаи населения Китая, Чокан вспоминал об охоте, прекрасно изображенной Марко Поло, петушиных боях, травле кошек, драке сверчков.

Сверчки в Китае знаменовали собою счастье в том случае, если они встречали своей песней первый день нового года. Сверчок живет лишь год. Поэтому в Китае существовала удивительная должность воспитателя сверчков. Пестун этого маленького звонкого насекомого даже имел придворный чин. Рассказывали, что в час наступления нового года воспитатель сверчка являлся в покои богдыхана с тыквенной коробочкой за пазухой и заставлял своего питомца петь хвалу императору Китая. Последний по счету богдыхан всегда имел при себе ученого сверчка. Чокана уверяли, что естествоиспытатели Китая путем сложной и тяжелой опытной работы достигли удивительных успехов и добились продления жизни маленьких вестников счастья.

Чокан изучал положение буддийской церкви в Восточном Туркестане. Во главе ее стоял хутухта, живший в пятнадцати верстах от города Кульджи. В Монголии и Тибете насчитывалось до семидесяти двух хутухт, что соответствовало числу учеников Шакьямуни.

Хутухты ургинский и западнотибетский, так же как и кульджинский, были ставленниками богдыханского правительства, отбиравшего для этого людей наиболее преданных ему или ничтожных и неумных. Богдыхану было выгодно всеми средствами ограничивать умственный кругозор живых богов. Их окружали распутными женщинами, растлевали сознание хутухт роскошью.

Богдыхан старался, чтобы в число живых божеств не

попадали сыновья монгольских ханов, и ставил хутухтами уроженцев Кама. Хутухты, как и многие из далай-лам, были недолговечны. За это они должны были благодарить богдыхана, отечески опекавшего их.

Исключение представлял Панчен-Эртни, хутухта Западного Тибета, лишь в малой степени зависевшего от власти богдыханского правительства. Духовный владыка этот дожил до восьмидесяти лет потому, что от него далеки были опекуны императора, приставленные к другим хутухтам. Хутухта Восточного Туркестана обитал в *урге,* как называлось его жилище по-монгольски. Маньчжуры же называли ставку живого бога куренем.

Двадцать пятого августа Чокан выбрался из Кульджи для прогулки по берегу Или. Там, среди песчаных холмов, он встретился с двумя китайскими охотниками, явно нарушавшими правила промысла. В руках у них были фитильные ружья — длинные и тонкие, с повернутыми вниз прикладами. Стрелки эти мгновенно решили, что они смогут выгодно продать свои ружья русскому господину, и заломили огромную цену. Один из охотников пристал к Чокану, уговаривая его купить также грубую пороховницу из верблюжьей кожи, и страшно разочаровался, когда путешественник предложил за нее один лян медными ярмаками.

И. Г. Калиновский, секретарь Ивана Захарова, сопутствовавший Чокану в этой прогулке, несколько раз стрелял по фазанам, но так и не убил ни одной птицы. Фазанов была тьма-тьмущая. Они скрывались в высокой траве и камышах на приилийских лугах, куда путники вступили после перехода через полосу сыпучих песков. В этой пойме росли высокие цветы, напоминавшие астры, китайская конопля, солодковый корень, густой молочай. Под ногами простиралась влажная илистая земля. Сибо и солоны пасли в этих травяных джунглях свой рогатый скот и коней, присматривая за ними из-под исполинского вяза.

Спутник Чокана, какой-то С., хорошо знавший окрестности Кульджи, привел гостя к хижине китайского рыбака и облюбовал для отдыха два густолиственных дерева — серебристый джидовник и могучий клен. Хижина была сложена из необожженного кирпича, вдоль стен тянулся навес.

Вход в жилище рыбака был закрыт камышовыми завесами, вокруг лачуги стояло множество плетеных кор-

зин всех размеров. Но хозяина не было дома, и путники решили отыскать его на реке. Там Калиновский увидел вторую хижину, поставленную, как он говорил, лишь недавно. Обитатель ее тоже ушел на Или, и Чокану оставалось лишь одно: любезничать с женой рыбака. Она встретила гостей сначала не очень приветливо, а потом смягчилась и обнаружила отменную доброту сердца, как вспоминал об этом Чокан. Вскоре возвратился муж китаянки. Он продал русским несколько свежих рыбин и остался доволен платой.

Путешественники возвратились к первой хижине, сошли с коней и начали готовить чай. Остаток дня они провели под зеленым сводом из ветвей джиды, илема и ивы. Здесь росли дикие розы и барбарис, алые гроздья ягод были оплетены вьюном, покрытым серебристым, нежным пухом. На закате солнца Чокан и Калиновский вернулись в Кульджу. Через несколько дней русское подворье праздновало именины консула Захарова. К темному небу взлетали Конгревовы ракеты, били огненные фонтаны, трещал стократный китайский фейерверк. Чокан заметил, что это удовольствие стоило очень дешево; все забавы обошлись лишь в пять рублей серебром.

Тридцатого августа Чокан принимал парад маленького русского отряда. Солнечный луч сверкал на конце его златоустовской сабли, отчетливо и звонко раздавались слова команды. Казаки палили из ружей, проходили строем перед толпами кульджинцев, вызывая у зрителей простодушный восторг. Консульский секретарь И. Г. Калиновский держал речь перед отрядом; ответом на нее было троекратное русское «ура», подхваченное даже китайцами и уйгурами.

Начало сентября ознаменовалось в Кульдже китайскими торжествами. Третьего числа старинные пушки загремели на стенах крепости так, что затряслись железные створы башенных ворот. Раздавался пронзительный звук рога из морской раковины, потешные огни трещали, вращаясь, как пылающие колеса, ночью и днем.

Фу Шань-лунь, купец, подружившийся с Чоканом, принес ему в дар пирог благополучия с таинственным узором на верхней корке. Это клеймо должно было принести счастье. Чтобы не обидеть своего приятеля, Валиханов попытался при госте отведать дар блаженства, но

с трудом проглотил кусок, потому что приторно сладкое тесто было замешено на свином сале.

Чокан посмотрел и на военные ученья китайцев. Они происходили на лугу. Колдаи — штаб-офицеры — сидели в палатке, окутанные дымом своих трубок со здешним дешевым табаком, и через дверь наблюдали за действиями стрелков-маньчжуров. Одетые в рубища солдаты с луками и колчанами пускали длинные стрелы в пестро разрисованную мишень. Китайские солдаты были неплохими лучниками, но им не давалось обращение с пушками, украшенными иероглифами императора.

Чокан выяснил происхождение звания «колдай». Оказалось, что в собственно Китае о нем знали только историки, изучавшие летописи дома Юань. «Колдай» — слово монгольского происхождения — употреблялось в Китае в 1260—1368 годах при монголах и исчезло после падения Юаньской династии. В Илийском крае чин колдая уцелел до середины XIX века. В дневнике Чокана появились обозначения других чинов китайской армии. Генерала здесь называли амбанем или дажэнем. Первое из этих слов было маньчжурское, а второе — китайское и означало «большой человек». Перед словом, обозначавшим чин, в виде приставки употребляли сокращенное имя того или иного генерала или офицера. К примеру, это звучало так: «Ту дажэнь, Ка дажэнь, Бу колдай»...

Вместо русского «ура» в Китае существовал воинский клич «ваньсуй», означавший пожелание здравствовать десять тысяч лет и относившийся к богдыхану. Его зачастую за глаза называли «господином десяти тысяч лет».

Шестого сентября Валиханову удалось съездить впервые в сады, окружавшие Кульджу. По дороге он осматривал город. Обычно считали, что столица Восточного края расположена на Или, но это было не совсем так. Город стоял близ впадения Сарыбулака (Шахэцзя) в Или, большинство улиц простиралось вдоль течения илийского притока. Вокруг высились песчаные холмы. Почти все здания в городе были глинобитные. Чокан раздражался, вспоминая описание Кульджи, составленное со слов какого-то торгового татарина и напечатанное в IX томе «Записок Русского географического общества». Описание было чистой выдумкой, ибо деревянных зданий с тесовыми крышами, о которых рассказывал автор, никогда не было. Что же касается кровель в Кульд-

же, то все они состояли из слоя камыша или соломы, покрытого глиной, и лишь главный храм имел черепичную крышу.

В связи с этим путаным рассказом Чокан вспоминал, как почтенные на вид мусульмане, побывавшие в дальних странах и городах, для того чтобы придать больше веса своей особе, в разговорах с соплеменниками предпочитали не подвергать сомнению существование царства обезьян или фараона, превратившегося в рыбу. Ради возгласа изумления «бара-келде» и почтительного внимания слушателей рассказчики зачастую воскрешали столетние легенды, придумывали новые небылицы, поступались истиной.

Автор, описавший Кульджу, был простодушным человеком. Побывав в Лайтупе, месте, где до основания русской фактории в Кульдже собирались иноземные купцы, он, очевидно, спросил мелкого чиновника, тамошнего смотрителя, о его чине. Лайтупский надсмотрщик ответил, что он амбань, то есть генерал. Автор, доверчиво отнесшийся к этому хвастовству, как говорят, не поглядев в святцы, бухнул, что все кульджинские амбани носят белый шарик. Собиратель, записавший эти свидетельства, не проверил их, и в итоге в строго научном издании появилось явно недостоверное описание Кульджи и ее населения.

«Желательно было бы, чтобы господа собиратели обращали более внимания на источники и старались бы о их точности, а потом бы уж печатали»,— заключал Чокан свою отповедь татарину Абдурахману и издателям его повествования.

Вторая поездка в пригородные сады состоялась через несколько дней и помогла исследователю еще ближе ознакомиться с городом и его окрестностями. Путь начинался от крепости, упиравшейся своим углом в берег Сарыбулака.

От крепостных стен до самых отдаленных дач и садов здесь были видны прежде всего могилы. Даже над береговым обрывом висели гробы. По китайскому обычаю, каждая семья имела свое родовое кладбище. Обветшалые, когда-то красные, гробы торчали из земли. Они были захоронены неглубоко в зыбкой песчаной почве, ветры срывали непрочные кровли с могил. Там, где весенние воды Сарыбулака близко подходили к погребе-

ниям, разлив уносил их с собою, и они уплывали в Или и Балхаш.

В Кульдже имелись и благоустроенные кладбища, но все они были, так сказать, заранее заняты: наиболее состоятельные люди старались при жизни откупить себе фамильные склепы.

«Я не знаю, оттого ли, что в Кульдже много народонаселения или нездоров климат, но полагаю, что едва ли есть в России или в Европе город, где было бы столько могил»,— заметил Чокан. Ему довелось видеть лишь единственный монумент, поставленный на китайской могиле, сооруженный в виде призмы в четыре яруса. В каждом из них были ниши, обращенные к разным сторонам света.

Но все это могильное царство не заслоняло собою проявлений жизни, наполненной земными трудами. Пламенел стручковый перец, колыхался махровый мак, таивший в себе колдовские силы опиума, рос картофель, вызревали отличные овощи. Кроме участков, где работали чампанги, на сарыбулакских землях стояли хутора отдельных хозяев. На этих полях ничего не пропадало даром. Чокан видел, как один из китайцев заготовлял дикую коноплю, такую высокую, что она доходила до головы всадника. Конопляное волокно шло на изготовление веревок, стебли — на кровли хижин. Какой-то предприимчивый человек бродил среди песчаных гряд и выдергивал колючую траву. Колючки эти он пережигал в особой, довольно сложно устроенной печи. Каждый фунт золы стоил более полутора рублей на русские деньги. Собиратель колючек объяснил, что зола идет для приготовления снадобья, имеющего исключительно целебные, прямо чудодейственные свойства.

Гаолян, сорго, люцерна в изобилии вызревали на полях, орошаемых водами Сарыбулака. Люцерну сеяли здесь единожды в году, но скашивали три раза. Чокану захотелось посмотреть одну из загородных дач, укрывшуюся в роще высоких тополей. В доме жил лишь старый дворецкий да две женщины, хозяева были в отъезде и, видимо, мало заботились о своей усадьбе. Путешественник обошел двор. Перед крытой галереей росли розы, махровые мальвы, туя и высились грабовые деревья. Под сводом висели клетки с пиренейскими жаворонками; китайцы называли этих птиц «балин». Загородная дача могла быть просто прекрасной. Стены ее были украшены

резьбой и лепными узорами, повторявшими орнамент «волчий зуб» и изображения зверей. Но заброшенный дом внутри представлял собою картину запустения. Птицы, свившие себе гнезда под потолками, оставили следы на расписных стенах. Фрески с изображениями божеств и героев старинных сказаний были покрыты голубиным пометом. И все же осмотр осиротевшей без хозяев усадьбы давал полное представление о загородном доме состоятельного жителя Кульджи.

Из этого маленького дворца Чокан попал на порог убогой хижины. Там сидели две девушки. Одна из них представляла совершенство монгольской красоты и сияла лунообразным лицом, у другой были правильные черты и прямой нос.

Чокан сначала объехал шалаш, предоставив своему спутнику С. право первому знакомиться с девицами. Вскоре он услышал приветливый смех и, приблизившись, увидел, что его товарищ успел приобрести расположение луноликой красавицы и уже курил с ней одну трубку.

Ободренный этим, Чокан спешился и, достав свой чубук, протянул его девушке с прямым носом. Но та отклонила любезность гостя и стала что-то сердито бормотать, не обращая никакого внимания ни на волшебный блеск Чокановых эполет, ни на звон сабли, ни на сияние его кокарды. Зато лунолицая подруга строптивой девицы просто залюбовалась Чоканом. Он объяснил это тем, что благодаря азиатскому облику его часто называли здесь «хорошеньким господином», «китайским красавчиком» и другими лестными именами. Следовательно, девица с лунным ликом тоже почувствовала в госте что-то родственное. Она порывисто протянула ему собственную трубку, как бы посрамляя этим свою неприступную сверстницу.

На обратном пути в Кульджу Чокан и его товарищи расположились на берегу реки. Пили чай, как было заведено у них во время поездок, и двинулись домой. В городе всадники миновали старинное капище с резным оконцем, покрытым вместо решетки сквозным иероглифом, вырезанным из меди. У входа в кумирню стояли два каменных истукана с такими страшными лицами, что Чокан вслух начал их бранить всякими словами и дал шпоры коню.

Он хотел посмотреть старинный каменный мост, но

оказалось, что мост разрушен. Внезапно впереди показался человек. Он подавал знаки, чтобы русские не вздумали пересечь дорогу, по которой двигались китайские всадники.

Заслуженный старый генерал восседал на пегом коне, украшенном шелковой сбруей с бляхами из серебра. Крашеные буйволовы хвосты алого и синего цвета качались под шеями коней. Генеральские слуги, следовавшие за штаб-офицерами, ехали по двое на одной лошади. На шапке генерала светился красный шарик и радужным светом отливало павлинье перо, указывая на важный сан их обладателя. Генерал даже не повернул головы, не взглянул на русских. Зато слуги-двойни замахали руками, приветствуя встречных криками: «Хао, улус. Хао!»

Как-то купец Фу Шань-лунь, тот, что приносил Чокану сахарный пирог на свином сале, украшенный мистическим клеймом, пригласил к себе в гости Захарова, Чокана и трех других обитателей российского консульства. Бравый казачий урядник и на этот раз сопровождал Чокана.

Путешественник был в ударе. Ему нравилось, что китайцы выбегали им навстречу, ласково здоровались с ними, один вид чокановской сабли и портупеи вызывал бурный восторг.

Девочки-подростки, держа на руках маленьких детей, спрашивали — есть ли у русского господина брат или сестра? Чокан из дружелюбного озорства напустил на себя «марсовский вид», подбоченился так, что сам древний китайский бог войны Гуаньюй был ничто по сравнению с омским поручиком.

Так он ехал до ворот дома своего приятеля. Тот встретил русских низкими поклонами и провел в гостиную, где на нарах был приготовлен стол, заставленный блюдами с финиками «драконовый глаз».

Когда слуги подали чай, хозяин начал какие-то загадочные переговоры с консульским секретарем И. Г. Калиновским, принявшим доверительный вид. После краткого совещания гости ответили согласием на предложение купца, правда заметив, что они делают это во имя уважения обычаев страны.

Обрадованный хозяин отдал распоряжение своим дворовым людям, и те куда-то исчезли. Через некоторое время в передней послышался звонкий женский смех.

Купец значительно подмигнул присутствующим и пошел к дверям. Обратно он шел уже не один, а сопровождал прекрасную «разрушительницу городов». Она шла, звеня браслетами, шелестя шелком своих одежд. Длинный золоченый ноготь поблескивал на ее пальце. Стан ее колыхался, подобно рисовому колосу, как говорили китайцы. Хозяин, согнувшись в три погибели перед «нюйжэнь», скороговоркой объяснил русским, что гостью зовут Чаого, что значит Яблочко, и пригласил ее занять место на нарах.

Чаого сразу же приступила к делу. Она разлила по чашечкам вино и стала подносить их гостям. Те уже успели разглядеть ее.

«Разрушительнице городов» на вид было лет двадцать, она была хороша собой, только несколько бледна. Густая коса ее спускалась до пят, нить из алых кораллов обвивала правую руку, в ушах светились серьги из сердолика.

Омский военный портной и подозревать не мог, что творение его рук привлечет к себе такое пристальное внимание илийской «нимфы». Прекрасная Чаого подробно исследовала наряд Чокана, поглаживая швы его сюртука, прикасаясь к кантам и пуговицам с орлами. Она, в свою очередь, позволила потрогать талисманы, висевшие у нее на груди поверх вышитой курмы.

На висках у китаянки были приклеены две мушки, будто бы предупреждавшие головные боли. Мушки эти были совсем близко от Чокана, ибо Чаого прислонялась головой к его плечу. Его недаром часто называли китайским принцем Ли Лином; всматриваясь в его лицо, прелестная Чаого оказывала ему внимание, которым она не удостаивала остальных гостей. Она вытащила из рукава халата маленькую трубку, ловко набила ее желтым табаком и, раскурив, стала состязаться с Чоканом в пусканье колец синего дыма.

Так провел он вечер у своего знакомца Фу Шань-луня, изобретателя пирога благополучия.

На следующий день вся русская фактория ездила в долину Или, где паслись табуны, принадлежащие консульству. Там у Чокана случилась неприятность. Его семиреченский конь на водопое отбился и ушел с маньчжурскими лошадьми.

На другой день какие-то китайцы сказали, что конь уже продан неизвестному дажэню — генералу. Чокан по-

требовал, чтобы коня отыскали, но так и не мог ничего добиться от кульджинских чиновников.

Путешественник с гневом писал в дневнике о произволе, поборах и других злоупотреблениях богдыханских служащих. Он свидетельствовал, что илийский цзянцзюнь не уступает трехбунчужному паше. Народ поит и кормит его, мясники и зеленщики несут вице-королю съестные припасы, портные шьют дорогую одежду, мастеровые выполняют работу по дому, и за все это наместник императора не платит никому даже ломаного гроша.

В отношении взяточничества кульджинские чиновники превзошли приближенных шаха персидского. Чокан сетовал на развращение нравов. Удивляться, собственно, было нечему. Некоторые противоестественные пороки, например, как говорили легенды, в свое время получили поощрение от одного из первых «сынов неба».

Валиханову удалось установить, что в Кульдже существует особый жаргон из татарских слов с примесью китайских. Кое-какие тюркские слова, как, например, «бикар» (напрасно) целиком вошли в китайский обиход.

В этом смешанном языке существовали глаголы, которые не спрягались: к ним прибавляли приставку «бар». Слова «килем-бар», к примеру, обозначали «иду», «иди» и «пойду». Поэтому приходилось догадываться, в каком именно смысле были употреблены эти слова.

Китайцы в обыденной речи часто произносили «чидамайда», «ташлан-бар». Первое выражение происходило от глагола «терпеть», но означало «не годится». «Ташлан-бар» можно было перевести как «не согласен», «нехорошо». Было и слово «джан-дурле», имевшее множество значений. Чокан писал, что оно обозначает высшую степень всего хорошего и предел самого гнусного, страшное проклятие и благословение. Китайское слово «янцзы» в соединении с тюркским «шу» в качестве приставки к другим словам давало понятия: «подобный», «таким образом». Определенно, у киргизов Тянь-Шаня кульджинцами было заимствовано слово «чон» — «большой».

«Чрезвычайно любопытен для ориенталиста этот смешанный язык»,— писал Чокан. Он заметил, что и в Кяхте существует подобный смешанный язык, составленный из русских, китайских и монгольских слов.

Во второй половине сентября в Кульдже начались холода, стали дуть постоянные юго-западные ветры. Они

так бушевали и грохотали на черепичной кровле захаровского дома, что казалось, свалят вниз изваяния драконов. В эти ночи Чокан часто просыпался от шума бури.

Он тосковал по огням, что совсем недавно с наступлением сумерек возжигались на полях, у подножий темных гор. Тысячи костров пылали тогда на прилийских просторах!

На лотках торговцев на обжорной улице появились груды винограда и замечательных груш. Китайцы облачились в овчинные одежды.

Чокан собрал сведения о климате Кульджи. Оказалось, что И. Г. Калиновский уже давно производил ежедневные наблюдения за погодой. Он рассказал, что в Кульдже в прежние годы и в октябре бывали погожие ясные дни. Снег в долине Или выпадал в конце ноября и лежал до февраля. Ледостав на Или возле Кульджи начинался лишь в середине декабря, а уже в феврале были видны полыньи и забереги. В марте лед реки таял.

Обильные снегопады одели белым покровом горы вокруг Кульджи от их венцов до самых подножий, и они сверкали над еще зеленым лоном садов и полей.

Чокан целую неделю болел; все приехавшие в Кульджу из России перенесли какой-то лихорадочный недуг, сопровождавшийся разлитием желчи.

Несмотря на нездоровье, Чокан и его товарищи ездили на Или и Малый Сарыбулак. Фазанов и другой дичи было очень много, но охотники возвратились в Кульджу с пустыми руками. В Малом Сарыбулаке в камышовых зарослях они видели много речных выдр.

Близ Малого Сарыбулака пришлось провести ночь в юртах калмыков-пастухов. Их жилища отличались от казахских юрт лишь сводами, составленными не из выгнутых, а из прямых жердей, и поэтому не имели вида купола. Илийские калмыки носили китайскую одежду — халаты и войлочные шляпы, но женщины частично сохранили народные наряды. Одна из калмыцких девиц хотя и щеголяла в китайском воинском колпаке, украшенном бусинами и кораллами, но на ней были рубаха с большим отложным воротом и синий халат с разрезом на груди. Молодая калмычка курила трубку. Сидевшая рядом с ней старуха носила черный аракчин с нашивками из сукна разного цвета.

В начале октября в Кульдже Чокан имел возмож-

ность наблюдать приезд кочевников Восточного Туркестана, пригнавших стада баранов. Этих людей разместили возле «Чарбака». Так называлось место, где останавливались среднеазиатцы. Каждая юрта там была почему-то окружена частоколом, а вокруг всей ставки, в свою очередь, возвышался бревенчатый забор. Это был целый город кибиток и юрт. В его лабиринтах легко мог затеряться человек, впервые посетивший «Чарбак». К тому же войлочный город имел плохую славу. В нем укрывались тайные торговцы золотом, похитители коней и люди, предлагавшие свои услуги цзянцзюню в качестве шпионов в соседних странах.

Кочевники, пригнавшие баранов, жаловались на богдыханских чиновников. Животные предназначались в дань наместнику императора. Но маньчжуры не стеснялись и в дополнительных поборах. Покуда данники ехали в Кульджу, на каждом пикете у них выманивали или просто отнимали силой по барану.

Восьмого октября русским представителям в Кульдже была вручена грамота пекинского кабинета — свиток в одиннадцать аршин длины, скрепленный двадцатью тремя печатями. О содержании свитка Чокан в своем дневнике ничего не сообщает, но, очевидно, это был ответ на предложения русской стороны о развитии взаимных торговых связей и решении неприятного «чугучакского вопроса», возникшего после разгрома чампангами нашей фактории.

В последние дни пребывания Чокана в Кульдже туда пришли караваны со стороны Семиречья. Казахи-атбаны выменивали скот на кашгарские бумажные ткани. Купцы из Троицка уже успели закупить чай и собирались возвращаться домой.

Общаясь с кульджинскими торговцами и бывалыми людьми, Чокан раздобыл у них образцы земных пород. Он приобрел куски нефрита двух видов — из Яркенда и с Хотан-Дарьи.

Горный яркендский нефрит назывался лоуча или бишбозкаш. Его добывали на реке Юрункаш; этот ковшеобразный нефрит шел только в казну, промыслы находились под неусыпным надзором китайского смотрителя.

Чокан слышал, что в 230 ли от Яркенда есть гора Мирджай. Вся она состояла из нефрита разных цветов. Чтобы добыть его, на скале разводили жаркий огонь, а

затем поливали ее водой. Камень трескался, и тогда легче было выбирать куски нефрита из черных жил, пронзавших дикий камень. Большие глыбы нефрита мастера отламывать еще не умели.

Запасы драгоценного камня, добытого большей частью на реках Каракаш и Юрункаш, доставляли в Яркенд, там их зашивали в кожаные вьюки. Караван с грузами нефрита и яшмы раз в году отправлялся от ворот Яркенда в Пекин. Камень юй был собственностью богдыханского двора; историки свидетельствовали, что печати многочисленных династий императоров Китая были вырезаны из хотанского нефрита.

Чокан приобрел золотые зерна, добытые старателями из села Керия в горах Кум-Таш, и образцы самородной серы. Ею славилась гора Тадер, высившаяся близ дороги из Яркенда в Тибет. В Уложении палаты финансов в Пекине было сказано, что по указу 1786 года серу можно было сдавать в казну вместо пшеничного зерна, причем были разработаны ставки такой замены.

Серой, как и нашатырем, славилась область Кучи. Там были пещеры, где нашатырь свисал в виде сосулек со сводов подземных кладовых. Вероятно, именно возле Кучи и надо было искать те Нашатырные горы, о которых сообщал еще в X веке доходивший до Каспия путешественник и писатель ал-Масуди. Он повстречал в Хорасане бывалого человека, ездившего из Согдианы — через Нашатырные горы — в Тибет и Китай.

В Кульдже Чокан купил смолу и камедь, привезенные из Яркенда. Эти вещества называли тогураковым клеем.

На этом и оканчивается кульджинский дневник Чокана, написанный коричневыми чернилами на бумаге в лист и заключенный в бумажную обложку с выведенной рукой Чокана надписью:

«Хой-юань-чэн и си-юй.

Западный край Китайской империи и город Кульджа».

Поручик Валиханов выехал из Кульджи, завершив там все свои дела, в качестве одного из русских представителей, назначенных для ведения переговоров с сановниками Китайской империи.

«МИНИСТР БОТАНИКИ» ПЕТР СЕМЕНОВ

Семнадцатого октября 1856 года в Копал в своем большом казанском тарантасе приехал магистр ботаники Петр Семёнов.

Несмотря на то что Семенов в первый свой приезд пробыл в Омске всего два дня, он уже успел познакомиться с Чоканом. После этого ученый отправился в Барнаул, где виделся с исследователем «Киргизской степи» — начальником горного округа Александром Гернгроссом.

Вскоре семеновский тарантас, увязая в сыпучем песке, двигался по улицам Семипалатинска к дому, где квартировал поручик кирасирского полка Василий Демчинский.

Тогда это был молодой, веселый и общительный человек. Семенов не мог подозревать, что настанет время, когда ему придется спасать Демчинского от пьянства и полной нищеты, устраивать его на службу на каком-то полустанке между Козловом и Воронежем.

Василий Петрович, не предупредив Петра Семенова, послал куда-то своего денщика. Вскоре пришел изможденный человек в серой шинели со складками.

Друзья обнялись. Федор Достоевский рассказал приезжему все, что пришлось пережить в Мертвом доме и батальонной казарме.

На следующий день Семенов простился с Достоевским, и сутулый солдат долго смотрел, пока повозка не скрылась в облаках пыли, поднявшейся над пикетным трактом. Через ковыли и полынь путешественник мчался к хребту Аркалык, горам Аркат, Аягузу.

За рекой Аксу, на юго-востоке, вдруг сверкнул вечными льдами хребет Семиреченского Алатау, как называл эти горы Семенов. Дорога от Биена привела к Копалу, где утром приезжий представился полковнику С. М. Абакумову.

Старый семиреченский следопыт собрал и выстроил перед гостем отряд отважнейших воинов и исследователей. Среди них были люди, участвовавшие в схватках с Кенесары и кокандскими всадниками, седые казаки, когда-то захваченные в плен и уведенные в ташкентскую неволю.

Семенов и Абакумов осмотрели окрестности Копала, а на следующий день шесть самых бывалых копальских

служивых проводили приезжего на вершину Копальского гребня и на горы близ дикой реки Коры с полями вечного снега. В эту поездку ученый посетил место, где стоял «старый» Копал; следы его еще были видны в ущелье, заваленном срубленными соснами и старым буреломом.

Щедрый Абакумов показал новому знакомому окрестности теплого Арасана, копальские пашни, удивительные скалы Биена, нагроможденные друг на друга так, что между ними образовались бесконечные лабиринты: для того чтобы их пройти, не хватило бы никакой ариадниной нити!

По пикетам разнесся слух, что грозный «министр ботаники» скачет по ущельям Семиречья. Столичный ревизор особенно ревностно относится к тому, есть ли в поселениях деревья, цветы и полезные травы. Поэтому бородатые урядники гнали своих казаков в ущелья, заставляли рубить деревья, чтобы успеть к приезду мнимого начальства создать видимость зеленого сада пикета.

По дороге к Коксуйскому пикету Петр Семенов увидел горы Куянды и Аламан. На них блистал вечный снег. Путешественник двинулся к аламанским вершинам. Ему помогли казахский султан и русские коксуйские казаки. Четыре часа поднимался Петр Семенов на Аламан и достиг области вечного снега, раскинувшейся вокруг исполинских сиенитовых скал. Никаких следов вулканизма на этих вершинах не было. Снег трещал под ногами, как крупа, когда ученый переходил от поляны к поляне, собирая образцы высокогорных растений. Он спустился с гор обладателем новых лилий и камнеломок.

За Кара-Чекинским пикетом, когда конские подковы зазвенели на порфире невысокого кряжа, путешественник приподнялся в своем тарантасе, чтобы лучше разглядеть волшебное видение. На юго-западе над облаками сверкал долгожданный Заилийский Алатау!

В Илийской долине исследователя поразил вид великана в семье местных кустарников — высокого барбариса с гроздьями розовых ягод. Петр Семенов впервые увидел здесь скорпионов, фаланг и каракуртов, о которых ему так много говорили.

Весь поднебесный хребет стал отчетливо виден Семенову, когда он переправился через Или.

Вскоре начались беседы с добрейшим Михаилом Михайловичем Хоментовским, ютившимся в домике, вы-

строенном из толстых еловых бревен, посреди нового укрепления Верный.

Собеседники обсудили возможности посещения Иссык-Куля. Пристав Большой орды отдал приказание о сборах экспедиции. Особенно хлопотал о том, чтобы Петру Семенову достали верблюда.

Десять казаков и два казахских джигита оказались в подчинении «министра ботаники», причем Хоментовский заметил, что Петр Семенов, как человек военный, сумеет держать этих людей в руках во все время похода.

Второго сентября 1856 года экспедиция покинула Верный. Хоментовский и ученый офицер Василий Обух ехали на реку Иссык и поэтому должны были проделать часть пути вместе с Семеновым.

Василий Обух хорошо знал Достоевского по Семипалатинску, Хоментовский тоже был близок со ссыльным писателем. Надо полагать, что у них с Петром Семеновым было много разговоров о недавней встрече Достоевского с путешественником в доме Василия Демчинского.

Отряд двинулся на восток вдоль склона Заилийского Алатау, переправился через бурный Талгар. Затем открылась чудесная долина Иссыка. Она была местом зимовки первого русского отряда, посланного для основания укрепления за Или.

Здесь М. М. Хоментовский и Обух распрощались с Семеновым, сердечно пожелав ему успехов, и тот пошел к берегам Тургеня, долине Чилика и трем Мерке.

Путем Чокана Петр Семенов следовал до самого Иссык-Куля. Он в нетерпении поскакал к сопке, закрывавшей вид на лазоревое озеро. Оно открылось с вершины. На юге были видны твердыни Терскей-Алатау.

Отряд спустился в долину Иссык-Куля, посетил устье Тюпа, прошел вверх по этой реке, осмотрел долину между Тюпом и Джиргаланом. Местные жители должны были помнить Чокана и остальных его спутников, исследовавших за несколько месяцев до Семенова иссык-кульскую котловину, плоскогорье Жаланаш, кряж Турайгыр, Чилик. Обратно Петр Семенов переправился через Чилик и двинулся вдоль Алатау к западу.

Утром 16 сентября 1856 года семеновские казаки выстроились возле елового домика Михаила Хоментовского. Оказалось, что Хоментовский за это время успел побывать в долине Чу, ниже Токмака. Пристав Большой орды дал согласие на новый поход. Хоментовский гово-

рил, что, если сарыбагишей нет на Чу, можно будет проникнуть на западный берег Иссык-Куля. Предложение было заманчивым, и через несколько дней Петр Семенов, в одежде горного киргиза, в войлочной «ушуньской» шляпе, с ружьем за плечами, с притороченным к седлу стальным геологическим молотком, снова сел на горячего степного коня.

Отряд шел на рысях от Верного до Каскелена. На пути к Узун-Агачу казаки заметили, что в глубокой лощине идет какая-то схватка. Барымтачи напали на караван узбекских купцов, направлявшийся в Верный. Разбойники согнали торговцев в кучу и стали стаскивать с них сафьянные ичиги, отыскивая спрятанные деньги.

Петр Семенов с несколькими казаками обрушился на грабителей и обратил их в бегство. Преследователи два часа мчались по следу барымтачей, но тем удалось уйти от возмездия, и лишь изломанные стебли розовых мальв да растоптанный копытами коней синий шалфей указывали, куда ушли хищники.

Вскоре с вершины Суюк-тюбе открылась вся долина Чу. Высокие горы вздымались за рекой. В страшном Боамском ущелье Семенову пришлось провести полную тревог ночь. Скалы там так близко подступали к воде, что негде было ступить коню. Всадникам приходилось переходить то на правый, то на левый берег, отыскивать узкие каменные тропы, позволявшие объезжать стороною недоступные или самые опасные места. В ночной тишине грохотали незримые водопады. Наконец ущелье кончилось.

Встреченные в долине киргизы рассказали, что Умбет-Али, предводитель сарыбагишей, стоит своими юртами в Кутемалды при повороте Чу в сторону Боамского ущелья. Оно как бы проглатывало реку, преграждая ей путь к озеру.

Несколько восточнее поворота лежали болота, а по ним струилась маленькая речка Кутемалды. Петр Семенов когда-то спрашивал Гумбольдта — можно ли считать, что Кутемалды на самом деле является стоком Иссык-Куля?

Теперь и Кутемалды, и знаменитый Умбет-Али были, что называется, под рукой. Но предводителя сарыбагишей не оказалось дома. Зато его родичи радушно встретили русского путешественника, подарили ему трех коней. Сарыбагиши не только не помешали ему осмотреть

западную оконечность Иссык-Куля, устье Кутемалды и боамский поворот, но даже дали своих проводников.

Вековые загадки были разрешены в несколько дней! Выяснилось, что Иссык-Куль стока не имеет, Чу рождается из двух главных ветвей — Кочкара и Кебина; Кутемалды не вытекает из Иссык-Куля.

Первая половина октября 1856 года ознаменовалась новой поездкой Петра Семенова. Едва успев отряхнуть пыль иссык-кульских скитаний на пороге дома Хоментовского, он устремился из Верного к Алтын-Эмелю.

За перевалом ученый отыскал невысокие горы Кату, затерявшиеся во владениях султана Тезека неподалеку от глинистого плоскогорья Конурулен и белых сопок Актау. Здесь действительно были дымящиеся холмы. В воздухе чувствовался запах серы. Темные горные породы изменили свой цвет под влиянием испарений. Но горы Кату не имели ничего общего с вулканами, и все те явления, которые происходили здесь в сравнительно недавнее время, были связаны с подземным сгоранием каменного угля.

Колеса казанского тарантаса снова застучали по пикетной дороге. Вскоре Петр Петрович прибыл в Копал, где снова проводил время в беседах с С. М. Абакумовым. Исследователь просил копальского полковника дать ему возможность побывать в Кульдже вместе с казаками почтовой гоньбы, только что отправившимися туда.

Решительный Абакумов сказал, что почту придется нагнать в пути, но для этого Семенов должен иметь вид заправского семиреченского казака, принимая во внимание всякие опасности и неожиданности трудной дороги.

«Министр ботаники» надел казакин, взял в руки пику, подвесил, как положено, пистолет на шнуре за спину и в сопровождении двух казаков поспешил к подножию Джунгарского Алатау. Почтовых гонцов, направившихся через Алтын-Эмель и Борохудзир, надо было успеть перенять.

Перевал удалось одолеть в тот же день, спустившись к Тюлькубулаку. После бешеной скачки преследователи копальской почты достигли Алмансу. Два дня пришлось голодать, так как казахские аулы уже ушли на места зимовок. На третий день встретились случайные юрты, где всадники поели и выспались.

Утром показался Борохудзир. Обрадованный Семе-

нов увидел, что к нему приближаются русские конники. Это и был копальский почтовый отряд!

В Борохудзире к военной почте приставили офицера и двадцать конных лучников. Так казачья почта добралась до Кульджи, где Петра Семенова приветливо встретил Иван Ильич Захаров. Он показал приезжему достопримечательности города, которые лишь недавно российский консул осматривал вместе с Чоканом и Перемышльским,— съестную улицу, торговое подворье и кумирни.

В доме, где над кровлей возвышались драконы, Петр Петрович пробыл около недели. Консул, разумеется, не мог обойти молчанием недавнее пребывание Чокана в Кульдже.

Обратную дорогу на Копал Семенов избрал через Аламанский перевал. Сердечно распростившись с полковником Абакумовым, «копальский казак» направился в Семипалатинск и через три дня сидел в комнате Василия Демчинского.

Туда постоянно приходил Федор Достоевский.

Летопись его семипалатинской жизни содержит любопытные подробности, которые помогут нам понять взаимоотношения Достоевского, Чокана, Петра Семенова, Демчинского, Врангеля, Обуха.

Когда Петр Семенов приехал в Семипалатинск, Александра Егоровича Врангеля там уже не было. Прекраснодушный барон Врангель, принявший здесь прозвище «Карасакал»— стряпчий казенных и уголовных дел,— вел из Семипалатинска ученую переписку с Александром Гумбольдтом. «Карасакал» прибыл в Семипалатинск через несколько месяцев после того, как там был водворен Достоевский.

Александр Врангель оказал дружеское покровительство ссыльному солдату. Снимая кивер в прихожей дома Врангеля, писатель этим как бы на время сбрасывал груз подневольной жизни в казарме близ крепостных ворот.

Дом, в котором жил Врангель, принадлежал купцу Степанову; мать его была казашка, и он свободно разговаривал по-казахски и по-татарски. По-видимому, это был тот самый караванный торговец Степанов, что ходил для торговли с китайцами в Чугучак. Знакомства «Карасакала» и Достоевского, несмотря на кажущуюся неожиданность, имеют своеобразную закономерность. Взять, к

примеру, Рахимбая, аксакала ташкентских караванов и торгового представителя бека Ташкента. Врангель и Достоевский бывали у него в гостях, а однажды присутствовали на свадебном торжестве, когда старый Рахимбай выдавал дочь замуж. Вот, казалось бы, и все, о чем обмолвился Александр Врангель в своих воспоминаниях. Но мы идем дальше...

Ташкентский аксакал Рахимбай побывал в Бухаре именно в то время, когда на главной площади древнего города были обезглавлены англичане — Стоддарт и Конноли.

Рахимбай Атанбаев рассказывал, что он сам видел, как Стоддарт прибыл в Бухару из Герата в сопровождении двух смуглых людей. Эмир приказал бросить их в тюрьму, а пожитки продать на базаре. В числе имущества пришельцев были географические карты и какие-то записки. Рахимбай, прицениврись, узнал, что за каждую карту была назначена цена в 5 рублей 20 копеек на русские деньги.

Стоддарт был ввергнут в бухарский клоповник. Еще за день до этого его грудь украшали семь орденов. В тюрьме же на англичанине не осталось ничего, кроме рубахи и нагольного тулупа. Сообразительный Рахимбай хотел приобрести ордена Стоддарта, но их успел перехватить какой-то индиец. Ташкентскому аксакалу удалось купить лишь секстант, принадлежавший Стоддарту.

Этот инструмент Рахимбай Атанбаев привез в Оренбург, где, очевидно, в канцелярии генерал-губернатора был записан подробный рассказ караванного старшины

Рассказ этот ему ничто не мешало не раз повторять в Семипалатинске во время встреч со своими русскими приятелями. Если Достоевский захотел бы более подробно узнать о том, кто такой был, предположим, Конноли он мог обратиться к статье Егора Ковалевского в «Библиотеке для чтения», где были описаны путешествия Бернса, Конноли и Стоддарта.

Врангелю и Достоевскому не раз приходилось бывать в казахских аулах, наблюдать байгу и охоту с ловчими золотыми орлами. Среди казахов — знакомцев наших друзей мы находим Тенибая и Мендыбая. Последний, видимо, и есть тот самый «киргизский купец» Мендыбай, которого видел в долинах восточнее Копала любознательный Томас Аткинсон во время своего путешествия в 1848 году.

Но совершенно исключительное значение имело знакомство «Карасакала» и ссыльного солдата с тем самым кокандским выходцем Букашем Аупаевым, что имел собственную заимку на Аркате и занимался торговлей с Кульджой. Читатель увидит в дальнейшем, что дело вовсе не в пирушках, которые устраивал Букаш в Татарской слободе для Врангеля и Достоевского. Вполне возможно, что Чокан именно через них познакомился с Букашем и услышал от него рассказ о молодом кашкарлыке, выехавшем в Россию и вскоре признанном безвестно отсутствующим.

Помните, как Достоевский писал о разгроме буйными чампангами русской фактории в Чугучаке? Подробности этого он мог узнать только через Букаша Аупаева. В воспоминаниях Врангеля есть свидетельства о тяжелом положении Семиречья и Заилийского края в 1854—1856 годах, когда кокандские сарбазы угрожали Верному, а иноземные советчики натравливали илийского цзянцзюня на русских людей, утвердившихся за Или. Живым источником подобных сведений мог быть Рахимбай, недавний обладатель секстанта английского разведчика Стоддарта.

Любопытны подробности жизни Достоевского на даче в Казаковом саду, куда пригласил его на лето «Карасакал»— Врангель. В засыпанном песком степном городе летом было душно и знойно, и Казаков сад был раем земным. На правом берегу Иртыша в густой зелени затерялся старый деревянный дом. К нему вели дорожки, усыпанные желтым речным песком, возле дома был цветник, дальше — огород с грядами, покрытыми овощной ботвой.

На крыльце дома часто можно было видеть угрюмого и бледного веснушчатого человека в розовом ситцевом жилете с длинной цепочкой для часов из голубого бисера на морщинистой шее. Достоевский проводил время, работая на огороде, или возился со своими цветами. Лиловые левкои и багряные гвоздики, вялый днем душистый табак, расцветающий белыми звездами по вечерам, окружали его.

Врангель с Достоевским устроили у себя маленький зверинец. Однажды откуда-то из Семиречья, с Лепсы ли, а может быть, и с Или сюда приехал Василий Обух и привез живых тигрят. В другой раз он доставил в Казаков сад поросят дикой свиньи.

Неподалеку от дома был пруд. Сквозь него проходила

чистая родниковая вода. Сток был перегорожен, чтобы из пруда не ушел осетр, живший там целое лето под присмотром Достоевского.

Куренье махорки или жуковского табака, долгое чаепитие, чтение газеты «Indepedance Belge», исправно получаемой в Семипалатинске, философские разговоры с мрачным кривоногим Адамом — слугою Врангеля — вот в чем проходил досуг Достоевского в Казаковом саду.

Василий Обух близко сошелся с Врангелем и Достоевским.

«...Обух в Верном»,— обронил Достоевский в одном из своих семипалатинских писем.

Волею судеб дом Степанова и иртышский рай, оберегаемый врангелевским Адамом, были средоточием вестей, приходивших из Верного, Копала, Урджара, Кокпетóв.

Если возникали какие-нибудь сомнения, за разъяснениями можно было обратиться к таким знатокам, как Букаш Аупаев или Рахимбай Атанбаев. К слову сказать, кокандские выходцы в Семипалатинске и Семиречье пользовались льготами, если они, подобно Рахимбаю или старому Букашу, были посредниками в торговле с Восточным Туркестаном и Средней Азией. Поэтому они вполне искренне радели о русских нуждах. Примером этому может служить деятельность ташкентца Ибрагима Амирова, жившего в то время в семипалатинской Татарской слободе. Отнюдь не сговариваясь с чугучакским консулом Татариновым, предлагавшим улучшить торговые пути в Тарбагатае и Курчумском крае, Амиров брался собственными силами создать судоходство по озеру Зайсан и Иртышу. Это весьма облегчило бы русско-китайскую торговлю. Но осуществлению разумных начинаний помешал чугучакский погром.

Китайский народ искал сближения с русскими, но богдыхан-маньчжур, слушавший предсказания ручных сверчков, придерживался на этот счет другого мнения. Чиновники маньчжурской династии, хищники кокандского хана и ташкенского кушбеги угрожали мирной жизни казахских аулов Семиречья и русских поселений...

Но вернемся к Достоевскому.

Поздней осенью 1856 года Чокан застал Достоевского в Семипалатинске. В судьбе узника Мертвого дома к тому времени многое изменилось. Он был произведен в ун-

тер-офицеры, а в октябре добрый жандарм К. И. Иванов из Омска, тот, что был Достоевскому «как брат родной», прислал писателю приказ о производстве в прапорщики.

Прапорщик Достоевский перешел жить в дом Л. Пальшина, в комнату, где на окнах сквозь красные занавески просвечивали алые герани, где столбом стоял дым от свирепой самодельной махорки. Он расстался с безобразной серой шинелью и приобрел эполеты, мундир и саблю положенного образца...

Стук в дверь заставил Достоевского отложить в сторону Коран, заложенный веткой голубой полыни, и встретить дорогого гостя на пороге...

Федор Достоевский, подружившись с Александром Егоровичем Врангелем, перенял от него страсть к археологии. Он стал обладателем большого собрания «чудских» древностей. Витые запястья, обломки копий, кольца и другие изделия из бронзы, железа и серебра — все это он собрал в Семипалатинске. Поэтому он уже не как любитель, а как знаток мог оценить найденный на развалинах Алмалыка золотой перстень, мерцавший на пальце Чокана.

Рассказы Чокана об Иссык-Куле и Кульдже, о встречах с общими друзьями — Хоментовским, Ковригиным, Обухом — пришлись по душе Достоевскому. По-видимому, он тогда уже открылся Чокану, зачем хочет ехать в Кузнецк и Барнаул.

Судьба свела его с семьей чиновника Исаева. «заседателя по корчемной части». Жена его считала себя внучкой египетского мамелюка, пришедшего в Россию с Наполеоном. Исаев пил горькую, дошел до того, что от него постарались избавиться и перевели на службу в Кузнецк. Там он вскоре умер, оставив вдову и ребенка — смуглого, курчавого мальчика, доставившего впоследствии много забот и огорчений своему отчиму. Страстно влюбленный в Исаеву, Достоевский хотел ехать за ней в Кузнецк. Нищий прапорщик не знал, где ему взять деньги на поездку и на свадьбу.

Чокан виделся и с Василием Демчинским, к которому питал нежные чувства.

Пятого декабря 1856 года Чокан, сидя в своей комнате в Мокринском форштадте, писал Достоевскому в Се-

мипалатинск, спрашивая, как тот провел время в Барнауле с «глубокомудрым в рассуждении человеком». Речь идет о Петре Семенове, следовательно, Чокан знал, что Достоевский собирается посетить Петра Петровича на месте его зимовки.

«Поклонитесь от меня свету моему, привету, тайному секрету Василию Петровичу»,— просил Чокан, имея в виду веселого семипалатинского кирасира Демчинского. «Ковригин на него сердится, что он ничего не пишет»,— сетовал дальше Чокан.

Выходит, что после путешествия по Семиречью горный ревизор Ковригин снова встретился с Валихановым в Омске. От Чокана геолог узнал о денежных бедствиях вновь произведенного прапорщика линейного батальона.

В этом же письме Чокан сообщал, что на смену Врангелю в Семипалатинск едет новый стряпчий казенных и уголовных дел — Александр Николаевич Цуриков. Он был другом декабриста Батенькова, знал Чокана уже несколько лет. В письме Достоевскому содержалась тревожная весть о болезни Сергея Дурова.

ОМСКИЕ ДЕЛА

В Омске все шло по-прежнему. Генерал-губернатор Гасфорт занимался бог знает чем. Он придумал особый наряд для своих подчиненных. Они должны были носить однобортные мундиры с шитьем, соответственно каждому ведомству, брюки с золотыми или серебряными лампасами, легкие кавалерийские сабли на золоченых портупеях, шинели, украшенные витыми жгутами, а во время поездок в степь — шпоры и пистолеты на шнурах.

Но и этого Гасфорту было мало. Он изобретал образцы новых седел, чепраков и конских уздечек, чтобы еще более пышно обставить выезды своей свиты.

Склонив над столом лицо с длинными седеющими бакенбардами, Гасфорт читал донесения Чокана Валиханова о его путешествиях на Иссык-Куль и в Кульджу. Генерал-губернатор очень ревниво относился к делам Заилийского края. Выпятив губы, смотря поверх собеседника, Гасфорт говорил, что он подарил России целую империю.

Он торопился измерить Семиречье и Заилийский край.

И без того изможденный, весь высохший, Гасфорт страдал от черной зависти к успехам Н. Н. Муравьева-Амурского, питал пламенную ненависть и к оренбургскому генерал-губернатору В. А. Перовскому. Изнемогая от этих чувств, западносибирский генерал-губернатор собрал вокруг себя всех перебежчиков, явившихся к нему из владений Муравьева — выгнанных им с амурской службы взяточников и казнокрадов.

Среди этих разбойников с большой дороги были такие личности, как бывший правитель муравьевской канцелярии Почекунин. Чокану приходилось сталкиваться и с Виктором Ивашкевичем, замешанным в самых грязных делах чиновничьего Омска. Когда-то этот Ивашкевич начинал свою деятельность в революционном «Обществе черных братьев», которое он создал, писал возмутительные стихи, за что и был сослан в Сибирь. Там он изменил своим убеждениям и превратился в вымогателя и стяжателя. От него стоном стонало все Управление сибирских киргизов, где он состоял в качестве чиновника особых поручений и советника. Ни честный К. К. Гутковский, ни сам Гасфорт ничего не могли поделать с шайкой темных дельцов, наживавшихся на судебных делах, на поставках хлеба в Семиречье и Заилийский край, на винном откупе.

Чокан страстно и неутомимо обличал эту клику, часто делился своими мыслями с Сергеем Дуровым. Дуров же отвечал, что дело вовсе не в отдельных самодурах, казнокрадах и вымогателях, а в страшных устоях всей Российской империи.

Петрашевец по-прежнему жил в Мокринском посаде. Если вечером сквозь похожие на сердца вырезы в ставнях был виден слабый свет свечей, Чокан шел к своему другу. Чернобородый, бледный Дуров еле дышал, но был исполнен неукротимой внутренней силы. Служа в Управлении сибирских киргизов, он был свидетелем всех преступлений облаченных в вицмундиры разбойников.

Весною 1857 года Чокан привел к Дурову своего друга Григория Потанина и, познакомив, оставил их вдвоем.

Дуров был рад новому гостю, ибо петрашевца в его уединении посещал лишь Чокан да живший по соседству безумный изобретатель вечного двигателя.

Чокан рассчитывал на то, что пламенный переводчик стихов Огюста Барбье откроет Потанину глаза на императора всероссийского, на позор и ужасы крепостного права.

Сначала Сергей Дуров, рассматривая в упор маленького казачьего офицера, прямо спросил Потанина: как это получилось, что хорунжий Потанин не занимается торговлей с «киргизами», не собирает с них кабальных долгов баранами? Наоборот, он хочет подать в отставку и ехать учиться в Петербург!

Потанин доверчиво рассказал о том, как он остался сиротой, как ему помогали добрые и образованные люди, пробудившие в нем жажду знаний. О дружбе Потанина и Чокана петрашевец уже знал по рассказам Валиханова.

Григория Николаевича поразила способность Дурова так быстро понять человека, встреченного впервые, овладеть всеми его чувствами, глубоко пережить все, что волновало собеседника.

Весь вечер они проговорили о судьбах России, о ее великом будущем, об одаренности русского народа, задавленного гнетом самодержавия. И совершилось чудо! Потанин пришел к Дурову восторженным почитателем Николая I, а закрыв за собой двери дуровского дома, сибирский хорунжий уже мысленно называл себя последователем Петрашевского, ненавистником царского произвола, сторонником равноправия народов. Страшной и ненавистной показалась омская улица «четырнадцати генералов», где обитали царские сатрапы, державшие в своих руках огромный край, простершийся от Ледовитого океана до подножия Заилийского Алатау. Этой весной Потанин и Чокан особенно увлекались чтением журналов, обсуждали различные направления общественной мысли.

Сергей Дуров был близким другом Егора Ковалевского. Его путешествия, совершенные до 1849 года, были хорошо известны Дурову. Поэтому задолго до своей ссылки он знал по рассказам Ковалевского дорогу от Семипалатинска до Ташкента, область между Иртышом и Или. Возможно, что Дуров был один из первых людей, которому Ковалевский рассказал о своем путешествии в Кашмир и Пенджаб. Точное время этого похода не установлено до сих пор. Но начат он, по-видимому, в Семипалатинске. Копала тогда еще и в помине не было, и путь в Кульджу отличался особенными трудностями.

В связи с этим, во многом загадочным, кашмирским путешествием Егор Ковалевский в своих очерках не раз вспоминал Кульджу, Аксу, Кашгар и Яркенд. Видимо,

оттуда он шел через перевалы Куньлуня и Каракорум — в благодатную Кашмирскую долину, где кедры уживались с пальмами, а крыши белых хижин были покрыты благоухающими цветами. Лишь лет через пять после встречи с Дуровым в Омске Чокан получил возможность из уст самого Егора Ковалевского услышать рассказ о его скитаниях. Чокан не мог оставаться безразличным к славным походам Ковалевского. О его первой поездке в Кульджу через Аягуз и Алаколь Потанин и Чокан знали, еще находясь в стенах Омского корпуса, из «Журнала для чтения воспитанников военно-учебных заведений».

Копальский полковник С. М. Абакумов и Тезек-тёрэ были свидетелями знаменитого похода Егора Ковалевского в Кульджу в 1851 году. Если же искать еще одно живое звено, связывавшее Чокана с Ковалевским в недавнем прошлом, надо указать В. И. Дабшинского, преподавателя Омского кадетского корпуса и переводчика. Именно он привез маленького Чокана в Омск. Дабшинский, окончивший в свое время восточный факультет в Казани, ездил вместе с Егором Ковалевским в Кульджу в качестве толмача и знатока тюркских языков.

В Омске помнили, как Ковалевский ехал через Сибирь в Пекин в сопровождении чернокожего слуги, вывезенного из Африки. К слову сказать, незадолго до этого Егор Ковалевский навлек на себя гнев Николая I. Подлый секретный комитет по надзору над печатью доложил царю, что исследователь Африки в своей книге описал крепость Дуль, где томились закованные в кандалы чернокожие рабы. Путешественник говорил, что подобные страдания людей можно наблюдать не только в глубине Черного материка, но и в «бесконечной России».

Это было в то время, когда Николай бросил петрашевцев в казематы. Он повелел «за бессмысленные и дерзкие выходки» посадить Егора Ковалевского на военную гауптвахту и впредь держать его под строжайшим надзором. Но герой русской науки, открывший Николаевскую страну и реку Невку под небом Африки, находился уже на границе с Китаем. Конечно, и туда могла помчаться фельдъегерская тройка, но царь махнул рукой и оставил Ковалевского в покое. Надзор за ним все же учредили, и Егор Ковалевский, возвратившись из Пекина, долго чувствовал на себе немигающее всевидящее око. Жандармы не забыли недавнюю близость Ковалев-

ского к петрашевцам, в частности его близкую дружбу с Дуровым и Пальмом.

Чокан был знаком с сочинениями Ковалевского. Это видно по некоторым запискам молодого ученого. В иссык-кульском и кульджинском дневниках встречаются упоминания о Нубийской пустыне и Сахаре, Чокан сравнивает их с пустынями Азии.

Между Егором Ковалевским и Карлом Риттером произошел однажды забавный спор. Спор этот не могли оставить без внимания ни Чокан, ни Петр Семенов. Карл Риттер написал целое сочинение о том, что верблюды водятся лишь в тех странах, где растут пальмы; жить друг без друга они не могут.

Ковалевский, проделавший не одну сотню верст на семиреченских верблюдах, вразумлял Карла Риттера и отвечал ему, что ни в «Киргизской степи», ни в Монголии пальм днем с огнем не отыскать, зато верблюдов сколько угодно. По собственному опыту «всемирный путешественник» знал, что северный верблюд куда выносливее своего нубийского собрата. Нубийский дромадер поднимал всего двенадцать пудов, а на киргизского верблюда можно было навьючить пудов четырнадцать — шестнадцать. В отряде же Хоментовского, если читатель помнит, верблюд волок на себе через алатавские косогоры даже горную пушку.

Весною 1857 года Потанин и Чокан Валиханов с увлечением работали в омском ордонанс-гаузе, где помещались архивы. В итоге этих занятий впоследствии появились печатные труды Григория Потанина «О караванной торговле с Джунгарской Бухарией в XVIII столетии» (1868) и «Материалы по истории Сибири, собранные Г. Н. Потаниным» (1867).

Чокан отыскивал старинные бумаги об урянхайских алтын-ханах — «Золотых царях». Он хотел открыть тайну переселения собственно киргизов с верховьев Енисея в тянь-шаньские теснины. Чокан уже знал о противоречивых свидетельствах насчет их происхождения. Сами они считали, что происходят из области, окружающей Андижан, в науке же существовало мнение, что киргизы пришли в Тянь-Шань с Енисея, Абакана, Томи.

Разбирая дела XVIII века, Чокан нашел один любопытный старинный акт. Вот что он гласил.

Летом 1746 года в крепость Усть-Каменогорскую пришло двенадцать «киргиз-калмыков» вместе с их семьями.

Они сделали местному начальству «объявление» о том, что жили прежде между Томском и енисейскими городами и насупротив города Красноярского на реке Белый Юс. Ведал ими Танбын-батыр Датжи; они платили ясак зверями в российскую казну.

В самом начале столетия, при отце Галдан-Церена, на Белый Юс пришли три калмыцких зайсана — Дунар, Сандык и Чинбинь с 500 воинами, погромили кочевья. Калмыки силою заставили киргизов идти в Зюнгарскую землицу. Молодой хан Чайныш подчинился насилию, и 3000 киргизских «дымов» покинули родину на Белом Юсе. С тех пор они стали платить дань Галдан-Церену и, постепенно смешавшись с поработителями, получили название «киргиз-калмыков». Рассказывали они еще, что их родичи, живущие в Сагайской степи, тоже слились с джунгарами и прозываются с тех пор «киргиз-калмыками», но исправно платят ясак русским. В 1747 году из Зюнгарской землицы бежали два представителя «киргиз-калмыков» и при допросе изъяснили, что они имеют кровную связь с Сагайской степью.

Чокан сделал вывод, что часть сибирских киргизов, живших по соседству с урянхайцами, действительно смешалась с монголами. Что же касается переселения всех киргизов в Зюнгарскую землицу, то о принудительном передвижении целого народа не могло быть и речи. Возможно, что именно эти три тысячи «дымов» или кибиток составили калмыцкое колено, известное под названием «киргиз».

Отец Иакинф, знавший о существовании этого рода среди джунгар, стал ошибочно утверждать, что сибирские киргизы принадлежат к монгольским народам. В то же время Иакинф правильно определил, что киргизы Тянь-Шаня суть тюрки, но совершенно отличные от казахов.

Карл Риттер учил, что собственно киргизы и казахи — один народ, пришедший в степи и горы Тянь-Шаня с верхнего Енисея. Казахи и киргизы, говорил он, имели общих предков, известных под названием хагясов и килицзы.

Томас Уильям Аткинсон, не моргнув глазом, заявлял, что некоторые роды казахской Большой орды настолько дики и своенравны, что заслуженно получили название дикокаменных киргизов.

Вопрос с киргизами был чрезвычайно запутан. Проти-

воречия встречались на каждом шагу. Тянь-шаньские киргизы упоминались еще в 1253 году. В самом начале XVII века южносибирские киргизы просили Русь о подданстве, и их княгиня ездила в качестве посла к русским. В половине этого столетия киргизы перешли в подчинение джунгарского Батур-хана, а к концу XVII века очутились под владычеством одного из алтын-ханов — Лобзана.

В XVIII веке русские застали киргизов в Сибири, но вскоре летописи перестали их упоминать. Куда же мог исчезнуть целый народ — жизнелюбивый, стойкий и воинственный?

И. Э. Фишер в своей истории Сибири указывал, что джунгары переселили сибирских киргизов к границам Тибета и чуть ли не к подножию Гиндукуша. Пленные ученые шведы, жившие в Сибири, полагали, что такое перемещение было сделано по договору между русским правительством и джунгарскими владетелями.

Карл Риттер тоже не раз доискивался, куда исчезли киргизы с Абакана и Енисея? Он учил, что их надо искать в Восточном Туркестане, в степях на юго-восток от Иртыша, в кочевьях бурутов. Так джунгары и китайцы называли тянь-шаньских киргизов, и Чокан удивлялся, откуда было взято это название. Сами киргизы признавать его не желали.

Чокан терпеливо выяснял, где кочевали буруты ранее. Следы вели в область Андижана, к берегам Иссык-Куля, где, согласно кашгарскому сочинению «Тарихи-и-Рашиди», киргизы стояли своими аулами в начале XVI века. Они доходили до Кашгара.

Когда Чокан обратился к открытому им «Манасу», он нашел там свидетельства о том, что казахи и киргизы в свое время обитали в степях бок о бок с белыми ногаями, бродившими по степям от Ори до Сырдарьи.

Киргизы Средней Азии не хранили в своей памяти никаких воспоминаний о енисейской и абаканской прародине. Оставалось предположить, что в старину народ распространял свои кочевья от Сырдарьи до Енисея. Но в один несчастливый год между сибирскими киргизами и бурутами Андижанских гор, как желтый клин, появились джунгары. Перекочевки киргизов прекратились. Остатки сибирских киргизов получили новые племенные названия.

Однажды Чокан отыскал офицера генерального шта-

ба Муравлева, исследовавшего Алтай, и завел с ним разговор об исчезнувших сибирских киргизах. Муравлев, порывшись в памяти, рассказал, что на верхней Бухтарме он встречал кочевников, называвших себя киргизами. Они уверяли, что предки их пришли на Бухтарму с Кемчука и Енисея.

Во время работы в Архиве Областного правления сибирских киргизов Чокан открыл старинные бумаги, повествующие о приключениях загадочного Карасакала, башкира родом, выдававшего себя за Шуну, брата Галдан-Церена. Дело происходило в 1740 году. В «делах» XVIII века удалось открыть также донесения русских людей, побывавших в Джунгарии в 1748 году,— сержанта Котовщикова и полковника Якова Павлуцкого.

Возможно, что в руки Чокана и Потанина попали и архивные сказания о поисках торговых путей из Западной Сибири в Кашгар, Кашмир и Северную Индию. Еще в 1763 году, когда была основана Бухтарминская крепость, сибирское начальство предполагало учредить там караванную торговлю с Бухарой, Индией и Китаем. Примечательно, что в самом начале прошлого столетия директором Бухтарминской таможни служил знаменитый Филипп Ефремов, побывавший во время своих скитаний в Кашгарии, Западном Тибете и Индии. До Бухтармы он ведал таможенными делами в Моздоке и Кизляре. Его недавние связи с кавказскими купцами и бывалыми людьми обусловили их появление в Семипалатинске в первой четверти прошлого столетия. Они приносили туда вести о дальних странах. Так, братья Атанасовы, посетив Тибет и Восточный Туркестан, на берегах Иртыша рассказывали о золотых россыпях и самоцветах реки Хотан-Дарьи.

О золоте Восточного Туркестана в Сибири слышали не впервые. Еще при Петре Великом скромный, не известный никому Трутников или Трушников, пробравшийся на озеро Кукунор, проходя через Восточный Туркестан, встретил старателей, промывавших золотоносный песок на берегах речки Алтын-гол. Трутников привез князю Матвею Гагарину $18^1/_2$ фунта кашгарского золота. В том же 1714 году князь-лихоимец получил от какого-то яркендского купца мешок с золотой пылью. В конце XVIII века ташкентец Бебель-бай принес горному начальнику в Колывани пять фунтов чистого золота, добытого в шестидесяти верстах от Кульджи,

В 1808 году семипалатинцы провожали в дальний путь русского посла, коммерции советника Мехти Рафаилова. Он спешил в Северную Индию, в государство Пенджабского Льва — вождя сикхов Ранджит Сингха.

Рафаилов ехал через Кашгар, Яркенд и Западный Тибет, достиг Кашмира и вернулся обратно прежней дорогой.

Через двенадцать лет надворный советник Рафаилов вновь направился к Пенджабскому Льву с грамотой российского двора. Путешествие было начато в Семипалатинске. Возможно, что там Мехти Рафаилов подбирал себе проводников для проезда в Кашгар.

Как бы то ни было, но через несколько месяцев после того, как караван посла отбыл к Пенджабскому Льву, в делах сибирского губернатора появились письменные показания людей, сопровождавших Рафаилова. Они засвидетельствовали, что «надворный советник Рафаилов был в Китайском городе Яркенте, следовал до города Кашмира через владение Тибета и, не доходя до оного за три дня езды, от приключившейся ему болезни помер, где и похоронен...»

В Кашмир из Яркенда Рафаилов следовал, придерживаясь дороги, которой шел когда-то бухарский пленник Филипп Ефремов. Иного пути не было как через перевалы Карлик-Даван, Сугет и страшный, усеянный костями верблюдов и коней Каракорумский перевал и нагорье Каракорум. Рассчитав расстояния, можно предположить, что Мехти Рафаилов, миновав Ладак, умер где-то между рекою Джелам и Кашмирской долиной.

В 1820 году в Семипалатинске и Омске появился загорелый странник, грузинский дворянин Рафаил Данибегов. Он объявил, что пробыл около года в Кашмире, а затем совершил поход по Индии. Если здесь нет хронологической путаницы, смещения событий во времени, то мы имеем дело со вторым путешествием Данибегова.

Первые свои скитания он начал в 1795 году на Кавказе и в Турции. Он прошел через Персию в Индию, а затем в Кашмир, Яркенд и Кульджу. Оттуда через Семиречье двинулся к Иртышу, благополучно добрался до Семипалатинска, проехал в Омск, где Данибегова обласкал начальник Сибирской линии генерал Г. И. Глазенап. Было это в 1813 году, следовательно, отважный кавказец провел в странствиях восемнадцать лет.

За два года до приезда его в Омск генерал Г. И. Гла-

зенап послал толмача Путинцева в Кульджу для изучения китайской торговли. Это, бесспорно, тот самый Андрей Путинцев, который и впоследствии был одним из самых выдающихся знатоков истории связей Западной Сибири с Китайской империей.

В год возвращения Данибегова из первого путешествия по следу его и Путинцева в Кашгар был отправлен русский торговый караван. Киргизы Тянь-Шаня оказали дружескую помощь и проводили купцов через горные теснины и перевалы. Лишь спустя год караван возвратился в русские владения. Русские купцы по-прежнему пользовались содействием старшин киргизских племен. В результате отдельные предводители киргизов получили награды; им были даны майорские чины, пожалованы почетные сабли и медали. В 1814 году в омских летописях было отмечено, что грузинский дворянин Мадатов повел караван в Индию, но дошел лишь до Кашмира и, возвратившись на Иртыш, доставил туда знаменитые шали — тончайшие шерстяные ткани мастеров Кашмирской долины.

Через пять лет была снаряжена экспедиция доктора Сальватори, рассчитывавшего пройти из Западной Сибири в Тибет и Кашмир, но она по каким-то причинам не состоялась.

Не прошло и двух лет, как из Семипалатинска в Кашгар выступил караван купца С. И. Попова, решившего возобновить удачный опыт Мадатова.

Это совпало со вторым появлением Рафаила Данибегова в Семипалатинске и Омске. Омские архивы, сохранившиеся до нашего времени, сберегли любопытную подробность.

Когда Рафаил Данибегов в 1820 году представлялся сибирскому начальству, он передал ему прошения казахских султанов, желавших принять российское подданство. Вероятно, это относилось прежде всего к уже известному нам Сюку, одному из султанов Большой орды, отдавшему под покровительство России 55 462 души казахов вместе с принадлежавшими им 802 359 головами скота. Переход Сюка в русское подданство отмечен статьей, содержащейся в XXXVI томе Полного собрания законов Российской империи под № 27.

Омский архив до наших дней сохранил замечательные старые бумаги о сообщениях Западной Сибири с Кашмиром и Тибетом, написанные в 1818 — 1820 годах.

Недавно в Омске была найдена «Записка о путях из Семипалатинской крепости в Кашмир и Тибет». В ней приведены показания торговых людей, побывавших на этих дорогах, проходивших через прииртышские степи, Семиречье и Восточный Туркестан.

Все эти архивные данные не могли укрыться от вни мания Чокана и Григория Потанина, когда они трудились в Омском ордонанс-гаузе. Потанин добился причисления его к штабу войск Западной Сибири лишь ради возможности просмотреть богатейший омский архив.

В часы досуга Чокан шел в знакомый деревянный дом на Артиллерийской улице, где жил Я. Ф. Капустин, советник Главного управления Западной Сибири. Он был живой летописью «Киргизской степи».

Капустин хорошо знал отца Чокана, султана Чингиса. На памяти Якова Федоровича 29 мая 1834 года был, по прошению самих казахов, учрежден Аман-Карагайский внешний округ, вверенный управлению Чингиса Валиева.

Происходило это еще в то время, когда Главное управление Западной Сибири находилось в Тобольске. В 1838 году оно было переведено в Омск. С тех пор Яков Федорович и стал жить в городе на Иртыше. Он хорошо помнил начало мятежа Кенесары. Через год, когда голова мятежного султана была оценена в шесть тысяч рублей, в Омске завели дело о сосланном в Березов родиче Чокана — султане Габайдулле Валиеве. Он был изобличен в связях с Кенесары. Иван Карбышев и Андрей Путинцев пресекли тогда намерения честолюбивого Габайдуллы. Он был пойман в окрестностях Баян-Аула и после увещеваний Путинцева отрекся от ханства. Габайдулла, одумавшись, вспомнил, что он присягал на верность России. Его отправили в Омск, а оттуда отпустили в родные кочевья.

Но вскоре султан вновь начал расстраивать Андрея Путинцева, бывшего в ту пору заседателем приказа Кокчетавского внешнего округа. Габайдулла барымтачил, нападал на аулы других султанов. Осенью 1824 года он удивил омское и тобольское начальство письмом, где объявил себя мертвым и просил не писать ему ни строчки.

Вскоре к Габайдулле прислали переводчика Усова с подарком генерал-губернатора — чугунной печкой.

Султан, напомнив, что он мертв, бросил письмо из Тобольска на землю, а Усову сказал, что не нуждается в «жалованной печке».

После этого заседатели Кокчетавского приказа Лукин и Путинцев донесли, что Габайдулла не может ведать делами в Кокчетаве и его следует отстранить от должности агасултана.

Тем временем беспокойный султан взялся за старое. Он вновь стал просить о восстановлении звания хана, нападать на аулы Каркаралинского округа.

Мятежный Сарджан Касымов сманивал Габайдуллу на сторону кокандского хана Мадали. Сарджан в то время только что побывал у Мадали-хана, пригнал в дар ему степных коней, а от него получил огромное белое с черной маковкой на древке знамя, позолоченную саблю и дорогой панцирь.

В письме к русским властям Сарджан хвалился, что Мадали-хан отдал ему под начало двадцать две тысячи воинов — четвертую часть всего своего войска! Сарджан искал союза с Габайдуллой.

В 1832 году Габайдулла как будто остепенился. Он, например, подал прошение о том, чтобы ему прислали опытных мастеров для постройки дома по русскому образцу, как бы подчеркивая этим, что он не собирается бежать в Коканд.

Через год Габайдулла получил письмо от китайского амбаня, побывавшее в руках Якова Капустина. Тарбагатайский наместник подбивал кокчетавского султана заслужить милость богдыхана и намекал на возможность получения достоинства гуна[1] Небесной империи. «Все дела киргизского народа состоят в непосредственном моем ведении»,— нагло заявил амбань. В заключение он прямо приказал Габайдулле внушить своим подчиненным, чтобы они гнали скот на рынки Тарбагатая.

Получив это письмо, привезенное через перевалы Джунгарского Алатау гонцом амбаня, Габайдулла искренне испугался. Он вспомнил старое — плохую ночь с 7 на 8 июля 1824 года, когда он вместе со своим батыром Турайгыром был захвачен Иваном Карбышевым в баянаульских горах. Габайдулла так растерялся, что позабыл свою личную печать в юрте, где ночевал. По-

---

[1] Гун — князь (казах.).

этому он и поспешил представить по начальству послание из Тарбагатая.

Незадолго до этого пекинский кабинет подстрекал казахов к враждебным действиям против русских, впервые устроивших пашни на берегах Семи рек.

Габайдулла предпочел хлопотать перед сибирским генерал-губернатором о своих семейных делах.

В бумаге, помеченной 1832 годом, Габайдулла просил вернуть ему племянницу, склоненную «посредством волшебства» к браку с сыном ходжи Сеита, кочевавшего на землях Уваковской волости. Любопытно, что это прошение переводил не кто иной, как титулярный советник В. И. Дабшинский, старый друг семьи Чингиса Валиева, покровитель юного Чокана.

Но вот вспыхнул мятеж. Кенесары беспощадно преследовал всех, кто не был с ним, не щадя даже своих родичей. Чокану шел всего четвертый год, когда сестра Кенесары султанша Бопай — Чоканова тетка — однажды нагрянула со своими тюленгутами на Аман-Карагайский приказ. Размахивая тяжелой калмыцкой плетью, Бопай распоряжалась там как хотела. Ее всадники гнали чужой скот, навьючивали на верблюдов награбленные пожитки, сжигали аулы. На обратном пути Бопай со своим коршуньем налетела на прекрасный Сырымбет. Родовое гнездо Валиевых было поругано и разорено свирепой султаншей. Она приказала взломать замки на дверях дома и кладовых и взять все дорогое — каракуль, шелк, вышитые цветными узорами белые кошмы. Из погребов были вытащены даже съестные припасы.

Уже тогда казахи как огня боялись Кенесары, мстившего всем, кто не хотел идти с ним. Султан Абулхаир Габбасов, вместо того чтобы присоединиться к мятежникам, поднял свои аулы и отошел с ними к линии казачьих станиц под защиту русского оружия. Впоследствии Абулхаир за этот поступок был вместе с подвластными ему кочевниками освобожден от уплаты ясака на целых четверть века.

Когда Кенесары узнал об отходе Абулхаира к станицам, неистовый мятежник погнался за братом Абулхаира, султаном Пирали, захватил его в плен и сгоряча едва не казнил.

Но слабодушный Габайдулла не мог устоять против соблазна и установил связь с Кенесары. Тогда Габай-

дуллу решили сослать в Березов. Кенесары, узнав об этом, начал рвать и метать. В своих листах, посланных в Оренбургскую пограничную комиссию, Кенесары не раз выражал гнев по поводу заточения Габайдуллы в северный городок, раскинувшийся на трех холмах близ берега Сосьвы. Подполковник Валиев, лишь недавно носивший золотую, украшенную бриллиантами медаль на андреевской ленте, жил в Березове в дымной избе вместе со своим слугой аблаевским тюленгутом. Габайдулла тосковал по семье, все ждал приезда своей жены Альбубек и маленькой дочери Хадичи.

В Главном управлении Западной Сибири все росло и увеличивалось «дело» о Габайдулле, его недавних проступках, о его жизни в холодном Березове. Сколько имен, издавна знакомых Чокану, было упомянуто в этих бумагах! Вереницей проходили Андрей Путинцев, старый знаток «китайского вопроса», хорошо знавший Валиевах Иван Карбышев, доживший до основания Верного; Тимофей Нюхалов, возивший начальнику Омской области донесения о связах Габайдуллы с Кульджой еще в 1824 году; незабвенный В. И. Дабшинский, переводивший с уйгурского языка тарбагатайское послание к Габайдулле; Потанин-отец, сражавшийся с шайкой Сарджана.

«Дело» о Габайдулле Валиеве велось до 1847 года. И все время Габайдулла жил возле могилы Остермана, ел березовскую строганину и долгими зимними вечерами слушал чтение Корана, лежавшего на коленях у его дочери Хадичи. В Березове она выучила русский язык, свободно говорила и читала по-русски. Кому, как не ей, довелось прочесть строки казенной бумаги, содержавшей распоряжение о прощении Габайдуллы и возвращении его в родные места.

Об освобождении своего родича хлопотал... Кенесары.

В Березове султана Габайдуллу еще застал Матиас Александр Кастрен, величайший знаток финно-угорских народов. Зимой 1843 года он добрался до Березова со стороны Печоры. В архиве Чокана есть данные, относящиеся к Кастрену, этому вдохновенному исследователю «Калевалы», первому в мире профессору по кафедре этнографии.

Черновые записи, сделанные Чоканом, свидетельствуют о том, что ему были известны труды Кастрена о

сходстве финского, тюркского и монгольского языков. Это подтверждают заметки Чокана о языке «чулымских инородцев», якутов и карагасов, наречиях племен Алтая. Во время своих скитаний Матиас Кастрен не раз бывал в Тобольске, где его хорошо должны были помнить люди, встречавшиеся впоследствии с Чоканом.

О пребывании Габайдуллы в Березове писал замечательный труженик тоболяк Николай Алексеевич Абрамов. В свое время он создал «Описание Березовского края», а в 1857 году Чокан уже имел возможность прочесть этот труд Н. А. Абрамова в «Записках Русского географического общества».

Удивительно, что нигде в заметках Чокана мы не находим прямого упоминания имени этого трудолюбивого историка. Между тем Н. А. Абрамов при жизни Валиханова напечатал много журнальных статей о Семипалатинске, Кокпектах, Арасане, Копале, Аягузе. Судя по его более поздним печатным работам, тобольский историк побывал за Или и до 1867 года осмотрел укрепление Верный и его окрестности. Во всяком случае, описания жизни Габайдуллы в Березове, принадлежавшие перу Абрамова, должны были привлечь внимание Чокана. О Кастрене же он знал из книжек «Современника», из журнала для воспитанников военно-учебных заведений. Уже в начале своей научной деятельности Чокан не мог обойтить без Кастрена. Он был нужен юному исследователю для понимания природы шаманизма, сравнения финских языков с тюркскими, разъяснения многих других не менее увлекательных научных вопросов. Тоболяки, общавшиеся с Чоканом, конечно, помнили Кастрена. Финского ученого в первую очередь должен был знать Н. А. Абрамов, старый березовский житель, перебравшийся затем в Тобольск, где он занимался преподаванием.

Служебные дела Чокана шли сами собой. Он попрежнему состоял при особе Гасфорта. Однажды в губернаторский кабинет, когда там присутствовал Чокан, вошел широкоплечий кудлатый человек в сером дорожном плаще.

Гасфорт и его адъютант пристально разглядывали недавнего узника Петропавловской крепости и Шлиссельбурга, сказочного «саксонского короля», как называли этого человека.

Гасфорт завел с приезжим, по своему обыкновению,

ученый разговор, коснулся истории венгерских событий и, в частности, дела под Германштадтом.

Приезжий сказал, что русские были под Германштадтом разбиты. Гасфорт побагровел. Ведь он всю жизнь не верил, что потерпел поражение у германштадтских стен, а свой отход к Роттентурмскому ущелью всегда сравнивал с величайшими воинскими подвигами прошлого. Пальцы генерал-губернатора невольно потянулись к жилетному карману, где лежал заветный карандаш. Был случай, когда эту свою реликвию Гасфорт показывал в Аягузе офицерам. Генерал-губернатор говорил им, что этим карандашом были подписаны условия переговоров под Германштадтом.

Человека в сером плаще звали Михаилом Бакуниным. Он ехал в Томск, в ссылку. О встрече с героем дрезденского восстания Чокан сам рассказывал Григорию Потанину.

Зная канву жизни Бакунина, легко высчитать, что посещение им кабинета генерал-губернатора Западной Сибири состоялось весною 1857 года, вероятнее всего — в апреле. Это почти совпало с появлением дорогого для Чокана и Потанина гостя — Петра Семенова.

В Омске еще лежал снег, когда Чокан и Петр Петрович на санях, покрытых ковром, через все Мокрое мчались к дому, где жил Потанин. Семенов попросил показать ему потанинский гербарий, собранный на Алтае, выложить на стол выписки, сделанные в омском архиве. Приезжий долго говорил с молодыми людьми, убеждая их ехать для ученья в Петербург.

Но как это сделать, если Потанин должен служить в качестве казачьего офицера целую четверть века? В ответ Семенов обещал похлопотать перед Гасфортом о том, чтобы Григория Николаевича отпустили в Петербург.

Чокан и Потанин были для Петра Семенова настоящим кладом. В то время он готовил особую записку на имя генерал-губернатора. Она была полна неподдельной тревоги за судьбу обитателей степей. Кто мог лучше Потанина знать о положении русских казаков во вновь устраиваемом крае? Семенов высказывал молодым знатокам Семиречья свою точку зрения на отношения между русскими казаками и казахами. Надо решить, говорил он, насколько новые поселения могут стеснить кочевников и каким образом можно предотвратить эти стеснения.

Семенов радовался тому, что у подножия Алатау основано «прекрасное Верное», что возникают Иссыкское, Коксуйское, Талгарское и другие поселения. Но как примириться, например, с тем, что после закладки Копала джалаирам пришлось уйти за Каратал, на земли, издревле принадлежащие казахам-атбанам? Дулатам пришлось потесниться и откочевать из долин Алматы, Талгара и Иссыка. Часть земледельцев Большой орды лишилась своих пашен. Казахи могли бы продвинуться от Каскелена до Кара-Кастека или долины Кегеня, но как огня боятся некоторых киргизских родов. Киргизы-богинцы, например, покушаются на исконные земли казахов-атбанов. Порядка в землепользовании до сих пор не наведено.

Семенов не закрывал глаза на то, что какая-то часть русского казачьего населения не уважала прав кочевников. Это относилось к отрядным казакам. «Поселенные» казаки находились в дружеских отношениях с казахами, меньше их обижали, потому что были обеспечены более своих строевых товарищей.

Семенов хотел предложить Гасфорту свои соображения по поводу упрочения дружелюбных связей между коренным и пришлым населением Семиречья. Ученый предлагал увеличить содержание казачьим офицерам, определить законным порядком размеры выгод и льгот казакам-переселенцам, строго ограничить пределы власти казачьих командиров и привести в ясность все натуральные повинности казахского народа. Все эти предложения Петра Семенова были пронизаны гуманной мыслью об упрочении возможно лучших отношений между русскими людьми, казахами и киргизами.

Но германштадтский карандаш не зря лежал в жилетном кармане Гасфорта!

Прочитав записку Петра Семенова, генерал-губернатор наставил всюду вопросительные знаки, подчеркнул строки и, разумеется, не дал хода этому замечательному письму. Между прочим, в нем также содержались мысли о необходимости установить прямые сношения с Кашгаром, идти на сближение с ним, исследовать горные проходы и караванные пути, подробно изучить природу чудесного Иссык-Куля.

Сидя в гасфортовском кресле, Петр Петрович пробовал убедить своего собеседника в правоте своих предложений.

Гасфорт слушал Семенова, выпятив губу, прикрыв сухими веками глаза, светлые, как рыбный студень, лишь время от времени поднимая веки, чтобы взглянуть на своего гостя. Говорил Гасфорт медленно. Всем обычно казалось, будто он во время беседы делает мысленный перевод с какого-то чужого языка.

Зная о непомерном честолюбии генерал-губернатора, Петр Семенов постарался пустить, так сказать, пробную стрелу. Путешественник сказал, что, на его взгляд, освоение Заилийского края приобретет для России не меньшее значение, чем присоединение Амура.

Гасфорт оживился, погладив длинные бакенбарды. Стрела попала в цель! Генерал-губернатор Западной Сибири терзался завистью к успехам Н. Н. Муравьева-Амурского и ненавидел его.

Выслушав оценку Семенова, генерал-губернатор обрадовался, поняв, что гость может в очень выгодном свете представить положение заилийских дел в салонах и чиновных кабинетах Петербурга и тем самым принизить успехи Муравьева-Амурского, гонцы которого так часто проезжали через Омск с донесениями об успехах на Востоке.

Семенов призывал Гасфорта поднять светоч науки над глухими просторами Азиатского материка. И, если Семенов горит желанием нести от имени Гасфорта светоч науки в теснины азиатских гор, генерал-губернатор согласен всемерно поощрить это благородное рвение. Но... тут Гасфорт на несколько мгновений запнулся и, посмотрев в упор на путешественника, спросил его: действительно ли он хочет перейти Тянь-Шань?

Семенов быстро нашелся что ответить. Он сказал, что в Тянь-Шань, пожалуй, незачем и идти. Он хочет побывать на Иссык-Куле и посетить соседние горы.

Гасфорт кивнул головой. Бедняга! Он почти ничего не знал об истинном положении Тянь-Шаня. Семенов же внутренне ликовал, потому что с восточного побережья Иссык-Куля легче всего было достигнуть Небесных гор. Он с легким сердцем дал Гасфорту клятву не переходить «Рубикон» и стал готовиться к отъезду в Верный.

Отправился Семенов туда только 21 апреля 1857 года, следовательно, он не раз встречался со своими юными друзьями в Омске.

ТРУД О «ДИКОКАМЕННОЙ ОРДЕ»

Уже после того, как Петр Петрович расстался с Омском, Валиханов и Потанин узнали о том, что Семенов очень тепло и уважительно отозвался в печати о знаниях Чокана. В письме из Семипалатинска, помещенном в «Вестнике» Русского географического общества, исследователь Тянь-Шаня говорил:

«Частные пребывания между киргизами дикокаменными и Большой орды дали мне случаи ознакомиться с нравами, обычаями и жизнью этих народов, а в особенности полезны были для меня сведения, сообщаемые лучшими здесь знатоками киргизского быта — поручиком султаном Чоканом Валихановым и переводчиком А. И. Бардашевым».

Возможно, что Потанину и Чокану тогда еще не было известно, что их старший товарищ в другом своем письме в Петербург сообщал: Чокан, побывав на восточном побережье Иссык-Куля, вывез оттуда богатый запас географических, этнографических и исторических материалов о «Киргизской степи»; он готов обнародовать эти данные.

Эти строки решили судьбу Чокана. Он был принят в Русское географическое общество.

В 1857 году он много потрудился над обработкой своих записей. Проводя вечера в синем дыму тереховских сигар, он составлял описание народа киргизов — «ак-калпакты» («белошапочные»), как иногда называли их казахи.

Мы уже говорили о том, что Чокан выяснял места древнего расселения киргизов. Теперь этот народ обитал, как писал Чокан, на пространствах от Иссык-Куля до Гиссара и Бадахшана, от Сузака до Аксу и Уч-Турфана, кочевал на землях Коканда, Каратегина.

Чокан подметил, что киргизы распространены «по направлению и положению горных хребтов». Главными местами обитания киргизов ученый считал горную страну верховьев Сыр и Амударьи, хребет Алай, севернее ее — Тянь-Шань и Алатау. На юг киргизы доходили до Гиндукуша.

Чокану бросалось в глаза отсутствие политического единства у киргизов. Так, киргизы иссык-кульские о своих собратьях на юго-востоке знали лишь понаслышке.

Если киргиза спросить о главных родах и поколениях всей орды — он ничего не сможет ответить.

Киргизы разделялись на владетелей, манапов, и простой народ, кара-бухаров. Манапы, в отличие от казахских султанов, считавшихся с советами старейшин, пользовались неограниченной властью.

Чокану удалось узнать, что первым таким деспотом у киргизов был сарыбагишский бий по имени Манап. Имя это постепенно превратилось в титул киргизских правителей. Мимо юрты манапа всадник не смел ехать на коне, а вынужден был спешиться и вести лошадь в поводу, пока не минет войлочного жилища владыки горного рода.

«Жестокость называют они великодушием»,— писал Чокан о манапах. В одном месте он ошибся, неправильно указав год гибели знаменитейшего из сарыбагишских манапов Урмана Ниязбекова, сраженного копьем в битве при Курменты в 1854 году. Вероятнее всего, это просто описка Чокана, ибо кому, как не ему, положено было знать все подробности гибели свирепого предводителя сарыбагишей.

Про Урмана было, например, известно, что он возил за собой передвижную виселицу; черная тень от нее не раз ложилась на привольный берег Каскелена. Он не только отважно, но хитро и расчетливо воевал с Кенесары. Урман все время старался заменить Желтого Клеща в ловушку, изображая отступление. Когда же горячий Кенесары оказывался на весьма невыгодной для него позиции, огромные медные трубы Урмана возвещали начало жестокого боя.

Сарыбагишский манап не раз угрожал Коканду.

Сам Чокан в своем иссык-кульском дневнике упоминал: богинцы рассказывали ему, что Урман погромил «ташкентские курганы», то есть кокандские крепости, и предал огню замок самого хана Коканда. Лишь после гибели грозного манапа кокандцы решились увести его подданных в Талас и начали выколачивать дань с сарыбагишей.

За два года до своей гибели от копья богинца Клыча манап Урман посылал гонца в Омск с письмом в Пограничное управление. Победитель Кенесары вдруг стал набожным настолько, что просил омских чиновников прислать ему священные мусульманские книги. В Омске их не оказалось, и богобоязненный Урман вскоре начал

войну с богинцами, ополчившись на Бурамбая и его родичей. Клыч, сын Бурамбая, отправил Урмана в магометанский рай...

Власть Урмана перешла по наследству к сыну его — Умбет-Али. Про него Чокану рассказывали, что молодой манап однажды приказал расстрелять свою жену лишь за то, что она не расслышала его приказания и Умбет-Али пришлось повторить свое распоряжение.

Толстый, прихрамывающий на одну ногу, Умбет-Али имел пристрастие к кузнецовской водке, попадавшей к нему из Верного. Как это ни неожиданно, он был, так сказать, любителем-археологом, хорошо знавшим подводные клады Иссык-Куля. В походах он любил применять военные хитрости. Именно он пленил родственников Бурамбая, умыкнул его прекрасных снох, разорил бурамбаевские пашни и сады на Зауке.

Чокан не закрывал глаза на деспотизм манапов и писал, что они держались лишь насилием. В то же время он не отказывал некоторым манапам в природном уме и смелости.

Чокан изучал отношения киргизов с Кокандом. Сарыбагиши были данниками Коканда. Некоторые роды вроде Саяк, Солту, Сол чтили кокандские обычаи. Киргизы из рода Сол даже говорили на наречии кокандцев.

Чокан писал, что в Кокандском ханстве не «токмо что заветы Корана, но и законы самой природы нарушены», что там процветают ханжество, работорговля, проявления всяческого зверства. Захват кокандцами киргизских земель и основание на них крепости Пишпек Чокан считал величайшим злом. В стенах Пишпека кокандцы затевали набеги, разжигали религиозный фанатизм. Кокандский наместник в Пишпеке, стараясь привлечь на свою сторону казахских султанов и биев и киргизских манапов, щедро раздавал им титулы; распространено было звание «кочевого губернатора». Чокан требовал, чтобы гнездо кокандцев в Пишпеке было навсегда разорено, иначе кокандцы будут безнаказанно переходить Или и свободно разгуливать по Семиречью до Каратала и Коксу, захватывая казахских, киргизских и русских пленников. На рабовладельческий Коканд поручик Валиханов обрушивался не раз; в других его рукописях мы находим слова пламенной ненависти об этом притоне, как он называл столицу Худояр-хана.

Худояр-хан протягивал руку к Тянь-Шаню, разорял

киргизов непосильными налогами. Чокан подсчитывал количество скота у киргизов Тянь-Шаня, приводя круглые цифры. Он полагал, что у них имеется не менее 100 тысяч коней, 10 тысяч верблюдов и около 50 тысяч голов крупного рогатого скота. Если сравнить все это хозяйство с хозяйством казахов, то киргизы покажутся бедняками. Даже могущественные манапы, самые богатые из них, имели не более трех тысяч коней каждый, тогда как у казахского богача Азанбая было 25 тысяч скакунов, пасшихся в степях Баян-Аула.

Киргизы-богинцы разводили белошерстых калмыцких овец и косматых яков, называвшихся кодасами. Хвост яка нередко шел для украшения пики тянь-шаньского батыра, а из козьего пуха делали нечто вроде толстых плащей, спасавших киргизов от высокогорных холодов.

Когда Чокан был в Кульдже, он прицենивался там к оленьим пантам, привезенным из киргизских становищ; хороший рог стоил ямб серебра, то есть от 300 до 500 рублей на русские деньги.

Киргизских охотников хорошо кормили шкуры рысей; они шли в города Туркестана, где купцы выручали по пяти баранов за каждую шкуру. Татарские скупщики, бродившие по Тянь-Шаню, считали выгодным делом приобретение меха куницы, за который можно было выручить потом приличные деньги.

Рыбы в Тянь-Шане было немало, и ее зачастую даже рубили клинками, чему Чокан сам был свидетель, когда отряд Хоментовского стоял при устье Тюпа. В былые годы иссык-кульские манапы ловили серебряных язей и маринку сетями, сплетенными из шелка. Близость Китая позволяла такую роскошь. Шелковых неводов Чокану застать уже не удалось.

Горные воды кормили киргизов-земледельцев, вращая колеса их мельниц. Мельником был не один старый Бурамбай. По всей долине Аксу можно было слышать грохот жерновов. Там раскинулись посевы пашенных богинцев. По подсчетам Чокана, они засевали ежегодно 15 тысяч мешков пшеницы. Урожай был сам-десять; значит, страна киргизов производила сто пятьдесят тысяч «капов» золотого полновесного зерна.

Земледелие на Иссык-Куле уходило своими корнями в далекое прошлое. Возле Барскауна можно было видеть следы старинных арыков, избороздивших землю.

Когда-то здесь стоял большой и богатый город, давший миру Махмуда Кашгарского, знаменитого ученого-языковеда.

Междоусобица богинцев и сарыбагишей подорвала сельское хозяйство киргизов, разорила горную страну. Когда Чокан расспрашивал о причинах братоубийственной розни, ему обычно рассказывали такое предание.

Когда-то на свете жили богинец Белек и сарыбагиш Булат. Надеясь оправдать значение своего имени, чистый и твердый, как сталь, Булат старался делать людям добро. Ради этого он не пощадил своего имущества и вскоре остался гол как сокол.

В день, когда у него родился сын, Булат не смог заколоть для гостей барана. Думая, что за добро ему должны заплатить добром, Булат, уже успевший кому-то отдать своего коня, пешком поплелся к юрте богинца Белека просить барана. Но жена Белека осыпала милосердного Булата оскорблениями, унизила его в глазах всего аула.

Тогда незаслуженно обиженный Булат, вооружив своих сородичей, устроил засаду близ горного прохода Кудор, которого не могли миновать богинцы. Булат разбил своих недругов и заставил их выплатить ему живую дань — отдать красавицу. Булат, опираясь на копье, стоял у выхода из ущелья, показывая пальцем то на ту, то на другую дщерь богинцев, пока не отобрал у них всех красивых девушек и женщин во главе с дочерью манапа Тургузбая.

Конечно, это предание годилось больше всего для сборника сказок как образец устного творчества киргизского народа. Жестокая междоусобица имела другие корни. Ведь не случайно в свое время настойчивый Урман, прогнав богинцев, занял не только пашни Бурамбая, но и все дороги, ведущие от Иссык-Куля в область Сырта. Особенно старался он захватить Заукинское ущелье и Барскаунский перевал, узел путей, пролегавших по продольным долинам и сходившихся у подножия гор. Там находился самый удобный проход к Сырту, на котором скрещивались три дороги, соединяющие Иссык-Куль с Кашгаром.

Граница недавних владений Бурамбая доходила именно до Барскауна. Сарыбагиши постарались стереть этот рубеж и тем самым обеспечить беспрерывность

сообщения от Коканда до ворот Тянь-Шаня. Кроме того, манапы киргизов учитывали еще одну приятную для них возможность. Рыская между волнистыми холмами Сырты, они могли грабить или облагать данью караваны, идущие из Кашгара.

Из всего этого видно, что сердобольный Булат был здесь ни при чем, но Чокан записал и эту сказку, считая, что предания рано или поздно могут пригодиться в качестве вспомогательных источников.

Прекрасная память помогла Чокану ввести в очерк о киргизах отрывки из летописи жизни его предка — Аблай-хана. Рассказы о прадеде он слышал в Кушмуруне и Сырымбете; степные рапсоды пели в юрте Чингиса Валиева сказания об Аблае. Но была еще одна песня, о Джаиловом побоище, сложенная киргизской женщиной по имени Бикен-жан.

Бикен-жан, жена Атеке, была свидетельницей таких событий, разыгравшихся около 1770 года. Найманский султан Барак Синегривый однажды устроил набег и осквернил святыню киргизов — гробницу Кошкар-ата. Обитатели горных долин устремились на Барака со своими восьмигранными копьями, увенчанными хвостами яков, секирами и палицами, отягощенными железными яблоками.

Синегривый Барак ударился в бегство. Весь в поту, он домчался до Или и насилу спасся, переправившись на северный берег реки.

О его неудаче узнал Аблай-хан. Решив отомстить за поражение найманского султана, грозный хан кликнул под свои знамена уйшуней, найманов и аргынов, двинулся к притокам верхнего Таласа, переправился через них, углубился в киргизские земли и нагрянул на воинов из родов Солту и Саяк. Битва под горой Крунбель дала Аблаю богатую добычу и множество пленных.

Ликуя, хан пошел в Чуйскую долину. Там, между устьями Аксу и Кыз-Тургана, он увидел огромное скопище бурутов; все киргизские роды встали, как стена, на пути Аблая. С высоты сопки Токташнен Кара-Тюбе хан видел, как колыхались знамена киргизов. В этом жестоком сражении буруты понесли такие потери, что от одного из подразделений рода Солту осталось в живых лишь сорок воинов. Предводитель этого рода Джаил дрался бок о бок со своими сыновьями Усеном и Теке;

все они пали в этом побоище, названном в их честь «Джаиловым».

Аблай-хан пошел к Кокчетау, пригнав туда несчетное количество киргизских пленников. Он собрал их в поселениях, вошедших в состав двух волостей, и места обитания этих рабов вскоре получили названия Новые и Богатые Буруты.

В песне, сложенной дочерью Джаила, были описаны подлинные события. Смущает лишь то, что в очерках о киргизах в статье «Аблай», написанной впоследствии Чоканом, есть некоторый разнобой в определении местностей, пройденных Аблаем во время разгрома бурутов.

А разве не любопытно предание о первом и единственном, хоть и легендарном хане киргизов Аксак-Кулане Джучи? Оно гласило о том, что киргизы отправили послов к хану Джанибеку и просили его поставить над ними Джанибекова сына Джучи.

Юный принц отправился в страну бурутов, но встретил на пути огромное стадо куланов. Джучи погиб под копытами диких скакунов.

Тогда Джанибек приказал вырыть огромный ров. Он начинался в верховьях Каратала, устремлялся в горы, проходил по ущелью Ихлас к берегу Или, тянулся в сторону Кашгара, исчезая в просторах Восточного Туркестана. Чокан бывал в местах, откуда начинался исполинский ров Джанибека.

Старики рассказывали, что второй ров, вырытый Джанибеком, виден у истоков Чу. Он образовал стоверстный круг; посредине его было расположено урочище Хан-тагы (Ханский трон). Отец Джучи приказал делать облавы и загонять куланов в круглый ров. Они погибли все, за исключением одной пары, ушедшей на просторы Голодной степи. Там эти животные снова размножились.

Отыскивая зерно истины в этом предании, Чокан вспоминал, что он сам был свидетелем случайного появления куланов в Илийской долине. Ближайший по времени джут — гололедица и падеж животных был зимою 1855/56 года. Куланы ринулись на свою прародину и появились в Заилийском крае, но с наступлением весны потянулись снова за Балхаш. Когда Чокан летом 1856 года ездил в аул Тезек-батыра, возле гор Кату и Калкан видел нескольких куланов, отставших от стад, вторгшихся из песков Чу и угрюмой Бетпак-Далы.

Валиханов, привлекая старые сказания и сведения о джуте, с большой точностью определил границу распространения среднеазиатского кулана.

Чокан считал, что в древности киргизы имели свою письменность, впоследствии утраченную. Путешественник составил небольшой словарь киргизского языка и установил, что этот язык отличался от казахского. Слово «большой», например, звучало у киргизов как «чон», а у казахов «улькен», женщину киргизы называли «аяч», а казахи — «катун», бык у киргизов назывался «кона», а у казахов — «огуз».

Исследователь пытался выяснить у киргизов, что означает странная клятва «Майнеке болайин», употреблявшаяся киргизами и неизвестная казахам. «Чтоб мне стать женой Майнеке»— так звучала она. Оказалось, что Майнеке — это имя сказочного урода, страшилища, но было непонятно, почему им клялись мужчины. Была еще одна клятва — «Да проглочу камень» («Таш чутаин»).

В киргизских сказках упоминались «алпы»— великаны, «ялмауз»— людоеды, «яланнач»— ведьмы.

Кони сказочных богатырей, как правило, обладали даром речи, и хозяин говорящего скакуна обычно побеждал див и страшилищ — всех этих упырей, людоедов, женщин с медными когтями и жестоких духов вершин и горных рек. У Чокана были большие возможности для сравнения этого сонма нечистой силы, жившего в сознании казахов и киргизов. Длинногрудая женщина Албасты, враг рожениц, наряду с тоже женским духом Медные когти, была и у казахов.

В детстве Чокан знал степных чародеев, вроде казаха баганалинца Койлубая, уверявшего, что ему подчинены духи во главе с демоном Надыр-Чулаком, который, по словам Койлубая, одолел самого властителя нечистых сил — чудовищное одноглазое божество, закованное в синее железо и сжимающее в руке багряное знамя.

У киргизов так же, как и у казахов, существовало поклонение духам умерших предков. Казахи своего духа предков называли «арвах», киргизы — «арбак». Среди киргизов были и столь знакомые Чокану «бакши», а по-казахски — «баксы», шаманы, вроде только что упомянутого Койлубая и кокчетавского волшебника Чумена, гордившегося тем, что в его подчинении находятся духи Кокаман и Ирчалайн.

Позднее Чокан напишет отдельную работу о следах

шаманства в казахских степях, где скажет, что шаман есть «человек, одаренный волшебством и знанием выше других, он поэт, музыкант, прорицатель и вместе с тем врач. Киргизы шамана называют бакши, что по-монгольски значит учитель, уйгуры бахшами называют своих грамотников, туркмены этим именем зовут своих певцов».

Среди киргизов встречались люди, которым приписывали способность вызывать дождь, их называли «джайчи». Чокану пришлось просмотреть множество трудов восточных историков ради того, чтобы узнать, что заклинания о дожде были издревле связаны с «джадом», волшебным камнем, помогавшим в ниспослании небесной влаги, а также молнии и грома. О таком камне писал, например, известный Абул-гази Бахадур, потомок Джучи, хан Хивы и историк Чингизидов. Его сочинения Чокан читал как в подлиннике, так и в первом русском переводе, вышедшем в Казани в «Библиотеке восточных историков», издававшейся трудолюбивым И. Н. Березиным. Творения Абул-гази Бахадура были для Чокана настольной книгой, и он не раз их перечитывал. Молодой историк, выясняя связи Абул-гази с казахами, заметил, что потомку Джучи приходилось искать убежище у хана Ишима в городе Туркестане. Этот хан в свое время был покровителем союза казахов и киргизов; в ознаменование такого содружества Ишим даже приказал построить в Ташкенте башню, названную в честь знатного киргиза Кукема.

Чокан часто перелистывал книгу Абул-гази Бахадура, размышлял о судьбах джагатайской рукописи, открытой в свое время в Тобольске пленными шведами.

История первых изданий книги хивинского хана была хорошо изложена в первом томе «Энциклопедического лексикона»— почти на трех столбцах мелкой печати, подписанных тремя тонкими и светлыми прописными буквами: «О. И. С.». Чокан, конечно, знал, что это Осип Иванович Сенковский. А к его трудам Валиханов не мог оставаться равнодушным. Ведь в числе других трудов Сенковского Чокан знал «Заметку о торговых путях из Семипалатинска в Кашмир, через город Аксу, Яркент, Тибет», приложенную к описанию путешествия Егора Мейендорфа в Бухару.

В то время, когда Чокан писал очерк о киргизах, часто тревожа память Абул-гази Бахадура, Осип Сенковский был еще жив. Судьбе было даже угодно связать его

какой-то нитью с Чоканом, который в скором времени стал продолжателем одного из дел «барона Брамбеуса», Сенковского. Речь идет о биографии Абул-гази Бахадура, к составлению которой впоследствии приступил Чокан, рассчитывая опубликовать ее в энциклопедическом словаре И. Н. Березина.

Сравнивая обычаи киргизов и казахов, Чокан видел, что обычаи эти нередко совпадали. К примеру, если у казахов были предсказатели погоды, известные под названием *исебчи*, то и киргизы имели в своей среде таких же предсказателей, которых они называли почти тем же словом. Киргизы, подобно казахам, занимались гаданьем на шариках овечьего помета, причем кроме ворожбы употребляли эти катышки для исчисления дней.

Совпадали и астрономические представления обоих народов. Полярную звезду казахи и киргизы называли Железным колом (Темир казык), Плеяды — Уркер, название Млечного Пути было тоже общее — Куш-жол, что означало Птичий путь.

Киргизам были известны некоторые преданья казахского народа. Был, например, такой сказочный герой Асан-Кайгы — Асан Печальник или Горемычный. Он всю жизнь занимался поисками Страны счастья — Жеруюк, где жаворонки свивали себе гнезда на спинах баранов, укрываясь в их драгоценном руне.

Асан Печальник, как говорилось в предании, не раз побывал в городе Туркестане, посетил Семиречье, полуостров Мангышлак, Баян-Аул, берега Таласа и Келеса, солонцы Карсакпая, сырдарьинские города. Киргизов он называл добрыми соседями казахов, советовал им жить в мире и полной дружбе. Этот вечный скиталец открыл полосу тучной черноземной земли в области Жуалы, ему были известны медные руды Джезказгана.

Согласно сказанию, Асан Печальник, отыскивая обетованную страну, объездил на своей быстроногой верблюдице Желмая огромные пространства от стен древней крепости Сауран до подножий Таласского Алатау.

В той же записи сказания, что была у Чокана, говорилось, что искатель заповедной земли скитался и по Джиргалану, следовательно, поднимался по этой реке на Тянь-Шань. Выходило, что Чокан тоже прошел по следам сказочного героя.

Не только в кочевьях иссык-кульских киргизов, но даже в Кульдже можно было услышать предание о пест-

ром жеребенке, ставшем причиной многих бедствий для казахов и ногайцев.

Чокан давно слышал старинную поговорку: «Натворил, как пестрый жеребенок», бытовавшую среди казахов, но значения ее не знал. Лишь в 1856 году, в Джунгарии, ему рассказали следующее.

В далекие времена джунгар Хо-Урлук выступил против союза казахов и ногаев. Однажды калмыцкие полчища подступили к ногайским кочевьям, но не решились на открытое нападение.

Ногайцы тоже пребывали в томительном ожидании.

Наступила тревожная ночь.

И тут, как на грех, двухлетний пестрый жеребенок *тай* оборвал волосяной аркан и поднял на ноги ногайские стада.

Ногаи ударились в беспорядочное бегство, и джунгарам не составило большого труда гнать жалких ногаев, нашедших себе убежище за Уралом и Волгой. Казахам, жившим по соседству с ногаями, тоже пришлось мыкаться и искать приют в Средней Азии. Вот почему в первой половине XVII века владетельные казахские ханы Ишим и Турун очутились в городе Туркестане и знойном Ташкенте, а ногаи вскоре распространились в южнорусских степях вплоть до Бессарабии и турецких пределов. И все это будто бы натворил пестрый жеребенок!

Чокану довелось выслушать предание о жеребенке в передаче знатоков калмыцкой старины и казахских сказителей. Сравнивая эти сказания, он пришел к выводу, что ойратская песня была пронизана чувством гордости за джунгаров, исполнена восторга, тогда как казахские рапсоды окрашивали ее в сумрачные цвета.

Чокан вспоминал, что эта нехитрая песня, плач о разделении казахов и ногаев, вызывала у казахских аксакалов обильные слезы.

Как бы то ни было, но Чокан считал, что белые ногаи еще в XV и начале XVI столетий кочевали в степях на юго-восток от рек Ори и Эмбы, соприкасаясь с казахами и киргизами, кочевья которых находились тогда в верховьях Сырдарьи.

Чокан допускал мысль, что ногаи в свое время беспрепятственно проникали со стороны Сырдарьи и Чу в область Иссык-Куля. Это могло происходить после 1352 года, когда ставка владетелей Моголистана была перенесена с берегов Или в самое сердце Кашгара и

Семиречье. И Иссык-Куль и Семиречье были слабо защищены от вторжений пришлых народов.

Возможное пребывание ногаев в Тянь-Шане послужило поводом к различным хитросплетениям и противоречивым свидетельствам давних времен.

У Чокана под рукой были записи, сделанные первым приставом Большой орды майором Врангелем, современником доблестного основателя Копала полковника Абакумова. Киргизские старейшины говорили семиреченскому майору, что их народ произошел от ногайцев. Было время, рассказывали старики, когда Киргизбай со своими сыновьями Атыгеном и Тогаем ушел из улусов ногаев на Или в сторону Туркестана. Старший сын стал кочевать в верховьях Аму и Сырдарьи, младшему достались берега Иссык-Куля, где потомки пришельца стали называться киргизами.

Нередко по причине какого-то исторического недоразумения, может быть чьей-нибудь оговорки, часто и сам герой киргизского народа, могучий Манас, сходил за ногайца.

Сначала Чокан не знал, что это ошибка, и на слово поверил киргизскому рапсоду, исполнявшему отрывок из великой песни. Если читатель помнит, дело происходило на реке Тюпе в мае 1856 года. Имя певца — *манасчи* — осталось неизвестным, хотя мы знаем, что в те годы жили такие знаменитые исполнители «Манаса», как Балык, Найманбай и другие современники Чокана.

Чутьем исследователя Валиханов, очевидно, уже тогда понимал, что в том отрывке песни о Манасе, который ему удалось записать на Тюпе, угадывались излишние «ногайские» наслоения. Но тогда он еще не знал, почему киргизский герой был произведен в ногайцы: кто-то из певцов однажды обронил, что дед Манаса, обладатель алого златотканого стяга, носил имя Ногая.

Так или иначе, Чокан начал изучение «Манаса», открытого им для человечества весною 1856 года, и написал заметки «Смерть Кукотай-хана и его поминки».

Надо сказать, что впоследствии ученые условно разделили исполинский эпос на девять частей, или циклов. Песни о поминках Кукотай-хана относятся, если принять такое разделение, к циклу восьмому, к предпоследней части поэмы.

Но кто такой Кукотай? Это — соратник Манаса, ташкентский хан.

«Кукотай-хан собрался оставить наш свет...»— писал Чокан. Чувствуя приближение смерти, хан приказал могучему витязю, сары-ногайцу Яш-Айдару Чору сесть на коня Манекеря и оповестить народы и племена о том, что жизнь Кукотая закатилась. Затем было сказано, чтобы черный «сарт»— караванный начальник — замесил глину на жире восьмидесяти коз и сделал из нее кирпичи для постройки белой усыпальницы, подобной светлому месяцу. Первые по себе поминки умирающий завещал справить у большеносого батыра Конурбая, великая же тризна должна была состояться у Манаса, возросшего на яблоках Андижана и недопеченных хлебах Ферганы!

Ресницы Кукотая смежились, душа отделилась от тела и устремилась в вечность. Темная, как ночь, толпа ногайцев заплакала, зарыдала так, что пришли в движение верхи деревьев урюка, обломились ветви яблонь.

Ногаи устремились к большеносому Конурбаю и устроили первые поминки в честь Кукотай-хана. Там появился приемный сын Кукотая Бокмурун и объявил, что он в скором времени соберет людей на невиданную тризну в память своего отца и благодетеля.

Бокмурун вещал: он острижет овец всех отар, что пасутся на выгонах кузи-башских, исправит все юрты на большом Ак-Таше — Белом Камне, минует Тиек-Таш, распустит табуны по Жаланашу, достигнет долины Или и оставит там своих пахарей. Плоты и лодки будут ожидать его возле Калкана. После переправы через реку он поднимется на Ак-Терскен, где кони Бокмуруна вдосталь отдохнут. Передышку верблюдам он даст на том берегу Тургень-Аксу, придет к озеру, где добудет соль и навьючит ее на шестьдесят верблюдов. От этого озера рукой подать до гладких солонцов Бутанын-Саз, где кочует хан Джулай, что носит колпак, подобный огромному черному котлу.

Там юный Бокмурун натянет на плечи золотую курму, добудет красный шарик и павлинье перо для своей шапки и начнет кочевать вместе с калмыками, обитающими на Алтае и во владениях Китайской империи. А если захочет, он подкует серебряной подковой белого коня, поскачет вдоль верхнего Иртыша, поднимется на хребты Биш-Терека, вспенит конем реку Джургу и ворвется в Хан-тау (Чингисовы горы), откуда пройдет к Мула-Хоргой, а потом раскинет свой стан на верхнем Иртыше, под Бурун-талом.

Путь Бокмуруна было впору прокладывать на картах, составленных омскими топографами под руководством барона Сильверсгельма! Часть этого пути Чокан прошел недавно сам.

А Бокмурун продолжал хвалиться. От иртышских вод он двинется к «внутреннему хану». Там-то и произойдет пир на весь мир, невиданная тризна по Кукотай-хану. Шесть тысяч молодцов, сидя у пылающих костров, начнут крошить мясо сверкающими андижанскими ножами. Лица и руки джигитов белы, как луковицы. Чтобы не натереть мозолей на руках, они обернут пальцы лоскутьями кожи и кусками шелка.

Но вот юный Бокмурун, согласно завещанию Кукотая, избран ханом. Он снова кликнул к себе витязя сарыногайцев Яш-Айдара Чору и приказал ему ехать за славными алпами-исполинами, призвать их на великую тризну. Но Яш-Айдар оказался нежным сыном. Он ответил своему юному властелину: чтобы найти алпов-исполинов, надо семь раз объехать все семь концов земли. За это время родители Яш-Айдара умрут, и он не сможет закрыть им глаза.

Бокмурун воскликнул, что он сам пойдет на поиски великанов. Так пусть же Яш-Айдар останется за него!

Но Яш-Айдар стал выпрашивать у Бокмуруна знаменитого коня Манекеря. Это заставило Бокмуруна вспомнить о качествах волшебного коня. При переправе через Талгар, во время разлива, Бокмуруну даже не пришлось поднимать ног над водой: так легко скакун перенес всадника через реку. Когда воины Бокмуруна вторглись в Самарканд, борзый Манекерь был первым в тысяче лучших коней. Так было и под стенами города Туркестана.

Бокмурун громко размышлял, в какие края надо отправляться для поисков алпов-исполинов.

На великую тризну надо звать и батыра Кошая. Он выручил из полона Белерека-ходжу, сына Джангыра. Если Кошай откажется прибыть на великий пир, над его юртой взовьется златотканый багряный стяг Кукотая!

Черный, как вороново крыло, конь носил на себе батыра Мунку, прозвище которого — Урбэ. Пусть только он посмеет не приехать на тризну: Кукотаев красный стяг зашумит над его неразумной головой. «Приду тогда к нему в гости,— грозил Бокмурун,— разобью вьюки с сокровищами Урбэ, размечу в чистом поле прах предков его, в землю втопчу его вертоград!»

На горных Семи реках кочует бесстрашный батыр Багыш. Пусть поспешит и он на Кукотаеву тризну.

Вместе с великаном Карачем, под которым конь подобный черной горе, пусть придет батыр Иркокче.

Не забыл Бокмурун пригласить и алпа-исполина, Алпа-Мамета, по прозвищу Сизый Заяц.

Манаса юный Бокмурун провозглашал главным распорядителем тризны.

И еще повелел Бокмурун ехать к Ай-ходже, что живет на божьей дороге, в стороне, где заходит солнце, чтобы взять у него бумагу для свитка. На свитке этом будет начертан список имен алпов и кличек их коней, дабы великаны не могли уклониться от приглашения. Если же кто-нибудь оскорбит память Кукотая неразумным отказом — пусть ждет к себе в гости гневный багрово-золотой стяг!

И еще приказал Бокмурун объявить, что победителям в конских ристалищах будут назначены награды: девяносто рабов, тысяча прекрасных рабынь, тысяча верблюдов, тысяча златоглавых кобылиц.

Чокан напряженно работал, изучая этот отрывок из «Манаса». Молодой исследователь считал, что тризна по Кукотай-хану составляет самую замечательную часть киргизской «Илиады». Но где и когда он уже читал о Чоре и об Иркокче?

Тонкая рука Чокана с алмалыкским золотым перстнем тянулась к переплетенным в кожу сборникам русских летописей. Так оно и есть! Никоновская летопись упоминала о нападении татар на Одоев в 1423 году. «...Тогда же убили и Когчю, богатыря татарского, велика суща телом и силою»,— писал древний историк.

Чору же Чокан отыскал в Казанской летописи, где о нем говорилось, что он ходил оказывать подмогу татарам, запертым в стенах осажденной Казани.

У Чокана блеснула правильная догадка, что «Манас» создавался постепенно, постоянно дополнялся и был подобен большой реке, вбирающей в себя новые и новые ручьи. И пока этот исполинский поток докатился до своего устья, в него влились новые сказания, созданные в разные времена. В них нередко упоминались имена исторических лиц, и все они были привязаны к Манасу.

Чокан знал, что происходило дальше, после того как Бокмурун начал скликать богатырей на тризну. Все это

было изложено в созданных позже «Очерках Джунгарии».

Чокан видел, как на большие поминки приехал долгожданный Манас, явились батыр Кошай и другие алпы. Джунгарский хан Джулай в шапке, похожей на закопченный котел, затеял пешую борьбу с Кошаем. На «тризне больших похорон» носатый Конурбай-китаец пал от копья Манаса в честном поединке.

Волею судеб поминки превратились в побоище, потому что Манас и гости-богатыри не могли стерпеть алчности джунгаров, пытавшихся овладеть рабами, златогривыми кобылицами и парчовыми одеждами, назначенными в награду победителям в состязаниях. Спутники и гости Манаса одолели своих противников, причем в бою пал сам хан Джулай.

Чокану была известна судьба синегривого Манаса, предпринявшего великий поход на китайскую столицу Пекин. В этом походе он был тяжело ранен. Герой грандиозной поэмы возвратился на родину и умер в долине Таласа.

Очевидно, Чокану было в общих чертах известно все содержание «Манаса», потому что в «Очерках Джунгарии» Чокан удивлялся той непочтительности, которую проявлял Манас-жених в отношении своих родителей, оставляя их без куска хлеба, по существу на произвол судьбы. Из заметок Чокана о «Манасе» видно, что ему была знакома и история поисков невесты для Манаса. Отец Манаса ради этого очень долго странствовал.

Все эти подробности содержались в начальных главах сказания о Манасе. Следовательно, Чокан имел представление о всех девяти циклах поэмы. Полностью записать ее он, разумеется, не мог. Записал лишь часть ее, посвященную смерти и поминкам Кукотай-хана.

Этот цикл привлек внимание исследователя богатейшими данными по географии Тянь-Шаня, Семиречья и Прииртышья, именами героев, частично знакомых Чокану по другим произведениям устного творчества его соплеменников.

«Манас» дался молодому ученому не сразу. Насколько мы можем судить, первые сведения о существовании великой поэмы были получены путешественником во второй половине мая 1856 года, когда Чокан достиг реки Каркары. Исследуя местность, он узнал, что возле гор Кушмурун находится одиноко стоящая сопка или

курган Манасненбоз-тобе. Опросив киргизов, Валиханов узнал, что синегривый Манас, воюя с калмыками, располагался станом у подножия этой сопки. Через несколько дней состоялась встреча с неизвестным певцом, из уст его Чокан и услышал впервые размеренные строки «Манаса». В них часто упоминались перевалы и горные проходы возле Иссык-Куля. Так было положено начало чокановской географической «Манасиане».

С тех пор Чокан стал собирать данные о названиях в честь Манаса и вскоре узнал, что кроме города Манас, находящегося возле Урумчи в Восточном Туркестане, существует еще урочище Манас на верхнем Иртыше. Один из проходов в Тарбагатае назывался Манастын-асу в память того, что Манас якобы шел через него к берегам озера Зайсан.

Открытие величайшего творения киргизского народа почти совпадает с выходом в свет первого издания «Песни о Гайавате» Генри Лонгфелло (1855). Документа, подтверждающего знакомство Чокана Валиханова с книгой Лонгфелло, в подлиннике нет, но имеются косвенные доказательства. Именно в те годы, когда «Песнь о Гайавате» зазвучала во всех частях света, Чокан делал заметки о положении североамериканских индейцев и, в частности, писал о школах для ирокезов. Пусть он не дожил до первого русского перевода творения Лонгфелло, выполненного Дмитрием Михайловским в 1866 году, зато у Чокана были такие посредники для знакомства с новинками иностранной литературы, как Сергей Дуров, а потом — Аполлон Майков и Всеволод Крестовский.

И я пустил стрелу...

Эта строчка из Лонгфелло невольно приходит в голову, когда думаешь об открытии «Манаса».

Юношеской, но уже твердой рукой Чокан натянул тетиву на столетнем саадаке и пустил стрелу в будущее. Пусть заметки о «Манасе» в чокановских «Очерках Джунгарии» не сразу увидели свет, но о их существовании вскоре узнал Василий Радлов, который еще застал Чокана в живых во времена первых своих поездок по Семиречью и Джунгарской степи. В 1885 году В. В. Радлов издал записи песен «Манаса», снабдив их немецким переводом, в труде «Образцы народной литературы северных тюркских племен». Стрела ускорила свой полет.

Только в наше время величайшая поэма киргизов полностью получила выход в мир. В Киргизии была произведена первая полная запись «Манаса», исследователи установили, что этот эпос состоит почти из четверти миллиона стихотворных строк. То, что было начато одним Чоканом, было продолжено многими учеными; каждый из них внес свой вклад в дело изучения «степной Илиады», как называл поэму Чокан. Были установлены связи устной литературы киргизского народа с алтайско-минусинскими легендами, преданиями Средней Азии и даже с «Шахнаме» великого Фирдоуси. Кукотай, хан ташкентский, имел своего двойника — Когутэя, божество, которому поклонялись шаманы монгольских степей. Заимствования из творчества других народов, разумеется никак не умаляли значения «Манаса».

Чокану пора убирать в письменный стол свои иссык-кульские и кульджинские бумаги, ибо он закончил труды, связанные с путешествием 1856 года. Вот чокановская рукопись «Географический очерк Заилийского края», с которым путешественника, видимо, очень торопил неугомонный Гасфорт, записка купца Исаева, помеченная 24 июля 1856 года. А 26 июля того же года Чокан выехал в Кульджу. Сочинение Исаева написано на двадцати двух больших листах.

Кульджинский консул Иван Захаров передал Чокану записку о торговле в Восточном Туркестане. С Кульджою связаны были заметки о правилах разведения травы мусу — люцерны в Илийском крае, записи о сборах пошлин маньчжурскими чиновниками, справки о курсе серебряных слитков «ямбу» в 1855 году, план города (Кульджи) с обозначением названий ворот крепостной стены.

Все эти бумаги, без сомнения, относятся к путешествию 1856 года.

Вот выдержки о киргизах Тянь-Шаня, почерпнутые из различных сочинений, зарисовки кладбища киргизов на реке Тюп.

Если уж говорить о рисунках Чокана того времени, надо вспомнить такие из них, как «Лагерь около реки Или», созданный 19 октября 1856 года и помогающий нам уточнить сроки пребывания путешественника в Кульдже, или «Ночлег русского отряда на р. Мерке в земле дик[окаменных] киргизов», портреты манапа Бурамбая, Сартая-сарыбагиша и Тезека, атбановского

султана. Он изображен в шляпе, увенчанной павлиньим пером.

Чокан составил схемы Джунгарского Алатау, верховьев реки Или, описание озера Балхаш. Вероятно, ему же принадлежит «Рекогносцировка западной части Заилийского края».

СЕМЕНОВ ИДЕТ В ТЯНЬ-ШАНЬ

В 1857 году генерал-губернатор Г. Х. Гасфорт стал сильно сдавать. Он возлагал множество надежд на свою поездку в столицу, когда праздновали восшествие на престол Александра II, но вернулся в Омск совсем пришибленным. Новый император просто не заметил грозного владыку Западной Сибири и покорителя Заилийского края. К тому же Гасфорт был опечален шуткой, отпущенной Мусой Чормановым, Чокановым дядей, ездившим вместе с губернатором на столичные торжества.

Муса Чорманов, находясь в светском обществе, встретил молодого немца, оказавшегося замечательным собеседником. Возвратившись в Омск, простодушный Муса, делившийся впечатлениями о поездке, брякнул в чиновном кругу, что ему впервые довелось встретить умного немца! Слова Чорманова были переданы Гасфорту и привели в бешенство его, Фридрихса, фон Кури и других немцев, окружавших своего омского покровителя.

Муса, повидавшись с племянником, укатил на своих кыпчакских скакунах к себе в Баян-Аул, а Чокан стал восторженно распространять дядину шутку по всему Омску.

Вскоре исчез ночной свет, теплившийся в сердцевидных вырезах на ставнях дома, где жил Сергей Дуров. В апреле 1857 года Чокан и Потанин поздравили своего друга, получившего свободу, с возвращением ему дворянского достоинства. Сергей Федорович мог выехать в российские губернии. Он отправился в Одессу к своему другу, тоже петрашевцу, Александру Пальму.

Перед отъездом из Сибири Дуров еще успел получить привет от Достоевского, переданный через Чокана.

Незадолго до наступления нового года почтальон принес в домик, что в Мокринском форштадте, большой конверт, адресованный Чокану Валиханову. «Семипалатинск, 14 декабря 56 года»,— гласила пометка в углу письма.

К тому времени в жизни Достоевского произошло

много событий. Он уже мог покидать свою темницу. Летом 1856 года посетил Барнаул и Кузнецк, потом отдыхал и лечился в форпосте Озерном, на высоком берегу Иртыша, а осенью снова ездил вместе с Василием Демчинским в Барнаул, Кузнецк, Локоть и Змеиногорск.

В то время Чокан возвращался из Кульджи.

Из семипалатинского письма явствует, что тогда и состоялась встреча Достоевского с Чоканом. Достоевский писал, что он и Демчинский простились с Чоканом «из возка», а потом всю дорогу сожалели о том, что он не мог разделить с ними их алтайскую поездку. Какое впечатление произвел бы Чокан в Барнауле, на бале, где Достоевский перезнакомился решительно со всеми, или на званом обеде у Александра Родионовича Гернгросса, начальника Алтайского горного округа и собирателя «чудских» древностей!

Далее Федор Достоевский в своем письме сообщал по секрету, что он виделся в Кузнецке с одной умной и милой женщиной, своим лучшим другом, и много раз говорил с нею о Чокане. И женщина эта прониклась дружеским чувством к Валиханову. Чокану рано или поздно придется встретиться с нею.

Достоевский раскаивался, что целый год таил от Чокана свои чувства, сомнения и страхи, вызванные огромной переменой в его жизни. Но, намекая на свои сердечные дела, Федор Михайлович до конца ничего не договаривал. Он только просил Чокана пожелать ему успеха.

«Приезжайте, если возможно, скорее к нам, а уже в апреле непременно.— Читал Чокан.— Не переменяйте своего намерения. Так бы хотелось Вас увидеть, да и Вы верно не соскучитесь. Вы пишете, что Вам в Омске скучно — еще бы! Вы спрашиваете совета: как поступить Вам с Вашей службой и вообще с обстоятельствами. По-моему, вот что: не бросайте заниматься. У Вас есть много материалов. Напишите статью о Степи. Ее напечатают (помните, мы об этом говорили). Всего лучше, если б Вам удалось написать нечто вроде своих Записок о степном быте, Вашем возрасте там и т. д. Это была бы новость, которая заинтересовала бы всех. Так было бы ново, а Вы, конечно, знали бы, что писать (например, вроде Джона Теннера в переводе Пушкина, если помните). На Вас обратили бы внимание и в Омске и в Петербурге. Материалами, которые у Вас есть, Вы бы заинтересова-

ли собою Географическое общество... Лет через 7, 8 Вы бы могли так устроить судьбу свою, что были бы необыкновенно полезны своей родине. Наприм., не великая ли цель, не святое ли дело, быть чуть ли не первым из своих, который бы растолковал в России, что такое Степь, ее значение и Ваш народ относительно России, и в то же время, служить своей родине *просвещенным* ходатайством за нее у Русских. Вспомните, что Вы первый киргиз, образованный по-европейски вполне. Судьба же Вас сделала вдобавок превосходнейшим человеком, дав Вам и душу и сердце... Не смейтесь над моими утопическими соображениями и гаданьями о судьбе Вашей, мой дорогой Вали-хан. Я так Вас люблю, что мечтал о Вас и о судьбе Вашей по целым дням. Конечно, в мечтах я устраивал и лелеял судьбу Вашу. Но среди мечтаний была одна действительность: это то, что Вы *первый* из Вашего племени, достигший образования европейского. Уж один этот случай поразителен, и сознание о нем невольно налагает на Вас и обязанности. Трудно решить: какой сделать Вам первый шаг. Но вот еще один совет (вообще): менее загадывайте и мечтайте и больше делайте: хоть с чего-нибудь, да начните хоть что-нибудь, да сделайте для расширения карьеры своей. Что-нибудь все-таки лучше, чем ничего. Дай Вам бог счастья.

Прощайте, дорогой мой, и позвольте Вас обнять и поцеловать раз 10. Помните меня и пишите чаще...»

Послание это было написано на квартире Демчинского поздним вечером, когда хозяин дома уже спал. Рядом с Достоевским сидел Александр Цуриков и тоже сочинял письмо к Чокану. Жаль,что оно не дошло до нас.

В последних строках Федор Достоевский просил Чокана передать поклон Дурову, уверить его в любви и преданности старого товарища по омской каторге.

Чокан улыбнулся, прочитав приписку Достоевского: С. рассказывала в Семипалатинске, как он, Чокан, сманивал ее в Омск. С. помнит о нем, передает поклон...

Сколько воспоминаний вызвали эти страницы!

В 1855 году Чокан, чтобы закрепить первое знакомство с Достоевским, состоявшееся в омском доме К. И. Иванова, разыскал ссыльного солдата в бревенчатой избушке, затерявшейся на песчаном пустыре, неподалеку от семипалатинской гауптвахты. Там по двору металась свирепая цепная собака, и унять ее стоило немалых усилий. Достоевский обитал в тесной каморке с

окнами на двор, спал в закутке за русской печью, книги и солдатский кивер лежали на большом ящике, стоявшем возле некрашеной скамьи...

1855 год был очень тревожным. В Семипалатинск дошла весть о восстании чампангов — ссыльных в Восточном Туркестане и вторжении хищников-золотоискателей в Семиречье. Ходили слухи о том, что кокандцы снова угрожают Верному и поэтому Гасфорт скоро объявит начало похода за Или.

Генерал-губернатор думал, что ему придется воевать на два фронта. Он приказал сформировать в Копале особый отряд для наступления в сторону Заилийского Алатау, а для подкрепления этого войска выписал из Тобольска старинные пушки и ядра, хранившиеся там еще со времен Павла I.

Солдаты и казаки были посланы Гасфортом в Тарбагатай, на Лепсу, в Калбинские горы — отражать чампангов и искателей золота, не тратя свинца и пороха, гнать их прикладами и тупыми концами пик! Так приказал Густав Гасфорт. Вскоре он сам выехал из Омска, и в июле 1855 года семипалатинцы слушали пушечную пальбу и ружейные залпы. Генерал-губернатор устроил смотр войскам и пришел в ярость, потому что ядра делали перелеты и падали мимо цели.

Достоевский запомнил все эти ученья и смотры. Они дорого достались и ему. Но вот команда штаб-трубача Сидорова возвестила отбой. Семипалатинское воинство узнало, что Гасфорт отменил поход за Или. Вот тогда-то Достоевский и получил возможность снова пожить в гостях у Врангеля в знаменитом Казаковом саду, находившемся неподалеку от летних лагерей и казачьей станицы. Сад был скрыт за высоким частоколом. Вокруг старого, почерневшего от времени дома множество цветов. Там и повстречались друг с другом Достоевский, Врангель, Чокан, Хоментовский, Василий Обух.

Еще до знаменитого гасфортовского смотра Достоевский однажды водил супругов Исаевых в заповедный сад, дышавший резедой и левкоями.

Вскоре исаевская семья уехала в Кузнецк, Врангель отправился на охоту за тиграми в камыши Балхаша, и Достоевский остался в Казаковом саду на попечении врангелевского слуги Адама.

Письмо Достоевского к Чокану, помеченное 14 декабря 1856 года, было обнародовано только в 1928 году

в книге «Ф. М. Достоевский. Письма» — через семьдесят два года после того, как бывший узник Мертвого дома указал юному Чокану его трудный и славный путь...

Летом 1857 года в одной из книжек «Вестника» Русского географического общества было напечатано письмо ученого баварца Адольфа Шлагинтвейта из Команду, что во владении Кулу. В письме сообщалось, что путешественник исследовал ледники Гималаев, составил карту этих гор в их западной части — от Сетледжа до Инда, изучил температуру воды в источниках и колодцах.

Чокан и Потанин, по рассказам Петра Семенова, имели полное представление об Адольфе Шлагинтвейте, даже о его внешности. В ту пору ему было двадцать восемь лет, он был высок ростом и носил длинные волосы. Успел пройти курс геологических наук в Мюнхене и вместе со своим старшим братом Германом вскоре поднялся на альпийские вершины. Братья пополняли свои знания, готовясь к походу.

Они шли в Индию, а оттуда — в Центральную Азию. В путешествиях участвовал третий брат — Роберт. Дороги их разошлись в Бомбее, и Шлагинтвейты уговорились, где им встретиться.

Адольфу и Роберту удалось пройти через северо-западные области Индии и подняться на Гималаи. В следующем году Роберт и Герман добрались до Ладака, преодолели Каракорум и ценой огромных усилий достигли каменных громад Куньлуня. Тем временем Адольф Шлагинтвейт бродил в верховьях Инда вместе с «изыскателем» пундитом Наин-Сингхом, впоследствии оставившим заметный след в истории исследования Брахмапутры и даже побывавшим в Тибете.

В долине Кангра, у подножия Гималаев, Адольф Шлагинтвейт наслышался о Кашгаре, а в Пенджабе ему удалось отыскать бывалого Магомет-Аминя, яркендца родом, хорошо знавшего дороги из Индии в Яркенд, Кашгар и Коканд. Яркенд был средоточием торговли с Индией, но путь к белым яркендским стенам был очень труден. Он пролегал через Кашмир, Ладак и страшное Каракорумское нагорье, усеянное костями павших вьючных животных. Однако это не мешало торговцам везти в Шестиградье продолговатые железные ящики с индийским медом, тюки с тканями и кисеей, чай, металлические изделия.

Купцы встречались в дороге с караванами, следовавшими из Яркенда в Кашмир и Индию. Туда везли дурманный гашиш, добытый из цветочной пыли конопли, козий пух, шелк-сырец, войлок, нефрит и агат, молитвенные коврики. В девятипудовых же вьюках каравана Шлагинтвейта, как об этом дознались впоследствии, кроме съестных припасов и походного имущества было много книг, подзорные трубы, часы, дорогое оружие, разные инструменты, назначение которых было недоступно пониманию спутников Адольфа Шлагинтвейта. Совершенно достоверно известно, что среди приборов исследователя был самый совершенный для того времени термометр со знаком фирмы знаменитого механика и физика Генриха Гейсслера в Бонне. Термометр был заключен в богатый футляр, а на прикрепленной к нему медной пластине было вырезано имя Шлагинтвейта.

Под рукою у путешественника всегда были два пистолета, компас и точнейшие часы. Он бережно хранил пакет с письмом на имя Худояра, хана кокандского, полученное в Калькутте от Ост-Индской компании.

Шлагинтвейт не расставался с геологическим молотком, надеялся добраться до Тянь-Шаня и отколоть им куски дикого камня, обещанные Александру Гумбольдту.

Шлагинтвейта сопровождали люди из долины Кангра. Ему предстояло пройти не менее полутора тысяч верст, отделявших Кашмир от Яркенда. Шлагинтвейт не знал, что этот путь до него был пройден в обратном направлении Филиппом Ефремовым, а затем братьями Атанасовыми, Рафаилом Данибеговым, Мехти Рафаиловым и другими странниками, связавшими свою судьбу с Россией. Поэтому Шлагинтвейта считали первым ученым европейцем, которому было суждено проникнуть в Восточный Туркестан со стороны Индии.

Отсюда он шел теми же «косогорами», что и Филипп Ефремов, над бездонными пропастями, поднимался на вершины высочайших перевалов Кардунга, Сасыра, Каракорума, Карлик-Давана, где властвовала горная болезнь. Когда Шлагинтвейт шел через Гималаи, его спутники уверяли, что удушье происходит от испарений незримых колдовских цветов с желтыми и голубыми лепестками.

Если путешественник читал «Тарихи-и-Рашиди», то он знал, что горное удушье стоило жизни знаменитому

яркендскому султану Саиду, предпринявшему поход на Тибет. Он погиб неподалеку от Каракорумского прохода, его именем было названо высокогорное урочище, усеянное обломками сланцевых скал. На нагорье Каракорума находился и труднейший проход Самыр, о котором тоже упоминал составитель «Тарихи-и-Рашиди», побывавший в тех местах. Шлагинтвейт видел реку Шейок, клокотавшую в берегах из ослепительно белого мрамора. За перевалом Каракорум открывалась долина Ак-тага, о которой упоминал Филипп Ефремов. Шлагинтвейт шел по этой стране ледников, ущелий и стремнин. Еще на пути к Чанглунгу, миновав мощные залежи естественной соды и горячие источники, он задержался для того, чтобы проложить более удобный путь для своего каравана. С тех пор в горах остались следы какого-то подобия наклонной дороги, падающей с круч, окружавших горячие ключи.

Много испытаний выпало на долю Адольфа Шлагинтвейта во вре́мя его похода под темно-голубым аконитовым небом, нависшим над аспидной громадой Каракорумского хребта. Малодушные спутники покидали ученого; однажды сбежали даже его слуги, некоторые из кашмирских носильщиков предпочли вернуться обратно. Путников мучила жажда: воды, которую они везли с собой в кожаных мехах, не хватало. В довершение всех несчастий слуги яркендца Магомет-Аминя исчезли, угнав всех коней каравана. Они выбрали для этого время, когда бушевал ночной буран. Произошло это у самого порога Кашгарии, когда войлочный шатер Шлагинтвейта стоял на последнем горном перевале за нефритовой рекой Каракаш.

Путешественник отрядил Магомет-Аминя для преследования беглецов и стал нетерпеливо ожидать его возвращения. Часть людей возвратилась, отбив семь коней, а Магомет-Аминь увлекся погоней и ранее Шлагинтвейта спустился со сланцевых круч на равнины Шестиградья.

Весь небольшой отряд собрался в поселении Шахидулла-ходжа, прикрытом небольшой крепостцой. Там находилась святыня, почитаемая местными киргизами,— могила, скрытая под грудой рогов антилоп и горных баранов. В окрестных ущельях и долинах кочевали люди из родов Найман, Кызыл-аяк, Кыпчак, Кесек. Они промышляли перевозкой грузов через перевалы на сво-

их косматых и выносливых животных — яках. Здесь Шлагинтвейт долго спорил с Магомет-Аминем, как лучше идти в Ферганскую долину, потому что одна из дорог вела на Ош, а другая устремлялась к Кашгару. Ученый избрал второй путь, послав впереди себя своего слугу. Вскоре тот возвратился с известием, что в Восточный Туркестан вторглись войска хана Коканда. Адольф Шлагинтвейт двинулся на Яркенд.

Петр Семенов тревожился за судьбу Шлагинтвейта. 27 апреля 1857 года он выехал из Семипалатинска вместе с томским художником П. М. Кошаровым.

Путешественники вступили в степи, уже поросшие трехцветными тюльпанами, где первой добычей Семенова был великолепный степной жук-дровосек Абакумова. Кошаров обновил свой путевой альбом, зарисовав киргизское кладбище и зубчатые горы Аркат.

Через Аягуз переправлялись на лодках.

Петр Семенов даже не остановился в унылой, будто вымершей станице Аягузской и проследовал дальше, в просторы, расцвеченные лиловыми анемонами. В первый день мая было уже жарко. Позади тяжелого казанского тарантаса вставали столбы солончаковой пыли.

После трех перегонов, на пути к Мало-Аягузскому пикету, показалась сложенная из плитняка башня, воспетая в народных преданиях. Это была могила Козы-Корпеша и Баян-Слу.

Читатель помнит, что Чокану не удалось осмотреть ее во время его поездки на Иссык-Куль из-за разлива реки Аягуз. При первом своем путешествии в Тянь-Шань Петр Семенов тоже не видел могилы, так как ему пришлось проезжать эти места глубокой ночью.

Когда Петр Семенов был на Арганатинском пикете в первый раз, ему не удалось съездить на озеро Балхаш; в тот день шел проливной дождь, заставивший исследователя повернуть обратно к пикету. 2 мая 1857 года в Арганатах стояла прекрасная погода, и с вершины сопки были явственно видны и Балхаш, и лазорево-серебряный Джунгарский Алатау, задевавший своим снежным челом утренние облака. Петр Семенов сел на коня и поскакал к низменности, окаймлявшей озеро Балхаш. В тот день исследователь открыл новые виды растений, в их числе совершенно неизвестные науке астрагалы. Они могли бы порадовать самого Палласа!

Через Лепсу путники переправились на пароме возле Лепсинского пикета. Под колесами тарантаса заскрипел степной песок. В течение одних суток Семенов и Кошаров успели увидеть весенние полноводные русла Лепсы, Баскана и Аксу — трех рек Семиречья. Вот и узкое дикое ущелье Кейсык-ауз — преддверие Гасфортова перевала. Впереди пенился, скакал по камням неугомонный Биен.

Тарантас остановился возле горячего ключа Арасан. Исследователи, пользуясь теплом и солнечным днем, подробно осмотрели окрестности Арасана и прибыли в Копал с опозданием.

Полковник С. М. Абакумов вышел навстречу гостям. Его по-прежнему окружали славные копальцы — самобытные следопыты страны Семи рек вроде казачьего урядника Фокина, добывавшего для Абакумова редких животных и растения Джунгарского Алатау.

Был еще знаменитый стрелок Бедарев, истреблявший семиреченских тигров. В те времена тигры обитали в долине Коры в логовах под тянь-шаньскими елями.

Полковнику Абакумову однажды посчастливилось добыть молодого грифа — кумая, ту самую сказочную птицу, которая, по словам старинных китайских писателей, сторожила ледяные высоты Азии. Белый с черными махами кумай встречался в Джунгарском Алатау, в горах вокруг Иссык-Куля. В свое время Чокан видел кумаев близ Первой Мерке, но принял их за орлов.

Детище Абакумова, город Копал, рос с каждым годом. Торговые ряды были обособлены от казачьей станицы и Копальской крепости. Лавки, питейные дома и харчевни лепились друг к другу. Там было много товаров «на киргизскую руку»— попон, халатов, бязи и дабы, посуды, медных и железных изделий.

В торговых рядах собирались люди, имевшие постоянные связи с Кульджой. Сюда мог дойти слух о судьбе Шлагинтвейта.

От Копала дорога шла к перевалу и пикету Алтын-Эмель, находившемуся прямо против прохода в горах. В окрестностях пикета высился зловещий холм Май-тюбе; вокруг него белело множество костей. Говорили, что склоны сопки кишели змеями. Однако Семенов взошел на Май-тюбе и вернулся с редким астрагалом.

В этих безрадостных местах, к востоку от черного

холма, находилось старинное кладбище султанов. Его хорошо было видно с дороги на Или и Верный.

Вскоре впереди возникло чудесное видение — снежный гребень Заилийского Алатау во всей его красе и мощи. Петр Семенов почти до самого берега Или прошел пешком, так он увлекся сбором растений. Впоследствии он вспоминал, что равнина была похожа на цветущий сад. Здесь путешественник открыл добрый десяток видов растений. Особенно восторгался он новой породой ясеня.

Укрепление Илийское имело добротный и даже нарядный вид. Оно было застроено домами из бревен тянь-шаньской ели, хорошо просушенных, как это советовал делать сам Петр Петрович во время первого посещения Верного. Илийским казакам пришлось немало потрудиться над устройством крепостного рва, пробитого в толще крепкого сланца.

Из Илийского была совершена поездка вниз по реке к примечательному месту Тамгалы-тас. Высокие береговые утесы были украшены буддийскими изображениями и надписями. Павла Михайловича Кошарова заинтересовали произведения буддийских мастеров, и он сделал с них ряд рисунков.

Ни Кошаров, ни Семенов тогда еще не знали, что Чокан был их предшественником в изучении письмен и изображений Тамгалы-тас. В дневнике путешествия на Иссык-Куль Чокан обмолвился, что в июле 1856 года, уже на обратном пути, он ездил из Илийского в Тамгалы-яр, где провел целый день. В архиве Чокана хранится рисунок главной порфировой глыбы; на ней высечен огромный четверорукий Будда на алмазном престоле, а по бокам его — два малых будды. Чокану пришлось немало потрудиться, чтобы в точности перерисовать несколько надписей, врезанных в красноватый порфир. Одна надпись была размещена на отдельной каменной глыбе справа от алмазнопрестольного Будды и состояла из десяти столбцов клинообразных букв. Среди надписей угадывается начертание таинственного заклинания «Оммани-пад-ме-хум». Тонкими, но точными чертами передал Чокан все обаяние старинных изображений, тронутых дыханием времени. Алмазнопрестольный Будда выступал на груди скалы не так отчетливо, как образы остальных божеств справа и слева от него.

Тарантас, чуть ли не битком набитый астрагалами,

желтыми цветами барбариса, перьями дикого чеснока, коробками с жуками и зелеными жужелицами, подкатил к границам укрепления Верный.

Посредине Верного, как некий дуб Мамврийский, высился необычайно высокий и мощный тополь. Дерево уже стало легендарным. О нем не раз вспоминал сам К. К. Гутковский, умиленно снимавший фуражку перед тополем-исполином.

В 1850 году ранней весной отряд Гутковского выступил из Копала в сторону кокандской крепостцы Таучубека за Или, но не сумел войти в эту цитадель. На пути в Алматов отряд остановился возле огромного тополя, привлекшего к себе всеобщее внимание. Сарбазы тем временем рубили вековые деревья, делали завалы на пути Гутковского, но он сумел благополучно пробиться к Или и возвратиться в Копал.

Вскоре полковнику М. Д. Перемышльскому было вручено наставление: «Отыскать за рекой Или удобное место для заведения в оном укрепления, имея при выборе сего место между реками Или и Чу».

Перемышльский пошел к заповедному тополю и вместе с инженер-поручиком Александровским обозрел «первые и вторые Алматы и долину между ними». Исследователи донесли, что лучшего места нет во всей округе. В Алматах — прекрасный лес, пахотные земли, прорезанные бесчисленными арыками, богатые сенокосные угодья — лучшие, чем в урочищах Талгар и Иссык.

Петр Семенов уже не застал в Верном Михаила Михайловича Хоментовского. Его успел выжить генерал-губернатор Гасфорт только потому, что наместнику не по душе пришелся храбрый и деятельный пристав Большой орды. Гасфорта вполне устраивал более заурядный, но зато вполне послушный Перемышльский. Про него говорили, что он был внебрачным сыном предшественника Гасфорта, всесильного самодура князя П. Д. Горчакова, разгуливавшего по Омску с толстой березовой палкой. Сын в отца не пошел, не возвысился над себе подобными, стал довольствоваться жизнью исполнительного и нерассуждающего служаки.

Петр Семенов учел все особенности Перемышльского и уговорил его дать согласие на поход к Иссык-Кулю. Там в то время было очень неспокойно. Богинцы продолжали отстаивать свои права на восточную часть озе-

ра, занятую сарыбагишами, просили помощи у русских и были готовы перейти под покровительство пристава Большой орды. Но Перемышльский боялся предпринять что-нибудь без разрешения высшего начальства, страшился затяжной и надоедливой служебной переписки с Петербургом и в то же время сознавал, что богинцы действительно нуждаются в поддержке.

После долгих разговоров с Петром Семеновым рассудительный пристав Большой орды пришел к решению, пожалуй, не совсем обычному для него самого, как человека крайне осторожного.

Полсотни семиреченских казаков, приданных Семенову, никакой погоды в горах Алатау не сделают. Вот если бы султан Тезек дал согласие, тогда...

Путешественник воспрянул духом и ринулся в Алматинскую долину на охоту за редкими растениями горных склонов. После одного из таких походов «министр ботаники» возвратился в белую юрту, отведенную ему для постоя Перемышльским, держа в руке длинный зеленый жезл, осыпанный розовыми цветами. Это было вновь открытое лилейное растение *эремурус*.

МЕРЦАЮЩИЕ ВЕРШИНЫ

Двадцать девятого мая 1857 года Петр Семенов покинул Верный и направился в сторону реки Тургень с твердым намерением пройти к Иссык-Кулю.

Долгожданная встреча с султаном Тезеком состоялась во время съезда дулатов и атбанов, на котором решалось спорное дело о замужестве дочери дулата Бейсерке. Тезек сидел по правую руку от Петра Семенова, тут же находились знаменитейшие атбанские батыры — Атамкул и Мамай. Среди дулатов выделялся громогласный Дикамбай Капсалямов, состоявший в русском подданстве уже десять лет. Он переламывал, как тростинки, копья своих недругов во время бесчисленных сражений. Дикамбая не раз видели в отрядах Карбышева, Гутковского и Перемышльского.

Тезек понял Семенова с полуслова и, как только закончился съезд, отправился скликать атбанов под свои знамена.

Русский отряд пошел на Сейрак-Таш и Турайгыр. На южном склоне последнего перевала Петр Кошаров,

воспользовавшись ясным горным утром, зарисовал виды ущелья Чарына и прохода Сан-Таш.

На плоскогорье Жаланаш поднималось облако глинистой пыли: неизвестные всадники скакали навстречу Семенову. Это был тезековский батыр Атамкул, спешивший вручить русским друзьям подарок Тезека — бурдюк, наполненный благоухающим кумысом. За Атамкулом следовал передовой отряд атбанских конников.

Сам Тезек с основными своими силами присоединился к отряду близ выхода из глубокой и болотистой долины реки Третьей Мерке. Теперь до кочевья предводителя богинцев старого Бурамбая было рукой подать!

Бурамбай был очень подавлен событиями последнего времени. Сарыбагиши заняли его земли, разорили любимые аулы, пашни и сады старого манапа, заарканили и уволокли с собой жену Бурамбая Меке и трех снох. Старшая супруга его, Альма, носившая огромный белый тюрбан, лишь недавно возратилась под своды родной юрты. Альма была тоже в полоне, но ее удалось обменять на сарыбагишских заложников.

В довершение всех испытаний вдруг вспыхнул мятеж среди самих богинцев. Предводитель поколения Кыдык Самкал вдруг отмежевался от Бурамбая, собрал три тысячи подвластных ему душ и повел их к Заукинскому перевалу, чтобы скрыться на берегах Нарына.

Сарыбагиши решили истребить незадачливых мятежников, пропустили их на Заукинский перевал, а затем напали на кадыков. Происходило это в то время, когда беглецы уже стали раскаиваться в своем поступке и решили возратиться с повинной к Бурамбаю. Для этого Самкал избрал было кружной путь через Сарыджаз и Кок-Джар. Самые кровожадные и мстительные сарыбагиши — Умбет-Али и Торегельды — зажали кыдыков в клещи у последней вершины Заукинского плоскогорья и истребили почти всех беглецов. Гурты скота и конские табуны были угнаны к истокам Нарына. Несколько чудом уцелевших спутников Самкала явились к Бурамбаю и рассказали о страшном бедствии.

Сарыбагишские головорезы могли в любое время появиться в обиталище Бурамбая возле прохода Сан-Таш. Бурамбай боялся выдать себя даже огнями ночных очагов.

Но свершилось чудо! По ущельям и долинам Тянь-Шаня и берегам Иссык-Куля разнеслась весть о прихо-

де русского отряда атбанской конницы Тезек-Батыра. Уже через несколько дней стало известно, что сарыбагиши поднялись от Терскея и Кунгея и стали очищать оба берега Иссык-Куля с такой поспешностью, будто каменистая земля горела под копытами их скакунов. Бурамбай ожил, завязал на все тесемки свой праздничный халат.

Петр Семенов, Тезек и Бурамбай устроили совещание. Сидя в юрте, раскинутой на горе высотою в 1830 метров, они обсудили решение русского путешественника: он пойдет с пятьюдесятью казаками и вожатыми-богинцами по южному берегу Иссык-Куля к Зауке, перевалит через горы и достигнет истоков Нарына. Что же касается Тезектёрэ, то он останется здесь охранять покой Бурамбая. Тому порукой были штуцер с серебряной насечкой и кривая сабля Тезек-батыра.

Девятого июня 1857 года Петр Семенов и Павел Кошаров покинули Бурамбая и двинулись к проходу Санташ. Они стремились скорее достигнуть той теснины Тянь-Шаня, где шумела белая от пены горная река Аксу. На подходах к ней путники увидели невыразимо лазоревый Иссык-Куль. Каменный скат привел их к теплому источнику Алма-Арасан. Читателю важно запомнить именно этот «арасан», окутанный испарениями с запахом серы. Теплый источник был отведен в водоем, заключенный в гранитную чашу. Вход в купальню был закрыт деревянными створками, на дверях виднелись тибетские надписи, похожие на письмена скал Тамгалытас. Петр Семенов особенно ревностно исследовал земные породы арасанского ущелья и не нашел ни малейшего следа былой вулканической деятельности. Тогда он со спокойным сердцем выполнил свой давний зарок. Геологический молот застучал по каменным глыбам. Путешественник бережно уложил в свои дорожные сумы образцы, впервые отколотые от скал Тянь-Шаня. Они предназначались в подарок Александру Гумбольдту!

Кошаров раскрыл свой альбом, достал краски и кисти и увековечил источник Алма-Арасан.

В этих местах русский отряд не раз встречался с голодными, растерзанными богинцами. Опустив глаза, они брели из сарыбагишского плена, едва не падая на кремнистые горные тропы. Казаки не могли без жалости смотреть на них и раздавали скитальцам сухари и

куски молочного курта, которым щедро одарил русских манап Бурамбай.

Однажды Семенову довелось встретиться и с вооруженными сарыбагишами, переходившими вброд шумную и быструю реку Каракол. Появление казачьего конвоя и богинских всадников мгновенно отрезвило сарыбагишей, и они умчались к южному берегу Иссык-Куля. А тут как раз пришла весть, что знаменитый головорез Торегельды хвалился, что он не успокоится до тех пор, пока не заарканит Семенова. Разведчики, посланные Бурамбаем, донесли русскому отряду, что, несмотря на свое бахвальство, истребитель богинцев скрылся в укромных ущельях к западу от Иссык-Куля, где он и будет до поры до времени отсиживаться, и что путь на Зауку свободен.

Петр Петрович вместе с начальником бурамбаевской разведки и казаком-толмачом проник на урочище Кызыл-Джар. Копыта его коня застучали на пластах красного песчаника. Это алая толща, казалось, еще хранила следы единственного предшественника нашего ученого — буддийского монаха VII века нашей эры Сюань Цзана. Он двигался с юга, со стороны Аксу, преодолевал Заукинский перевал, достигал Иссык-Куля, шел по его южному берегу на запад, а затем — на Чу и Талас. В VIII веке, вспоминал Петр Семенов старые источники, Кызыл-Джар или просто Джар перешел в руки племени Джикиль. Дальним потомком джикильских властителей и считал себя Бурамбай, свято оберегавший следы старины в этих местах. Он уже приказал начальнику своей разведки поспешить с занятием древнего Кызыл-Джара, долины Зауки и южного побережья Иссык-Куля до устья Барскауна. Это нужно было сделать прежде всего при помощи Тезек-батыра, которого с часу на час ожидали на багряной земле былого Джикильского царства.

Семенов и Кошаров начали трудное восхождение на Заукинский перевал. Шли они сначала на запад, потом повернули к югу, по речной ветви, и вскоре увидели перед собою изумрудную чашу высокогорного озера. По нему плавали удивительные красные птицы, словно изваянные из живого червонного золота, отражавшегося в зеленоватой воде. Черно-зеленые сланцевые скалы нависали над живым водным зеркалом. Еще выше, на новой горной ступени, светилось второе озеро, доступ к нему

был очень труден из-за исполинских нагромождений сланцевых глыб; под ними скрывалась река, протекавшая между озерами. Отсюда начинался последний переход к вершине перевала. Узкие тропы были завалены останками верблюдов, коней, быков, баранов, павших во время истребления богинцев всадниками Умбет-Али и Торегельды. Изредка попадались и трупы людей; здесь богинцы погибали, вероятнее всего, от горного удушья и изнеможения. Место главного побоища находилось неподалеку от высшей точки перевала.

Впереди, за просторами высокогорных лугов с синими, желтыми, лиловыми цветами, начинались неоглядные равнины с холмами, похожими на застывшие волны. Кое-где поднимались более высокие вершины, покрытые снегом. Это был Сырт, холмистое нагорье, простиравшееся, по словам киргизов, до самого Терек-Давана, страна горного удушья, летних буранов, озер, где плавали июньские льды, бесплодных долин, лишенных подножного корма.

Путешественники нетерпеливо взошли на снежный бугор, и с высоты его Петр Семенов увидел три озера; из них вытекали речки, склонявшиеся на юго-восток. Где-то они сливались в одно русло, устремлявшееся к западу. Долина этой новой, как бы брезжившей неясным светом реки терялась в туманах, уходила в еще неведомую даль. Так была открыта река Нарын, нижнее течение которой называлось Сырдарьей. Исследователь испытывал чувство гордости за то, что он впервые разрезал недоступный Тянь-Шань маршрутом от Иссык-Куля до сокровенных истоков древнего Яксарта.

На обратном пути Семенов и Кошаров с содроганием осматривали место гибели богинцев, против воли вглядываясь в мерзлые трупы недавних обитателей бурамбаевских владений. Одичавшие собаки, верные спутники кочевников, с визгом бросились к людям. Гнать псов не стали, и они, увязавшись за всадниками, бежали по их следу до самого Верного.

Спустившись с Заукинского перевала прежней дорогой мимо изумрудных озер, открыватели истоков Яксарта возвратились в рябиновые рощи Кызыл-Джара. Там Семенов еще раз исследовал «древнеиссык-кульские» пласты, состоящие из крупных зерен красного песка и валунов самых разных пород, принесенных реками и ручьями из Тянь-Шаня. В алых толщах образовывались

пещеры, и расчетливый Бурамбай нередко устраивал в них склады зерна.

В жаркий июньский день путешественники купались в заливе Иссык-Куля, где от самого дна до поверхности переплетались между собой водоросли — наяды с зубчатыми листьями. В этих живых сетях грузно ворочались большие сазаны, отливавшие то темным золотом, то лазурью. Русские казаки *нарубили* своими шашками отборной рыбы, наварили жирного хлебова на всю полусотню и богинских джигитов.

У Петра Семенова было много забот. От киргизов он узнал, что незадолго до этого богинцы нашли на влажном берегу озера выброшенный волнами большой медный котел, по рассказам украшенный узорами и, очевидно, старинный. Находку увезли в киргизские кочевья. Она была отыскана вновь лишь через несколько лет, после чего медный котел занял свое место в Ташкентском музее древностей. Очень увлекательно было собирать сведения о подводных постройках Иссык-Куля. Местные жители говорили, что против мыса Кара-бурун, на мелководье, можно угадать скрытые водяной пеленой остатки старинных сооружений. Петр Семенов вспомнил: древние историки повествовали, что Тамерлан держал в заключении своих военнопленных на *острове* посреди Иссык-Куля. Летописцы XV века свидетельствовали, что один из монгольских властителей того времени выстроил укрепленный замок, служивший убежищем для его семьи, тоже на иссык-кульском острове и что местность эта называлась Койсу, что значит Овечья вода. Мелководье напротив мыса Кара-бурун, видимо, соответствовало броду —«Овечьей воде» XIV — XV веков, там и находился наносный остров, застроенный и укрепленный старинными зодчими. Водная буря, землетрясения разрушили остров, стерли с него кирпичные и каменные стены темницы или ханского замка. Ученый решил, что следы затонувших построек близ восточного побережья озера надо относить к монгольскому времени.

Отряд побывал на Джиргалане, перешел гряду Тасму между этой рекой и долиной Тюпа, проследовал мимо памятников киргизским батырам и каменных баб, изваянных из сиенита, миновал курганы и очутился на Кунгее — северном берегу Иссык-Куля. Здесь у Петра Семенова был повод поразмыслить о судьбах древних уйшуней, сумевших удержаться на Или и берегах Иссык-Куля

в течение пяти столетий. Сто двадцать тысяч уйшуньских семей расположились в привольных горах и долинах и занялись скотоводством. Более всего они любили коней, и уйшуньские богачи имели табуны до пяти тысяч голов.

В окрестностях Иссык-Куля Петр Семенов обратил внимание прежде всего на Джиргалан. Древним уйшуням, думал он, нужны были богатые луга для выпаса их скакунов, и поэтому поселение должно было стоять не на самом берегу Иссык-Куля, а в удобной речной долине с пышными травами.

Размышляя об уйшунях, ученый вспоминал, что пришло время, когда их царство разделилось, а поселение было покинуто. Наконец уйшуням пришлось оставить Тянь-Шань и бежать в места, где уже кочевали тюркские племена. Потомков уйшуней, решил Семенов, надо искать и среди киргизов, ибо у сарыбагишей было поколение уйшунь.

Каменные бабы с плоскими лицами и длинными усами были стражами подступов к Кунгею — северному побережью Иссык-Куля. Там, неподалеку от бухты Курменты, исследователи любовались сказочным зрелищем: им открылся весь Иссык-Куль и горы, как бы стремительно поднявшиеся из его синего лона. На озере перед этим была буря с дождем и градом, вереницы волн набегали на берег, лазоревая купель еще не могла успокоиться. Порывистый ветер шевелил листы плотной бумаги в руках художника Кошарова, но он с увлечением зарисовывал величественные виды.

Семенов и здесь был верен привычке исследователя: он бродил по широкой полосе песка, вглядываясь в содержимое влажных ворохов, выброшенных озером. Раковины, рыбьи кости, обточенная водой галька... Нет, все это не то, что хотелось бы найти здесь! Петр Семенов мысленно переносился в далекую страну, где он когда-то рассматривал знаменитую Каталонскую карту. Ее составил по приказанию Карла V, короля Франции, космограф с острова Майорка в 1373 — 1375 годах. Карта была покрыта затейливыми изображениями далеких стран, городов, загадочных народов. Составитель карты имел представление о караванном пути от Азовского моря до Ханбалыка (Пекина). Наряду с Гогами и Магогами на Каталонской карте можно было найти Сибирь и Ургенч, прикаспийские области с местностями, о которых ранее ничего не знали. Чуть выше города Лоб кра-

совался Иссык-Куль, перерезанный поперечными волнами от севера до юга, а на Кунгее стоял христианский монастырь «армянских братьев» с двумя колокольными башнями и каменными стенами.

Исследователи прошлого столетия терялись в догадках и не могли дать ответа на вопрос, из какого источника составитель Каталонской карты почерпнул сведения о христианском монастыре на северном берегу Иссык-Куля. Внимательно осмотрев окрестности озера, Петр Семенов пришел к выводу, что если монастырь «армянских братьев» действительно существовал здесь в XII веке, то он мог находиться только в спокойной, хорошо закрытой от ветров и волн Курментинской бухте. Но на этом берегу не нашлось никаких следов существования древнего монастыря. Никто не видел здесь развалин каменных зданий, не помнил случаев, когда волны выбрасывали на песок какие-либо старинные предметы европейского происхождения.

На пути от Курментинской бухты ученый задержался на месте, где происходило грандиозное побоище между киргизскими племенами, когда Клыч, сын Бурамбая, поразил своим тяжелым копьем непобедимого дотоле свирепого Урмана.

Семенов искал анемоны и купальницы, гималайский ревень на горном гребне, вздымавшемся над долиной Шаты, а потом, как завороженный, смотрел с высоты этого гребня на темно-голубое марево вечернего Иссык-Куля и мерцающие над ним небесные снега.

Спустившись в глубокую долину, путешественник коротал вечер у своей «лампады». Так он называл светильник — большой обломок коровьего кизяка, торчком стоявший посредине глыбы курдючного сала, кипевшего вокруг жаркого фитиля. Желтый огонь освещал страницы дневника, скользил по листам пропускной бумаги, между которыми собиратель растений укладывал свои первоцветные, сложноцветные, крестоцветные сокровища.

Великолепные крупные алтайские фиалки и эдельвейсы ожидали Семенова на альпийских лугах, раскинувшихся вокруг подножия перевала Шаты. На увалах между реками Шаты и Табульгаты русский отряд столкнулся с тридцатью сарыбагишскими всадниками, вооруженными кремневыми ружьями с видными издалека тре-

ногами, торчащими за спинами джигитов. Семенов выхватил из-за шелкового пояса свой знаменитый револьвер с короткой рукояткой. При виде этого чудодейственного оружия сарыбагиши спешились и начали стаскивать с себя рогатые ружья. Все тридцать барымтачей наперебой кричали, что они сдаются! Пряча револьвер, ученый сказал сарыбагишам, что он отпускает их восвояси, но только с тем, чтобы они немедленно возвращались к своим очагам и прекратили охоту за богинцами. Для порядка Семенов взял двух заложников, тут же превратив их в проводников своего отряда.

Сарыбагишам пришлось вести путешественника на Табульгатинский перевал. Северные склоны его были одеты свежими сугробами, и мягкий нежный снег отличался от заскорузлых пятен вечных снегов, кое-где покрывавших гранит. Ниже гранита, сопутствуя людям, спускавшимся по склону перевала на юг, залегал известняк. Исследователь шаг за шагом просматривал известняковые ступени, отыскивая окаменелости. Несколько счастливых находок одна за другой легли в просторную дорожную сумку с крышкой из тюленьей шкуры. Окаменелости, покоившиеся в известняковом ложе, помогли безошибочно определить возраст осадочных пород. Среди приобретений Семенова были брахиоподы, головоногие, раковины об одной и двух створках, кораллы...

Между тем старый Бурамбай нетерпеливо ждал русского друга к себе. Юрты предводителя богинцев стояли на разнотравье неподалеку от Тюпа, где кизячный дым смешивался с запахом медуницы и шалфея. В ауле Бурамбая отряд отъедался на славу, ибо во время неисчислимых скитаний в теснинах Тянь-Шаня путешественники чаще всего пробавлялись сухарями, взятыми из Верного, размягченными в горячем курдючном жире, и кирпичным чаем.

Бурамбай, встретив дорогого гостя, рассказал, что видит в нем своего спасителя. Теперь-то богинский манап уже не сомневался в том, что вернет себе Заукинскую долину, восточный край Иссык-Куля, возвратится в землю отцов. Оставалось лишь выручить из сарыбагишского плена жену и снох Бурамбая. Старик верил в силу слова, закрепленного на бумаге, и поэтому упросил Семенова сочинить письмо к манапу Умбет-Али. Толстый, припадавший на одну ногу киргизский князь, по мнению

Бурамбая, должен был видеть в Семенове *тамыры*, а следовательно, и уважать его дружеские просьбы.

Петру Петровичу ничего больше не оставалось, как начертать тушью послание к Умбет-Али с настоятельным ходатайством об отпуске пленниц за выкуп, размеры которого пусть он сам установит. Потом были призваны два сарыбагишских аманата — проводника. Даровав им полную свободу, Семенов приказал недавним пленникам отыскать Умбет-Али и вручить ему срочный пакет.

Вторая просьба Бурамбая состояла в том, чтобы путешественник сам выхлопотал богинцам переход в русское подданство.

Против этой здравой мысли Семенов, конечно, не возражал, но ответил, что для порядка надо бы осмотреть все владения России полностью, а он еще не видел бурамбаевских летних кочевий в верховьях Сарыджаза и Как-Джара.

Бурамбай обрадовался словам своего друга и заверил, что на Сарыджазе даже и сарыбагишей никогда не бывает, так далеко расположена эта местность.

Предводитель богинцев приказал отловить в табунах семьдесят отборных коней, привести десять верблюдов, отыскать шесть самых бывалых проводников, для того чтобы проводить Петра Петровича и Кошарова в путь.

Они начали сборы, продолжавшиеся три дня. Одновременно Бурамбай начал таинственные приготовления к немедленной отправке нескольких всадников в какое-то еще более дальнее и опасное путешествие. Для него требовались отличные скакуны. Посланцам была указана обходная дорога на Куйлю и Сарыджаз.

«24 июня мы вышли в полном своем составе из аулов Бурамбая на Малой Каркаре с тем, чтобы во второй раз проникнуть в неведомую глубь Тянь-Шаня в направлении к самому высокому из его исполинов Хан-Тенгри и перейти по возможности водораздел рек Джунгарии, принадлежащих к системе реки Или и озера Балхаша, и Кашгарии или Малой Бухарии, принадлежащих к системе реки Тарима и озера Лобнора. Подниматься на Тянь-Шань мы должны были по реке Большой Каркаре, принадлежащей к Илийской системе». Так четко определил цели нового похода неутомимый искатель, заполняя дневник перед своим чудовищным светильником.

Оказалось, что Большая Каркара делится на две ветви, и если идти по левой ветке, то на пути встретит-

ся непроходимое ущелье, которое лучше всего обогнуть обходной дорогой Сарт-Джол. Здесь были великолепные высокогорные пастбища наиболее знаменитых богинцев, родичей Бурамбая. Одним из них был Балдысан, не расстававшийся со сладкозвучной домброй, или комузом, как называли этот инструмент сами киргизы. Он познакомил русских гостей со сказителями, певцами и музыкантами «Дикокаменной орды».

Спутник Петра Семенова, отличный толмач-казак, дотошно переводил слова песни, тут же сложенной в честь путешественника. Семенов прославлялся как бесстрашный победитель сарыбагишей и обладатель чудодейственного оружия, стреляющего бесконечно без всякого перезаряжания. Певец имел в виду короткоствольный, отливающий синевой револьвер, который его владелец часто забывал в своей палатке, великолепно обходясь без грозного оружия во время прогулок по ущельям и горным вершинам.

Когда приезжие отправились на отдых в юрту, отведенную для них Балдысаном, туда вскоре явился представитель местных жреческих кругов, так называемый *дуана*. Колдун, шаман, волхв или прорицатель, назовите его как хотите, носил шапку из лебяжьего пуха. Волосы его были распущены по плечам. Он потрясал гремучим бубном, а в другой руке держал длинный, четвертей в шесть, жезл «Ассай массай» с железным наконечником — знак власти над тайными силами. Дуана, разумеется, не имел никакого представления о рангах, но тем не менее стал прорицать Петру Петровичу самую блестящую будущность. После яростной пляски дуана стал выкрикивать, что «улькен-тёрэ», то есть Семенов, удостоится высших почестей у белого царя, постепенно получит «сто чинов». Колдун перечислял все эти почетные степени, причем каждый раз падал к ногам Семенова. Наконец он, якобы лишившись чувств, упал на кошму.

Среди рисунков Павла Кошарова мы видим очень живое изображение этого дуаны, сжимающего в руке жезл «Ассай массай». Шаманские жезлы настолько привлекли внимание художника, что в его бумагах мы нашли зарисовку скипетра дуаны. На этом жезле несколько иной узор. «Ассай массай», зажатый в руке прорицателя, украшен шестиугольной звездой, вписанной в круг, и выпуклостями, похожими на виноградную гроздь. На отдельном же рисунке жезла таких украшений нет.

Хотел или не хотел этого киргизский волхв, но он оставил заметный след в путевых записях Семенова и живописной тетради искусного Павла Кошарова. Что же касается хозяина дома, покровителя певцов Балдысана, то, прощаясь с гостями, он умолял Петра Семенова взять его с собою в Россию. Балдысан говорил, что не пожалеет для этого никаких денег, так ему хотелось послушать русскую музыку.

Ученый занялся исследованием высокогорной Кокджарской долины, где его привлекли кустарники, стоявшие в полном июньском цвету. Ярко-розовыми цветами был осыпан тамариск, белыми пучками цвела таволга. Среди колючих растений выделялся забавный «верблюжий хвост»; его самозабвенно перетирали позеленевшими зубами верблюды. Это растение собиратель считал редким и упоминал в своем дневнике не один раз.

В этой долине был открыт соляной ключ. Возвратившись на главное течение Кок-Джара, отряд приготовился к наступлению; нужно было взять один из самых знаменитых перевалов. Он был «главным водоразделом между бассейном реки Или и озера Балхаш»,— писал Петр Петрович, держа на коленях свой дневник. На ночлег люди устроились на высоте в 2740 метров и, утомившись, как всегда, за день, спали, не чувствуя холода. Когда из-за гор показалось багряное солнце, все увидели, что стены семеновской палатки покрыты ледяной оболочкой. А календарь показывал 25 июня!

Было уже за полдень, когда Семенов взглянул на юг. Облака не могли скрыть исполинского хребта, возникшего над еще неведомым простором. Открыватель был на высшей ступени блаженства, не предусмотренной предсказаниями дуаны с волшебным посохом. С вершины Кокджарского перевала были видны тридцать снежных гор Тенгри-тага или Мус-тага. Тянь-Шань нигде не устремлялся к небу с такой силой, как здесь. Посредине иссиня-белых вершин вздымалась уверенная в своем величии трехгранная пирамида с остроконечным венцом, подчинившая себе все остальные горы. Это и был Царь духов! Он сиял и светился своими снегами, и лишь возле самой вершины блуждало случайное небольшое облако, быть может приплывшее из Китая.

Вдоль Тенгри-тага проносились воды Сарыджаза. Река эта рождалась из ледников хребта для того, чтобы, прорвав Тянь-Шань и распростившись с ним, броситься

в сторону Кашгарии, слиться с Аксу и отдать свои воды Тариму. Река Сарыджаз вбирала в себя несколько стремительных мутных притоков, и все они рождались на бурамбаевских землях.

О связи Сарыджаза с Таримом и Лобнором русским говорили богинские проводники. Теперь догадки всадников и погонщиков верблюдов были проверены наукой и утверждены ею как бесспорная истина. Кокджарский перевал был не что иное, как каменный порог высотою в 3510 метров, водораздел между двумя обширными азиатскими бассейнами.

Семенову было трудно покинуть кокджарскую высоту. Он все смотрел туда, на юг, повторяя про себя, что едва ли где во всем мире можно встретить такое зрелище, как эти горы — гнездовья орлов и синих молний.

Лишь к концу дня счастливый открыватель стал вместе со своими казаками и вожатыми спускаться с перевала. Он испытал новую радость, увидев безымянный ручей, всеми струями своими стремившийся к руслу Сарыджаза. Значит, этот ручей вместе с другими своими собратьями жил ради Тарима и камышового Лобнора! Семенов приказал раскинуть свою палатку на берегу источника. С места ночлега он наблюдал «альпийское мерцание» на хребте Тенгри-таг и не смог найти в себе сил, чтобы уйти в походный шатер раньше, нежели высокогорная тьма закрыла от него белые грани Хан-Тенгри. Зачадил ночной светоч, и Семенов, время от времени поправляя горящий кизяк, стал разбирать добычу знаменательного дня — альпийский мак, виолу Гмелина, примулы, золотоголовый тянь-шаньский мак. Среди растений были и такие, что встречались не только здесь, но и в долинах Гималаев.

В эту ночь с 26 на 27 июня нагрянул снегопад. Стены семеновского шатра отяжелели, прогнулись, снегом завалило вход, и путешественник утром с трудом вышел из своего убежища. Его спутники, спавшие на земле и укрытые большой белой кошмой, очутились под снежным сугробом. Те, что сумели выползти первыми из сверкающей алмазами могилы, со смехом разгребали снег, помогая погребенным освободиться от снежного плена. Склоны сугроба уже дымились в лучах горного солнца.

Казаки бродили по берегу таримского ручья, отыскивали кизяк, прутья, сухую траву для костра. Вдруг один из них закричал, что наткнулся на какую-то находку.

Стали разрывать снег и вытащили оттуда длинный войлочный сверток. В нем покоился труп киргиза-богинца в халате с цветными завязками. По-видимому, это был беглец, искавший спасения от клинков и длинных пик барымтачей Торегельды и Умбет-Али.

Русло Сарыджаза было до краев наполнено живыми буграми млечно-изумрудной воды, пробивавшей себе путь по рукавам, зажатым валунами.

После трудной переправы Семенов и Кошаров вышли к пятнам вечного снега и по ним поднялись на высоту, равную почти четырем тысячам метров. Это была самая высшая точка, достигнутая ими во время скитаний в Небесных горах.

Семенову захотелось отыскать то место, где от берега Сарыджаза начиналась обходная дорога. Там река вторгалась в страшную горную теснину, совершенно непроходимую ни для пешехода, ни для всадника. Неприступное ущелье приходилось огибать по высочайшему перевалу.

Вскоре проводники указали на Сарыджазе место, где обычно останавливались для ночлега путешественники, направляющиеся в Восточный Туркестан. Теперь Петр Петрович стал спускаться вниз по течению горной реки. Провожатые объявили, что они находятся на дороге, ведущей от Сан-Таша прямо в Кашгарию. Продвигаясь стремя в стремя с богинским всадником, ученый запоминал приметы пути в Восточный Туркестан. Обходная дорога от Сарыджаза вела на снежный перевал Куйлю, где камни были покрыты ледяным панцирем. За ним вставал не очень высокий горный проход Ишигарт. Последняя ночевка путников была уже в пределах Кашгарии, вблизи Турфана («Турпака»). Маршрут, похожий на этот, был приведен у Гумбольдта, пользовавшегося сведениями семипалатинских землепроходцев.

Побывав на конных тропах, устремлявшихся в сторону Восточного Туркестана, исследователи удостоверились в том, что по бурамбаевским владениям проходит еще одна дорога в Кашгарию.

Во время первого своего знакомства с Тянь-Шанем неутомимый открыватель не думал, что он найдет там ледники и «ледяные моря», каких ему не доводилось видеть даже в Альпах. Семенов установил неопровержимую истину: климат Тянь-Шаня чрезвычайно сух. Летом в Небесных горах нельзя найти ни капли росы,

увидеть розовые или фиолетовые цветы рододендрона, любимца влажных лесов Кавказа, Даурии или Гималаев.

Казалось, что сухой климат не мог содействовать развитию ледников в Небесных горах. 28 июня 1857 года Петр Семенов проник на верхний Сарыджаз и своими глазами увидел огромный ледник, сползавший с Тенгритага. Он шел к ледяной лаве по дну долины, покрытой великолепными мраморными валунами, белоснежного и серого цвета. Между глыбами мрамора лежали высушенные солнцем черепа баранов Марко Поло с завитками огромных рогов. Шестьсот лет назад знаменитый венецианец обмолвился об этих обитателях азиатских гор.

Марко Поло писал, что из рогов горных баранов выделывают чаши, настолько велики эти рога. Из них же, случается, строят стены загонов для скота. В одном из списков книги Марко Поло, изданном Рамузио, говорилось, что бараньи рога складывали в пирамиды, выставленные близ проезжих дорог в горах. Свидетельство Марко Поло казалось сказочным, но в XIX столетии англичанин Вуд отыскал на Памире черепа рогатых исполинов, подтвердив этим правильность сведений венецианца Марко.

Европейские ученые считали, что бараны Марко Поло давно вымерли. Но 28 июня произошло удивительное событие. Не успели еще Семенов и Кошаров осмотреть рогатые черепа, лежавшие в долине, как услышали шум падающих камней и увидели целое стадо баранов, проносившееся по утесам. Семенов успел вскинуть бинокль. Хорошо разглядев стремительных животных, он убедился в том, что это были бараны Марко Поло, или кочкары Тянь-Шаня, как называли их киргизы. Горные охотники рассказывали, что пуля обычно отскакивает от рогов кочкаров. Бараны бесстрашно падают с горных круч на собственные рога, и в ущельях и теснинах часто слышен грохот и стук от живых колес.

Павел Кошаров уже зарисовывал первый большой ледник, видневшийся впереди. По правую руку оставались два других ледника, падавшие на юго-запад. Петр Семенов не подозревал тогда, что он стоит возле памятника, изваянного в его честь самой природой. Впоследствии большой сарыджазский ледник получил имя Семенова-Тянь-Шанского.

На следующий день он увидел прямо перед собой

огромный, как бы мгновенно застывший, расколотый трещинами стеклянный поток, сползавший с высот Тенгри-тага. Конец ледника по своему цвету был похож на почерневший, бывший еще недавно белым мрамор. На эту плотную высокую оконечность ледяного моря и ступил Семенов, перешагнув через первую трещину. Она светилась и отливала цветом самого дорогого сибирского берилла, кое-где пронизанного пузырьками.

Трещины ледников в Альпах часто прорастают иглами, обозначающими раздробление ледяной лавы. На Сары-джазе таких иголок не было видно, зато лед был крепок настолько, что молоток Семенова звенел на светлой глыбе, как на граните. Он с трудом отделил от необъятного студеного покрова ничтожную частицу, возможно, сожалея о том, что ее нельзя послать в дар Александру Гумбольдту.

Вокруг слышался шум и звон кипучей воды. Оказалось, что под ледяной толщей ищет себе выход и, обретя его, стремительно поднимается вверх, растекаясь по каменному ложу, один из истоков реки Сарыджаз.

Петр Семенов стал подниматься вверх по леднику, но прошел лишь шестьдесят пять метров. Дальнейший путь ему преградили трещины, сначала небольшие, а потом очень широкие и глубокие. В их недрах не было видно среза голубых льдов, как это бывает в Альпах; провалы наполняло мерцание берилла.

Спустившись в долину, следопыт отыскал луга, где паслись двенадцатипудовые бараны Марко Поло. Он с увлечением углубился в поля незабудок, синих генциан и золотоголового тянь-шаньского лука, впервые открытого еще у Заукинского перевала. Растений Тенгри-тага не видел еще ни один ученый мира. Поэтому и был так счастлив человек в кожаных чембарах, изорванных горными колючками.

Размоченные, а затем поджаренные на бараньем жире ржаные сухари были вечерней трапезой открывателя ледников Хан-Тенгри.

Осмотр перевалов, определение высоты снежной линии, поиски ледников — все это он считал главной целью своего путешествия, если не считать заочного поединка с великим Гумбольдтом относительно мнимого вулканизма Небесных гор.

На очереди был осмотр перевала, поднимающегося

между продольными долинами Сарыджаза и Кок-Джара; и поход к северо-востоку для открытия истоков Текеса. Река эта после слияния с Кунгесом принимала название Или. У Семенова было много поводов вспомнить скалы Тамгалы-таса с отражающимися в илийских водах изображениями Будды, и глинобитную Кульджу с захаровским домом близ самой Или, и желтые цветы барбариса на дороге от Куян-куза к Илийскому пикету. Исток Текеса рождался от слияния ручьев, светившихся между груд известняков. Собравшись воедино, ключи превращались в заметную реку, направлявшую свой бег к северо-востоку, где ее поджидал Кунгес, для того чтобы вдвоем с ней, но уже в едином русле, идти к стенам Кульджи.

Спукаясь по новой реке, исследователь постепенно расставался с высокогорными растениями. Их сменили верблюжий хвост, арча, после кустарников появились белые березы и мощные, столь знакомые ели Шренка. Оглядывая земную поверхность, Семенов увидел глинистые сланцы, похожие на те породы, которые содержат каменный уголь. Он вспомнил, что в низовьях Текеса, возле Кульджи, есть богатые угольные копи.

Путешественникам надо было возвращаться «домой», на бурамбаевские луга. Обратив свой взор на северо-запад, открыватель Текеса двинулся к проходу в долину Каркары и без труда отыскал там Бурамбая на его летней стоянке.

Вождь богинцев стал рассказывать Семенову о поступке строптивого Умбет-Али, которому было послано письмо о возвращении похищенных богинок. Он посмел не согласиться с мирными предложениями Бурамбая и ответил, что не желает вступать с ним ни в какие частные сделки. Умбет-Али ставил вопрос гораздо шире: ссылаясь на неписаные законы обычного права киргизов, сарыбагишский манап настаивал на том, чтобы в случае примирения племен был проделан подсчет потерь обеих сторон.

Надо прежде всего выяснить общее количество коней, быков, яков, верблюдов, баранов и... людей низшего сословия, затем все это исчислить в баранах, ибо они ходят в «Дикокаменной орде» вместо денег. Что же касается видных людей и батыров племени, то возмещение за их гибель устанавливалось на основе особых соглашений между сторонами. Умбет-Али говорил, что богинцы еще не рассчитались с ним за смерть его отца Урмана и что ги-

бель великого батыра обойдется бурамбаевцам не в одну тысячу голов баранов.

Умбет-Али язвительно сообщил Бурамбаю, что не желает даже вступать с ним в переговоры относительно богинских полонянок. В то же время, подчеркивая свои права на них, манап заявил, что он дарит Семенову всех пленниц, пусть русский «тамыр» делает с ними что хочет. В числе их была... родная сестра Умбет-Али, на руках которой умер Урман. Она была замужем за Эмирзаком, сыном Бурамбая.

Петру Петровичу пришлось принять живую добычу сарыбагишской барымты. Он спросил дочь Урмана, где она хочет жить, у своего брата или под кровлей мужниной юрты, во владениях свекра? Женщина ответила, что, верная долгу, она останется здесь, хотя брат предлагал ей жить у него в полном почете и роскоши.

Семенов торжественно «подарил» полонянок Бурамбаю, и старый манап растрогался при виде собственной жены Меке. Теперь все четыре его жены во главе со старшей Альмой были в сборе!

В качестве ответного рыцарского жеста Петр Петрович отдарил Умбет-Али. Из дорожных вьюков были вынуты шесть отрезов шелковых тканей, расшитые золотом казанские изделия и златоустовские клинки.

Бурамбай же приказал отловить из своих табунов двенадцать лучших скакунов и передать их Семенову. Он сам волен распорядиться этим даром! Путешественник отправил златотканые шапки и шелк Умбет-Али.

Легкая рука была у русского странствователя! Без громких слов, с доброй улыбкой, а когда это нужно было, с шуткой, он разрешал самые запутанные дела. Ведь еще недавно он в качестве главного судьи на атбано-дулатском съезде решил судьбу прелестной дочери дулата Бейсерке.

На радостях старый Бурамбай забыл передать сразу весть, особенно взволновавшую его русского друга. Эту весть привезли запыленные и утомленные всадники, успешно выполнившие таинственный приказ Бурамбая. Безвестные труженики, имена которых канули в вечность, совершили подвиг во имя мировой и русской географической науки, разумеется не сознавая всей важности содеянного ими. Читатель помнит, что эти люди были отправлены в дальний путь за два дня до того, как Петр Семенов двинулся из долины Каркары к берилловым

ледникам Сарыджаза. Избрав самую трудную каменистую дорогу в обход главной теснины Сарыджаза, они преодолели вечные снега перевала Куйлю, прикрывающие скользкий ледник, поднялись к горному проходу Ишигарт и спустились с Тянь-Шаня на просторы Восточного Туркестана. Всего лишь восемь дней занял их нелегкий путь к воротам города Кашгара.

Посланцы Бурамбая сообщили о том, что городом правит полубезумный и кровожадный старец Валихан-тёрэ, захвативший в свои руки власть. В караван-сараях рассказывали, что он бросил в темницу, а потом казнил ученого пришельца —«фрянга»— и присвоил себе все имущество казненного.

Сомнений не было! Речь могла идти, конечно, только об Адольфе Шлагинтвейте, пришедшем в Кашгар за своей смертью из Индии. Когда Петр Семенов впервые познакомился с Бурамбаем, ученый уже слышал отрывочные, очень неясные рассказы о том, что в кашгарской темнице находится какой-то знатный европеец.

Нам очень важно установить истину: первые поиски Шлагинтвейта были начаты со стороны владений Бурамбая по настойчивой просьбе русского исследователя Тянь-Шаня простыми и самоотверженными людьми, рисковавшими своей жизнью. Бурамбай был распорядителем этого благородного предприятия.

Отдохнув у Бурамбая только три дня, Петр Петрович решил вновь пойти в Тянь-Шань новой, третьей по счету дорогой, ведущей к Музартскому горному проходу, высящемуся уже в пределах Китая.

Через Музарт проходил путь из Аксу и Турфана в Кульджу. Об этом знаменитом перевале упоминал в VII веке Сюань Цзан, рассказывая, как путникам приходиться вырубать ступени, чтобы преодолеть почти отвесную ледяную стену при подъеме на перевал со стороны Аксу. Со времен Сюань Цзана здесь почти ничего не изменилось, и целое племя нюгейт, поселенное у подошвы Музарта, отбывая нелегкую повинность по приказу китайских властей, вгрызалось во льды Музарта, раскалывая и дробя их кетменями, прокладывая ступенчатые тропы на гибельных скатах.

Повсюду были видны груды конских черепов с глазницами, забитыми щебнем. Караванам приходилось подниматься по покрытому звездчатыми трещинами

леднику Джипарлык, длина которого была, вероятно, не менее пятнадцати верст.

Петр Семенов долго расспрашивал киргизского манапа Токсобу, как лучше всего пройти к Музарту. Токсоба часто бывал в Кульдже. Поскольку в Кульдже было неспокойно, русский ученый не хотел быть бельмом на глазах у китайских караулов, окружавших столь важный перевал. Токсоба посоветовал приблизиться к Музарту с запада, где никаких застав и постов нет. Для этого надо было спуститься по Текесу, избрать один из его правых притоков и следовать вдоль него, пока река сама не приведет к леднику, из которого она вытекает. Останется только найти там подходящую вершину для того, чтобы подробно разглядеть весь Музарт. Такой путеводной рекой был Каракол в окрестностях Иссык-Куля. На высокогорных лугах у Каракола-текесского бродили стада, принадлежавшие богинцам, подвластным Токсобе. Семенову оставалось только, миновав Каракол, отыскать исток Орта-Музарта и выбрать место для осмотра реки, удаленное от кашгарских караулов и главного вьючного пути.

Отряд снялся с места и тронулся в сторону Орта-Музарта. В это время русские увидели одинокого всадника, мчавшегося во весь опор и размахивавшего сорванной с головы войлочной шапкой. Проводники, вглядевшись в конника, сказали, что, судя по одежде, это казах из рода атбанов.

Джигит Тезек-батыра круто осадил коня и, обратившись к Петру Семенову, крикнул, что атбанский султан находится в смертельной опасности. Переведя дух, казахский вестник сказал, что всему виной коварный Тарыбек, младший султан и скрытый враг Тезека. Тарыбек обычно кочевал на самых дальних пастбищах между Или и Иссык-Кулем, отрываясь от Большой орды. Такое уединение он объяснил тем, что ему необходим целебный воздух заилийских горных долин. Пользование благотворным воздухом кончилось тем, что Тарыбек совершенно отмежевался от своих соплеменников и отказался платить подати Тезек-тёрэ. Оскорбленный старший султан, появившись во владениях богинцев, решил навестить Тарыбека, чтобы усовестить его. Налегке, со своим штуцером за плечами и кривой саблей на боку, сопровождаемый лишь четырьмя джигитами, Тезек-тёре прибыл в горную здравницу ослушника.

Тарыбек встретил гостя, как это было положено, с соответствующим почетом. Вечер прошел в дружеских беседах, но уже на следующий день Тарыбек показал свое истинное лицо. Когда Тезек вновь напомнил младшему султану о его обязанностях по отношению к роду атбанов, Тарыбековы приближенные, навалившись на гостя, связали его. Он едва успел крикнуть своим джигитам, чтобы они постарались известить о постигшей его беде русских друзей и верного батыра Атамкула, охранявшего покой Бурамбая. Двум из стремянных Тезека удалось в ту же ночь бежать, и они поскакали искать Семенова и Атамкул-батыра.

Медлить было нельзя! Семенов и Кошаров помчались обратно в аул Токсобы, сменили коней и поспешили к Бурамбаю.

Он уже успел поднять на ноги своих богинцев. Они ловили в табунах быстрых коней, готовили седла, снимали с решеток юрт серпообразные секиры, кремневые ружья и боевые клинки. Атамкул выстроил двести конных атбанов, Эмирзак, сын Бурамбая, поставил под свое знамя восемьсот богинских всадников. Бородатые казаки-семиреченцы похватали ружья из козел, подвесили на шнурах пистолеты и приняли из рук богинцев «заводных» коней.

Седой Бурамбай вышел проститься с русским другом, как бы чувствуя, что они уже больше никогда не встретятся на этой земле. Протянув Семенову обе руки, вождь богинцев еще раз напомнил, что он и его люди ждут принятия их в российское подданство.

Когда сгустились вечерние сумерки, конники помчались на север. Казаки скакали всю ночь, пересаживаясь с коня на коня через каждые тридцать верст, и в час горного рассвета увидели аул Тарыбека, запрятанный в долине у северного склона Заилийского Алатау.

Семенов оставил главные силы в засаде, а сам с лучшими конниками нагрянул в аул Тарыбека.

Но предусмотрительный Тарыбек, как оказалось, успел сбежать из аула и спрятаться в горах. Брат его Саурюк выехал навстречу Семенову и объявил, что и Тезека тоже нет в ауле, что он при помощи одного из своих телохранителей сумел высвободиться из конских пут и ускакал на север. Под стражей у Тарыбека оставался лишь один из джигитов, сопровождавших Тезек-тёрэ.

Семенов приказал привести пленника, тот подтвердил, что Тезеку удалось спастись и он находится вне опасности.

Второй брат Тарыбека Басурман поспешил представиться Семенову и даже пригласил его в гости.

Эмирзак и отважный Атамкул объявили своим воинам, что задача решена сама собой и они должны готовиться к возвращению. Все радовались, что дело обошлось без кровопролития, хотя Семенов предупреждал казаков, атбанов и богинцев, чтобы они не трогали жителей аула, а в случае чего захватили лишь одного Тарыбека.

Сам же виновник всего беспокойства в это время вдыхал отнюдь не полезный воздух высокогорья. Тарыбек скитался в Алатау до тех пор, пока его не выловили там Яновский и атбанский джигит Бек. От имени Петра Петровича они заставили смутьяна ехать к Тезеку и во всем виниться перед ним. Тарыбек был предупрежден, что если он не явится, то Семенов узнает об этом.

В скором времени была получена весть, что Тарыбек действительно ездил к Тезеку и тот великодушно простил своего врага.

Около недели пробыл Петр Семенов у атбанов. Он изучал их обычаи и нравы. Тарыбековы братья — Саурюк и Басурман — воздавали Семенову почести.

Снова прискакал гонец от Тезек-тёрэ, благодарившего русского друга за заботы. Казак привез из Верного пакет от пристава Большой орды: он поздравлял ученого с успехами в исследовании Небесных гор.

Неутомимый путешественник вышел из аула Саурюка к Чилику с намерением подробно осмотреть долину, лежащую между цепями Заилийского Алатау.

С юга в Чилик впадала Каинды. Петр Семенов не пожалел времени, чтобы подняться по реке лишь для того, чтобы проверить, есть ли там березы, так как название Каинды происходило от слова «береза». Через два часа выяснилось, что в долине росли не только великолепные белоствольные деревья, но и особый вид рябины с крупными ягодами и тянь-шаньские ели. Поперечные долины отличались плодородной землей и великолепными рощами. Долины к западу от Каинды перегораживались небольшими перевалами. Некоторые из них были уже осмотрены Семеновым раньше, когда он подходил к ним с южной, иссык-кульской стороны. Но он захотел

исследовать северный склон Курментинского горного прохода. Это было прощанье с синим Иссык-Кулем.

Семенов был счастлив, когда, продвигаясь к новой высоте, открыл в курментинских известняках девонские окаменелости и отыскал новый вид астрагала, напомнивший ему о гималайских джунглях.

Безымянная горная речка падала, разбиваясь о каменные ступени, с ней перекликалась вторая река. Путники видели, что обе они рождались в снежном покрове на северной стороне перевала. Во впадине, похожей на каменную чашу с зазубренными краями, пряталось чудесное высокогорное озеро. Выше его начинался подъем на перевал по почти отвесному склону.

Озеро уже осталось внизу, когда из темно-сизых туч повалил густой и обильный снег, встретившийся с теплым туманом ущелий. Но метель скоро прошла. Сквозь пролом, открывшийся в сплошном гребне курментинских высот, засверкала поверхность второго озера — уже на южном склоне перевала. Как бы не умещаясь в своих берегах, озеро сбрасывало часть своих вод с крутизны к Иссык-Кулю. Уже можно было различить знакомые очертания Курментинской бухты. Казалось, что невидимый великан медленно развернул карту с выпуклыми изображениями, освещенными полуденным солнцем. Еще недавно ученый искал там следы древнего монастыря, вглядывался в рябую поверхность песчаной косы.

Измерив высоту перевала, пробыв на нем весь день и едва найдя в себе силы расстаться с Иссык-Кулем, уже пламеневшим в закатном зареве, Петр Семенов вернулся в свою палатку.

Утром началась опасная и трудная переправа на левый берег Чилика. Бурная река мчалась по скатам скал, местами перекрывала собою утесы, тащила по дну синеватые валуны. Казаки и киргизы с большим риском перевозили на седлах одного за другим баранов, затаскивали в бурное русло и чуть не волоком волокли верблюдов. Двугорбые спутники, уже очутившись у противоположного берега, падали на скользкие валуны: у них не хватало сил подняться на крутой склон. Что же касается богинских овчарок, приставших к отряду на поле побоища у Зауки, то на переправе их уносило течением и разбрасывало по обоим берегам Чилика. Дорого досталась эта своенравная река семеновскому отряду. Одолев ее, люди повалились в изнеможении на траву.

В длинной долине Чилика было собрано много трав и цветов. Семенову удалось добыть растения ста пятидесяти видов. Образцы давали полное представление о зеленом царстве в пору июльского цветения на высотах от двух до двух с половиной тысяч метров.

Разбирая свои драгоценные находки и записывая их названия в походный дневник, Петр Петрович уже начинал осмысливать их значение и приходить к первым выводам. Его, например, поразило то, что больше половины трав Чиликской долины можно было найти и на равнинах Средней России. Следовательно, возле Кебина и Чилика можно селить русских земледельцев, и они найдут привычные условия для жизни в новых местах между хребтов горного Алатау. Исследователь отметил обилие древовидных растений, не присущих среднерусской полосе, и объяснил это тем, что здешние места расположены в лесном высокогорье. Стоило подняться выше долины Чилика, как темные ели стали сменяться зарослями арчи, и перед путниками открывалось все великолепие альпийских лугов. В один из переходов за Чимбулаком было открыто «море скал», как исследователи горных стран называли сплошные гряды огромных камней. Кони не смогли преодолеть этих грозных валов, и «море скал» пришлось огибать по дороге, указанной проводниками. Сам же Петр Семенов, прихватив с собой художника Кошарова, ведя коней в поводу, побрел к новой замеченной им вершине, чтобы установить границу снегов на северной цепи Алатау. Конские копыта попирали вечный снег. Люди стали на вершине так, что за их спинами зияла бездонная пропасть, поглотившая северный скат снежного гребня, а впереди, на юге, белела непрерывная цепь вершин, заслонившая собою Иссык-Куль. Зато отсюда был хорошо виден Тенгри-таг с его сказочной трехгранной пирамидой.

Впереди были Дженишке, долина Асы, Тургень, Иссык. В Талгаре отряд заночевал, а 29 июля 1857 года бесстрашные исследователи Тянь-Шаня вступили в Верный.

На площади, возле строящейся церкви, собралось все население крепости — от пристава Большой орды до казачек, готовивших когда-то сухари для отряда Семенова. В толпе стояли бородатые русские крестьяне, пришедшие в этот цветущий край. По совету путешественника они

успели обзавестись пчелиными роями, привезенными с Алтая, и приспособились строить дома из бревен елей Шренка так, как учил их этому Семенов. И переселенцы и казаки радовались успехам Семенова и Кошарова, понимая, что исследователи трудились на благо нового края и думали не о себе, а о нуждах народа. Все с дружелюбным теплом рассматривали человека в наряде киргизского джигита, загорелого под солнцем Тянь-Шаня, обросшего темной бородой, не знавшего, куда ему деваться от пристального внимания сотен обитателей Верного.

На Семенова почтительно и влюбленно смотрел Василий Обух, молодой начальник крепостных батарей Верного. О его дружбе со ссыльным Достоевским путешественник знал по прежним встречам.

С Обухом и Перемышльским герой Тянь-Шаня подолгу беседовал о прекрасном будущем Заилийского края. Весть о закреплении за Россией богинских земель, сулившем обладание синей жемчужиной Иссык-Куля, склонами Тянь-Шаня, была встречена восторженно и вместе с тем деловито. Перемышльский предсказывал, что теперь и беспокойные сарыбагиши рано или поздно, а скорее всего в ближайшие годы запросятся в русское подданство, ибо им самим надоест борьба с кокандцами и богинцами.

Одно лишь не понравилось открывателю Хан-Тенгри. На третий день город, по беспощадному выражению путешественника, «был уже погружен в свой обычный алкоголизм».

Может быть, от избытка сил и молодого озорства, а всего вернее, от тоски жизни на окраине Российской империи чудесный Василий Обух, воин и пытливый исследователь, тоже был подвержен недугу, столь огорчившему Петра Семенова...

ПОСЛЕДНИЕ ОТКРЫТИЯ СЕМЕНОВА

Второго сентября 1857 года Семенов и Кошаров, снова в своем казанском тарантасе, оставлявшем облака пыли, двинулись из Верного на север.

Охотник за растениями еще застал в цвету мальвы. Ночью между Талгарским бродом и Илийским пикетом он простился с незримыми высями Заилийского Алатау. С северным берегом Или он расстался не сразу, а провел там целый день. Ходил среди кустов барбариса, осыпан-

ного продолговатыми ягодами, осматривал вновь открытый источник в Чингильдах, в котором кружились небольшие рыбки, гонимые струями, бившими со дна. Он во второй раз посетил Май-тюбе, где были открыты две породы астрагалов, получивших имя Семенова. Возле Алтын-Эмеля, по правую сторону дороги, ведущей к горному проходу, пылал исполинский костер, дышавший дымом и трепетным жаром. Словно перекати-поле, откуда-то со стороны Конурулена надвигался огненный пал. Ветер поднимал и разносил по степи пылающие травы.

Сланцевые и порфировые ступени вели к вершине перевала Алтын-Эмель; Семенов измерил его абсолютную высоту. Когда отряд повернул на восток, миновав явственно заметные выходы свинцовой руды, справа стали видны горы Калкан. Под копытами коней лежала пустынная степь, покрытая валунами и каменными обломками. У речки Биш-булак тоже прослеживались выходы свинцовых руд. Возле Айна-булака вдруг начались прекрасно возделанные поля, встали стеной созревшие просяные нивы. Проводники сказали, что эти посевы принадлежат Тезек-батыру. На краю Айна-булакского дола отряд расположился на ночлег.

На следующий день Тезек радостно встретил путешественников у дверей белой юрты. Несмотря на все свое богатство — табуны, посевы и множество лодкообразных слитков серебра, Тезек жил очень просто. В его юрте висели куски вяленого мяса, стояли шерстяные мешки с просом. Штуцер, отделанный серебром, тульское двуствольное ружье висели по соседству с оружием предков — колчаном и луком, изогнутой саблей и секирой, похожей на стальной полумесяц. Тезек-тёрэ любил показывать гостям грамоту в бархатной обложке, скрепленную серебряной печатью и помеченную 1824 годом. Она была выдана русским правительством султану атбанов.

Петр Семенов вынул из своих дорожных пожитков роскошный подарок, предназначавшийся Тезеку. Это была бархатная шапка, искусно украшенная золотым шитьем, изделие казанских мастериц. Тезек-тёрэ принял дар из рук гостя со словами благодарности, но надеть ее не смог, потому что шапка прикрывала лишь одну макушку огромной головы. Тезек подозвал любимца сына и увенчал его подарком Петра Семенова.

Исследователь попросил помочь ему проехать к горам Кату, вызвышавшимся над Конуруленским плоскогорьем.

Для этого надо было возвратиться на юго-запад и пересечь всю долину Конурулена. У южного склона Кату стояли темные холмы, неподалеку от них находились две сульфатарных ямы. Сульфатарами называются кратеры, вулканическая деятельность которых ослабла или замерла, и из сульфатары поднимаются лишь водяные пары и сернистые газы. Когда Семенов был в Италии, он посещал знаменитые сульфатары близ Неаполя; их считали остатками кратера огнедышащей горы около Пуццуоли.

В холмах Кату, как и в пуццуольской сульфатаре, сера когда-то выходила из-под земли в виде паров. Сера заполняла трещины породы, и в них рождались кристаллы гипса.

Все это происходило очень давно, сульфатара угасла, выход паров прекратился, но в сентябре 1857 года ямы у катуских гор были окружены сильным запахом серы.

Семенов был готов поклясться всеми сульфатарами знаменитых Флегрейских полей, что явления, происходившие в ямах Кату, были связаны с длительным подземным пожаром, охватившим пласты каменного угля в долине Или. Путешественник прошел наискось всю сульфатару и в пути наткнулся на жилу, содержащую железный блеск. Она прослеживалась на протяжении одной версты и снова, как змея, скрывалась в земных слоях, прикрытых гранитом. Вероятно, ту же самую жилу видел впоследствии, в 1875 году, Иван Мушкетов, очень высоко оценивший ее значение. Но Петр Семенов первым прикоснулся своим молотком к извилистой железной змее Джунгарского Алатау.

Неподалеку виднелись горы Актау, белые, не очень большие сопки, по цвету не отличавшиеся от пород сульфатары Кату. Эти холмы славились залежами квасцов и нашатыря.

В русском переводе книги А. Гумбольдта о его путешествии по Сибири описывались нашатырные промыслы в Центральной Азии, приуроченные к Куче. Нашатырь добывали в огненных пещерах и расселинах горы зимою, когда подземный огонь шел на убыль. Месторождения «татарской соли» вовсе не обязательно было связывать с вулканами, как это делал А. Гумбольдт, всю жизнь мечтавший о поисках Пе-шана, или «Аммониаковой горы», к югу от Хоргоса. Нашатырь зачастую родится и на местах каменноугольных пожаров, примером тому служила

близость белых сопок Актау к серным ямам Кату. Каменный уголь, сера, нашатырь, добытые в бассейне Или и продававшиеся на рынке Кульджи, имели общую историю происхождения. Об этом можно было рассказать понятливому Тезеку, знавшему, конечно, почем сера в Кульдже! По дороге в аул своего друга Семенов видел табуны куланов, пересекавших каменистое плоскогорье Конуру-лена, окидывал прощальным взглядом светившуюся на солнце полосу Или, прятавшуюся временами за холмы Актау.

Простившись с Тезек-тёрэ, путешественники тронулись в путь и вскоре достигли подножия гор Аламан. Стали подниматься вдоль реки Каракол, отыскивая проход через хребет. Петр Семенов определил, что высота перевала — около 2500 метров. С последнего уступа красного порфира был виден Илийский край до самой Кульджи. Лессовые равнины, зеленые сады, четырехугольники укреплений возникали в семеновском бинокле. Вот в лучах полуденного солнца засветилась, как стеклянная нить, река Или. За нею обозначились очертания Небесных гор. Над ними клубились облака, венчающие вершины.

Речка, спадавшая со ската перевала, привела отряд к еловому лесу, а потом к верховьям реки Борохудзир и знаменитому перевалу Уйгентас, или Югенташ. Год назад Чокан, побывав здесь, описал перевал и болотистую Уйгентасскую долину, орошаемую бесчисленными родниками.

Уйгентас был хорошо проходим только летом, зимой его заваливало снегами, и караванам приходилось отклоняться на юго-запад, к Алтын-Эмелю, где было меньше сугробов. Кто-то, возможно джунгарский хан Батур, приказал сложить из валунов приметный знак на вершине Уйгентаса, как бы увенчав этим славу горного перевала. Высота его, определенная Петром Семеновым, была равна 1880 метрам. Внизу белели очаги вечного снега. Когда люди стали спускаться вниз, внимание собирателя трав привлек альпийский мак, росший в большом изобилии на увалах.

Обратно Семенов шел той же дорогой, что и Чокан,— косогором над Кескен-Тереком мимо сопки Арал-тюбе, на берега Коксу, где из-за шума водопадов нельзя было расслышать человеческого голоса. В эти дни удалось разыскать старого приятеля Семенова, казахского султана Адамсарта, год тому назад сопровождавшего путеше-

ственника во время одной из его прогулок в горы. Адамсарт хорошо знал Егора Ковалевского. В 1851 году Адамсарт, Барак и уже хорошо знакомый нам Тезек провели караван Ковалевского до самого Уйгентаса.

Полковник Абакумов спрятал на память календарный листок от 12 сентября 1857 года. В этот день он встречал у себя в Копале бесстрашного исследователя Тянь-Шаня. Встреча была торжественно отпразднована, а потом оба приятеля пошли на городскую площадь, где Семенов вскипятил воду для определения высоты и объявил, что Копал находится на высоте 1020 метров.

Тем временем Павел Кошаров прилежно рисовал вид копальской площади с полосатым верстовым столбом, с двуглавой церковью и крепостным тыном, помещенным в правой части рисунка. В Копале решилась судьба художника. Он очень сожалел, что не сможет зарисовать ни долины Лепсы, ни Алаколя, ибо ему надо было возвратиться в Томск, чтобы приступить к занятиям в мужской гимназии. Полковник Абакумов сказал, что он сам отправит Кошарова по почтовой дороге в Семипалатинск, а Семенову поможет устроить поездку к Лепсе и Алаколю. На тяжелый казанский тарантас погрузили коллекции Кошарова и Семенова.

Терпеливый спутник Петра Семенова за время похода в Тянь-Шань сделал драгоценный вклад в изучение Небесных гор. Он трудился не покладая рук. Не вина Кошарова, что большинство его замечательных рисунков не издано до сих пор. На полках Архива Географического общества СССР лежат 119 произведений художника, или «Альбом к путешествию П. П. Семенова на Тянь-Шань. 1857 г. Рисунки Кошарова». В Ленинградском отделении Института этнографии хранятся этнографический альбом П. М. Кошарова и две тетради других его рисунков.

Художник начертил тушью карту области Иссык-Куля, начиная от Или на севере, кончая горою Хан-Тенгри на юго-востоке. Он обвел голубой каймой водную закраину Иссык-Куля и поставил красные кружки на местах, откуда снимал виды. Один из кружков стоит почти у самого склона Хан-Тенгри. На кошаровской карте видны Верный, река Чу и илийский город Кульджа.

Виды Кошаров начал рисовать, начиная с Аягуза, где он изобразил местную крепость. Он был первым в мире европейским живописцем, увековечившим величавую цепь Тенгри-тага, ледники Сарыджаза, исторический ключ

Арасан, где были отколоты камни в дар Александру Гумбольдту. Для нас представляют особое значение виды Заукинского перевала, путь по реке Зауке.

Люди, изображенные Кошаровым, знали Чокана и Петра Семенова; это не только их современники, но и знакомые. Вот личный переводчик Тезек-тёрэ, прекрасно говоривший по-русски, уже пожилой человек с черной бородой. А это, очевидно, снохи Бурамбая, вырученные из плена Семеновым. Мы видим дулатов — погонщиков верблюдов, богинских проводников и атбанских джигитов, сопровождавших русский отряд.

Оружие, домашняя утварь, одежда жителей Тянь-Шаня — все это мы найдем на страницах, бережно пронесенных художником по самым высоким перевалам Небесных гор, по дну самых глубоких ущелий Заилийского Алатау.

Кошаров отправился в Семипалатинск. Семенов поехал прощаться с ним в Арасан. Казанский тарантас скрылся из виду.

...Шестнадцатого сентября 1857 года начались новые странствия Петра Петровича Семенова. Он вновь увидел темно-малиновые сланцы, окружавшие дорогу на Кейсык-ауз, переправился через Биен и вскоре свернул направо. Главный тракт пошел прямо на север, боковой путь устремился вдоль подножия горного хребта в сторону Лепсы. Слева лежала сухая, выгоревшая степь. Ветер с запада гнал по ней огромные клубы перекати-поля, катившегося бок о бок с повозкой, как бы сопровождая Семенова в его походе. Местные жители рассказывали, что дождя здесь не было уже три месяца. Степь тянулась до самого Саркана, а за Басканом начались холмы. Западный ветер кроме перекати-поля пригнал сюда дождевые тучи, разразившиеся холодным ливнем, пригнувшим ветви столетних тополей в долине Теректы, где ночевал ученый. Он заметил, что за ночь заметно прибавилось снега на венцах и склонах Джунгарского Алатау, хорошо видного из Теректинской долины.

Год назад здесь побывал Чокан. В самом разгаре июля он ехал через заросли «калмыцкого мыла», любуясь снежными горами и великолепными лугами.

Вскоре начался спуск в Чубар-Агачскую долину. Петр Семенов мысленно прикинул, какое пространство должна она занимать, и решил, что ее длина никак не менее двенадцати верст, а ширина — верст семь. С юго-востока

долину ограничивали высокие горы. Их склоны, глядевшие на Лепсинское поселение, поросли так называемым Пестрым лесом, по-тюркски — Чубар-Агачем. Это название было перенесено на всю долину. Разглядывая ее по мере спуска с перевала, путешественник вспомнил былые дни, проведенные в Вогезах, настолько желто-багряный осенний Чубар-Агач поражал своим сходством с вогезскими горными долинами. Это был край зерна и меда. Исследователь расспросил казаков и мужиков-семиреков о местных урожаях и порадовался ответам. Просо — сам-сорок, пшеница — сам-двадцать, рожь — сам-пятнадцать! Если на здешних землях делать полив не больше одного раза за все лето, урожаи зерна увеличатся. Кормовые травы Чубар-Агача — не хуже алтайских. Если уж искать уподобления в мире самоцветов, то Лепсинский край был похож на изумруд в оправе из серебра горных снегов.

Были и огорчения, вроде жалоб на обычно ранний иней, покрывающий лепсинские земли уже в первые дни сентября. Из-за инея здесь не вызревали некоторые овощи, зато не было недостатка в разных ягодах.

Поселок лепсинцев выглядел чисто и опрятно. В нем насчитывалось 2216 душ, причем крестьян-новопоселенцев было больше, чем казаков.

Среди жителей поселка отыскались два бывалых казака, помнивших еще времена Григория Карелина, когда этот близорукий человек в очках бесстрашно вторгался в дебри Джунгарского Алатау. Они вызвались проводить Семенова по былой карелинской тропе к перевалу, известному по истории похода 1840 года.

Семенов с казаками направился к юго-востоку от поселения и стал подниматься на чубар-агачский склон. Лепсинские лианы — две разновидности клематиса — и дикий хмель расставляли свои сети на тропе следопытов. Когда Пестрый лес кончился, открылось царство удивительных трав. Всадник должен был поднять голову вверх, чтобы увидеть качавшиеся над ним верхушки зонтичных и мальвовых растений. Кое-где травяные стены отступали перед рощами диких яблонь Сиверса. Яблоки в сентябре окончательно поспели; у них был замечательный вкус.

Но вот деревья и кустарники исчезли, и подковы коней зазвенели на граните. Петр Семенов подметил особенность в строении скал и очень образно сравнил их с

расставленными книгами. Плутая между каменными книгами, исследователи добрались до области альпийской растительности и увидели блеклый мак и генцианы рядом с сыпучими барханами свеженаметенного снега. Ледяной ветер заставил путников спуститься до уровня сланцевых плит. Там перед жадным взором исследователя возник волшебный вид самой возвышенной части Джунгарского Алатау. Семенов увидел, что река Лепса причудливо меняет свое направление, делая почти прямой угол, а в одном месте — даже образует озеро.

Но мечты его рухнули, когда он увидел, что гранитный вход в Китай закрыт, завален снегами. С часу на час мог разразиться новый снегопад, и люди решили не рисковать, а лучше отступить перед ледяным ветром и поземкой. Тропы Карелина его последователь все же коснулся и на обратном пути заночевал в той самой яблоневой роще, сквозь которую когда-то проходил Григорий Карелин.

В ночь на 20 сентября кровли домов Лепсинского поселения, ветви деревьев, кусты и густые травы покрылись плотной пеленой инея. Стена тумана подступила к запотевшим окнам. И хотя такая погода не радовала путешественника, он приказал запрягать лошадей.

Туман все отодвигался и отодвигался по мере приближения людей к перевалу. Потом непроницаемая стена совсем исчезла. На вершине перевала зеленела летняя мурава, не тронутая ни инеем, ни туманом, пригретая щедрым солнцем. Зато весь продолговатый котел Лепсинской долины был до краев наполнен белым кумысного цвета туманом.

Было видно, как Лепса прорывала ущелье и выходила на обширную долину. Когда-то Григорий Карелин, осматривая эти места, видел на левом берегу реки остатки древней крепости. Совсем недавно Чокан Валиханов открыл на Лепсе каменный знак, подобный «кургану» на Сан-Таше.

Верст десять двигался Петр Семенов через горный хребет, избрав направление на реку Чинжалы, то есть на север от поселения Лепсинского. По правую руку оставался Тентек, заслуживший название «Озорник». Он вытекал из снегов Джунгарского Алатау, скрывался и шумел в горах, и все только ради того, чтобы похоронить себя в болотах, даже не дойдя до западного водоема Алаколя. Возле Тентека, на урочище Иргайлы были

расположены прииски, куда Чокан ездил вместе с горным офицером Н. Ковригиным.

Холмы сыпучего песка возле гор Саукан были покрыты кустами шиповника с красными цветами. За горами простирались сплошные волнистые пески, потом — солонцеватые земли. Вот впереди блеснула вода. Это был заветный Алаколь, большой, лежащий в плоских берегах водоем со знаменитой сопкой Арал-тюбе. Вокруг его побережий колыхался пояс густых камышей.

Петр Семенов приблизился к одному из заливов озера, где величаво плавали белые лебеди. Но вот с северо-востока налетел тот самый страшный ветер «юйбэ», о котором можно было прочесть в «Путешествии барона Александра Гумбольдта». Неистовый «юйбэ» не дал путешественнику пройти к озеру прибрежной дорогой, пришлось искать кружной путь, переходить вброд залив западного Алаколя, к тому же — при довольно высокой воде. Повозка катилась по перешейку между западным и восточным водоемами Алаколя, мимо камышовых стен, болотистых лагун, извилистых протоков и влажных солонцов.

К северу от перешейка отыскались колодцы Кабанды, возле которых стояли юрты кочевников. Здесь путешественник решил остановиться. Удивительно, что он в своих записках о путешествии 1857 года, говоря об Алаколе, уделяет больше внимания его западной части и почему-то совершенно замалчивает подробности посещения пресловутой сопки Арал-тюбе. А ведь его молоток тогда прикоснулся к ее порфировой поверхности. Он получил ответ на вопрос, так волновавший Александра Гумбольдта!

Григорий Генс, глава Пограничной комиссии в Оренбурге, неутомимый собиратель данных о природе и людях Азии, однажды услышал рассказ об огнедышащей горе на Алаколе. Считалось, что об этом поведал татарин Сейфулла, вернувшийся в Семипалатинск в конце 1829 года из дальнего похода.

Гумбольдт написал в Казань ориенталисту Александру Касимовичу Казембеку, умоляя его взять на себя великий труд по сбору сведений о вулканической области Бишбалык. На ловца и зверь бежит! Оказалось, что Казембек был знаком с муллой Сейфуллой-кази. Старец этот действительно прожил несколько лет в Семипалатинске, бывал на Или, в Чугучаке, не раз видел Алаколь.

Насчет алакольского вулкана старик ничего не говорил, зато сообщил о пещере *Уайбе.* Она, по словам почтенного муллы, находилась возле самой караванной дороги от Алаколя к Чугучаку. Вход в нее подобен огромному погребу. В недрах пещеры рождаются страшные зимние бури, сметающие все живое в воды Алаколя. Караванам часто приходилось ждать, пока жестокий ветер утихомирится. Сейфулла прибавлял, что возле гор Куктау есть горячий источник, и калмыки с киргизами приносили ему жертвы.

Александр Шренк и Григорий Карелин, конечно, читали обо всем этом у Гумбольдта в издании 1837 года и, побывав на Алаколе, прежде всего старались осмотреть сопку Арал-тюбе. Ни жерла, ни пещеры в ней не было, как не было и лавового потока и других следов извержений.

Петр Семенов, рассказав о Шренке и Карелине, очень скромно обронил о себе: «Семнадцать лет позже мои исследования в холмах Кату в Илийской долине и на всем протяжении Тянь-Шаня между Музартским и Заукинским горными проходами также не подтвердили предположений Гумбольдта о вулканических явлениях в Центральной Азии».

Но исследователь, разумеется, дополнил наблюдения своих доблестных и добросовестных предшественников по изучению Алаколя. Так, он попытался исчислить приблизительно поверхность западного и восточного водоемов, согласился с мнением, которое, между прочим, высказал и Чокан Валиханов, о том, что в былые времена Балхаш и Алаколь были соединены и представляли единое огромное озеро. Потом он подметил, что Западный Алаколь имеет более высокий уровень, чем Восточный, и даже сбрасывает часть своих вод по протоку Уалы в реку Урджар. Ученому удалось также объяснить, почему в западном водоеме вода пресная, а в восточном соленая до горечи.

Знаменитая сопка Арал-тюбе, говорил себе он, испокон веков была приметной вехой, хорошо запомнившейся древним путешественникам, побывавшим в Центральной Азии. Такого озера с высоким островным холмом нельзя было встретить на пространстве от Каспия до Джунгарских ворот.

Об Арал-тюбе, например, обмолвился Гетум (Гайтон), владетель Малой Армении и Киликии. Путешествие его

само по себе очень любопытно. Пользуясь тем, что Петр Семенов написал о Гетуме всего несколько строчек в своем «Путешествии в Тянь-Шань», скажем чуть побольше об армянском властелине. Поход его был из ряда вон выходящим прежде всего потому, что начинался почти у побережья Средиземного моря, в цветущем городе Сисе, откуда Гетум вышел в 1254 году. Он побывал в батыевском Сарае, видел Яик, по-видимому, не миновал ни гор Каратау, ни берегов Чу и Или. Далее его путь пролегал мимо громад Джунгарского Алатау и озера Алаколь. Он прошел области найманов и кара-китаев и очутился в улусе Великого хана в Монголии. На улицах города Каракорума, укрепленного стеной с четырьмя воротами и опоясанного земляным валом, Гетум видел русских людей из Галича, Суздаля и Владимира, венгров и китайцев, индийцев и арабов и даже англичан, французов и немцев, захваченных монголами в Венгрии. В долине Орхона жил в то время и выходец с острова Кипра. В числе молитвенных домов разных народов в Каракоруме был русский храм. Царя Гетума следует считать одним из первых путешественников в Центральную Азию, наряду с Константином — князем Галича-Мерского, Ярославом Всеволодовичем, Александром Невским, Глебом Васильковичем, Андрэ Лонжюмо, Плано Карпини, Гильомом Рубруком, коннетаблем Смбатом, Алауддином Джувейни. Эти люди первыми побывали в загадочном Каракоруме, отгородившемся от мира черным земляным валом.

Петр Семенов, как и Чокан с Потаниным, размышлял о поездках русских князей к Великому хану. В связи с этим он установил, что если Гетум проходил туда мимо Алаколя, то Ярослав Всеволодович и Александр Невский пользовались другой дорогой, продвигаясь с Волги на Иртыш и озеро Зайсан, где и вступали в Центральную Азию.

Семенов определил высоту, на которой был расположен Алаколь, и поспешил к подножию Тарбагатая. На подступах к этому хребту недавно была основана казачья станица, сначала называвшаяся Карабулакской.

Путешественник прибыл в станицу Урджарскую (б. Карабулакскую), поспешил измерить там высоту и собрать сведения о населении. В станице было девятьсот сорок жителей, восемьдесять дворов. Жили урджарцы хорошо, их нивы давали богатые урожаи.

Двадцать третьего сентября 1857 года исследователь начал восхождение на Тарбагатай, манивший его издали своим синим венцом. Ради этого Петр Семенов направился к реке Карабулак на запад от станицы, а потом стал подниматься по трудным гранитным скатам на самый гребень хребта.

Перевал Алет был сложен из гранита, поднявшегося на высоту в 1960 метров. С тарбагатайских высот была видна степь, приютившая долину реки Урджара, стремившегося на юг, к Алаколю. За озером можно было различить очертания Джунгарского Алатау. Когда путник взглянул на север, он увидел изгибы реки Базарки, а еще дальше — огромное светлое пятно, которым обозначалось озеро Зайсан. Солоно досталась Базарка в 1840 году Егору Ковалевскому, когда он двигался со стороны Аягуза к Тарбагатаю! Перевал Хабар-асу тоже отнял у Ковалевского немало сил. Преодолев эту преграду, странствователь коснулся восточного побережья Алаколя, достиг Джунгарских ворот и, спускаясь на юг, временами круто поворачивая к западу, закончил свой путь в Кульдже.

На высотах Тарбагатая Петр Семенов вспоминал не только Егора Ковалевского и других путешественников нового времени. Воображение ученого тревожили картины грандиозных народных переселений давно минувших столетий. Нагорная Азия обрушивала на западную низменность лавины народов, и они находили на своем пути Зайсанские и Джунгарские ворота. Между ними простирался грозный и неприступный Тарбагатай.

Кочевые орды, хлынувшие через Зайсанские ворота, двигались вдоль Иртыша, прокладывали себе путь к Яику и устремлялись через разверстые для них ворота между полуденным краем Уральских гор и Аралом. От Джунгарских ворот шли два потока. Главный из них направлялся к прибалхашским низинам, обтекал Балхаш с севера и двигался в сторону Урала. Наряду с этим некоторые народы, миновав Алаколь и выйдя на прибалхашские пески, поворачивали на Семиречье, переправлялись через Или в ее низовьях. С реки Чу они шли на Сырдарью, двигались по Туркестану и стране туркмен. Арал и Каспий оставались у них справа. Воротами в Европу был для них Кавказский перешеек.

Размышлениям о былых великих путях азиатских народов Петр Семенов предавался на гранитном гребне

Тарбагатая и на равнине Алаколя, когда его небольшой отряд шел на рысях к Урджарской станице. Станица уже спала, ни в одном окне не горел свет.

Ранним утром 24 сентября исследователь был уже на ногах. Он поспешил к берегам Урджара и вышел на тропу, проложенную через увалы. На тридцать четвертой версте показалась река Терекcы, протекавшая в берегах, поросших тополями. На ней стоял Теректинский пикет, отделенный увалом от горного кряжа. Всадники взяли направление на перевал Котель-асу, и вскоре Петр Семенов определил высоту и этого горного прохода. Она составила 1040 метров.

Семнадцать лет назад здесь мимо отвесных стен из белого мрамора проходил Иван Кирилов, сопровождаемый хорунжим Григорием Масленниковым и казачьим урядником Щукиным. Верные спутники Григория Карелина спустились с Котель-асу в долину Терекcы, то есть прошли будущий путь Петра Семенова в обратном направлении. Здесь русские исследователи повстречали казахского султана Барака Салтыбаева, и он помог Кирилову проследовать к перевалу Чегарак-асу. О трудностях, испытанных отважными следопытами Тарбагатая, можно судить лишь по такому примеру. Они двадцать два раза переходили с берега на берег своенравной речки Чекарасу, скакавшей по дну дикого ущелья, в изнеможении брели по «снежным черепам», как они называли пятна вечного снега. Архары и ожерельчатые фазаны встречались на пути отряда, казахский джигит проводник Батырбек однажды голыми руками взял спящую тетерку неизвестной для науки породы, за что получил награду от Карелина.

Во время тарбагатайских скитаний 1840 года спутники Карелина открыли следы угольных разработок, обнаружили деревянный мавзолей, исследовали оросительные арыки, отводившие воду Урджара на пшеничные пашни.

Река Каракол, зажатая в гранитах, напомнила Петру Семенову о том, что здесь был найден метеорит. Открыл его семипалатинский купец С. И. Самсонов, страстный собиратель всяких минералов, давший однажды Г. С. Карелину клятву собирать образцы горных пород для общей пользы. На Каракольском пикете Семенов получил возможность проверить известия, исходившие от семипалатинских землепроходцев и приведенные у Гумбольдта,—

о теплом источнике Арасан неподалеку от Алаколя. Действительно, Арасан находился всего в какой-нибудь версте от Каракольского пикета. Целебный ключ выходил на поверхность из-под глыбы гранита. В Арасане водились пиявки, поэтому местные жители пользовались источником двояко — и при ломоте в костях, и в случае полнокровия. Каракольский Арасан не был выдуман семипалатинцами, он в действительности существовал, в чем имел случай убедиться Петр Семенов. Возвращаться в Лепсинское поселение не было никакого смысла, и путник предпочел ехать через Нарынский пикет прямо на Аягуз. Поздно ночью он прибыл в этот забытый богом городок. Хорошо, что тьма скрывала убогость Аягуза с его успевшими выветриться глинобитными бастионами и засыпанными мусором рвами.

Утром 27 сентября 1857 года жители города Семипалатинска увидели чернобородого человека в белом войлочном колпаке и замшевых штанах, расшитых шелками и гарусом. На левом бедре его висела большая походная сума. Герой Тянь-Шаня направился к дому веселого кирасира Василия Демчинского.

Дом этот был всегда открыт для дорогого гостя. Василий Петрович после расспросов о скитаниях Петра Семенова повел его в сарай, где торжественно показал казанский тарантас, оставленный художником П. М. Кошаровым. В тарантасе, аккуратно сложенные, лежали образцы одежды киргизов, их утварь, горные породы Тянь-Шаня и бесчисленные папки, где между листами пропускной бумаги покоились анемоны, астрагалы и знаменитый лук с золотыми маковками. В коробках хранились и великолепная верненская жужелица, и редкостный жук Абакумова, приколотые булавками.

В тот же день Василий Демчинский послал своего человека на Крепостную улицу в дом почтальона Лепухина, чтобы известить близкого приятеля о приезде дорогого гостя. Приятель кирасира ныне занимал четыре комнаты в лепухинском доме, жил семьей, и его новый кров даже украшала росшая в кадке индийская волкомерия с сердцевидными листьями и ярко-красными цветами.

Потребовалось не много времени для того, чтобы обитатель дома Лепухина надел новый мундир с эполетами и номерными пуговицами.

Петр Семенов расстался со своей уйшуньской войлочной шляпой и ташкентскими кожаными штанами, обла-

чился в европейский костюм. Он сердечно встретил прапорщика Седьмого Сибирского линейного батальона Федора Достоевского. Долгожданная женитьба на М. Д. Исаевой, получение патента, в котором Александр I повелевал всем своим подданным «оного Федора Достоевского за нашего прапорщика надлежащим образом признавать и считать», возвращение потомственного дворянства —все это как бы сгладило морщины на хмуром лице бывшего узника Мертвого дома.

Федор Достоевский в дни встреч с Семеновым был полон веры в лучшее будущее. К тому же он и телесно поздоровел после того, как провел два месяца в форпосте Озерном на высоком берегу Иртыша. Озерный стоял близ дороги из Семипалатинска на Усть-Каменогорск. Форпост окружали заливные луга и тополевые рощи.

Достоевский ежедневно виделся с Петром Семеновым, пока тот отдыхал от своих трудов. Конечно, были взаимные расспросы об общих знакомых: что делает в Верном Василий Обух, давно ли уехал из Семипалатинска чудесный Хоментовский, что слышно о Чокане и Потанине.

Рассказывая о своих скитаниях, Петр Семенов едва ли обошел молчанием посещение аксуйского Арасана, где были добыты в подарок Гумбольдту образцы горных пород Тянь-Шаня.

До Семипалатинска в то время уже могла дойти весть о том, что Александр Врангель, друг Достоевского, успел посетить Александра Гумбольдта и преподнести ему дары, вывезенные из Семипалатинска,— шкуры зимнего тигра, черного волка и белого соболя. Врангель мог показывать великому естествоиспытателю зарисовки, сделанные в Семипалатинске, например портреты казахов Мендыбая и Тенибая. Врангель упоминал, вероятно, о Букаше, семипалатинском знатоке Восточного Туркестана.

Рассказ Петра Семенова о гибели Шлагинтвейта, подтвержденный свидетельствами посланцев Бурамбая, не мог не вызвать откликов среди семипалатинских друзей Семенова. Ведь Достоевский был знаком с Букашем Аупаевым и Рахимбаем Атанбаевым, очевидцами казни Стоддарта и Конноли. Достоевскому ничего не стоило познакомить Семенова с Букашем хотя бы для общей беседы о положении дел в Кашгарии.

Впоследствии Букаш стал одним из главных героев кашгарской эпопеи Чокана Валиханова. Врангель, Достоевский и Чокан хорошо знали предприимчивого и умного Букаша. В сентябре 1857 года он, очевидно, уже перебрался на зимовку в Семипалатинск с заимки в Аркатских горах и находился в своем богатом, крепко построенном доме в Татарской слободе. Еще совсем недавно он угощал Врангеля и Достоевского пельменями, фисташками и шипучим вином.

Настал час расставанья. Достоевский и Демчинский сердечно проводили Петра Семенова, и тяжелый тарантас покатил в сторону Озерного форпоста. Путешественник миновал эту «здравницу» Достоевского и начал свое новое путешествие — сначала вдоль Иртышской линии, направляясь не прямо в Омск, а на Барнаул — мимо Шульбинского бора и Пьяногорского форпоста. О подробностях этого похода мы ничего не знаем, ибо ученый не касался их в своих записках. Известно только, что Петр Семенов пробыл в столице Алтайского горного округа три недели, чтобы привести в порядок свои коллекции. В последних числах октября 1857 года он уже был в Омске, где покорил образованных жителей города рассказами об исследованиях в Тянь-Шане. В доме Якова Капустина на Артиллерийской улице, у Карла Гутковского в Мокринском форштадте ежедневно собирались гости. Говорили о мнимом вулканизме Тянь-Шаня, о вечных снегах Хан-Тенгри, о старом Бурамбае и рассудительном Тезек-тёрэ, о новых дорогах в Кашгарию и, наконец, о последних событиях в Восточном Туркестане и горестной судьбе Адольфа Шлагинтвейта.

Одновременно с открывателем Тянь-Шаня в том же октябре месяце в Омск из Кульджи прибыл российский консул Иван Захаров. Он вынужден был оставить дом с драконами на кровле и свой любимый сад на берегу Или, потому что получил приказание немедленно выехать в Россию. Смуглый, широкоплечий, с восточным типом лица, он рассказывал, что восстание против властей богдыхана, начатое в Кашгаре и Яркенде, докатилось до города Аксу. Он прибавлял, что маньчжуры пытались подавить мятеж, но карательный отряд не получил ни оружия, ни продовольствия. Через несколько дней он разбежался.

Давно ли Чокан вместе с Иваном Захаровым ездил в гости к кульджинским купцам, пил вино с «разрушитель-

ницами городов»! Теперь все это превратилось в далекое прошлое. Пользуясь присутствием Захарова в Омске, Чокан и Потанин старались пополнить свои знания о Восточном Туркестане в долгих беседах с кульджинским консулом. Потом молодые друзья радостно встретились с человеком, открывшим Хан-Тенгри.

Петр Семенов поспешил доложить Г. Х. Гасфорту свои соображения насчет Заилийского края. Дряхлеющий сибирский наместник на время воспрянул духом, обрел простоту и доступность и с неподдельной живостью забросал собеседника вопросами. А тот, пользуясь случаем, стал говорить о немедленном принятии богинцев в русское подданство и замирении сарыбагишей.

Гасфорт не возражал, но, как всегда, проявил осторожность. Он кивал на министерство иностранных дел, думая, что оно будет чинить препятствия к приему в подданство богинцев и сарыбагишей. Генерал-губернатор все же дал слово, что сделает представление военному министру. Гасфорт прибавил, что среди членов Русского географического общества можно насчитать немало офицеров генерального штаба. Так пусть эти просвещенные люди распространяют в петербургском обществе благодетельные мысли о нуждах далекой окраины и этим способствуют расцвету и расширению нового Заилийского края, вверенного попечению Гасфорта.

В эти дни Петр Семенов, Гутковский или Чокан назвали генерал-губернатору имя Букаша. Напрягая сановную память, Гасфорт вспомнил, что два года назад, когда он под звон церковных колоколов вступал в Семипалатинск, навстречу ему мчались лихие тройки. Одна из них принадлежала Рахимбаю, другая — Букашу, восседавшему в коляске, покрытой дорогими коврами. Они были представлены сибирскому наместнику не только как видные торговые деятели, но и как знатоки азиатских дел. Рахимбай в то время оказал большую услугу: он разгадал намерения кокандского хана, готовившего набег на Верный. Букаш незадолго до этого побывал в Чугучаке, и от него исходили сведения о разгроме русской фактории и проникновении в русские владения клейменых чампангов с верховьев Или. В Семипалатинске банщики рассказывали, что у Букаша и Рахимбая видели синеватые клейма на теле. Из этого можно заключить, что в прошлом оба они были чалаказаками, но при первой возможности предпочли вернуться на родину.

На прощанье Петр Семенов имел еще одну, совершенно доверительную беседу с Гасфортом. Об этой беседе, вероятно, сам Чокан узнал не сразу.

Семенов начал с того, что генерал-губернатор П. Д. Горчаков еще в 1847 году хотел отправить в Кашгар караван, причислив к нему вполне образованного и сведущего в делах Востока человека. Этот ученый смог бы осмотреть страну и написать сочинение о Кашгарии, никем не исследованной, если не считать венецианца Марко Поло и патера Гоэса. Из горчаковской затеи ничего не вышло, но то, что не удалось десять лет назад, можно с успехом осуществить в 1857 году. Заукинский перевал — ключ к Кашгару — ныне находится снова в руках Бурамбая, доказавшего дружеские чувства к русским. Посланец в Восточный Туркестан будет обеспечен помощью со стороны богинцев. В Кашгар он пойдет вместе с торговым караваном, снаряженным в Семипалатинске. Букаш Аупаев и другие бывалые купцы пошлют свои товары с этим караваном. Будущий исследователь Кашгара ничем не должен выделяться среди караванных купцов. Собственный опыт показал Семенову, что в Азии куда спокойнее путешествовать в войлочном колпаке, нежели в сюртуке с номерными пуговицами и фуражке с кокардой. Поэтому, чтобы не вызвать естественных подозрений у маньчжурских властей и мятежников Кашгара, исследователь, отправленный в Китай, должен надеть наряд кокандца. Семенов имел в виду Чокана Валиханова. Только он сможет быть таким путешественником.

Генерал-губернатор дождался, когда Семенов сам назвал это имя, и провел рукою по бакенбардам. Конечно, Чокана нельзя принуждать, все зависит от его доброй воли, но надо полагать, что такой самоотверженный молодой ученый, как Валиханов, не преминет взять на себя подвижнический труд, раз представляется благоприятный случай.

На этом и порешили Семенов и Гасфорт. И генерал-губернатор вновь оговорил условие: пусть высокие петербургские учреждения дадут разрешение отправить Чокана Валиханова в Кашгар, потому что он, Гасфорт, не хочет рисковать. Он и так уже успел получить внушение от военного министра Н. О. Сухозанета за излишнюю воинственность, проявленную при решении кашгарского вопроса. Подготовкой каравана к походу пусть займется Карл Казимирович Гутковский. Бурамбаю будут посла-

ны дары, и вручать их будут Чокан и татарин Файзулла Нагаев, связавший свою жизнь с «Дикокаменной ордой».

Семенов не считал возможным уехать из Омска, не вырвав у Гасфорта согласия на устройство дальнейшей судьбы Чокана и Потанина. Путешественник просил не задерживать Чокана в Омске после его возвращения из Кашгара. Валиханова надо в дальнейшем числить по службе в генерал-губернаторстве, но представить ему возможность поехать в Петербург для ученых занятий. Пусть он потрудится в столичных библиотеках и архивах, обрабатывая те богатейшие данные по истории и этнографии, которые уже успел собрать. В столице он будет находиться под покровительством Русского географического общества. Сотнику Григорию Потанину довольно тянуть служебную лямку в казачьем полку. Его давно бы надо отпустить в столицу и устроить в высшую школу.

Гасфорт дал слово выполнить и эту последнюю просьбу Петра Семенова.

Вот какими событиями ознаменовалась в Омске осень 1857 года.

МОЛОДОЙ «КУПЕЦ АЛИМБАЙ»

Директор Азиатского департамента министерства иностранных дел Егор Ковалевский, писатель и путешественник, отложил в сторону все насущные дела и занялся составлением записки «О положении дел в Кашгаре и наши к нему отношения». Впоследствии исследователи совершили непонятную ошибку, и весь этот труд «странствователя по суше и морям» почему-то приписали Г. Х. Гасфорту. В качестве Гасфортова сочинения записка была опубликована в 1904 году, чем было окончательно закреплено это заблуждение. Только в 1956 году Н. А. Халфин в своей книге «Три русские миссии», изданной в Ташкенте, доказал, что Гасфорт был в данном случае ни при чем и автором памятной записки следует считать Егора Ковалевского.

Ковалевский давно был неравнодушен к Кашгару, Кульдже, Семиречью и Заилийскому краю. Задолго до основания Копала он прошел в Кульджу трудным путем через Хабар-асу и Алаколь. Это было в 1840 году. Через

одиннадцать лет путешественник проехал в Кульджу уже со стороны Копала и перевала Уйгентас.

Ко времени первого похода Ковалевского в Кульджу относится одна из еще не решенных загадок. Заключается она в том, что Егор Ковалевский побывал в Кашмире и Пенджабе, но нигде не сообщил даты начала этого знаменательного похода и не указал своего пути. Между тем в очерке «Поездка в Кульджу» он исчисляет в днях расстояния от Кульджи до Аксу, Кашгара, Яркенда. Создается впечатление, что ученый продолжил свой путь из Кульджи до Лахора и Амритсара, посетив Кашгар и Яркенд.

В «Записке» 1857 года, о которой мы только что сказали, глава Азиатского департамента говорил, что Кашгар есть «обширная и плодоносная провинция, расположенная между Китаем, Индией, Афганистаном и Кокандом и кочевьями русскоподданных дикокаменных киргизов».

Ковалевский не соглашался с Густавом Гасфортом, когда тот, потрясая своим германштадтским карандашом, настаивал на немедленном вмешательстве России в кашгарскую смуту.

Трезвые советы, данные Ковалевским правительству, отразились на распоряжениях из Петербурга, и Гасфорт, получив их, стал соразмерять свои действия.

Но караван в Кашгар все же решили снаряжать, и для этой цели Карл Казимирович Гутковский вскоре выехал в Семипалатинск.

К Бурамбаю уже спешил касимовский татарин Файзулла Ногаев, везший вождю богинцев генерал-губернаторские дары.

Файзулла был человеком уже немолодым, судя по тому, что он еще в 1820 году сопровождал в Бухару миссию Александра Негри, после чего получил звание тархана. Ногаеву было приказано помогать Чокану в сборе сведений о Кашгаре.

Итак, Чокан отправился в дальний путь по занесенным снегом дорогам. Но одно удивительно: ни в бумагах Чокана, ни в письмах Достоевского нет никаких упоминаний о их встрече в конце 1857 года в Семипалатинске. Да и не только об одном Достоевском идет речь. А Ковригин, Демчинский, Цуриков в Семипалатинске, Абакумов в Копале! Не может быть, чтобы живой, общительный Чокан не захотел с ними видеться. Достоев-

ский в то время нетерпеливо ожидал известий из Омска, потому что там находился его пасынок Паша Исаев, определенный в Сибирский кадетский корпус. Кто, как не Чокан, должен был опекать мальчика в первые месяцы его пребывания в корпусе? Но мы не смогли отыскать ни одного свидетельства общения Чокана с его друзьями, ни одной его заметки, относящейся к поездке из Омска в Верный. Он дал о себе знать только в феврале. Об этом мы узнали из письма Гасфорта к министру иностранных дел князю А. М. Горчакову.

«Состоящий при мне для особых поручений поручик Валиханов, командированный мною для собрания сведений относительно настоящего положения дела в Кашгаре, по прибытии в укр. Верный донес мне, что вследствие суровой зимы и чрезвычайно обильно выпавшего снега все пути и проходы через Алатауские горы закрылись с ноября месяца и едва ли откроются ранее конца февраля, а потому все сношения с дикокаменною ордою с самого начала зимы прекратились и неизвестно положительно, где именно в настоящее время стоит на кочевьях род Богу, начальника коего Бурамбая он должен был предварительно посетить».

Далее Гасфорт подробно сообщил, что поручик Валиханов успел расспросить кокандских и ташкентских купцов и узнал некоторые подробности восстания в Кашгаре.

Карл Гутковский, успевший съездить из Омска в Семипалатинск, послал Чокану письмо, полное тревожных сомнений.

Письмо это было получено в Верном, по-видимому, в самом начале марта. Вслед за этим пришло послание Гасфорта, помеченное 12 марта 1858 года. Генерал-губернатор сообщал, что он через подполковника М. Д. Перемышльского, пристава Большой орды, передал Чокану наставление, как тот должен себя вести. Гасфорт разрешал Чокану вручить богинцам подарки, если кто-нибудь из них приедет в Верный. Вместе с тем наместник сетовал на новые беспокойства, начавшиеся в Кашгаре, и смуту в Коканде. Не лучше ли каравану взять направление на Кульджу и уже оттуда, сообразуясь с обстоятельствами, постепенно пробираться к Кашгару? Гасфорт приказывал Чокану быть осмотрительным и не принимать никаких поспешных решений.

Время шло, весна приближалась, и вместе с тем уве-

личивалось и беспокойство поручика Валиханова. Как будто он приехал в Верный только для того, чтобы проживаться и мучиться полным неведением. Но вот он вскрыл очередной пакет, украшенный пятью красными печатями, и прочел новое предписание Гасфорта, на этот раз вполне ясное и определенное:

«...Получено новое повеление о непременном отправлении каравана по известному Вам направлению и назначению, и самое удобное к тому время уже наступило, а потому я предписываю Вам готовиться к поездке согласно первоначального повеления, Вам данного, выждав в Верном прибытия полковника Гутковского, который вместе с сим отправился для изустных с подполковником Перемышльским и с Вами по сему делу совещаний».

Покрытая прииллийской пылью повозка остановилась возле дома пристава Большой орды. Гутковский отыскивал взором свой заветный верненский тополь, шелестевший майской листвой.

Перемышльский, Гутковский и Чокан проводили время в оживленных беседах. Гутковский рассказывал, что снаряжение каравана стоило ему многих волнений. Он, по крайней мере, трижды ездил в Семипалатинск. В Татарской слободе, в доме Букаша Аупаева, собрались надежные люди, среди которых особенно выделялся будущий караванбаши Мусабай Тухтубаев. По старости лет Букаш сам не решался ехать в Кашгар, а перепоручил все это дело Тухтубаеву. У Мусабая были родственники, жившие в Кашгаре и пользовавшиеся там большим почетом; следовательно, он ехал туда, как в дом родной.

Букаш и восемь торговых хозяев сказали Гутковскому, что они согласны рисковать своим капиталом и не хотят никакого обеспечения со стороны русских властей. Букаш щелкал на счетах, прикидывая стоимость товаров и размеры складчины.

Все шло хорошо, как вдруг, когда обрадованный Гутковский уже укатил в Омск, туда пришла печальная весть о смерти Бурамбая. Умер он вскоре после расставанья с Петром Семеновым,— очевидно, в августе 1857 года, и, когда слух об этом дошел до Букаша, караванные складчики стали колебаться. Кто-то теперь примет власть над богинцами, окажет покровительство каравану? Не начнутся ли в «Дикокаменной орде» новые смуты? Сарыбагиши могут вновь захватить богинские владения и запереть Заукинский проход.

Карлу Гутковскому пришлось снова мчаться в Семипалатинск, уговаривать караванщиков. Он сказал им, что целая сотня Десятого казачьего полка из Лепсинской станицы будет охранять безопасность движения каравана, следуя в некотором отдалении от него.

Букаш вновь застучал костяшками счетов, а грамотные торговые гости стали составлять и записывать дорожник будущего похода.

Примером сознательного отношения к делу и пытливости, проявленной приятелями Букаша, служат сохранившиеся в архиве Чокана записки Мухаммед-Якуба Джанкулова, кашгарский дневник Исмагила Габдулмажитова, маршруты, составленные Мусабаем Тухтабаевым, и другие бумаги в этом роде.

За время пребывания в Верном Чокан имел возможность не раз встретиться с переводчиком Бардашевым, о котором Петр Семенов отзывался как о самом замечательном знатоке жизни киргизов. А. И. Бардашев, по-видимому весною 1858 года передал свой рукописный очерк караванных путей от укрепления Верного до городов Турфана, Аксу, Кашгара, Яркенда и Хотана. Бардашевские заметки состояли из пяти глав, и каждая из них сохранила следы работы Чокана над рукописью верненского переводчика.

Итак, жребий брошен! Гутковский заверил, что караван выступит из Семипалатинска 15 мая. Чокан вскоре очутился на берегу Аксу неподалеку от одного из пикетов, в юрте некоего Гирея. Кто он такой, пока не удалось установить, но, по-видимому, мы имеем дело с влиятельным лицом, пользовавшимся доверием у Чокана, Гутковского и других людей, снаряжавших поход в Кашгар. Во всяком случае, Гирей помог Чокану приобрести трех коней и сшить походную одежду азиатского покроя. В юрте Гирея путешественник появился около 27 мая, надеясь на скорый приход каравана из Семипалатинска. Чокан следил за дорогой, ожидая, что вот-вот появится вереница верблюдов с шестипудовыми вьюками на горбах. Но каравана не было.

Посланный на пикет Гирей вернулся оттуда и рассказал, что он поймал там проезжего татарина из Семипалатинска, пристал к нему с расспросами и узнал, что караван в сторону Копала не выходил, по крайней мере, до дня выезда самого татарина (23 мая). Чокан был в отчаянии. Жить у Гирея он не мог и, кроме всего про-

чего, как огня боялся Гасфорта, который со дня на день мог нагрянуть в Семиречье со всей своей свитой. Ехать обратно пикетной дорогой Чокан не мог, потому что Гутковский забрал с собой форменную одежду Чокана, его подорожную и другие бумаги, удостоверяющие личность поручика Валиханова. Ему оставалось только одно — пробираться степью на Семипалатинск, рискуя быть захваченным в качестве неизвестного бродяги казачьим разъездом или ограбленным степными разбойниками. Он уже был готов к тому, что «какой-нибудь байджигитовский батыр» уведет его на аркане на Черный Иртыш.

«Да, Карл Казимирович,— писал Чокан, сидя в гиреевской юрте, сам еще не ведая, каким способом он отправит это послание,— настали тяжкие дни скорбей и испытаний. Я должен день скрываться где-нибудь в камнях, а ночью рыскать, как барантач. Это все еще ничего,— что я буду есть? Со мною нет ничего: ни огнива, ни кремня, ни хлеба... Прощайте. Сегодня я исчезаю. Что будет — ведает не кто же, как бог».

До сих пор неизвестно, где скрывался Чокан еще двадцать четыре дня. По ряду признаков юрта Гирея стояла неподалеку от Аксуйского пикета, за северным склоном перевала Гасфорта. Следовательно, Чокан на пути из Верного уже миновал Копал. После бегства от Гирея этот «голый человек на голой земле», по-видимому, кружил возле пикетной дороги, стараясь не упустить караван Мусабая на перегонах между Копалом и Алтын-Эмелем. Чокану, наверное, чудились то Гасфорт с его бакенбардами, пошедшими в прозелень, то гроза здешних мест — вечно пьяный батыр Тынеке, заросший большой рыжей бородой, сторожащий зазевавшихся проезжих на большой дороге в Верный. Жить без сигар и папирос «Ферезли», без кожаного погребца и даже без плаща, тоже взятого Гутковским!

Счастливец Гутковский, очевидно, сидит в Верном и, дымя трубкой, рассуждает о прелестях «натуральной школы», которую он, Чокан, сейчас испытывает на себе! Еще недавно Гутковский упрекал своего юного друга в том, что он — денди. Хорош денди в полосатом халате, украшенном колючими шарами лилового репейника!

Но мучения Чокана были вознаграждены. 28 июня он очутился около Сарыбулакского пикета, что к югу от Копала, возле урочища Карамула. Там он увидел долгожданный караван, и вскоре вожатый Мусабай заключил

Валиханова в «родственные» объятия. Мусабай Тухтубаев увел гостя в свою юрту, и Чокан, не успев отдохнуть от треволнений последних дней, стал совещаться с начальником каравана. Чокан отныне будет прозываться Алимбаем!

Откуда же появилось это имя?

Букаш решил выдать Чокана за сына одного кашгарца, в действительности выехавшего в Россию еще в 30-х годах XIX века. Кашкарлык этот умер, кажется, в Саратове, оставив в России сироту-сына, чуть ли не одногодка Чокана.

Букаш распустил слух, что молодой саратовский кашкарлык вскоре приедет к Мусабаю, своему родичу, отыскавшемуся в Семипалатинске, чтобы вместе с ним отправиться в Кашгар — повидаться там с их общей родней.

Но одной этой выдумки Букашу и Мусабаю показалось мало. Они узнали, что в Кокандском ханстве живет старуха — мать кашкарлыка, отца Алимбая.

Чокан пошел вместе с Мусабаем знакомиться со своими будущими спутниками. Караванбаши объявил им, что перед ними стоит Алимбай, внук знатной женщины из Коканда и родственник самого Мусабая.

Алимбай — Чокан получил права на участие в торговле, ему дали отдельную походную юрту и складную железную кровать. Так поручик Валиханов превратился в купеческого родственника и вплотную занялся делами каравана. Он записал, что под началом Мусабая находились семь приказчиков, тридцать четыре наемных работника и погонщика. Караван состоял из ста одного верблюда и шестидесяти пяти коней. Все товары были оценены в восемнадцать тысяч пятьсот сорок пять рублей серебром. Ситцы «якуби» фабрик Удина и Тушина, коленкор Ярмакова, цветной полубархат, медные тазы, зеркала, подносы, шкуры выдры, кожи, штоф и канитель — все это покоилось в хорошо упакованных тюках.

Двадцать девятого июня 1858 года караван тронулся в далекий путь. Чокан ехал рядом с Мусабаем, наслаждаясь вновь обретенным душевным покоем. День выдался прекрасный. Поля, раскинувшиеся по обе стороны дороги к Алтын-Эмельскому пикету, горели оранжевым пламенем тюльпанов, багровели от цветов мака, и можно было заметить, как стебли белоцветной мальвы раскачивались из стороны в сторону, когда на них опускались пичуги —

желчные овсянки. Чокан припомнил и записал в дневнике латинское название бойких владелиц мальвовых качелей.

Через каждые двадцать пять верст Мусабай делал привал, выбирая для этого берег чистого источника и трепетную кровлю тополей.

Шумели жаркие костры, варилась пища. Люди, сидевшие у огня, читали нараспев стихи Хафиза. Чокан, уединившись в своей юрте за самоваром, заполнял дневник в полной уверенности, что ни один нескромный взгляд не застанет его врасплох.

Казахи из горных аулов, держа баранов поперек седел, спускались с гор к месту стоянки каравана, чтобы купить ситец, медный кумган или чугунный казан. Знатные родоначальники появлялись совсем с другой целью. Каждый из них рассчитывал получить от торговых людей узаконенный обычаем дар — «базарлык».

Однажды в юрту караванбаши пожаловал не кто иной, как сам султан Джангазы, предводитель джалаиров Алатавского округа. Он, как и Чокан, был потомком Аблая. Со времен Сюка так уж было заведено, что правителями главных родов Большой орды могли быть только Аблаевичи, к которым принадлежал и Тезек-тёрэ.

Джалаиры — очень древний род, упоминания о них относятся еще ко времени Чингисхана.

Чокан высоко ценил одного из знатных джалаиров, написавшего исторический труд о родословной казахов. Этот джалаир, по некоторым сведениям, Кадыр-Гали-карачи, в годы войны с Кучумом был взят в плен русскими и вместе с Ураз-Мухаммед-султаном отправлен в Москву. Находясь под покровительством Бориса Годунова, ученый джалаир составил жизнеописание Ураз-Мухаммеда и генеалогию казахских ханов и султанов. Книгу «Тарихи Джалаири» Кадыр-Гали преподнес Борису Годунову.

С этим сборником Чокан познакомился лишь несколько лет назад; сочинение джалаира было издано И. Н. Березиным в Казани в 1851 году.

Чокан вспоминал крылатые слова, пословицы, изречения, приведенные в книге годуновского пленника.

Султан Джангазы, как это оказалось, тоже обнаруживал склонность к словотворчеству. Он зашел в юрту караванбаши поступью жирного гуся, что считалось верхом благовоспитанности в особо торжественных случаях, и молча опустился на ковер. Многозначительно оглядев

хозяев юрты, он вдруг вдумчиво изрек стихи: «У джалаиров много баранов, у Джангазы много дум». Строчки эти, произнесенные по-казахски, имели даже внутренние рифмы.

Тем временем «заседатель», помощник Джангазы, стал с увлечением рассказывать о том, как в Верный приезжал генерал-губернатор. Его изображали в лицах, передавая, как Гасфорт сравнивал себя с громом и молнией и обещал всех согнуть в бараний рог.

Султан Джангазы произносил двустишия, выбирая мгновения, когда его рот не был набит жирным пловом с изюмом. Наугощавшись вдосталь, потомок Аблая той же гусиной поступью вышел из юрты, унося с собою подарки караванщиков.

Через десять коротких переходов караван приблизился к Алтын-Эмельскому пикету, но, не дойдя до него, повернул налево и отыскал проход Добрый Алтын-Эмель. Западнее остался Джаман Алтын-Эмель, то есть Плохой Алтын-Эмель — второй проход через эти горы. Чокан записал, что осенью сквозь Добрый проход прорывается отчаянный ветер с северо-востока — собрат «юйбэ»— ураганного ветра Алаколя. В этих местах можно было повстречаться с Тезеком, ибо он часто стоял своим аулом неподалеку от обоих перевалов через Горы Золотого Седла.

Верблюды шагали по пустынной долине, усыпанной щебнем, и Чокан уже завидел впереди полосу Или. Переправу через реку решили начать с утра. Местом для ночлега был выбран источник, затерянный в песках ложбины у гор Калкан. Урочище это оказалось воистину проклятым: тарантулы, змеи, скорпионы, фаланги кишели там в таком количестве, что путники не могли отважиться лечь спать и до рассвета просидели у костров в расчете на то, что жаркий огонь не позволит калканским тварям подобраться к бодрствующим людям.

Содержатели илийской переправы предоставили Мусабаю обветшалые плоскодонные суда. Их привязывали к хвостам лошадей, плывущие кони тянули за собой древние ковчеги. Перевозчики сидели у кормил, в то время как остальные их товарищи неустанно вычерпывали воду из этих плавучих гробов.

Так, очевидно, переправлялся через Или и Гильом Рубрук со своими спутниками. Калканский перевоз был

известен китайцам и обозначился ими на картах под названием «Кулган-гатулга».

В памяти Чокана оживали строчки из его недавних записей «Манаса». Семилетний Бокмурун, похвалявшийся, что он скоро устроит пышную тризну по Кукотай-хану, намечая свой путь в Южную Сибирь, говорил, что будет переправлять людей, коней и верблюдов на плотах и лодках через Или у Калкана. Чокан всегда ценил эти отрывки из героической песни, ибо они содержали точные географические описания. Караван Мусабая проходил в обратном направлении дорогу, описанную в «Манасе». Бокмурун упоминал, наряду с Калканом и Или, Жаланаш и озеро Иссык-Куль. Чокану, знавшему эти места по прежнему путешествию, было суждено увидеть их вновь.

В горах Калкан, как говорили, таились медь и серебряная руда. Само название «Калкан» означало по-тюркски «щит» и в какой-то мере было связано с представлениями о металле.

Когда Чокан был в Кульдже, в 1856 году, он слышал там рассказ о жестоком усмирении восстания каторжных чампангов илийскими властями. Часть бунтовщиков спаслась и убежала именно сюда, в серебряные горы, надежно укрывшись от преследователей в калканских ущельях и гипсовых пещерах.

День 14 июля торговые люди провели на южном берегу Или, празднуя курбан-байрам. Потом начались походные будни. Чокан узнавал места, которыми он проходил с отрядом М. М. Хоментовского в 1856 году. Здесь вышагивал тогда верблюд, навьюченный горной пушкой, стараясь на ходу схватить зубами стебель ревеня.

Показалась гора Соготы с яблоневыми рощами на ее склонах. Река Чилик оставалась все время по правую руку, слева было видно течение Чарына. Караван вступил в область майских снегопадов с обманчивым названием Благословенной земли.

В первое путешествие Чокан всю ночь проворочался с боку на бок, стараясь заснуть во время привала на северном склоне Турайгыра.

Верблюды уже попирали гладкое плоскогорье Жаланаш, пересеченное по его длине тремя реками Мерке. Три Мерке, эти неустанные землерои, образовали в недрах Жаланаша глубочайшие ущелья. В прошлый раз Чокан

подметил, что Жаланаш похож на помост, соединяющий Алатау с кряжем Куулук. Плоскогорье было покрыто травой чатыр со стручками, похожими на бараньи рога, и зубчатыми листьями. По Жаланашу проносились вереницы антилоп, здесь часто показывались архары.

Со стороны трех Мерке существовал проход в круглую Каркаринскую долину, прорезанную на самой ее середине рекой Каркарой. В преддверии долины находился камень Тиек-Таш, помянутый в тщеславной речи Бокмуруна.

Чокан и Мусабай с их сто одним верблюдом достигли наконец долгожданной Каркары. Они пришли сюда после семнадцати переходов от Калканской переправы. В этой земле обетованной снова кипели страсти, как во время междоусобицы богинцев и сарыбагишей. На этот раз на берегах Каркары произошла кровавая стычка между атбанскими родами Кызыл-бурк и Айт-бузум. Айт-бузумцы остались здесь, ожидая русского представителя из Верного; он должен был рассудить враждующих по жалобе, поданной кызыл-бурками. Люди рода Айт-бузум уговорились между собою бежать с Каркары, если дело решится не в их пользу.

Мусабай с приказчиками, однако, успел выменять у казахов девятьсот баранов. Кроме того, Мусабаю сообщили, что за баранов в Кашгаре дают хорошую цену и спрос на них очень большой.

Караванбаши хотел поскорее сбыть котлы, железные заступы и другие лишние тяжести, тем более что верблюды болели и предметы из меди, железа и чугуна натирали им спины. Караванщики разделились, каждый из них избрал определенный казахский аул для производства меновой торговли. Тут Чокану не повезло. Он попал в такое кочевье, где его отлично знали по 1856 году. Поэтому мнимый Алимбай сказался больным и двенадцать дней просидел взаперти в своей юрте, в синем дыму бухарского кальяна, чтобы не попасться на глаза какому-нибудь хорошо знакомому атбану. Подробности двенадцатидневного сиденья в войлочном шатре Чокан не сообщил, но вполне возможно, что к нему присылали врачевателя-бакши, для лечения знатного «Алимбая» по обряду *какмах,* заключающемуся в том, что страждущего колотят легкими, вынутыми из туши только что зарезанного барана. Избавление к Чокану пришло только в первых числах августа, когда казахи внезапно начали отход

с пастбищ, хотя скот еще не успел потравить целиком роскошные луга Каркары, овеянные запахом мяты.

Мусабай решил идти в кочевья богинцев на верхний Кеген. Навстречу каравану выехал богинский манап Чон-Карач, очень тучный человек в войлочном колпаке и ватном халате с шелковыми шнурами на груди. Он спешился и пошел, как на ходулях: так высоки были деревянные каблуки его сапог, сшитых из кожи малинового цвета. Это был тот самый Большой Карач, чье *прижизненное изображение* красовалось на стене усыпальницы его отца Ногая, поднимавшей свой купол над Тасмой, между реками Тюп и Джиргалан. Памятник на могиле Ногая видели и Чокан и Петр Семенов. В 1856 году Чон-Карач вместе с Бурамбаем и другими киргизами представлялся русским, в том числе — Чокану. Но теперь толстый Карач не узнал Валиханова в его новом халате.

Чокан еще тогда знал, что Чон-Карач изнывал от желания получить чин хорунжего. Караван, пришедший из Семипалатинска, пробудил в Чон-Караче старые дружелюбные чувства к русским. Чокан вслушивался в речь человека в малиновых сапогах и сожалел, что не может вытащить при нем своего дневника, чтобы записать его рассказ. Карач указал Мусабаю путь от Текеса до Уч-Турфана через перевалы Уч-Какпак и Кок-Джар, занимающий всего десять дней, но считающийся трудным, особенно на участке возле Кокуджека.

Чон-Карач дал согласие на меновую торговлю в богинских землях и величественно удалился со своей свитой. Его телохранители имели при себе копья и березовые дубины. Особенно бросался в глаза один из свитских офицеров, одеяние которого состояло из пары белья и накинутого поверх плаща из войлока. Второй из носителей длинного копья обливался потом, потому что не желал согласовать с погодой свой походный наряд — нагольный овчинный тулуп и шапку из густого меха, похожую на гнездо.

Чокан осмотрел долину верхнего Кегеня. Расположенная на значительной высоте, она была богата кормовыми травами. Возле берегов Кегеня встречались болота, покрытые кочками; такие болота обычно назывались «саз». Исследователь считал, что долины Каркары, Текеса и Кегеня должны были прославиться на всю Джунгарию богатством своих черноземов и лугов.

Караван Мусабая поставил юрты на реке Чакулду. Августовской ночью на горные долины обрушился нежданный снегопад, и стало так холодно, что Чокан невольно позавидовал овчинному тулупу рыжего копьеносца Чон-Карача.

Метель буйствовала двое суток. Караван был отрезан снегами от киргизских кочевий. Когда буран прекратился, к Мусабаю приехали начальники горных родов и пригласили купцов ехать в аулы для торговли. Это походило на веселую лотерею! Мусабай достался важному и толстому Чон-Карачу. Абдулкарима Шарифбаева и еще двух торговцев забрал к себе Шумбай, а Чокан вместе с ташкентцем Мамразаком, или, правильнее, Мухаммед-Разыком Пирназаровым, попал к бию Бурсуку, управлявшему *кыдыками*. Чокан очень обрадовался этому. Он никогда не встречался с Бурсуком ранее, не видел его на родовых съездах и совещаниях киргизов. Бий Бурсук был несказанно беден. Живя в черном теле, он мечтал о власти манапа и богатстве. Чтобы добыть и то и другое, он превратился в отчаянного барымтача, которому даже сам Торегельды и в подметки не годился. Нападя врасплох на богатых киргизов, грабя манапов, Бурсук неизменно отправлялся с добычей в свои убежища то на «сазы» верховьев Текеса, то в доступные лишь ему ущелья Тенгритага под грозную сень треугольной вершины небесных духов. Девять сыновей Бурсука выходили вместе с ним на разбой. Когда богинские роды собрались на приволье возле Кегена, чтобы провести пышную тризну, почтить память Бурамбая пиршеством и конскими ристаниями, Бурсук отказался прибыть со своими кыдыками на поминки богинского вождя и предпочел заняться угоном коней.

Бий Бурсук был преемником того самого бия Самсалы, который, решив отделиться от Бурамбая, повел за собой три тысячи кыдыков к Заукинскому перевалу. Тогда Петр Семенов своими глазами видел трупы кыдыков на поле страшного побоища близ последней вершины Заукинского прохода. В мае 1857 года хромой Умбет-Али и свирепый Торегельды обагрили свои самодельные сабли кровью кыдыков, и страшная бойня на альпийских снегах надолго осталась в памяти киргизского народа.

Прошел год с небольшим после этого тяжкого несчастья, и Чокан очутился под непосредственным покровительством разбойника и правоведа Бурсука, причудливо

сочетавшего грабежи и набеги со всеми тонкостями обычного уложения.

В «Дикокаменной орде» Чокан со своими товарищами провел около месяца. Со складным аршином за голенищем он кочевал вместе с кибитками кыдыков, меняя товары на баранов. Караван Мусабая приобрел более трех тысяч баранов, шесть лошадей, мерлушки и лисьи шкуры.

Бий Бурсук изъявил желание провожать семипалатинский караван к кашгарским пределам и, в случае необходимости, охранять его вооруженной рукой.

БЫЛЬ ИЛИ ЛЕГЕНДА?

Существует одна до сих пор нераскрытая тайна Тянь-Шаня. Если все, о чем писал Егор Ковалевский в очерке «Встреча с Н. Н. (Из воспоминаний странствователя по суше и морям)», не является только лишь плодом художественного воображения писателя, то Чокан, общаясь постоянно со старшиной кыдыков, мог услышать от него рассказ, совпадающий с повествованием Егора Ковалевского. Очерк его был закончен и сдан в печать в то время, когда Чокан скитался с кыдыками. Удивительное свидетельство Егора Ковалевского наш путешественник получил возможность прочесть лишь после своего возвращения в Россию. Тогда Чокан, конечно, где только мог, нетерпеливо искал двенадцатую книгу «Библиотеки для чтения» за 1858 год.

О чем же рассказывал Егор Ковалевский? Он начинал с перечисления имен мучеников своего долга, погибших или перенесших неисчислимые бедствия в Средней Азии. Он упоминал Влангали и Карелина, фамилию которого Ковалевский почему-то обозначил лишь начальной и последней буквами, Конноли, Стоддарта, Бернса, Вольфа и, наконец, Адольфа Шлагинтвейта, о котором тогда говорил весь просвещенный мир. Заметим, что, когда Ковалевский писал этот рассказ, он знал и о том, что Чокан уже отправился в Кашгар. На молодого ученого, по почину самого Егора Ковалевского и Петра Семенова, была возложена задача собрать самые достоверные сведения о гибели Шлагинтвейта.

«Странствователь по суше и морям» вспоминал, что он встретил таинственного Н. Н. по дороге к перепраже

через Или. Ковалевский шел с караваном, а его новый знакомец кочевал вместе с родом *Кыдык*.

Н. Н., русский человек, когда-то принадлежал к светскому обществу, но жил своими трудами, «неся бремя службы», сумел занять видное положение. Но вскоре его предначертания и полезные начинания встретили непреодолимые препоны.

«Его принимали всюду, честили, но тайком посмеивались над его восторженностью,— одни толковали, что он близок к сумасшествию, другие — что это человек опасный,— писал Егор Ковалевский.— Такая личность не удержится ни в каком обществе, если является одинокой, если это общество еще пугается ее, не привыкло группироваться, а старается ее стушевать, сгладить, подвести под свой уровень или просто уничтожить».

Протомившись в «оковах службы царской», Н. Н., чтобы немного забыться от российской действительности, уехал за границу, но и там не нашел покоя. Присматриваясь к тамошним порядкам, он то мечтал о применении их в России, в том случае, если они окажутся полезными, то скорбел о том, что кое-что из чужого, ненужного «без всякого изменения, целиком и не по мерке наброшено на его родной край».

Человек с большим и чутким сердцем пошел по кругу скитаний, и судьба забросила его в аул богинского поколения Кыдык.

Свою встречу с Н. Н. Ковалевский приурочивает, повидимому, к 1851 году, то есть ко времени своего второго путешествия в Кульджу, когда на обратном пути оттуда он решил хотя бы издали взглянуть на вечные седины Тянь-Шаня. Во всяком случае, в рассказе упомянуты горы Богуты и южный склон Турайгыра. Далее Ковалевский приводит вдохновенное описание Тянь-Шаня.

Там, у Турайгыра, на привале путешественник завел с Н. Н. разговор о положении нового края. Ковалевский коснулся отношений между родами киргизов. Новый знакомый стал рассказывать ученому о том, что кыдыкский бий Самсалы, враждуя с Бурамбаем, поставил под удар поколение кыдыков. Самсалы и слышать не хочет об объединении всех богинцев. К тому же Бурамбай, добавил Н. Н., требует с кыдыкского предводителя немыслимо позорную пеню.

В это время собеседники услышали конский топот.

Ковалевский уже собирался отдать приказание, чтобы стоянку быстро огородили вьюками на случай нападения немирных сарыбагишей. Чуткий Н. Н. прислушался и сказал, что это не сарыбагиши, а люди Бурамбая, посланные в аул кыдыка Самсалы.

И действительно, вскоре Самсалы появился в стане Ковалевского вместе с приезжими киргизами. Всем своим видом предводитель кыдыков напомнил путешественнику, что встречаются они уже не впервые. Человек грубых и сильных страстей, Самсалы отличался благородством и прямотой. Когда он был помоложе, его имя наводило страх на кокандцев, казахов, кашгарских киргизов. Бывали случаи, когда он, собрав шесть-семь тысяч клинков, вторгался в долины Кашгарии. Богатство и славу Самсалы принесли его набеги и грабежи. Ходили слухи, что он в любое время мог выставить против своих недругов три тысячи всадников. Он держал кыдыков в страхе и трепете. Посланцы Бурамбая в присутствии Ковалевского сказали Самсалы, что сарыбагиши прокрались в тыл кыдыков, преодолев очень трудный горный проход.

Бурамбай готов оказать Самсалы помощь и просит лишь об одном: пусть кыдыки дождутся сарыбагишей с севера. Недруги будут зажаты в тиски!

Суровое лицо Самсалы прояснилось, но через несколько мгновений снова выразило внутреннюю тревогу. Он спросил у бурамбаевских посланцев: что потребует их властелин за такую великодушную помощь? Те ответили, что речь идет, по существу, о пустяках, о которых и говорить не стоит: Самсалы должен отдать богинскому манапу «девку», короче говоря — собственную дочь!

При этих словах кыдыкский бий схватился было за свой острый клинок, но Ковалевский поспешил предупредить ненужное кровопролитие. Бурамбаевцы продолжали стоять на своем и обещали двойной калым за Чонум, как звали дочь Самсалы. Он распорядился, чтобы она пришла сюда и сама сказала незваным сватам о своем решении.

Ковалевский рассказывал, как пришла прекрасная Чонум и, ища защиты, положила руку на пояс Н. Н. Малодушный брат девушки пытался заставить ее подчиниться желанию Бурамбая. Девушка, защищая свои честь и свободу, выхватила нож и занесла его над голо-

вами недругов. В эти мгновения она была прекрасна. Люди Бурамбая оставили свои притязания и даже жалобно стали просить Ковалевского разрешить им остаться в русском стане для ночлега.

Наступившее молчание вскоре было нарушено самим Самсалы. Он громко спросил у Н. Н., что они будут делать в дальнейшем.

Русский друг кыдыков, разделявший с ними все их горести и лишения, ответил, что он не советует Самсалы принимать бой с сарыбагишами. Надо уходить, говорил Н. Н., пробиться за горы, в неприступное ущелье Карасу. В теснине Черной воды каждый кыдык сможет обороняться от десятка сарыбагишей, если только они посмеют сунуться туда; Самсалы возражал своему советчику и говорил, что кыдыкам едва ли выгодно самим идти в снежное ущелье, где зимние сугробы закроют пути к родным кочевьям. Ковалевский слышал, как Н. Н. жестко заметил, что о возврате на прежнее приволье нечего и думать. Нужно другое! Пусть отныне оплотом кыдыков станет сама природа: озеро Иссык-Куль и горы близ него будут надежной защитой от всех недругов Самсалы.

Здесь в рассказ Ковалевского вторгается одно любопытное рассуждение.

«Иссык-Кульская возвышенная горная равнина представляет все условия обширной крепости, которой господство было бы страшно для всей Средней Азии в настоящем ее положении... Окруженный высочайшими горами, покрытыми вечными снегами и ледниками, далеко превосходящими знаменитые ледники Шамуни, горами, представляющими едва проходимые ущелья, Иссык-Кульский край имеет все условия самостоятельного существования: роскошные долины, удобные к хлебопашеству, целые леса диких фруктовых деревьев, и, верно, горы его, которых еще не коснулся пытливый глаз геолога, заключают в себе многие металлы.

От Иссык-Куля ближе до пределов Английской Индии, чем до нашей прежней сибирской границы; ученый издатель 2-го тома землеведения Азии Карла Риттера в своем введении, между прочим, говорит: «Исполинская горная группа Тенгри-таг, составляющая часть описываемого нами края, находится на одинаковых расстояниях от Черного моря на З. и Желтого на В., от Обской губы на С. и Бенгальского залива на Ю., на середине

прямой линии, соединяющей мыс Северо-Восточный в Сибири с мысом Камарином в Индии».

Строки, которые мы сейчас привели здесь, взяты Ковалевским в кавычки. Из последующего изложения можно заключить, что все эти слова об Иссык-Куле принадлежат не самому писателю, а его загадочному герою Н. Н., делающему ссылки на Петра Семенова и Карла Риттера!

По свидетельству писателя, его романтический герой очень увлекательно говорил о значении Иссык-Кульской долины в истории народов и племен Центральной Азии. Джунгарское государство, утверждал он, не погибло бы в том случае, если бы оно имело такое надежное естественное убежище, как область Иссык-Куля. Ташкент, Коканд, Большая орда зачастую выполняли волю племен, населяющих Иссык-Куль, и по их желанию меняли своих ханов. Н. Н. прибавил, что, может быть, этот край надежно укроет скитальцев-кыдыков от всех тревог и опасностей.

Пора сказать, что Н. Н. успел полюбить прекрасную Чонум, дочь предводителя кыдыков. Скиталец поделился с Ковалевским своим решением обзавестись семьей и смирить страсть к привольной кочевой жизни. Путешественник попросил Н. Н. объяснить, почему тот в свое время, еще не зная красавицы Чонум, решил связать свою жизнь именно с Самсалы, невзирая на его свирепую славу.

Ковалевский выслушал откровенный рассказ Н. Н.

Скитальчество его, как говорил этот человек, было вполне осмысленно. Он давно вынашивал мечту проникнуть в никем не исследованные области между Тянь-Шанем и Гималаями. Но как двигаться туда одному? Поэтому Н. Н. решил сплотить вокруг себя таких же скитальцев, как и он, киргизов, уцелевших от барымты, зачастую не имевших ни коня, ни крова, ни пищи и бродивших в горах в поисках пропитания.

Русский пришелец обучил своих друзей обращению с огнестрельным оружием, показал им, как надо оборонять себя от многочисленных врагов. Н. Н. перешел реку Чу и стал продвигаться в сторону Тянь-Шаня, уводя за собой все новых и новых людей, искавших его покровительства. Он не стал сразу опираться на кыдыков, само название которых, как мы знаем, можно перевести сло-

вами «неопределенные», «рискованные» и так далее в этом роде.

Когда кыдыки стали отделяться от рода богинцев, об этом узнал султан атбанов Тезек. Он задумал отбить у кыдыков их стада и поставить беглецов в полную зависимость от Большой орды. Об этом вовремя узнал Н. Н., уже имевший кое-какие счеты с Тезеком. Н. Н. уверял, что, еще не зная Самсалы лично, он послал к нему своих джигитов, чтобы предупредить кыдыкского бия о замыслах Тезек-тёрэ. Вслед за этим Н. Н. поспешил на помощь к Самсалы и застал его во время сражения с воинами Тезека. Залп из русских ружей отрезвил атбанского султана, и он поспешно отступил, предоставив кыдыкам возможность беспрепятственно захватить часть атбанского скота. Самсалы, торжествуя победу, пригласил русского жить среди кыдыков. Н. Н. остался у Самсалы. Они договорились, что русский скиталец не будет ни в чем зависеть от кыдыкского бия и сохранит свою власть над людьми, с которыми он пришел в стан Самсалы.

Егор Ковалевский перебил собеседника и нетерпеливо спросил его: где же сейчас та заветная цель, ради которой он покинул европейское общество и подверг себя множеству испытаний?

Кому дано знать свою судьбу? Добровольный изгнанник ответил, что та великая цель, ради которой он перешагнул порог Азии, быть может, еще впереди, а возможно, уже осталась за спиной. Он никому ничего не обещал, никому не давал никаких обязательств. Средств, достаточных для достижения цели, у него не было. Природа и нужда — его единственные наставники и учителя.

Н. Н. сказал, что, как ни трудна и несовершенна жизнь среди кочевников, он видит, как они живут, действуют, не в пример тому миру, где лишь «играют в люди», притворяются, где сама смерть кажется ужаснее всего существа только потому, что является людям среди «всеобщего представления».

На рассвете, когда зарозовели листья диких яблонь на склонах гор, Егор Ковалевский простился со своим случайным знакомым.

Писатель сообщал, что через несколько лет, когда русские шагнули за Или, намного приблизившись к Иссык-Кулю, он стал расспрашивать путешественников,

успевших побывать в тех местах, о судьбе Н. Н. и старого Самсалы. Бывалые люди рассказали, что Самсалы будто бы ушел к северо-восточному углу Иссык-Куля, стал возделывать плодородные земли и разводить сады. Далее произошло все то непоправимое и ужасное, о чем уже мы знаем,— сарыбагиши истребили почти всех кыдыков.

Об их гибели мы рассказывали, пользуясь свидетельством Петра Семенова, теперь выслушаем Егора Ковалевского, передающего подробности гибели кыдыков по-своему. Он, например, утверждает, что бий Самсалы был подвергнут медленным и страшным пыткам и прирезан лишь при последнем вздохе. Ковалевский говорит, что избиение кыдыков произошло на местах их недавнего обитания, и описывает одинокие плодовые деревья на пепелище, где обитал Самсалы. Что же касается русского скитальца, то киргизы ничего не знали о его судьбе. Они решили, что он превратился в ветер, как бы растворился в вихрях, пролетающих над ледяными венцами Тянь-Шаня.

«— Однако же знает ли кто-нибудь, что с ним сталось?

— Никто не знает. Исчез, и следа нет.

Киргиз прав! Что бы ни случилось с Н. Н.— убит ли в общей свалке, выбросит ли его волной житейской опять в каком-нибудь краю света, все-таки *человек пропал!* И на что, действительно, будет годен он, избитый судьбой, измученный, утративший все надежды, обманутый в самых задушевных ожиданиях?

А чего не мог бы сделать такой человек при другой обстановке общества!»— так заканчивал Егор Ковалевский свой искусный рассказ.

Разумеется, мы не можем принять его как неоспоримый исторический источник. Существовал ли Н. Н. в действительности? Ведь Ковалевский, как писатель, мог создать своего героя, заставив его высказывать заветные мысли, которыми жил в то время сам Ковалевский, очень созвучные идеям Петра Семенова. Нельзя отрицать, что рассказ «Встреча с Н. Н.» очень злободневен в лучшем смысле этого слова. Он был напечатан именно в тот год, когда весь мир говорил о Шлагинтвейте. В загадочном Н. Н. явственны некоторые черты, присущие Петру Семенову,— забота о благе отечества, прямота, бескорыстие, благородная тревога за судьбы азиатских племен.

Как бы то ни было, Егор Ковалевский, пользуясь вполне достоверной основой, постарался создать образ смелого русского скитальца, подчинившего всю свою жизнь одной великой цели.

Быль или творимая легенда? На этот вопрос о рассказе «Встреча с Н. Н.» в скором времени мог ответить только Чокан Валиханов, кочевавший вместе с кыдыками в 1858 году.

В аулах киргизов уже стали поговаривать, что вместе с торговыми людьми семипалатинского каравана следует русский офицер. Простому человеку не понадобятся железная кровать и самовар. Если молодой кокандец живет на особицу и пользуется такими удобствами, как отдельная юрта, значит, дело здесь нечисто. Слух о подозрительном человеке с «железной доской» распустили не сами киргизы, а ташкентские торговцы, приехавшие в кочевья киргизов из Кульджи. Следовательно, они и там, в караван-сарае и рыночных харчевнях, рассказывали о загадочном спутнике Мусабая. У стен же, хотя бы и глинобитных, есть уши, а илийский цзянцзюнь в Кульдже издавна поощрял соглядатаев и доносчиков, ютившихся в так называемом *чарбаке* — за частоколом, ограждавшим место постоя торговцев, прибывших из разных городов Средней Азии.

Слухи, привезенные из Кульджи, дошли до купцов-кашкарлыков, приехавших в богинские кочевья в то время, когда там находился Чокан. Само собой разумеется, что он не рад был ни кровати, ни тульскому самовару, но отступать было поздно. Медный обличитель с трубой, наполненной жарким овечьим кизяком, клокотал, выпуская струю пара, и Чокан спокойно распивал чай «Кошачий глаз», обсуждая с кем-нибудь из кыдыков достоинства чая.

Когда август подходил к концу, кашкарлыки закончили торговлю среди киргизов и начали готовиться к возвращению домой. Они предложили Мусабаю идти в Кашгар вместе; им будет гораздо веселее и не так страшно. Чем больше людей, тем меньше опасность нападения какого-нибудь Торегельды.

Второго сентября на берегу Текеса было очень шумно и многолюдно. Возле горного прохода Уч-Какпак стояло шестьдесят юрт наших караванщиков, кашгарцев и татар. Весь день караванбаши держали совет — какую дорогу в Кашгар им лучше выбрать. Кашгарцы, напри-

мер, ни за что не хотели проходить мимо Иссык-Куля. Они говорили, что не только осенью, но и летом 1858 года там почти никто не кочевал, и сарыбагиши могут рыскать совершенно свободно по всей Иссык-Кульской долине, делая засады на пути караванов. Но из всех споров явствовало, что в сторону Кашгара есть три главных дороги: через Уч-Какпак и Кок-Джар; Аксайская — через Тургень-Аксу и Зауку; дорога через Нарын и Чатыркёль. Все три дороги сходились в один узел на волнистом нагорье Сырт. Местные жители прекрасно знали, сколько перевалов встретится на каждом из этих направлений, какой из них наиболее труден. Первая дорога, например, проходила через три труднодоступных перевала, зато была короче двух остальных. Аксайский путь преграждали всего два тяжелые для подъема перевала, но на всем его протяжении нельзя было достать топлива, кроме сухого помета.

В разгар приготовлений к походу произошел неприятный случай. На место стоянки каравана приехал конный кокандский юз-баши, или сотник, посланный из Пишпека для сбора налогов и податей с богинцев. Увидев множество товаров, он потребовал уплаты зякета в полном размере, рассчитывая получить одну сороковую часть стоимости всех грузов. Мусабай рассудительно сказал, что он готов выплатить налог, но с условием, что юз-баши выдаст свидетельство, которое можно было бы предъявить кокандскому аксакалу в Кашгаре, дабы тот не взыскал подати во второй раз. От выдачи подобной бумаги сотник уклонился, ибо не имел прав на это. Он успокоился, когда ему дали трех баранов и недорогие подарки. Оставив в покое кокандцев, сотник принялся за кашгарцев и стал вымогать и с них сороковую долю. Кашкарлыки высказали законное возмущение самочинным зачислением их в подданные Коканда и стали издеваться над сотником. Тот, не стерпев обиды, собрал своих конников, ворвался в стадо и захватил три сотни баранов. Кашгарцы похватали колья от своих палаток и бросились на юз-баши и его подчиненных. И хотя кокандцы обнажили кривые сабли, кашкарлыки успели изуродовать своих недругов так, что один из сипаев находился при смерти. Сотник, сам порядком избитый, потащился с жалобами к предводителям богинцев, требуя, чтобы те принудили кашгарцев выплатить огромную пеню за кровь и увечье солдата. Между враждебными

сторонами начались споры и переговоры. Было очевидно, что кашкарлыки задержатся на Текесе, и Мусабай решил их не дожидаться, а идти к проходу Сан-Таш и на Иссык-Куль, чтобы выбраться на Аксайскую дорогу. Петропавловские татары и кашгарские купцы, не втянутые в побоище с кокандскими мытарями, сказали, что они идут вместе с караваном.

Чокан увидел знакомые ему по прежнему походу трехсаженный каменный курган Сан-Таша и долину Джиргалана. Во время стоянки на берегу этой реки Чокан и Мусабай послали гонца к командиру сотни Десятого казачьего полка, скучавшего на Кара-батпаке возле усатых каменных баб. Казачий отряд должен был, не возбуждая ни у кого подозрений, под видом объезда мест, не спеша продвигаться по следу мусабаевского каравана.

Вскоре начались богинские пашни. На реке Джеты-огуз люди из рода Кыдык хлопотливо убирали созревший хлеб. Заметим, Чокан обмолвился, что он увидел там кыдыкские аулы, подчиненные биям Самсалы и Джанету. Оба они закончили летнюю кочевку в долинах Тянь-Шаня. Выходит, что в 1858 году старый глава кыдыков был жив, хотя Егор Ковалевский рассказывал о страшной гибели Самсалы в день бойни у Заукинского перевала. Возьмем это на заметку в надежде, что когда-нибудь еще удастся установить истину о судьбе покровителя загадочного Н. Н. Что же касается кыдыкского батыра Джанета, то он заслужил широкую известность своими разбоями и грабежами. Когда Бурамбай был жив, он только и мечтал о том, чтобы поймать неуловимого Джанета, искусно прятавшегося в дальних горах. После смерти Бурамбая кыдыкский изгнанник осмелел и поспешил возвратиться в свои прежние кочевья. Он приехал к Мусабаю и Чокану, когда караван уже достиг Заукинского ущелья. Ночью там началась тревога: погонщики обнаружили пропажу коня. Его кто-то увел в горы, в самые темные хвойные леса. Вдавленные в мох следы привели преследователей к логову воров, собравшихся вокруг огня. Возле костра развалился родной брат Джанета, оказавшийся главой всей этой шайки. Часть конокрадов была схвачена на месте, но некоторые из них успели скрыться и угнать украденного коня в их новый лесной притон.

Джанет в то время гостил в караване. Батыр ахал и

охал, громко возмущался поступком брата, обещался найти и вернуть украденного коня и сам отправился на его поиски. Джанет учел то обстоятельство, что казачья сотня, проводив караван до Заукинского ущелья, спокойно отправилась на зимние квартиры.

На третий день после своего отъезда Джанет подстерег караван в самом узком месте Заукинского ущелья. Семьдесят головорезов, среди которых были даже два батыра с особыми знаками различия, ринулись на караван. Люди Мусабая открыли огонь, и барымтачи стали отступать. Правда, они успели заарканить двух татар-петропавловцев. Быть бы им на невольничьем рынке в Коканде, но, на их счастье, караванщики, в свою очередь, захватили трех всадников Джанета, в том числе — киргиза со значком батыра. Обе стороны устроили размен пленных.

Этот случай очень подействовал на кыдыка Бурсука, сопровождавшего путешественников. Столько лет сам внимавший крылатой музе барымты, он был возмущен вероломством Джанета. Купцы могли подумать, что старый Бурсук подговорил джанетовскую шайку напасть на них. Расставаясь с Мусабаем и Чоканом, бий Бурсук даже не напомнил о подарках, обещанных ему. Через некоторое время стало известно, что он, решив наказать Джанета за его разбой на Зауке, предпринял набег на своего соплеменника.

Заукинское ущелье стало тесным, все чаще начали попадаться обломки огромных скал, загромождавших дорогу. Впереди лежал крутой скат; по нему нужно было подниматься на вершину перевала. Повалил снег, но он не давал плотного белого покрова, таял на камнях. Верблюды и кони скользили и поднимались вверх с великим трудом. Несколько животных вместе с ношей скатилось с крутизны, чтобы оставить свои кости на Заукинском косогоре. Чокан провел эту холодную промозглую ночь в юрте, поставленной на берегу первого альпийского озера, поразившего Петра Семенова чудесным цветом зеленой воды. В снежную непогоду никаких красот здесь не было. Очень много времени потратили путешественники, чтобы перебраться от этого озера на болотистое плоскогорье, начинавшееся уже по ту сторону перевала. Восхождение продолжалось весь день, но управиться со всеми делами люди не могли, и часть их осталась на месте прежней ночевки.

Лишь 15 сентября весь караван вступил в область Сырт. Копыта коней попирали окраинную болотистую долину, впереди был виден проход Джетым-асу весь в снежных сединах. Он склонялся к озеру, закрытому ледяным щитом. Ниже озера дышали холодом кладовые вечного снега.

Чокан считал, что Джетым-асу был самой высокой точкой на всем пути от Зауки до Кашгара.

Вряд ли спутники Чокана могли понять его волнение, когда 17 сентября он переправился через Нарын, коснувшись стременами своего седла водных струй верховьев Сырдарьи.

Где-то здесь отыскался след каравана, прошедшего дня два назад по свежим снегам в сторону Кашгара. Караван следовал скрытно, и люди шли на такие жертвы, что даже не раскладывали ночью костров. По ряду примет было видно, что они очень торопились.

Кашгарцы, спутники Чокана, увидев павшего коня, сказали, что он принадлежал тем самым кашкарлыкам, которым пришлось остаться на Текесе после драки с кокандскими сипаями.

Закончив переговоры, торговцы двинулись на Сырт, как хотели раньше, более коротким путем, и оказались впереди каравана Мусабая, одолевавшего дорогу через Заукинский перевал. Как мы уже говорили, на Сырте скрещивались все главные пути в Кашгарию.

Береженого бог бережет; помня это и учитывая пример кашгарцев, прошедших со стороны Кок-Джара, Мусабай проявлял разумную осторожность и присматривал за случайными попутчиками, просившими разрешения присоединиться к каравану.

Между тем изнуренные верблюды и кони еле тащили на себе вьюки. Караванбаши устал считать потери. Очень памятен был переход через Чакыр-корум. Горы эти были сложены из слабых пород, подверженных распаду при размывах. Грозные оползни подстерегали там путников и вьючных животных на каждом шагу. Их могло унести с лавиною мелкого щебня. На Чакыр-коруме погибло двести баранов каравана, свалившихся в пропасть с крутой высоты. Теперь предстоял еще один, наиболее опасный переход по косогору Келин-Тайгак, но беду и здесь пронесло. Возле урочища Геджиге горы загородило подвижными стенами бурана, продолжавшегося весь день.

Наконец открылась долина реки Аксай, которая в ни-

зовьях называлась Кокшаал. Дорога стала петлять по правому берегу реки, зачастую теряясь в глубоких логах. В этих оврагах пряталось несколько речек; каждая из них имела одно и то же название — Кызылсу. В этих логах пришлось брести четыре дня, так трудна была дорога через речки Красной воды.

Чокан успел набросать небольшой очерк пути от долины Иссык-Куля до гор Терек-Даван, то есть до южного склона Тянь-Шаня.

Двадцать шестого сентября путешественники, пройдя Аксайское плоскогорье, поднялись на Теректинский перевал. Мнимый купец Алимбай записал в дневнике, что здесь был завершен одиннадцатый переход от исходной стоянки при реке Джеты-огуз. Между Заукинским проходом и Теректы-Даваном лежало нагорье, его прорезали высокие поперечные долины; их можно было сравнить с небольшими плато. На этом нагорье в верховьях Аксая, в свою очередь, раскинулось большое плоскогорье. Дороги и горные проходы были здесь особенно трудны, хотя и доступны верблюжьим караванам. Спуск с южного склона Теректы-Давана казался нескончаемым, и Чокан отметил, что Заукинское ущелье куда короче, чем Терек-Даванский проход.

Улучив удобное время, Чокан высмотрел приметное место, чтобы захоронить свой путевой дневник. Вот что гласила сделанная наспех запись:

«Южный склон, где мы теперь стоим, заметно потеплел, есть ковыль и чий. Торопились. Дневник сейчас зарывается в землю и если Бог (даст) встретит нас живыми и здоровыми, не испортит сырость и опять покажем белый свет. Поручаю тебя аллаху, до свидания. Дневник писан крайне беспорядочно, для памяти. Нужно его привести в систему. Общего понятия о пройденной местности по мне, конечно, никто не получит. Завтра, может быть, дойдем до караула и бессомненно подвергнемся тщательному обыску. Через два дня будем в Кашгаре, что далее — в воле божией. На него же возлагаем наше упование. Аминь».

Крайнее утомление, спешка, мысли о том, что его застанут за зарыванием дневника, явно отразились на записи Чокана. Простим ему неправильные обороты речи, вовсе не присущие человеку, безукоризненно знающему русский язык.

Он успел опустить дорожную тетрадь в землю Тянь-

Шаня, заровнял бугорок маленькой могилы и возвратился на стоянку каравана, где уже шли тревожные разговоры. Мусабай ждал, что из-за поворота ущелья вот-вот покажется страшный Атеке со своими всадниками. Атеке, киргиз из рода Чон-багыш, не боялся ни бога, ни богдыхана. Совсем недавно он под носом военного караула разбил казенный обоз на большой дороге из Аксу в Кашгар. После этого дерзкого разбоя Атеке появился у Теректинского прохода, явно рассчитывая на выгодную для него встречу с караваном, спешащим в Кашгар.

Кашгарские попутчики, будучи людьми в полном смысле стреляными, посоветовали Мусабаю немедленно послать конных гонцов в город Кашгар для того, чтобы тамошний всесильный кокандский аксакал отрядил навстречу каравану своих сипаев.

До Кашгара оставалось около ста верст, но для Атеке это ничего не значило, поскольку он привык творить разбои под самыми стенами кашгарских крепостей.

Чокану не пришлось долго наслаждаться теплом и красотами Теректинского ущелья, где солнце стало светить совершенно по-летнему. Вокруг стояли зеленые леса, росли барбарис и розовые кусты. Все это было омрачено появлением киргизских всадников. Они не просили подарков, как это часто бывало, а нагло потребовали то, что им наиболее понравилось,— красную казанскую юфть. Мусабаю пришлось отсчитать шесть кож, пахнувших сандалом.

Грабители дружелюбно сообщили, что купцы отделались совершенными пустяками, ибо другому каравану, только что прошедшему здесь, пришлось выплатить вымогателям огромный налог за право проезда через ущелье.

Сверх этого чон-багыши угнали пятьсот баранов. Жертвами этих киргизов были, по-видимому, те кашгарские караванщики, что вышли позже Мусабая с Текеса и все же обогнали его. Они-то и пустили слух, что мусабаевские сундуки, навьюченные на верблюдов, набиты до отказа разным оружием. Кроме того, сплетня говорила: вслед за караваном идет русский отряд, состоящий из двухсот человек. Распространители нелепых слухов, очевидно, имели в виду казачью сотню, успевшую возвратиться в свою станицу. Эти россказни отрезвляюще подействовали на теректинских киргизов, и они не решились разграбить товары Мусабая. Казалось, что опасность

миновала, но киргизы были себе на уме. Они послали разведчиков на Аксайское плоскогорье и велели им разузнать, идет ли в самом деле русский отряд в сторону Кашгара. Узнав, что никаких казаков-семиреченцев на Аксу не было, грабители пришли в неописуемую ярость. Помянув в ругательствах ближних предков выдумщиков, любители легкой наживы помчались догонять Мусабая. Нагнав караван, преследователи, выкрикивая свой родовой «уран», проскакали вперед, заняли узкий проход в горах и развернулись в боевом порядке.

Сопротивляться было бесполезно, и поэтому караванбаши начал переговоры, стараясь прежде всего выяснить, что хотят получить киргизы. Те не замедлили потребовать кожи, десять «девяток» красного сукна, плис, ситец. Впору было уже развязывать вьюки, как вдруг со стороны Кашгара показались пять кокандских сипаев. При виде их насильники растерялись, и спутникам Чокана не стоило никакого труда прогнать теректинских разбойников. Начальник над прибывшими сипаями, имевший довольно важный чин токсабы, накинул на плечи Чокана и его товарищей новые халаты, пожалованные самим аксакалом, и вручил его послание. В письме аксакал выражал чувства дружелюбия.

ЗОЛОТОЙ ТЮБЕТЕЙ

Двадцать седьмого сентября 1858 года Чокан увидел первый китайский пикет. Он находился у входа в ущелье и представлял собой небольшую крепостцу, состоящую из глинобитных стен с угловыми башнями. Тополи и тутовые деревья бросали свою тень на крепостные ворота. Путешественники расположились станом в пятидесяти саженях от глиняных стен и терпеливо стали ожидать появления особого офицера, в чьи обязанности входило наблюдение за приезжими и запись основных данных о каждом караване. Но офицера все не было, и к полудню следующего дня караванщики взмолились, чтобы их впустили. Пришлось пообещать подарок *бошко*. Так назывался не очень крупный чин, замещавший офицера на пикете. Бошко с одним золоченым шариком на шапке, приняв подношение, разрешил Мусабаю дальнейший путь в сторону Кашгара.

Переводчик-кашкарлык, переписывавший людей Му-

сабая, никакого подарка не получил. Поэтому он коварно указал в списке, что все люди, прибывшие с Мусабаем, суть татары, а никак не кокандцы или андижанцы.

Дело в том, что татары, ехавшие в Кашгар, всегда старались выдать себя за андижанцев, так как те пользовались большими льготами и преимуществами. Превращая Мусабая и его товарищей в татар, переводчик намеренно вредил им. Кроме того, толмач написал черным по белому, что приезжие не хотят назвать себя. Их не менее ста человек, а при учете у толмача объявить свои имена согласились только четырнадцать торговцев. При всем этом, добавлял переводчик, караванщики имеют при себе огнестрельное оружие. Мусабай и Чокан решили не связываться со злонравным толмачом, спешить в Кашгар, где все недоразумения можно будет устранить, поговорив с самим кокандским аксакалом.

За пикетом лежала полупустыня, покрытая верблюжьей колючкой и пересеченная оврагами, далее виднелись песчаные холмы. За ними пряталось несколько деревень, известных под общим названием Асты-Артуш. Они были окружены зелеными кущами, казавшимися островами, затерянными среди унылых бугров. Здесь устраивали стоянку для ночлега.

Утром караван уже проходил урочище Уч-Бурхан, что означало Три идола. Чокан, приподнявшись на стременах, силился рассмотреть глиняную гору близ переправы через речку Артуш. На скате горы были явственно видны правильные отверстия — входы или ниши,— пробитые рукою человека. Местные жители сказали, что это следы былого язычества, кумирни, расположенные в недрах желтой горы. Входы в капище с земли казались неприступными, и Чокан долго размышлял, каким образом в свое время люди сообщались с обиталищем буддийских богов. Это было первое знакомство Чокана с древностями Кашгара. Он первым сообщил о памятнике урочища Трех идолов и сетовал в дневнике, что загадочная гора еще никем не исследована.

Сухие глиняные гряды было одолевать куда легче, чем высоты с вечным снегом, но уж слишком унылы были эти подступы к городу Кашгару.

Поднявшись на новый желтый увал, Чокан увидел оттуда синее марево. Это были нескончаемые сады пригородов. Но лишь к закату удалось подойти к первому предместью и расположиться для ночлега у гробницы

Куфалла-ходжа. Мусабай Тухтубаев со своей свитой немедленно тронулся в город к кокандскому аксакалу Насыр-Эддину, чтобы почтительно приветствовать его от лица азиатского купечества, торгующего в российском городе Семипалатинске. Чокан же остался у стен гробницы Куфалла-ходжа. Вероятно, у него не было свободного времени, чтобы осмотреть эту святыню, известную далеко за пределами Восточного Туркестана. Здесь находилось место последнего упокоения Аппака или Афака, самого известного из мусульманских чудотворцев и святых Кашгарии. Жил он в XVII веке и считался потомком среднеазиатских ходжей. В свое время он сумел найти общий язык с далай-ламой Тибета и джунгарским ханом Галданом Бошокту. Галдан Благословенный, захватив Кашгарию, утвердил Аппака наместником, и тот стал правителем восточнотуркестанских земель. Андижан тоже входил в состав его владений.

Аппак заботился о могиле своего отца и приказал обновить ее в то время, когда городом Кашгаром правил его сын. Тот, почтительно выполнив это приказание, стал звать отца для освящения усыпальницы, но Аппак спокойно сообщил, что скоро туда привезут его бренное тело. Далее предание гласило, что вслед за этим Азрет Аппак испустил дух в своем роскошном яркендском дворце, и скорбный караван повез его тело в Кашгар.

Вход внутрь могильной ограды проходил через большие ворота, облицованные лазоревыми и белыми изразцами с надписями арабской вязью. Стены главной усыпальницы тоже светились изразцами, а на гладкой поверхности кровли были водружены высокие древки, увенчанные медными копьецами; с них спускались хвосты яков. Изогнутые рога диких баранов, рога оленей и антилоп украшали эту обитель вечного покоя. Вблизи нее находился пруд, окруженный серебролиственными тополями. К этому заповедному месту примыкали сады, виноградник и поля, являвшиеся собственностью хранителей гробницы Аппака и дававшие значительный доход. Власть над гробницей принадлежала особым шейхам, и Чокан даже называет имя одного из них — Сунуджа-ходжа. Кажется, именно этот шейх в свое время жил в Константинополе, бывал в Мекке и Палестине.

Живые здесь кормились возле мертвых. Сам Чокан потом обмолвился, что во время одного из мусульманских праздников к ограде старой гробницы переселялся

чуть ли не весь торговый Кашгар. Содержатели харчевен, продавцы сластей и съестных припасов получали большие барыши. В дни торжеств разноцветные фонари светились на главной гробнице мечети, синие, алые и желтые огни отражались в изразцах, украшавших ворота могильной ограды. В яблоневых и абрикосовых садах проходили народные гулянья.

В то время, когда Чокан готовился ко сну в своей юрте, поставленной близ стен гробницы, в городе Кашгаре началась тревога. Донос толмача с пикета произвел нужное действие. Богдыханский генерал и хаким-бек — туземный правитель Кашгара — выставили часовых на городских стенах, послали конные разъезды досматривать улицы, а гарнизону приказали приготовиться к возможному отражению страшных «татар» с сундуками, наполненными ружьями и пистолетами.

Несмотря на все это, кокандский аксакал, человек спокойный и благожелательный, к тому же знавший Мусабая, принял караванбаши очень ласково и послал своего сына в сопровождении сборщика пошлины в стан мнимых татар. Сборщик пошлины пересчитал баранов, установил размер налога.

Вслед за этим из города прискакал кашгарский чиновник, пытливо оглядевший лежащие на земле вьюки. Присмотревшись к купцам и поговорив с ними, он поспешил в Кашгар, чтобы быстрее доложить начальству о том, что ничего страшного в стане Мусабая обнаружено не было.

Выплатив пошлины, наши семипалатинцы отправили погонщиков и скот в пригородную деревню, а сами с товарами поехали в Кашгар, через Священный мост и окраину огромного кладбища, где обитали не только могильщики, но и ютились многочисленные нищие.

Со стороны Кашгара навстречу каравану двигались новые чиновники, облаченные в китайские одежды. Одного из них звали Измаил-беком. Он занимал немалую должность и не любил, когда ему хоть в чем-нибудь возражали. Он велел гостям развязать войлочные вьюки и раскрыть обитые разноцветной жестью сундуки, чтобы взглянуть на их содержимое и проверить, нет ли у них двойного дна.

Купцы вполне разумно ответили, что открывать сундуки посреди дороги неудобно.

Тогда бек, махнув рукою, показал на поле, покрытое

знаменитой травой мусу, и приказал каравану свернуть в заросли люцерны.

Там пришлось располагаться для ночлега. Беки тоже расседлали своих коней. Чиновников, разумеется, пришлось хорошо угостить и сделать им некоторые подношения. После этого Измаил-бек стал куда сговорчивее и согласился, не делая канительного осмотра вьюков среди поля, послать своего представителя в кокандскую таможню, где будет производиться учет грузов.

Выспавшись, Измаил-бек изрек, что он едет к начальству для доклада о том, что после произведенной им проверки он пришел к выводу, что приезжие не татары, а андижанцы из Семипалатинска. И хотя после вечера, проведенного на люцерновом поле, у него трещала голова, Измаил-бек составил целый исторический обзор, из которого явствовало, что семипалатинские торговые люди и раньше ездили в Кашгарию, причем никаких тульских или иных ружей не привозили, и поэтому он, Измаил-бек, полагает, что и на этот раз семипалатинцев надлежит пропустить в славный город Кашгар.

Между предместьями и городом протекала река Тюменьсу. Через нее был переброшен деревянный мост. Перед взором путника городские стены открывались лишь тогда, когда до них оставалось не более версты. Стены были довольно высоки, и по углам их стояли башни, возведенные китайскими мастерами. По обеим сторонам дороги высились страшные вехи — тополевые жерди, вкопанные в землю. На каждом висела деревянная клетка с человеческой головой. Это были головы участников восстания против старого ходжи Валихана-тёрэ, недолго процарствовавшего здесь и своими жестокостями вызвавшего ужас и гнев своих недавних сторонников.

Караван остановился, ожидая возвращения чиновников, которые поехали к хаким-беку — градоправителю — с докладом о том, что гости из Семипалатинска находятся у врат Кашгара. Хаким-бек ответил согласием, и чиновники повели гостей в караван-сарай «Андижан».

Кокандский аксакал уже прибыл в таможню, куда провели приезжих. Он присутствовал при описи товаров. В ней также участвовали новый знакомый Чокана Измаил-бек и бек с придворным чином «начальника ворот». Он с необыкновенным любопытством рассматривал русские железные заступы, как бы прикидывая, можно ли при желании превратить их в секиры, *айбалты,* столь

обычные у киргизов. «Начальник ворот» не устоял перед соблазном и приказал отложить в сторону один из заступов.

На другой день, в пятницу, когда все правоверные устремились на поклонение гробнице Аппака и знатный «купец Алимбай» мог бы присоединиться к паломникам, всех приезжих потребовали в управление хаким-бека. Чиновники задали Мусабаю и его товарищам несколько вопросов: как их зовут, откуда они прибыли в Восточный Туркестан, с какими именно целями находятся в Кашгаре и т. д. Ответы были занесены на бумагу, и купцов тут же отпустили.

Все дело передано было важному сановнику — дорга-беку, обладателю красного кораллового шарика. После усмирения восстания 1857 года он исполнял обязанности хаким-бека.

Между тем кокандский аксакал, узнав, что гостей, находящихся под его покровительством, таскают по допросам, написал амбаню, что он хорошо знает этих андижанцев и готов ручаться за них на все время пребывания их в городе. Для того чтобы приезжие не так страшились вызовов и допросов, аксакал приказал самым влиятельным и знатным кокандским купцам сопровождать своих земляков во время хождения их по местным учреждениям.

Иные из них могли оказаться небезопасными. К примеру сказать, деятельность дорга-бека имела определенную полицейскую направленность. Он принял Мусабая и Чокана в своей канцелярии, причем на столе чиновника на видном месте красовался злополучный заступ. На первый вопрос чиновника Мусабай ответил, что он и его сотоварищи — уроженцы Маргелана, Бухары и Ташкента — ездили торговать в Россию, сбыли там свои товары, на выручку купили русские изделия и ради собственной торговой выгоды решили тронуться в Кашгар.

Тут дорга-бек перебил караванбаши вопросом: почему же андижанцы не пошли в Кашгар той дорогой, по которой ходят туркестанцы, то есть через Ош?

Мусабай ответил, что купцы закупали баранов у киргизов и для этого побывали на Иссык-Куле, откуда прямо двинулись в Восточный Туркестан.

Следователь, помолчав, спросил, сколько времени занял путь из Семипалатинска, и получил ответ: семьдесят пять дней.

После этого он попытался выяснить, почему купцы самовольно прошли через первый пикет и дали неправильные сведения о людском составе каравана. Пришлось повторять рассказ о ложном доносе корыстолюбивого толмача, объяснять, что пропуск на пикете был выдан пусть не офицером, а заменявшим его *бошко* с золоченым шариком.

Дорга-бек строго оглядел петропавловских татар, спутников Мусабая, и потребовал от них проходные виды. Татары не смутились и ответили, что они — уроженцы Ташкента и ездить в Россию ради получения видов на жительство им не было никакого смысла.

Наконец дорга-бек, постучав ногтем по заступу, выразил удивление по поводу того, зачем купцы привезли так много холодного оружия, и захотел знать, кому оно предназначалось. Чокан присмотрелся и внутренне ахнул: ярлык, прикрепленный к заступу, указывал на то, что он успел побывать в китайском суде! Один из знатных кокандских купцов, благих спутников Мусабая, заметил, что если дорга-бек боится, что это оружие будет кем-то пущено в ход, то он может его скупить по выгодной для него цене. Следователь ничего не ответил, и на этом закончился утомительный допрос.

Через день несколько беков примчались в караван-сарай и объявили, что приезжих требует сам амбань — китайский генерал, надзирающий за туземными властями в Кашгаре. Чиновники торопили Мусабая, и купцы, поспешно оседлав коней, помчались вслед за посланцами амбаня, направлявшимися в сторону городских ворот. Они распахнулись, и всадники очутились в поле, на котором стояли шатры. Возле них возвышались какие-то сооружения, очень похожие на виселицы с перекладинами. Кто-то из кашгарских беков подвел приезжих к одной из палаток. Под сводом шатра восседали главный кашгарский амбань, хаким-бек Кашгара и два пристава. Сановники носили красные шарики на шапках, синие шарики были у приставов.

Чокан, Мусабай и остальные купцы, скрестив руки на груди, как подобало андижанцам, поклонились мандаринам. Амбань обвел караванщиков внимательным взором, долженствовавшим изображать проницательность, и сказал, как бы про себя, что эти люди, без сомнения,— не русские и не татары, а андижанцы. Потом он спросил караванбаши: все ли благополучно было в дороге, через

какие местности шел караван, что за товары он доставил в Кашгар? Амбань полюбопытствовал также насчет того, спокойны ли кочевые племена Тянь-Шаня. Затем он расспросил о кульджинских мандаринах, называя Мусабаю имена их общих знакомых. Чокану, возможно, показалось, что амбань, вспоминая о Кульдже, пристально разглядывал лицо молодого торговца.

Амбань держался ровно, даже ласково и, отпуская гостей, пожелал им удачи в торговле. Он ни словом не обмолвился о железных заступах, как будто они не были предметом споров в китайском суде. Назначения столбов с перекладинами Чокан так и не разгадал, да и думать-то об этом не стоило, раз все обошлось благополучно. С этого дня путешественников перестали мучить допросами, хотя надзор за ними не был снят.

Мусабай и Чокан старались подружиться с кокандским аксакалом. Когда местные власти прекратили свои следственные меры, семипалатинские кокандцы отправились к аксакалу с дарами и вскоре заручились полным его покровительством.

Аксакал имел при себе особую полицию. Ему подчинялись все туркестанские торговцы, афганцы, бухарские евреи, персиане, татары, а также *чалгурты* — дети, рожденные от браков кашгарок с иноземцами. Восемь караван-сараев, гостиные дворы, таможня, две рыночных площади — все это было только частью владений Насыр-Эддина, аксакала кашгарского. Правителем дел у него был его родной сын, большой любитель всякого рода развлечений и пирушек. Мусабай великолепно учел это и стал зазывать молодого кокандского сановника в караван-сарай «Кунак», где его ожидал почтительный караванбаши для того, чтобы пригласить провести вместе вечер на улице Устэн-буи, где обитали путешественники. Для постоя им были также отведены дома на Джан-куче. В свою очередь, аксакал и его сын не упускали случая, чтобы зазвать к себе на обед Мусабая, молодого «купца Алимбая» и их ближайших помощников. Караванбаши отыскал в городе своих родственников. В числе их был маргеланский выходец Найманбай. Его следует запомнить, ибо он однажды поведал Чокану печальную повесть. Но об этом — после.

Молодой кокандец «Алимбай» тоже нашел в Кашгаре семьи, с которыми он состоял в родстве. Круг знакомств «Алимбая» ширился. Его покровитель — аксакал — пред-

ставлял гостя из России многочисленным иноземцам: старшинам кашмирских купцов, водителям караванов из Афганистана и Северной Индии. Никто из пенджабцев или кашмирцев, пришедших в Кашгар, не замечал волнения на подвижном лице веселого кокандца, когда при нем просто, по-деловому говорили о трудностях переходов через Каракорумское нагорье. Кто-то из новых друзей Чокана однажды обмолвился, что совсем недавно в Хотане видели фрянга, добивавшегося сведений о судьбе ученого европейца, пропавшего без вести в Кашгарии. Богдыханские власти ответили приезжему, что этот ученый убит кашгарскими мятежниками, и поэтому они, китайцы, ничего не знают, как все это случилось. Фрянг, появлявшийся в Хотане, мог быть только посланцем Ост-Индской компании.

«Купец Алимбай», разыскивавший Адольфа Шлагинтвейта, услышав эту весть, затянулся синим дымом крепкого кальяна и перевел разговор на другое. Он спросил, есть ли спрос на казанскую юфть в Яркенде. Сказал, что у пайщика каравана бухарца Мухсина Сагитова много этого товара, и не лучше ли сбыть его в Яркенде, благо до этого города от Кашгара рукой подать. Почтенный аксакал Насыр-Эттин, конечно, не откажет своим землякам в выдаче пропусков в Яркенд. Аксакал никак не мог налюбоваться подарком семипалатинцев — русскими часами со звоном и вороненым пистолетом.

Аксакал Насыр-Эддин знал все, что относилось к истории взаимоотношений феодального Китая с так называемыми *ходжами*. Речь идет вовсе не о мусульманских паломниках, ходивших в Мекку, а о людях, считавших себя потомками Магомета и долгое время властвовавших в Кашгаре.

На ловца и зверь бежит! Чокан приобрел в числе остальных книг и рукописей сочинение «Таскира и ходжаган»— историю династии ходжей и получил возможность заводить ученые разговоры с аксакалом и образованными кокандцами и кашгарцами. Про ходжей он читал и слышал раньше, но теперь история «потомков Магомета» была прямо злободневной. Ходжи появились в Кашгаре, как считал Чокан, в XIV столетии. Одним из самых влиятельных и почитаемых ходжей был бухарский богослов Махтуми-Азам. От него пошел род Аппака, воцарившийся в Яркенде при помощи джунгар.

Сыновья Махтуми-Азама основали секты — белогорскую и черногорскую, находившиеся в непримиримой вражде. Борьба между белогорцами и черногорцами расшатывала устои власти ходжей. Феодальный Китай воспользовался смутами в Кашгарии и в 1759 году завершил покорение страны. Ходжи попробовали оказать сопротивление богдыханским военачальникам, но вскоре бежали в Бадахшан. Имена ходжей Бурхан-Эддина и Хан-Ходжи, погибших во время китайского завоевания, были окружены ореолом мученичества. Их потомки, нашедшие себе убежище в Коканде, стали вынашивать мечту о «священной войне» против «неверных» китайцев. Пламя первого мятежа вспыхнуло в 1826 году, когда ходжа Джангир вместе с кокандскими сипаями, киргизами Тянь-Шаня и таджиками после продолжительной осады взял город Кашгар. Богдыхан Даогуан жестоко подавил восстание. Джангир бежал, поймать его долго не могли, и лишь впоследствии ходжа был захвачен в плен и казнен в Пекине. Во время борьбы с богдыханом Джангир иногда опирался на киргизов Тянь-Шаня; пять горных родов, в том числе и часть столь хорошо знакомых нам богинцев, были под знаменами газавата — священной войны с китайскими язычниками. В то же время киргизское поколение Машак выступало против мятежного ходжи, и старшина машаковцев помогал китайским солдатам в захвате Джангира.

«Сведения о восстаниях, бывших с 1825 года, получены от лиц, достойных доверия: от кокандцев, участвовавших лично в «газавате» и занимавших значительные должности, и от кашгарских ахунов, бывших свидетелями этих переворотов»,— так впоследствии писал Чокан в отчете о своем путешествии и жизни в Кашгаре.

Он отыскал живого участника мятежа сибирского казаха есаула Тохтара. Тохтар был убежденным сторонником ходжей, он при Валихане-тёрэ начальствовал над дворцовой стражей и водил свой отдельный отряд под стены Яркенда. Маргеланский купец Найманбай, поселившийся в Кашгаре и приятельствовавший с кокандским аксакалом, хорошо знал быт ходжей. Его родная сестра являлась женой ходжи, едва ли не родного брата Валихана-тёрэ. Чокан жадно слушал рассказы маргеланца, стараясь все хорошо запомнить, ибо не имел возможности записать хотя бы одно слово.

Найманбай повествовал о «Бунте семи ходжей» в

1847 году. Вдохновителем восстания был Каття-хан-тёрэ. Заняв Кашгар, он увлекся грабежами и хлопотами по устройству огромного гарема. Представители богдыхана не могли ждать, когда придут войска из внутренних провинций Китая, и бросили для подавления мятежа отряды, составленные из ссыльных чампангов. Узнав о приближении карателей, ходжи бежали из Кашгара, захватив с собою все, что они успели награбить. Вместе с ними в сторону Ферганы двинулось около двадцати тысяч несчастных кашгарцев, аксуйцев и яркендцев. Участь их была ужасна; множество беженцев погибло на склоне перевала Терек-Даван. Свирепый Валихан-тёрэ, будущий убийца Шлагинтвейта, участник «Бунта семи ходжей», был в то время правителем Янысара. Через десять лет Валихан устроил новое вторжение в Кашгар, ознаменовав свое владычество там сооружением пирамиды из человеческих голов.

Кокандцы участвовали во всех восстаниях ходжей. Они с нетерпением ждали очередного мятежа, предвкушая возможность грабить кашгарские города. Они подстрекали ходжей к выступлениям, а в кашгарцев вселяли надежды на освобождение. Вероломные кокандцы запугивали китайцев и туземных правителей Кашгара возможным приходом ходжей.

Когда же «потомки Магомета» действительно вторгались в Кашгарию, кокандцы, пришедшие с отрядами ходжей, сеяли раздоры в рядах ополченцев и первыми бежали. Китайцы разгромили воинов газавата.

Чокан терпеливо изучал нравы удивительного «государства в государстве», которое представлял двор кокандского аксакала в чужой стране. Насыр-Эддин-датха не скрывал, например, что под его покровительством находились многие из участников восстания Валихана-тёрэ 1858 года. Один кыпчак, состоявший при Валихане-тёрэ в придворной должности *удайчи,* служил теперь под началом аксакала. Недавними слугами кровавого Валихана были сборщик податей, казначей и еще несколько подчиненных Насыр-Эддина. Аксакал дерзко держался с хаким-беком кашгарским, запугивал китайских сановников, пророча очередной набег ходжей из Ферганы. Насыр-Эддин-датха уклонялся от обмена подарками с китайским амбанем. Китайские и кашгарские власти косились на аксакала, но ничего поделать с ним не могли.

Почему же Насыр-Эддину-датхе была дана такая воля?

Дело в том, что китайское правительство, предоставляя кокандцам льготы и преимущества в Восточном Туркестане, надеялось, что за это высшие сановники Коканда будут держать ходжей под строгим присмотром и не позволят им устраивать восстания и смуты за Тянь-Шанем.

Народ Кашгара терпеливо сносил все: жестокости ходжей во время их кратковременного правления, принимал на себя удары карательных отрядов богдыхана и жил в вечном ожидании новых смут и раздоров, так как кокандская верхушка нарушала свои обязательства.

Какие же силы были на стороне ходжей?

Чокан постепенно разузнал, что в Коканде и Маргелане находилось не менее двухсот ходжей, потомков властителей страны Шести городов. Самыми могущественными из них были белогорцы, составлявшие ядро руководителей мятежей. Главари опирались на кашгарских переселенцев, обитавших возле Андижана, Карасу и Шахрихана. Там насчитывалось не менее пятидесяти тысяч семейств таглыков — горцев, как назывались выходцы из Кашгара. Возле самого Ташкента располагалось поселение таглыков Янги-Шаар (Новый город). Можно было считать, что ходжи имели в своем распоряжении около пятидесяти шести тысяч одних таглыков, находившихся в Западном Туркестане. Кроме того, под знамя газавата в любой миг могли встать кочевые узбеки и киргизы. Чокану в свое время доводилось встречать киргизов, гордившихся тем, что их предки служили первым ходжам. Киргизы эти простодушно передавали от потомства к потомству какую-то железную треногу, по их словам принадлежавшую ходжам-мученикам и имевшую чудодейственную силу.

Набожные мусульмане боготворили ходжей. Потомки правителей Кашгара носили титул тёрэ, присущий Чингизидам. Тем, кто вел свой род непосредственно от ходжи Махтуми-Азама, воздавали ханские почести. Ходжи были непогрешимы, и им прощались все пороки. Святоши объясняли, что пьянство и распутство молодых ходжей есть не что иное, как проявление духовного экстаза. Поэтому ни один блюститель благоверия, обходящий улицы Коканда, никогда не решился бы остановить юных ходжей, когда они кидали камнями в собак, приставали к прохожим или пытались сорвать покрывало с лица красивой кокандки. Когда потомки Аппака поднимали

мятежи в Кашгарии; к ним в первую очередь примыкали курильщики гашиша, пьяницы, любители азартных игр.

После кровавых событий, связанных с последним мятежом, в Кашгаре было затишье. Но многие тревожились, ждали — не нагрянет ли в Восточный Туркестан Бузрук-хан-ходжа, единственный сын Джангира, казненного в Пекине?

«Беспорядкам в этой стране не предвидится конца...»— сетовал Чокан.

Покровительство со стороны аксакала было на руку нашим купцам. Не вдаваясь в подробности распрей Насыр-Эддина-датхи с хаким-беком Кашгара, Мусабай и Чокан делали то, что положено было им делать,— торговали. С большой выгодой сбывали они джалаирских и киргизских баранов, получая за них звонкие кокандские золотые. Каждый баран обходился покупателю более половины золотого. Тем обиднее для караванщиков были невозместимые потери в пути; ведь в глубокую пропасть Тянь-Шаня однажды свалилось две сотни баранов — сто золотых монет кашгарского рынка. По дороге в Кашгар пало много верблюдов. Теперь предстоят затраты: верблюдов придется покупать. Торговля шла бойко еще и потому, что во время восстания Валихана-тёрэ всякий привоз из Коканда был прекращен и караван Мусабая был первым торговым транспортом из Средней Азии. Уже первые дни торговли принесли большой барыш. Чокан принимал золотые монеты и ямбы — серебряные слитки, похожие на маленькие лодки. Покупатели, у которых не было в те дни наличных челноков из серебра, давали обязательства отдать долг перед отправлением каравана в обратный путь.

Чокана, как и некоторых других его товарищей по странствию, от занятий в лавке караван-сарая «Кунак» отвлекла женитьба. Новые кашгарские знакомые настояли на том, чтобы гости выполнили древний обычай и выбрали себе временных жен.

Когда-то Чокан читал у Марко Поло рассказ о нравах жителей города Камула (Хами). Камульцы так радовались появлению иноземных гостей, что намеренно оставляли наедине с ними своих жен, а сами на известное время покидали семейный кров. Камульские жены были красивы и веселы, любили забавы и потехи с приезжими, а мужья ничуть не стыдились всего этого.

Однажды, повествовал Марко Поло, Великий хан Мангу, или Мункэ, узнал о странных нравах камульских жителей и строго-настрого приказал им не принимать иноземцев в свои дома, а выстроить для этого гостиницы. Камульцы были в великом смятении. Они собрали совет и обсудили приказ Великого хана. Местные мудрецы постановили: послать большие дары Мангу-хану и просить его отменить свой приказ. Послы стали умолять властелина, чтобы он позволил им жить по завету предков. Деды и отцы говорили камульцам, что боги благосклонны к ним за то, что они делились с иноземцами женами и всем своим добром. Поэтому у камульцев было и хлеба вдосталь, и всякий труд им удавался.

Мангу-хан выслушал слезную просьбу своих подданных и ответил им, что если они хотят позориться на весь свет и этот срам им нравится, то пусть живут, как жили до его приказа.

В другом месте Марко Поло, рассказывая об «области Пеин», где-то за Хотаном, уверял, что местные жители, покинувшие свой дом на короткий срок, прибегают к временным бракам в городах, которые они посещают. В свою очередь, их жены, оставленные дома, вольны выбрать себе новых мужей до возвращения из странствия законных супругов.

Через шестьсот лет после челобитья камульцев, защищавших древний обычай, Чокан Валиханов на собственном опыте постиг достоверность рассказа Марко Поло. Правда, за шесть столетий в этом обычае кое-что изменилось. Временный брак в Кашгаре совершался по правилам шариата, хотя мусульманам-суннитам такой брак был совсем не к лицу. Чокан не говорит, кто были его сваты, посаженые отцы и дружки, оказывал ли ему свое покровительство в этом случае деятельный кокандский аксакал.

По возвращении из Кашгара путешественник описал временный брак. Он процветал лишь в тех городах, куда приходили иноземные караваны. Иноземец обязан был кормить и одевать свою жену. Затраты были очень ничтожны. В Хотане, например, на приобретение жены потребовалось бы всего полтора рубля серебром на русские деньги. В Яркенде существовал особый рынок невест, где заключались брачные условия. В Турфане и Аксу брак почему-то стоил дороже, чем в остальных городах Кашгарии.

В предместьях Кашгара процветали грязные притоны, где мусульмане-иноземцы предавались разврату, пользуясь свободой нравов страны Шести городов, нищетой и бедностью простого народа. Некоторые женщины наравне с мужчинами играли в кости, пили бузу, курили опиум и гашиш. Все это привело к тому, что однажды кокандский аксакал приказал закрыть несколько веселых домов, вызвав этим недовольство самолюбивого хаким-бека. Стражу городских ворот он приказал хлестать распутных девок плетьми, если изгнанницы вздумают снова возвратиться в Кашгар.

Добродетельные кашгарки были окружены почетом и уважением, участвовали в общественной жизни. Без них не могло обойтись ни одно собрание. Народная память возвеличила Жеиму, супругу одного из хаким-беков Яркенда; в XIII веке она сумела преобразовать городские дела и навела порядок в Яркенде. В Кашгаре зваными вечерами распоряжались хозяйки домов, не закрывавшие лиц ни перед гостями, ни на городских улицах.

О своей кашгарской женитьбе Чокан писал очень коротко и в подробности не вдавался. Здесь нечем поживиться романисту или поэту! Вспомните, с какой пылкостью юноша-путешественник изображал «прелестных разрушительниц городов» в Кульдже, с каким озорством он писал Федору Достоевскому о часах, проведенных в Семипалатинске с их общей знакомой, названной Чоканом только начальной буквой ее имени «С». О кашгарской же чаукен, своей, пусть временной, но все же жене, он не написал ни строчки. Он лишь сухо сообщил о своей женитьбе: «Мы должны были также подчиниться этому обычаю». Между тем подруга Чокана оставила неизгладимый след в его сознании, если не в сердце.

«Купец Алимбай» вел рассеянный образ жизни. Кашгарские родичи водили его по гостям, он часто присутствовал на пирах, где гремели ручные бубны и чтецы говорили нараспев стихи Алишера. Потом выходили вперед плясуньи — *ача,* исполнявшие танцы, похожие на кавказскую лезгинку. Звенели гусли. Гостей ублажали вином, угощали диковинными блюдами, вроде яичницы со сладкой подливкой или копченым мясом с патокой, пирожками «Женский поцелуй». Более привычными были пельмени и лапша, густо сдобренные красным перцем.

И надо же было случиться, что родственники Алимбая на радостях отписали его бабке, жившей в Коканд-

ском ханстве, что ее дорогой внук прибыл на побывку в Кашгар. Бабка прислала «Алимбаю» подарок — вышитый золотом тюбетей. Золотая ермолка переходила из рук в руки, пока один из пылких родственников не увенчал ею бритую голову «Алимбая». Как ни тревожно было иногда на сердце у Чокана, он рассудил, что такое дружное признание со стороны его мнимой родни окончательно рассеет все подозрения относительно его особы, которые могли бы возникнуть среди жителей Кашгара. Теперь все люди из каравана Мусабая носили чалмы и бухарские халаты, как это заведено у андижанцев.

Кашгарская подруга «Алимбая», пригожая чаукен, в плаще с золотыми лентами и в алых суконных сапогах, тоже расшитых золотом, была приятно изумлена деловитостью, веселым нравом, воспитанностью своего возлюбленного. Участвуя в пирушках и званых вечерах, он не забывал о торговле, а по четвергам — в базарные дни — старался посещать рыночные площади Кашгара. Там шумела разноплеменная толпа. Под навесами из тростниковых циновок располагались торговцы. Дымили русские самовары, в чугунных котлах клокотала горячая снедь. Кривлялись и плясали *бэнги* — курильщики янысарского гашиша и пожиратели макового сока. Чтобы добыть средства для покупки отравы, опиофаги превращались в нищенствующих дервишей. Во время владычества Валихана-тёрэ эти подонки Кашгара вместе с неисправимыми игроками в кости — *умбараз* — составляли ополчение кровавого деспота.

Человек в андижанской чалме заходил в книжные лавки, и продавцы рукописей умилялись, когда он, не торгуясь, брал сочинение «Ришахад»— сказания об азиатских чудотворцах, проповедниках и учителях ислама. Засунув рукопись за пазуху халата, молодой ревнитель богословия снова скрывался в рыночной толпе. Он различал среди нее людей разных национальностей: западных тибетцев, занимавшихся в Кашгаре извозом и торговлей питьевой водой, сикхов, перепоясанных веревками, индийских менял, азиатских цыган из поколений Мультани и Лулу, афганцев с орлиными носами, чалаказаков из волжских татар. Однажды встретился даже беглый казак Сибирского войска, лишь недавно расставшийся с алыми погонами. Что занесло его на чужбину? Но нельзя было подойти к нему и расспросить — какого он полка, на ка-

ком пикете горе мыкал, за какие грехи пришлось ему податься в далекий город Кашгар.

«Купец Алимбай» особенно внимательно осматривал случайные товары, разложенные на земле толкучего рынка. Подержанные яркендские сапоги, деревянный кальян в медной оправе, гашишная трубка, молитвенный коврик... Но все это не то! Нет, сегодня на кашгарских базарах не продавали ни английских часов, ни пружинных барометров, ни карманных компасов. Никто не выносил на рынок молотка, насаженного на длинную рукоятку,— обычного орудия искателей земных руд.

«Купец Алимбай» не знал, что, может быть, в это самое время в одном из глинобитных домов неподалеку от торговой площади, *чарсу,* сидел человек с лицом, похожим на помятую дыню. Он любовался заморской драгоценностью, заключенной в богатое вместилище из тисненой кожи; прозрачный стеклянный столб покоился в углублении бархатного ложа. Столб был пронизан синей жилой. Обладатель сокровища открыл, что, если стекло приблизить к источнику тепла, синяя жила неудержимо устремится к верхнему концу столба. Тридцать лет хранил этот волшебный предмет его незаконный владелец. Он унес в могилу свою тайну, и только осмотр его имущества, предпринятый соседями по дому, помог установить истину. В 1887 году умер палач, казнивший Адольфа Шлагинтвейта, и российский консул Н. Ф. Петровский купил у мальчика-кашгарца великолепный термометр, принадлежавший немецкому путешественнику и присвоенный палачом.

КАШГАРСКАЯ ПИРАМИДА

Теперь пора рассказать о восстании ходжи Валихана-тёрэ и его недолгой власти в Кашгаре, так истерзавшей страну и народ.

Валихан-тёрэ был потомком Аппака, кашгарским ходжой. Его отец Юсуф-ходжа в свое время затевал мятеж в Кашгаре. Сам Валихан, не задумываясь, примкнул к восстанию 1847 года. Он, как и остальные ходжи из числа знаменитой семерки, был повинен в гибели множества кашгарцев, пытавшихся уйти вслед за изгнанными «потомками Магомета» в Фергану — через Теректы-Даван.

Тысячи беглецов полегли тогда в глубоких снегах Тянь-Шаня, забили своими трупами узкие речные долины. После этого в течение трех лет никто не отваживался пить воду даже из быстрой реки Теректы.

Ходжа Валихан, человек уже далеко не первой молодости, издавна привык к курению гашиша, разумеется зная, что лучший сорт этого зелья вывозится из страны его предков; недаром кашгарские бэнги говорили, что янысарский гашиш — лучший во всем мире. Он постепенно отнимал у Валихана-тёрэ разум и волю, щедро одаряя его лишь звериной жестокостью. На беду всему народу выращивали янысарцы индийскую коноплю! Валихан лучше, чем кто-либо, это знал и понимал, что кашгарцы не смогут признать его своим избавителем от многих бед. Поэтому он решил действовать от имени своего родича Бузрука-хан-тёрэ, сына Джангира. Джангир, изрезанный на куски по приказу богдыхана, был единственным ходжой, пользовавшимся доверием и уважением народа. Это уважение перешло на его сына Бузрука, человека тихого и спокойного, увлекавшегося разными науками и в то же время не мечтавшего ни о каком освобождении гроба святого Аппака. По возрасту своему он мог бы участвовать в «Бунте семи ходжей», но предпочел не делать этого.

Валихан-тёрэ выбрал очень удобное время для побега из Коканда. Весь город праздновал Белый байрам, шло разговение. Всего семь всадников сопровождали главу белогорцев. Конники направились на Ош, но не заехали туда, а укрылись в окрестностях города, чтобы остаться незамеченными ошскими властями. Продолжая путь, Валихан-тёрэ подошел к кокандскому «кургану» Оксалур и именем Худояр-хана приказал открыть крепостные ворота.

Одним взмахом сабли Валихан-тёрэ поверг на землю начальника крепости и, не дав солдатам опомниться, провозгласил начало священной войны — газавата.

Он дождался, когда в крепость возвратились сипаи, собиравшие дань в аулах киргизов, и поспешил поставить этих воинов на свою сторону. Выдвинув заставы на кашгарской дороге, для того чтобы весть о нем не так скоро дошла до китайских караулов, ходжа разослал людей по киргизским кочевьям. Вскоре в крепость пригнали кашгарских чиновников, пойманных дозорными Валихана-тёрэ. Они хотели разведать о приходе ходжи. Теперь их

уделом стала смерть. Так была пролита кровь кашкарлыков еще на земле Оксалура.

Валихан-тёрэ ринулся на Кашгар. Он появился там на рассвете и остановился у юго-западных ворот Кунь-дарваза. Ворота были закрыты. Ходжа приказал перетащить к ним все топливо, привезенное на продажу в город и сваленное в кучи неподалеку от городской стены. В поленницу положили привезенный с собою порох. Ворота не устояли перед силой взрыва. Всадники ходжи ворвались в город. Сонные китайские солдаты не сразу оказали сопротивление. Их командиры прибегли к давно испытанному способу обороны и поспешили увести войска в надежные укрытия. По тем временам совершенно неприступным считался Янги-Шаар Кашгарский, или новый Город господ, стоявший в семи верстах к юго-востоку от Кашгара (Куня-Шаара). Там обычно размещались все войска округа, числом более пяти тысяч человек.

Овладев Старым Кашгаром, Валихан-тёрэ вскоре начал осаду нового города. Им руководила не только жажда мести и желание пролить лишнюю кровь. Он прекрасно понимал, что Янги-Шаар для того и построен, чтобы закрывать дорогу для вторжения в Яркенд, Аксу и другие города Кашгарии со стороны Ферганы. Он испробовал все средства для того, чтобы перед ним распахнулись облицованные полосовым железом ворота Кашгар-дарваза на северной стороне крепости, но ничего не мог добиться. Тогда ходжа решился взять гарнизон крепости не голодом, не лишением воды, а самой водой. Его нисколько не смущало, что китайская крепость была окружена кашгарскими деревнями и пашнями, а с севера к Янги-Шаару примыкало предместье Янги-базар с огромным рынком. Еще севернее предместья протекала река Кызылсу, и от нее до высокой стены крепости было не менее пяти верст.

Валихан-тёрэ задумал выстроить на реке запруды, поднять уровень воды настолько, чтобы она хлынула на лессовую равнину, затопила крепость, а вместе с ней, конечно, и рисовые поля, хутора, предместья, места добычи строительной и гончарной глины, ненавистный буддийский храм. Ходжа, видимо, даже не представлял себе, что это предприятие было не по силам тысячам людей, которых он собрал на обрывистых берегах Кызылсу. Все иноземные купцы, жившие в Кашгаре, были выгнаны на осадные работы, и этот всеобщий сизифов труд продол-

жался долгое время. Богдыханское войско, затворившееся в самой надежной крепости Шестиградья, терпеливо ждало подмоги из Кульджи.

Захватив Кашгар, потомок Аппака поселился во дворце хаким-бека. Надо сказать, что вначале ходжа Валихан сумел овладеть сердцами кашгарцев. Он уверил их, что выполняет волю Бузрук-хана-тёрэ, достойного сына Джангира, что все его действия направлены к защите кашкарлыков от произвола и поборов слуг богдыхана. Правая вера, говорил седой ходжа, восторжествует, и в Кашгаре воцарятся мир и благоденствие на вечные времена. В короткий срок Валихану-тёрэ удалось сколотить внушительную армию из семидесяти тысяч конных сипаев и четырех тысяч пехотинцев-сарбазов. Кроме этой «постоянной» армии было еще ополчение из дервишей, прикрывших наготу козьей шкурой, накинутой на плечи, в опушенных драным мехом колпаках, с железными палками в руках. Курильщики гашиша и пожиратели опиума, закладывавшие в кашгарских притонах свою одежду, кладбищенские нищие — кого только не было в ополчении, служившем Валихану-тёрэ! Ревностными сторонниками его оказались также чалгурты, потомки иноземцев, рожденные их временными женами.

Валихан-тёрэ истреблял людей, ранее служивших богдыхану. Достаточно было доноса, чтобы человек исчез. Через несколько дней его родственники с ужасом узнавали, что голова казненного выставлена для всеобщего обозрения на месте расправы. Ходжа приказал складывать отрубленные головы с таким расчетом, чтобы из них постепенно образовалась пирамида. Страшная основа ее была быстро заложена, и пирамида стала расти вверх.

И если в первых ее ярусах лежали черепа китайских и маньчжурских солдат, калмыков, тунгусов и чахаров, то выше были видны оскаленные головы кашкарлыков и дунган — китайских мусульман. Да будет читателю известно, что гениальная картина Василия Верещагина «Апофеоз войны» была создана под впечатлением рассказа о зверствах полубезумного кашгарского тирана.

«...Не так давно,— писал В. В. Верещагин,— в 1860 году, знаменитый немецкий ученый Шлагинтвейт (бывший в то время на службе у Англии) был убит Валиханом-тиуром, деспотическим правителем Джетишара в Кашгарии, и голова его была брошена на такую же, хотя

меньших размеров, пирамиду; любимым удовольствием хана было наблюдать, как она с каждым днем становилась все больше». Великий художник, не обязанный быть историком, неправильно отнес гибель Шлагинтвейта к 1860 году, ошибся в правильности написания титула Валихана-тёрэ, но дело, разумеется, не в этом. Груда черепов, сложенная на лессовой земле Кашгара, с течением времени воплотилась в картину, которая потрясла миллионы живых человеческих сердец.

Валихан-тёрэ попал в объятия своей пагубной страсти. Чокан замечает, что ходже нельзя было отказать в уме и энергии, но как может выглядеть человек, ежедневно погружающий себя в облако гашишного дыма? Кашгарские *бэнги* знали предательское свойство гашиша: курильщикам, как пьяницам, надо было обязательно опохмелиться.

Свой день ходжа начинал с трубки и, накурившись, впадал в исступление. Внешнее благообразие его исчезало, и он превращался в изверга, ищущего все новых и новых жертв. Передавали, что он казнил своего музыканта только лишь за то, что тот не смог сдержать зевка в присутствии своего грозного повелителя. Серебряный звук калуна, азиатских гуслей, еще был слышен в те мгновения, когда их обладатель упал на яркие ковры, а голова его откатилась в сторону. Палач подобрал ее, положил в шерстяной мешок и унес к подножию чудовищной пирамиды.

Там уже лежала голова сына знаменитого сабельного мастера Кашгара.

Валихан-тёрэ захотел иметь клинок, который хотя бы внешне походил на чудодейственный меч Сутук-Богра-хана, удлинявшийся сам собою при приближении к шее врага. Мастер долго трудился над клинком и с трепетом поднес его ходже. Валихан усомнился в добротности сабли. Творец клинка почтительно попытался оспорить поспешный приговор тирана. Тогда Валихан-тёрэ, дыша гашишным перегаром, попробовал узорчатый клинок на шее сына сабельного мастера. После этого ходжа наградил оружейника пестрым халатом, а сам перепоясался клинком священной войны.

Когда шла осада Янги-Шаара Кашгарского, безумный потомок Магомета приступил к литью пушек, поручив это дело одному афганцу. Он успел изготовить восемь орудий. Осажденные в крепости китайцы пускали в

ход не пушки, а тяжелые, длиною в сажень, чугунные ружья *тайфуры,* которые надо было заряжать с дула.

Всадники Валихана-тёрэ уже успели взять Янги-Гиссар (Янысар, Янги-Шаар), легко доставшийся им. Город этот был памятен ходже, потому что во время «Бунта семи ходжей» он управлял Янги-Шааром, привлекавшим его обилием гашишных курилен. К стенам Аксу, за которыми укрывался гарнизон, состоявший из шестисот человек, был двинут разбойник Тохта-Манджу.

На осаду Яркенда ходжа Валихан послал Тилля-хана. При этом он был ложно объявлен кашгарским ходжой, возвращающим себе права своих предков. Тилля-хан рассчитывал на успех, думая, что яркендцы распахнут перед ним ворота былой столицы Аппака. Но получилось все наоборот: кашгарские беки сказали яркендцам, что Тилля-хан — никакой не ходжа, он всего-навсего сын владельца мясной лавки в Янги-Гиссаре. Дело его — торговать бараниной, а не устраивать газават! Тогда все способные носить оружие яркендцы дружно выступили против Тилля-хана и отразили его нападение.

В то самое время, когда Тилля-хан стоял под белыми стенами Яркенда, хмуро разглядывая Золотые ворота, в стан самозваного ходжи пришел Адольф Шлагинтвейт, измученный своим долгим походом. Тилля-хан принял путешественника хорошо и все просил извинения, что не может уделить ему времени, так как страшно торопится взять Яркенд. Хан сказал, что, как только заботы свалятся с его плеч, он постарается представить Шлагинтвейта самому Валихану-тёрэ.

Но тут богдыханское войско при дружной поддержке яркендских жителей сделало стремительную вылазку и нанесло Тилля-хану такой удар, что его отряд стал поспешно отступать на запад через знойные песчаные холмы. Шлагинтвейту пришлось примкнуть к разгромленному войску и идти с ним вместе до Кашгара.

Валихан-тёрэ сидел взаперти и ждал, что на город вот-вот обрушатся войска богдыхана. Однако Шлагинтвейту и его спутникам удалось пройти в Кашгар.

Купец Найманбай рассказал Чокану, что Шлагинтвейт в первые дни пребывания в городе не миновал Андижан-сарая. Познакомившись с Найманбаем, высокий загорелый фрянг сказал, что ему нужны златотканая индийская парча и кашмирские ткани. Из разговора с пришельцем Найманбай понял, что европеец прибыл из Ин-

дии, намерен пройти в Коканд, чтобы вручить письмо Худояр-хану. Поскольку Валихан-тёрэ властвовал тогда в Кашгаре, фрянг хотел представиться ходже. Но Шлагинтвейту не удалось прикоснуться к упругой парче, которую пообещал достать ему маргеланец Найманбай. Вскоре путешественник был схвачен и приведен во дворец хаким-бека, где Валихан-тёрэ уже начал свой день с курения гашиша. Ни о каком представлении не могло идти речи. Ходжа грубо приказал отдать ему письма из Британской Индии. Шлагинтвейт, собрав мужество, ответил отказом и прибавил, что послания он может вручить только самому Худояр-хану. Валихан-тёрэ в бешенстве отдал приказ о казни дерзкого фрянга, мгновенно забыв о том, что хотел просить у ученого иноземца совета насчет обороны города от карательных войск илийского цзян-цзюня.

Ошеломляющие подробности передала «купцу Алимбаю» его юная жена *чаукен,* имя которой до нас так и не дошло.

В августе 1857 года она своими глазами видела, как палачи Валихана-тёрэ волокли под руки через весь город высокого чужеземца. На нем был туземный наряд, ветер играл длинными светлыми волосами смертника. Его вели к воротам Кунь-дарваза мимо китайской слободы и пруда на Янги-Шаарскую дорогу. Впереди был виден мост через Кызылсу. Шлагинтвейт не переходил этого моста. Где-то возле начала земляной плотины находилось место, где производились смертные казни. Адольфа Шлагинтвейта повергли на колени, и палач, широко размахнувшись мечом, отделил голову от тела.

Выполняя приказ ходжи, палач водрузил голову казненного на вершину пирамиды, сложенной из черепов. Чокан выслушал этот страшный рассказ, ничем не выдав своего волнения, а простодушной чаукен и в голову не пришла бы мысль о том, что ее кокандского мужа можно удивить воспоминанием о гибели иноземца. Мало ли людей казнят в самом Коканде!

Постепенно Чокан восстановил историю падения непрочной и кровавой власти Валихана-тёрэ. Карательные войска подступали к Кашгару, но старый ходжа каким-то образом сумел уйти из глинобитной крысоловки, устроенной им самим на свою голову.

Бросив гашишные трубки и забыв заботы о сборе голов для чудовищной пирамиды, оставив на произвол судь-

бы свой гарем, кашгарский деспот бежал в Дарваз. Выносливости этого выродка можно только удивляться, если принять во внимание свидетельства некоторых современников, утверждавших, что в год захвата Кашгара ходже пошел девятый десяток. Но его еще хватало на зверства и казни, на грязное и больное распутство, на походы и бегства, на созерцание видений, возникавших из гашишного дыма.

В Дарвазе Валихану-тёрэ долго продержаться не удалось. Его выдали Худояру. Кокандский хан заботился лишь о том, чтобы Валихан-тёрэ не сбежал в Кашгар во второй раз и не наделал новых хлопот.

Когда в город Кашгар вступили войска богдыхана, за все преступления потомка Магомета расплатился сторицей прежде всего народ.

Чокану рассказывали, что каратели грабили горожан, разрушали гробницы, заводили в мечети калмыцких коней. Вновь назначенные местные чиновники поспешили надеть мандаринские шапки. Беки хлестали плетьми всех встречных будто бы за то, что те не давали дорогу столь высоким лицам.

Пирамиду Валихана-тёрэ убрали, но взамен ее была устроена выставка голов казненных, которую увидел Чокан близ городских ворот Кашгара. Головы, подвешенные в клетках, отнюдь не принадлежали видным участникам восстания 1857 года. Люди влиятельные и богатые, помогавшие Валихану-тёрэ, не были даже смещены с должностей. Некоторым из них даровали новые шарики на шапки. Кашгар жил свежими воспоминаниями о расправе богдыханских властей над шейхом гробницы Сутук-Богра-хана в окрестностях города. Шейх был оговорен новым хаким-беком из зависти. Подробности казни были ужасны и отвратительны настолько, что о них не следует говорить, чтобы не оскорбить чувства читателя. Это был единственный за весь 1857 год случай казни видного деятеля ислама. После его гибели в казну отошли обширные поместья, несколько домов, многолетние хлебные запасы и несколько десятков тысяч слитков серебра.

Кокандские участники безумных затей Валихана-тёрэ ничем не поплатились. После бегства ходжи они поступили на службу к аксакалу Насыр-Эддину-датхэ, заняв видные должности в управлении его державой. Итак, многострадальный кашгарский народ, истерзанный кро-

вавым ходжой, претерпевал новые и новые муки, вызванные восстановлением прежней власти в Кашгаре.

Между тем в Коканде проходили раздоры и смуты, значительно облегчившие ходжам попытки нового набега на Кашгар. Еще на пути в сторону Шести городов Чокан слышал, что в Коканде очень неблагополучно. Киргизы предсказывали междуцарствие, говорили, что Худояр-хан враждует со своим братом Малля-беком, не довольствующимся своим положением минбаши — начальника над тысячным отрядом сипаев.

Новый хаким-бек Кашгара хотанец Алыч, носитель алого шарика, весь ушел в заботы; он через своих тайных наблюдателей собирал сведения в Коканде, Оше и в киргизских кочевьях. Что говорят там о ходжах? Где находится Валихан-тёрэ? На кого он будет делать ставку, зная о распре между кокандским ханом и его братом?

Хаким-бек проявлял деятельность, на которую не был способен его предшественник. Кашгарским бекам было объявлено, что вольготная жизнь для них кончилась. В прежние годы при появлении ходжей беки бежали в крепость, бросая город на произвол судьбы. Теперь было сказано, что их будут казнить, если они попробуют укрываться за глинобитными стенами. Беки призадумались и стали поправлять запущенные дела. На улицах города появились всадники с красными лоскутами у левого плеча. Каждый из них был вооружен копьем, ружьем или просто топором. Это было сельское ополчение, охраняющее дороги, ведущие в сторону Коканда. У городских ворот были учреждены склады, где лежали копья и топоры. Кашгарские кузнецы обливались потом, выковывая это оружие из казенного железа. На зубчатых стенах Старого Кашгара появилась постоянная стража; туда заставили выходить даже священников. Беки отыскали пушки, брошенные Валиханом-тёрэ, и подняли их на крепостные башни. Чокан со своей чаукен уже не мог ходить в гости позже девяти часов вечера, потому что движение после этого часа было запрещено. Лишь в окошко можно было увидеть, как вдоль улицы медленно следуют всадники с пылающими факелами. Это были дозоры, вылавливающие беспечных гуляк и подозрительных людей.

Устанавливая все эти новые порядки, хаким-бек хватил через край и обнародовал указ о запрете праздничных сборищ у гробницы Аппака. Кашгарцы привыкли к

тому, что в месяце шагбан весь город шел туда встречать престольный праздник. Теперь было объявлено, что нарушители указа будут беспощадно выпороты. Это касалось мужчин, женщины же рисковали праздничными нарядами, которые было приказано снимать с богомольных кашгарок прямо на улице. Весь город роптал, но чувство страха взяло верх. Никому не хотелось ходить с исполосованными плетями спинами, в расчет городских модниц не входило брести по городу в одних нефритовых ожерельях. Кашгарцам было запрещено произносить слово «ходжа», отчего проистекали неудобства, ибо оно также означало «господин» и прибавлялось к имени. Кашкарлыки по природе своей были очень вежливы, и этот бессмысленный запрет был для них тяжел. Хаким-бек объявил крамольными некоторые народные песни, но рты заткнуть не мог; на базарах, в харчевнях и трактирах, где продавали бузу, по-прежнему звучали слова кашгарских четверостиший, сопровождаемые размеренными звуками бубнов.

Прислуга мусабаевского каравана находилась в деревне Тозгун. Вьючный скот был истощен за время путешествия, коней и верблюдов пришлось поставить на усиленный откорм. Чокану волей-неволей надо было как-то убить время, и он решил заняться изучением уйгурского языка. Мы не знаем, кто был его наставником в этом увлекательном деле. Чокан замечал, что живой язык кашгарцев совершенно неизвестен ученым Западной Европы. Они лишь немного были знакомы с языком книжным, имеющим сходство с джагатайским. «Купцу Алимбаю» удалось открыть, что в Восточном Туркестане постепенно образовался еще и язык канцелярский, на создание которого повлияли китайские формы. «Канцелярские» образцы Чокан записал. На страницах его походных тетрадей появились записи народных песен Кашгара, против которых так восставал хаким-бек с красным шариком.

«Несмотря на большую опасность, я вел во время пути и в самом Кашгаре постоянный дневник»,— писал впоследствии Чокан.

«Дружеские связи с туземцами, учеными и чиновниками, свободные разъезды по окрестностям дали мне возможность обозреть эту замечательную страну. Знакомства с купцами разных племен и из различных стран доставили мне много маршрутов, этнографических, статистических, торговых сведений о соседних странах. Находясь

постоянно в обществе купцов и живя в караван-сарае, я особенно хорошо познакомился с среднеазиатской торговлей, с предметами караванной торговли вообще и особенно в Кашгаре, с среднеазиатским купечеством, с их коммерческими понятиями и экономическими соображениями».

Когда он находил время для работы над дневником, где прятал его, как в его памяти удерживались имена, названия, цифры?

Сны Чокана часто были тревожны. Ведь он обладал сокровищами и утратить их страшился. Ему удалось добыть образцы разных цветов нефрита из яркендских гор Мирджай и русла реки Каракаш. «Камень юй»— так называют нефрит китайцы,— горный хрусталь, обломки мрамора, яшма Болора, золотоносный песок с берегов Керии лежали в его седельных сумах. Там же хранились и образцы английских товаров, попадавшихся ему на базарах Кашгара. Но только ли ради одной торговли пытались проникнуть в Восточный Туркестан европейцы из Бомбея и Калькутты? Ко-то из кашгарских друзей «купца Алимбая» рассказал ему, что Ост-Индская компания не упускала из виду потомков Аппака и через тайных посланцев сманивала ходжей в Кашмир, обещая свою помощь и поддержку в их домогательствах.

Чокан близко принял к сердцу весть о том, что в Яркенде находится человек, пришедший из Индии вместе со Шлагинтвейтом, по слухам — индиец. Теперь мы знаем, что речь могла идти об ученом «пундите»— съемщике Наин-Синге или об уроженце Яркенда Магомет-Амине, проводнике Шлагинтвейта. Магомет-Аминь бывал в Индии не раз и до и после похода баварского ученого. Упоминание о Магомет-Амине есть в книге Генри Вальтера Беллью (1834—1892), уроженца Британской Индии, пешаварского лекаря и участника посольства Форсайта в Кашмир и Кашгар в 1873—1874 годах.

Доктор Беллью, разумеется, много читал и слышал о Шлагинтвейте. Но, обмолвившись о Магомет-Амине, Беллью почему-то умолчал о нем как о шлагинтвейтовском проводнике. Г.-В. Беллью сообщает зато, что Магомет-Аминь в 1872 году провожал в Индию кашгарского посла Саид-Якуб-хана, между прочим ташкентского уроженца. Затем Магомет-Аминь был проводником при посольстве Форсайта. Вероятно, этот кашкарлык, знавший дорогу в Британскую Индию, по меньшей мере три раза

переходил через Каракорум, и Магомет-Аминя хорошо знали Шлагинтвейт, Форсайт и Беллью.

Жизнь в Кашгаре шла своим чередом. Чокан продолжал знакомиться с древним городом, окруженным стеною с шестью башнями. На окраинах, примыкающих к стене, виднелись пруды; их было около десятка. Южную часть города занимала китайская слобода, к северу от нее располагалась главная площадь с соборной мечетью. Через площадь проходила, пересекая весь город от северо-востока к юго-западу, одна из самых длинных улиц, упиравшаяся своим концом в Куня-Гульбах, городской форт, где размещался гарнизон Старого Кашгара. Куня-Гульбах не следует смешивать с более обширным по размерам Янги-Шааром Кашгарским, который хотел затопить Валихан-тёрэ. Гульбах изгибался подковой; концы ее плотно примыкали к городской стене Кашгара. Таким образом, укрепление было как бы пристройкой к кашгарскому «кремлю», сильно вынесенной на запад. Даже человеку невоенному было ясно: Куня-Гульбах был построен с таким расчетом, чтобы солдаты, находившиеся в нем, могли держать под огнем пушек и чугунных ружей — тайфур — весь город Кашгар. Об этом говорили бойницы на башнях Куня-Гульбаха, придвинутых к валу «кремля». Внутри подковы Янги-Шаара была двухсаженная стена, окружавшая казармы и дом, где помещался комендант укрепления.

Странно, что Чокан ничего не рассказал о храме Гэнчу или храме Банчао, как называет его г-н К.-П. Шивашканкара Менон, побывавший в Кашгаре в 1944 году. Он описал город в своей книге «Древней тропою», переведенной недавно у нас на русский язык.

Г-н Менон говорит, что, когда ему захотелось обозреть Кашгар «с птичьего полета», он избрал для этой цели храм Гэнчун. Что это был за храм, путешественнику в Кашгаре не могли объяснить. Но храм этот связывали с именем Банчао, китайского воителя, жившего в I веке нашей эры. Древние историки писали, что этот человек, получивший титул Дин-юань-хоу, посетил пятьдесят царств Запада. Тридцать лет пробыл Банчао в западных пределах и возвратился в столицу Китая лишь в 102 году.

Отважный Гань Ин, посланный Банчао на самый дальний Запад, в 97 году увидел воды Средиземного моря. Он

рассчитывал достичь Рима, но у Китайского странника иссякли дорожные средства, и он повернул вспять.

О Банчао и Гань Ине Чокан мог прочесть у отца Иакинфа в его «Собрании сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена», изданном за семь лет до этого. Но о «храме Банчао» в Кашгаре Чокан Валиханов не писал. Неужели он не исследовал этот памятник древности? Г-н Менон удостоверяет, что с возвышенности, на которой стоит храм, весь Кашгар виден как на ладони. Возле храма находится чистое красивое озеро, окруженное тополями. Предание говорило о том, что однажды войско Банчао оказалось в опасности, когда недруги, осаждавшие Кашгар, лишили город воды. Разгневанный гость пятидесяти стран топнул ногой, и из-под земли ударил звонкий источник, превратившийся в прозрачный водоем, утоливший жажду воинов Банчао.

Чокана манил к себе Яркенд. Путешественник помнил, что Марко Поло, пообещав описать область «Шаркан», вдруг заявил, что ничего достойного внимания там нет. Филипп Ефремов был куда более щедрым на слова и в 1786 году рассказал, что от Кашгара до «городу Ярканту» пять дней пути. В Яркенде пять «городовых ворот», а на рыночной площади стоит высокий каменный столп. Далее упоминалась «небольшая речка проточная». Ефремов уверял, что от Яркенда до Тибета тридцать пять дней езды. Прибыв в Яркенд из Кашгара, недавний бухарский пленник закупил там товары, приобрел по сходной цене «слугу арапа» и двинулся в Тибет. Вот все, что рассказывал Филипп Ефремов о городе Яркенде.

Разве не любопытно было проверить его сообщение о каменном яркендском столпе, кстати сказать, непомерно высоком? В городах Шестиградья возле дворцов хаким-беков ставились башни для музыкантов. Когда амбань изволил обедать, с вершины такой башни, похожей на пожарную каланчу, неслись звуки гонга, большого барабана, грохот длинных труб. Так было и в Кашгаре. Возможно, что Ефремов имел в виду такую башню или мечеть. Сохранились ли в Яркенде хотя бы развалины дворца Аппака? Любознательный Чокан, конечно, постарался бы выяснить все это, но в Яркенд его влекло прежде всего желание отыскать спутника Шлагинтвейта.

Десятого октября 1858 года «купец Алимбай» и бухарец Мухсин Сагитов вместе с четырьмя спутниками вы-

ехали из ворот Куну-дарваза на Янги-Шаарскую дорогу. Чокан не мог миновать рокового места. Между городской стеной и мостом через реку Кызылсу был обезглавлен Адольф Шлагинтвейт. Здесь, у земляной насыпи, обсаженной трепетными ивами, была пролита его кровь.

Пропускные билеты аксакала кокандского открыли Чокану и Мухсину Сагитову путь на Янысар. Кашгарский бек прочел эти бумаги и почтительно вернул их путникам. Это происходило неподалеку от реки Тозгун на песчаной равнине, прорезанной арыками, отведенными из тозгунского русла. На ночлег Чокан со своими товарищами устроился в одном из *лянгаров,* как он называл постоялые дворы. В первой половине следующего дня показались песчаные бугры, за которыми стоял город Янысар (Янги-Гиссар), памятный кашгарцам после безумной затеи Валихана-тёрэ, вздумавшего затопить его водами Кызылсу. Сам Янысар был совсем небольшим городом, но к северу от него высились башни и стены твердыни, бывшей предметом вожделения кашгарского тирана. В Янысаре находилось управление округом; из всех его селений особенную известность получило Терек-Тек, где производили гашиш.

Приезжие разыскали в городе какого-то приятеля, знакомого им по кашгарскому Андижанскому сараю, тот свел их с другими кокандскими купцами. В итоге Чокан прогостил в гашишном городе два дня, не будучи в силах отказаться от званых обедов и вечеров. 14 октября путешественники встали чуть свет, чтобы успеть в течение дня проехать две дорожные станции: Топлык и Кызыл, а заночевать на третьей — Кокрават. Вдоль дороги зеленели рощи, тянулись желтые дувалы, текли реки и журчали арыки. Чокан же приготовил себя к безрадостному пути по пустынным местам, начинавшимся возле Кызыла. Ждал приближения священной песчаной степи, связанной с именем Арслан-хана. В свое время Чокан упоминал о золотом перстне с надписью «Арслан», найденном в Семиречье. Арслановский перстень он оставил в Омске или в Верном.

Кто был Арслан? Если верить легенде, он доводился внуком Сутук-Богра-хану из династии Караханидов, чьи останки покоились в усыпальнице в Устун-Артыше близ Кашгара. Сутук умер в 1037 году.

Арслан жил в XI веке. Кашгарское сказание говорило о его чудесном рождении. Еще при жизни Сутук-Богра-

хана его младшая дочь была напугана явлением архангела Гавриила, одарившего ее частицей света. Частицу эту она проглотила и вскоре заметила, как стал округляться ее стан. Сутук-Богра-хан совершал молитву в кашгарской мечети, когда ему донесли, что его добродетельная дочь, дотоле не взиравшая ни на одного смертного, родила младенца. Разгневанный Сутук-Богра-хан собрал совет из сведущих лиц и поручил им провести расследование всей этой истории. Ханская дочь ничего не утаила и поведала о том, как к ней прилетал крылатый небожитель. Тогда весь совет признал высокое целомудрие девы Кашгара и полную непорочность зачатия от частицы небесного света. Младенца назвали Арсланом. Он подрос и проявил необычайные способности, овладев в короткий срок всеми науками того времени. Затем он стал великим защитником ислама. Главными его врагами были буддисты Хотана. Они и умертвили Арслана. Победители привезли его голову к воротам Кашгара, и один из дерзких военачальников, широко размахнувшись, метнул ее, как мяч, в городскую стену, громогласно обвиняя осажденных в трусости и малодушии.

Когда сняли осаду города, кашкарлыки, опасливо выйдя из ворот, отыскали голову и зарыли ее в землю там, где она была найдена. Впоследствии на этом месте построили мусульманский алтарь Хазрет-Падша. Он стоял неподалеку от моста через Кызылсу, близ дороги из Кашгара в Яркенд.

Кашгарские богомольцы часто посещали и усыпальницу матери Арслан-хана. Это погребение находилось тоже за рекою. Предание гласило, что, когда Арслан-хан был обезглавлен, его неутешная мать ринулась для мщения врагам в сопровождении своих гневных прислужниц из Артышского дворца. Они преследовали убийц Арслан-хана, успели умертвить своими стрелами много врагов. Но ряды хотанцев росли, и грозные мстительницы обратились вспять. Помочь им захотела сама глинистая земля Кашгара; она открыла свои недра для беглянок. Преследователи заметили пещеру, в которой укрылась мать Арслан-хана, и убили ее вместе с остальными воительницами Артыша. На месте гибели дочери Сутук-Богра-хана была воздвигнута скромная гробница.

Что же касается места, где должен был покоиться костяк Арслан-хана, то оно находилось в Песках мучеников, начинавшихся к востоку от Кызыла. Там когда-то

происходили кровопролитные бои кашгарских мусульман с неверными язычниками-хотанцами. Великие пески, избороздившие знойный лик пустыни, не пощадили усыпальницы Арслана, надвинулись и покрыли ее своей подвижной толщей, так что над песками виднелись лишь верхушки пик, увенчанных хвостами яков. Тем не менее песчаный саркофаг был предметом поклонения богомольных кашгарцев, яркендцев и путешественников, посещавших эти города.

Англичанин Генри Вальтер Беллью, побывав в Кашгаре после Чокана, свидетельствовал, что могила Арслан-хана содержалась за счет особых ярмарок, устраивавшихся четыре раза в год. Главный из этих базаров привлекал к себе до двадцати тысяч кашгарцев. Собранные таким образом деньги позволили местным властям выстроить вблизи гробницы несколько доходных зданий; в них были размещены гостиница, харчевни, жилища духовных лиц, а также богоугодные заведения. Но языки песчаных дюн уже успели подползти к этой обители.

Рассказ о чудесном рождении Арслана, о его участи, о гибели ханской матери Генри Вальтер Беллью почерпнул из «Тазкира-и султан Сутук-богра-хан газы», как называл это сочинение Чокан Валиханов, впервые открывший его в Кашгаре. Беллью сообщал, что эта книга была в XI веке написана по-персидски Наджуддином Аттаром и переведена на язык тюрок.

Если мы заглянем в творения историка Ибн ал-Асира, то найдем в них такое свидетельство.

В 1043—1044 годах караханид, носивший титул Шереф-ад-Даула, властелин стольного города Баласагуна и страны тюрок, разделил между своими родственниками владения в Кашгарии, Семиречье и Мавераннахр. После этого у *арслан-тегина* оказалось несколько городов, населенных тюрками; Богра-хану достались Тараз и Исфиджаб, Тоге-хану была отдана цветущая Фергана; Бухар и Самарканд отошли к Али-тегину. Из всего этого явствует, что лицо, носившее имя Арслан, в действительности существовало в первой половине XI столетия.

По правде сказать, имя Льва-властелина, а скорее всего титул, встречается в летописях Восточного Туркестана и китайских источниках еще в X веке. Так, «Львом-государем» назывался правитель страны Гаочан, которую можно отождествить с областью Турфана. К нему в 981 году ездил посол императора Тайцзуна. Арслановы

владения простирались на восток до теперешнего Хами, на севере они доходили до озера Баркуль. В стране Арслан не было бедняков, люди неимущие находились на общественном обеспечении. Старцы нередко доживали до ста лет. Жители этой страны пасли табуны коней, добывали нашатырь из горящей горы, обрабатывали небесный камень юй — нефрит.

В более древние времена имя Льва-властелина в Кашгарии могло быть и нарицательным, ибо в «Истории северных дворов», которой увлекался отец Иакинф, например, говорилось, что кашгарский владетель носил головной убор с изображением львиной головы.

Приближаясь к Пескам мучеников, Чокан, разумеется, не раз вспоминал Арслан-хана и все связанное с его именем. Вокруг расстилалась равнина, покрытая солонцами и поросшая чахлой травой. Неподалеку отсюда, в урочище Тоюнлык, находились месторождения железной руды. Жители Топлыка, Кызыла и других окрестных селений повергали бурый железняк в каменные горны и плавили его на древесном угле. Готовое железо поступало в кузницы и мастерские, где оно быстро превращалось в земледельческие орудия вроде кетменей и сошников. Рудокопы, рабочие плавилен и молотобойцы жили здесь бок о бок. Но Чокану не удалось осмотреть весь этот железный оазис, затерявшийся в бесплодной степи. Едва Чокан и его спутники отъехали от Топлыка, как их нагнал всадник на взмыленном коне. Посланец вынул из шапки письмо и протянул его Чокану.

Караванбаши Мусабай Тухтубаев сообщал ошеломляющую новость: Коканд захвачен Малля-беком, а кровавый ходжа Валихан, воспользовавшись всеобщим замешательством, сбежал в Восточный Туркестан. Об Яркенде теперь нечего было и думать. Чокан поспешил обратно в Кашгар. Это произошло 14 октября 1858 года.

Когда караван Мусабая двигался по Теректинскому ущелью, киргизы среди бела дня пытались напасть на «кокандских» купцов. Чокану поневоле пришлось вспомнить о неписаном законе «ханского грабежа». В годы частых смут и междуцарствий в землях Кокандского ханства всякие разбои и насилия над купцами предавались полному забвению. Событие в Теректинском ущелье произошло еще в то время, когда в Тянь-Шань проникли лишь первые слухи о раздорах между Худояр-ханом и его братом, которого Чокан всюду называет Малибеком,

хотя его имя правильнее произносить и писать «Малля-бек». Прослышав о междоусобицах в Коканде, тянь-шаньские разбойники осмелели и уже тогда провозгласили час «ханского грабежа». Что же ожидало караван Мусабая теперь, когда о перевороте в Коканде знал весь Тянь-Шань? Если Валихан-тёрэ действительно сбежал, он не преминет вновь появиться в Кашгарии, чтобы продолжать свои зверства. Оставаться в этой стране семипалатинскому каравану больше нельзя. Он будет вынужден идти к русским рубежам, навстречу неизбежным бедам, опасностям и засадам, устроенным каким-нибудь Торегельды в сыром черном ущелье!

Пока Чокан вместе с бухарцем Мухсином возвращается в Кашгар, расскажем о событиях в Коканде.

Когда Валихан-тёрэ был пойман и доставлен князем Дарваза с берегов Пянджа в Ферганскую долину, Худояр-хан действительно взял ходжу под стражу. Хан предложил высшим духовным судьям и знатокам права решить вопрос об ответственности Валихана-тёрэ перед законом.

Ханские секретари едва успевали принимать прошения от родственников убитых или замученных владыкой Кашгара. Вскоре челобитчики получили возможность убедиться в бесцельности своих жалоб. Всем тем, кому приходилось обвинять Валихана-тёрэ, пришлось горько в этом раскаяться. Зря они изводили бухарскую бумагу!

На жалобщиков наложили огромную пеню. Им было сделано внушение, чтобы впредь они даже и не думали тревожить покой Худояр-хана необдуманными наветами на Валихана-тёрэ. Все дело было в том, что «потомки Магомета» были неподсудны простым смертным, включая даже самого хана и его ближних слуг. Ходжу нельзя было ни казнить, ни бить витыми плетями, ни поить крепким рассолом. Кончилось все это тем, что Валихан-тёрэ был всего-навсего отдан под надзор. Свирепый убийца остался безнаказанным только потому, что нельзя было ставить под сомнение святость человека, считавшегося потомком пророка. Суд над Валиханом-тёрэ предпринять было невозможно, потому что в его лице пришлось бы осудить всех ходжей, отмеченных печатью пороков и преступлений.

Наступил октябрь 1858 года, и Малля-бек появился в Маргелане, созывая под свое знамя всех, кто был недоволен правлением Худояр-хана. Незадолго до этого

Малля-бек участвовал в жестоком походе, подавлял восстание казахов и киргизов, выведенных из терпения насилиями кокандских наместников. Теперь он спешил свергнуть с престола своего брата.

К Малля-беку во множестве пристали кыпчаки, недовольные Худояром, отобравшим их исконные земли. Первым, кто стал у стремени мятежного бека, был ходжа-самозванец Тилля-хан. Он, как известно уже, осаждал Яркенд и принимал у себя Адольфа Шлагинтвейта, а после без оглядки бежал в Кашгар.

К Малля-беку примкнул также брат Валихана-тёрэ, ходжа-неудачник Кичик-хан, настолько ничтожный, что ему боялись поручать какие-либо дела.

Наконец и сам Валихан-тёрэ выполз из своей норы и появился в лагере Малля-бека в то время, когда тот осаждал Коканд. Говорили, что вначале бек встретил Валихана-тёрэ с распростертыми объятиями, осенил знаменем, вложил в его руку бунчук и пообещал ему звание Великого Ходжи. Бек уверял, что, как только возьмет Коканд, он позаботится о возвращении Валихану кашгарского трона.

Но Валихан-тёрэ не хотел ждать, хотя Малля-бек вскоре одержал победу над Худояром и занял кокандскую столицу. Покуда Малля-бек осваивался со своим новым положением, кровавый ходжа, улучив время, вновь сбежал из Коканда, прихватив с собой шелковое знамя и ханский бунчук.

Беглеца поймали и под руки ввели в ханский дворец. Тилля (теперь уже хан) отобрал у Валихана-тёрэ знамя вместе с бунчуком и вручил их старшему брату Валихана-тёрэ, недалекому и слабодушному Каття-хану, обладателю огромного гарема. Ему было сказано, что он, как старший среди братьев — потомков Аппака, всецело отвечает за них. Ему поручается надзор за ходжами. Если они вздумают бежать в Кашгар или еще куда-нибудь, отвечать за всех будет Каття-тёрэ. Три брата должны были по три раза в день являться в ханский дворец. Вслед за этим новый хан стал готовить посольство в Кашгар. Послом был назначен некий Мядкримбай. При нем состоял Нормагомет-датха, видный кокандский сановник, имевший придворный чин «начальника дверей». Кашгарцы его прекрасно знали.

Когда осенью 1847 года под стенами Кашгара появились отряды, возглавляемые потомками Аппака, этот са-

мый Нормагомет, тогда бывший аксакалом кашгарским, несмотря на сопротивление правителя города, распахнул перед семерыми ходжами западные ворота. В числе ходжей были три брата — Каття, Кичик и Валихан-тёрэ. Каття-хан, приняв на себя верховную власть, обласкал аксакала Нормагомета и пожаловал его высоким военным званием *минбаши.* Когда же семь ходжей убежали в Коканд, а богдыханские войска заняли Кашгар, Нормагомет через короткое время снова вернулся к своим прежним обязанностям аксакала. Он терпеливо дожидался нового прихода ходжей и радостно встретил Валихана-тёрэ, когда тот, взорвав городские ворота, проскакал к дворцу хаким-бека.

Нормагомет снова был произведен в минбаши и какое-то время пребывал в полном благополучии, наслаждаясь властью и милостями тирана. Когда же кровавые безумства недолгого властителя потребовали все новых и новых жертв, Валихан-тёрэ едва не казнил своего недавнего любимца. Нормагомет по собственному опыту узнал, что такое кашгарская темница; не раз сидя в ней, он выходил оттуда только после уплаты огромного выкупа. В конце концов он узнал о заочном смертном приговоре, вынесенном ему Валиханом. Нормагомет бежал в Коканд.

После свержения Худояр-хана аксакал Нормагомет не замедлил появиться в Кашгаре.

Дней за десять до его торжественного вступления в город из Коканда прискакали приближенные Нормагомета. Они ворвались в дом Насыр-Эддина, отобрали у него ярлык на аксакальство, увезли имущество, а самого его сволокли в тюрьму. Кокандским купцам было объявлено, что ими временно будет управлять Сулейманкул, Нормагометов родич, незадолго до этого освобожденный из-под стражи. Заключение он отбывал как участник восстания Валихана-тёрэ. Вызволенный из узилища Сулейманкул немедленно окунулся в светскую жизнь. Торговые кокандцы чуть ли не на руках его носили, задаривали и угощали. Между тем он прилагал все усилия, чтобы разузнать, не успел ли низверженный аксакал Насыр-Эддин укрыть свои пожитки в каком-нибудь надежном месте. Сыщики Сулейманкула явились к караванщикам и приказали показать список даров, поднесенных Мусабаем бывшему аксакалу. В числе подарков были русский пистолет и часы, но караванбаши исключил эти пред-

меты из перечня, и они не попали в цепкие руки Сулейманкула.

Вскоре временщик вызвал к себе всех иноземных торговцев и приказал им готовиться к торжественной встрече своего покровителя, приближавшегося к Кашгару со стороны Коканда. Двум-трем спутникам Чокана пришлось ехать за Артыш, на пикет, где собрались самые знатные чиновники и купцы, раболепно приветствовавшие посланцев Малля-бека.

Двадцать пятого ноября 1858 года передовой кокандский сипай, размахивая плетью, проскакал по длинной улице города с криком: «Берегите поводья». Челядь аксакала провела дорогих скакунов, украшенных сбруями, отделанными золотом и серебром. Сверкали червонные стремена, звенели серебряные бляхи на подпругах. С пышностью, подобающей скорее Великому Моголу, вступил новый кокандский аксакал в чужой город. Кашгарцы сгибали спины перед участником двух мятежей, снова удостоившимся власти над страной Шести городов.

На следующий день Чокан, обернув голову муслиновой чалмой, сунул под мышку плиту чая и отправился вместе со своими товарищами для подношения первых даров Нормагомету. Тот милостиво принял семипалатинцев, и они поняли, что подарки следует повторить. Представился удобный случай отделаться от той самой железной кровати, которая стала причиной распространения нежелательных и даже опасных слухов. Караванщики отвезли ее Нормагомет-датхе вместе с золотыми часами, бархатным халатом, новыми плитами чая «фу» и головами сахара.

Аксакал был очарован вниманием Мусабая и его родственника — юного «Алимбая». К тому же кокандский датха никогда не оставлял без внимания крепкие напитки, и ему постоянно требовались собутыльники. Он так привязался к семипалатинским гостям, что виделся с ними каждый вечер.

Весело беседуя с былым минбаши Валихана-тёрэ, Чокан, наверное, не забывал содержания одной бумаги из архива П. Д. Горчакова, генерал-губернатора Западной Сибири. Этому предшественнику Гасфорта однажды донесли, что Нормагомет продолжает мутить казахскую Большую орду, посылая туда из Ташкента своих людей. Речь шла тогда, конечно, об этом кокандском вельможе,

выслужившемся при владычестве кыпчаков и потом достигшем могущества в Кашгаре. Вот какой хвост тянулся за внешне очень приветливым и доброжелательным Нормагометом! Он не скупился на ответные подарки и пожаловал одному из караванщиков коня с дорогим седлом, халат из парчи и великолепные наездничьи сапоги, какие носили далеко не все сипаи. Аксакалу настолько пришлись по душе люди из Семипалатинска, что он разрешил им ходить по городу ночью, снял с них другие ограничения, вызванные тревожным временем.

Отовсюду ползли слухи о том, что Валихан-тёрэ, ускользнув от надзора Малля-бека, лишь до времени скрывается где-то в Турфане. С часу на час он мог появиться у ворот Кашгара. Кашкарлыки уже не надеялись на спасение. На площадях и улицах, в харчевнях и питейных домах слышались возгласы отчаяния и обреченности. Говорили, что Высокий Господин перережет всех, не пощадив ни женщин, ни детей. Когда кто-либо из пришлых людей советовал кашгарцам не пускать ходжу в город и защищаться до последнего, правоверные жители города Кашгара с ужасом спрашивали: «Разве можно сопротивляться ходже?» Народные ополченцы сокрушенно рассматривали оружие, выданное им, покачивали головами и говорили, что оно совершенно бесполезно. Магометане, заботящиеся о спасении своих душ, не могут стрелять в потомка пророка! Беки, которым было приказано усилить охрану и возможную оборону города от шаек неистового ходжи, усердствовали, выставляя дозоры на крепостных стенах. Дорога на Аксай просматривалась конными отрядами.

Мусабай и Чокан занялись довольно нудным делом — получением денег за товары, проданные в долг, и хлопотали насчет пропуска в обратный путь. Потом пришлось делать закупки местных товаров — чая, полушелковых тканей, платя высокие пошлины и не скупясь на магарыч при сделках с купцами. Немало денег ушло на приобретение вьючных животных. В таких хлопотах проходили дни «купца Алимбая».

Великолепное «индийское лето» в Кашгаре кончилось, наступили холода, и городские арыки покрылись первым льдом. Великие снега завалили горные проходы, в том числе — Терек-Даван. Незаметно наступил новый, 1859 год.

Кашгарские купцы советовали Мусабаю возвращать-

ся через Коканд и Ташкент. Надо было иметь большую выдержку, чтобы, не возбуждая никаких подозрений, правдоподобно объяснить непрошеным советчикам нежелательность этого пути.

Сам Чокан опасался, что в Коканде он может встретиться с людьми, хорошо знавшими его. Как на грех, в первые дни нового года какой-то кокандский чиновник явился на место стоянки мусабаевского каравана в деревне Тозгун, вглядывался в лица погонщиков и рабочих и все допытывался, нет ли среди них представителя русского правительства. Когда об этом случае донесли Нормагомету, он поднял на смех незадачливого сыщика. В то же время Чокан узнал, что за ним и Мусабаем следят соглядатаи Мамразака, начальника кокандской крепости Куртка, засланные в Кашгар.

Путешественники долго гадали, какой дорогой им лучше идти домой. Кто-то предложил ехать через Уч-Турфан, но от этой мысли пришлось отказаться, потому что там были трудные перевалы, в том числе — Кок-Джар. Правда, посланцам Бурамбая, узнавшим о судьбе Шлагинтвейта, в свое время удалось очень быстро, всего за семь дней, преодолеть пространство, лежавшее между бурамбаевскими аулами и Кашгаром. Но всадники старого манапа совершали свой поход среди лета, пользовались отборными конями.

В феврале в Кашгар пришла весна. Надо было попытаться преодолеть Теректы-Даван. Узнав о сборах гостей, аксакал Нормагомет рассудительно заметил, что около 15 марта станут доступными все горные проходы к северу от Кашгара. Зачем спешить?

Мусабай стоял на своем. Он приказал каравану выступить к Теректы-Давану и осмотреть перевал. Разведчики вернулись с вестью, что перевал завален снегами, но зато на западе им удалось наметить свободный путь к озеру Чатыркёль и кокандской крепостце Куртка. Достигнув ее, можно будет свернуть к востоку и выйти на уже знакомую путешественникам Зауку.

Кокандский аксакал дал письмо на имя начальника Куртки и послал с караваном своего проводника. Им оказался есаул Тохтар, сибирский казах, слепо преданный ходжам. Он был участником их походов и захватов, начиная с 1825 года. Валихан-тёрэ назначил Тохтара начальником дворцовой охраны, а затем доверил ему отдельный отряд, осаждавший Яркенд. Престарелый Тохтар еще не

только бодро сидел в седле, но и вслух мечтал о том, что его свирепый покровитель вновь войдет в ворота Кашгара.

СНОВА НЕБЕСНЫЕ ГОРЫ!

Множество горожан провожало отважных семипалатинских купцов. Народ столпился возле дома аксакала, дававшего напутствие веселому «купцу Алимбаю» и караванбаши. 11 марта Чокан простился с Кашгаром и поспешил в Устун-Артыш.

Надо сказать, что в окрестностях Кашгара находятся два Артыша — Устун-Артыш и Астын-Артыш, что создает невозможную путаницу и может сбить с толку исследователя. Один из них — Устун — связан с историей жизни Сутук-Богра-хана, жизнеописание которого Чокан купил на книжном развале в Кашгаре. В книге наивно рассказывалось: когда Сутук-Богра-хан был еще очень юным, он погнался за зайцем по долине Артыша. Вдруг заяц мгновенно обернулся в человека и заговорил с Сутук-Богра-ханом, опустившим от священного ужаса свой лук.

Из длинной речи этого зайца-человека Сутук-Богра-хан уразумел, что ему пора оставить идолопоклонство и пойти по пути, указанному Магометом, иначе Сутук-Богра-хана ожидают муки ада. Заяц, превратившийся в законоучителя, заставил мальчика повторить слова: «Нет бога, кроме бога, а Магомет пророк его!» На прощанье святой, скрывавшийся в образе зайца, пообещал новообращенному мусульманский рай со всеми его блаженствами. Вскоре в Устун-Артыш пришел иноземный караван, возглавляемый божьим угодником Абу Назаром Самани из Бухары. Артышский заяц был всего-навсего предтечей Самани! Бухарский пришелец обратил кашгарского принца в ислам и вскоре помог ему одолеть его венценосного дядю Гаруна, закоснелого в древнем язычестве. Сутук-Богра-хан долго воевал с Гаруном, умерщвляя тысячи неверных соотечественников, и, наконец напав на Кашгар, убил своего родича и овладел троном.

После этого Сутук-Богра-хан окончательно утвердил учение ислама в стране. Обращая неверных, он проносил свои знамена до Каракорума, пил воду из Амударьи. Прожил на свете он почти сто лет и умер в Кашгаре,

держа в руках прекрасную розу. Его похоронили в Артыше с необыкновенной пышностью.

Сутук-Богра-хан и после смерти творил всевозможные чудеса, являлся к своим неутешным подданным, беседовал с ними насчет доблестей Магомета. Саркофаг Сутук-Богра-хана помещался под облицованным лазоревыми, желтыми и зелеными изразцами куполом здания. Любознательный путешественник мог прочесть арабские надписи над входом в усыпальницу. Одна из них гласила, что в 1838 году мавзолей был обновлен стараниями бека Загир-Эддина. Чокан должен был знать об этой надписи. Еще бы! Ведь Загир-Эддин не кто иной, как упомянутый Чоканом бек Зурдун, покинувший Кашгар в 1830 году и побывавший в Петропавловске, Казани и других русских городах. Возвратившись на родину, Зурдун-бек в должности туземного правителя Кашгара починил крепостные стены, возвел новые дома и, как гласит артышская надпись, позаботился о древнем памятнике на месте погребения неистового воителя ислама.

Гробница Сутук-Богра-хана напоминала о почти злободневных событиях, связанных с усмирением восстания Валихана-тёрэ. Рядом с усыпальницей находилось наследственное имение потомков Сутук-Богра-хана, шейха Устун-Артыша, ныне отобранное в богдыханскую казну. Последний шейх, по имени Мир-Ахмед, как уже говорилось, был казнен усмирителями вместе с его сыном. Младшие сыновья успели бежать в Коканд. Находясь там при белогорских ходжах, потомки Сутук-Богра-хана мечтали возвратиться в древний Артыш. Шейх был самым богатым человеком Кашгара, а о степени его могущества можно было судить хотя бы по тому, что он имел собственную дворцовую стражу. Артышский замок представлял собою настоящую крепость, а в его просторных подвалах хранились тысячи серебряных слитков — ямбов. Кашгарцы оплакивали гибель шейха и при этом говорили, что его нельзя было обвинить в близости к Валихану-тёрэ. Ведь он насильно взял себе в жены дочь Мир-Ахмеда!

Артышские поселения были известны своими базарами, привлекающими множество киргизов и казахов, приходивших из-за Тянь-Шаня для продажи скота и закупки чая, хлеба и дешевых тканей. В Артышской округе кочевали киргизы, в большинстве своем выходцы с севера.

Свой караван Чокан разыскал между Устун-Артышем и пикетом Ислык за глинистыми грядами бесплодной степи. К каравану приехал артышский юз-беги, сотенный начальник. Ему было поручено провожать семипалатинцев. Они никак не рассчитывали на такую честь, ибо до этого ни один караван не пользовался подобным вниманием туземных властей Кашгара и уходил домой без всяких почетных провожатых.

В обратном пропуске, выданном Мусабаю, было указано, что знатные купцы следуют к границе через пикет, к которому пришлось сделать крюк. Верблюды зашагали в сторону ущелья, разрезавшего известняковые утесы, и вскоре Чокан увидел знакомые четыре башни. Когда-то здешний толмач-вымогатель, отчаявшись получить подарок, послал ложное донесение о том, что страшные татары, вооруженные с ног до головы, идут в Кашгар.

Старый знакомый, бошко с золоченым шариком, исполнявший должность начальника, записал сведения о караване и тут же намекнул насчет подарка. Откупившись от бошко, купцы двинулись к горам и выбрали место для ночлега у ключа.

Предание гласило, что вдохновенный воитель ислама ударил своим волшебным мечом по груди утеса, извлекая из него прохладную живую воду для своих воинов и их коней.

Переночевав в угрюмом ущелье, путешественники отправились на запад. Они шли каким-то пересохшим руслом, миновали невысокий перевал и вскоре очутились в широкой долине реки Тоин (Тоюн или Суяк). День был погожий, щедро светило солнце, и на пригретых местах уже зеленела первая трава. Воды Тоина шли навстречу каравану, долина реки все расширялась по мере того, как люди поднимались вверх по ее течению на север и северо-запад от Кашгара. Вдоль реки росли тополя. Пять дней не расставались путники с Тоином и наконец дошли почти до ее истоков.

В верховьях лед еще сковывал русло. В прибрежных логах лежал такой глубокий снег, что местами его надо было разгребать, чтобы проложить тропу, по которой мог пройти передовой верблюд. Вот тут-то и пригодились железные заступы, вызвавшие когда-то подозрения у кашгарских чиновников!

На стоянке у Торугорта, засыпанного снегами, Чокан не мог не вспомнить Александра Гумбольдта: ученый,

обозревая этот путь в своем «Расписании дорог во Внутреннюю Азию, упоминал о высоких березах близ ключа Балгун. Отсюда было рукой подать до озера Чатыркёль. К нему пришлось идти, отнюдь не придерживаясь дорожника Гумбольдта, а напрямик по сплошным снежным холмам, покрывавшим западную часть нагорья Аксай. К озеру спустились по скользким скатам, как на дно чаши. Чатыркёль лежал в котловине, окруженной горами. Чтобы не обходить озеро, Мусабай решил пересечь его, благо лед толщиною в добрый аршин был еще вполне надежен. Все обошлось благополучно, и караван переправился на северное побережье. Впереди снова поднимались горы. Было выбрано место для ночлега.

Закрывая глаза, Чокан как бы видел перед собой книгу Гумбольдта, хорошо знакомую страницу, где говорилось, что на двадцать шестой версте к северу от Чатыркёля высится гора Роват. В той горе возле самой дороги находится огромная пещера. Роват, говорил Гумбольдт, представляет собою наивысшую точку на всем протяжении пути от самого Кашгара. Где уж тут искать загадочную пещеру, когда все вокруг покрыто снегами и льдом?

Лучше записать в дневник те скупые сведения о Чатыркёле и его окрестностях, которые удалось получить от непрошеных провожатых, появившихся в караване еще на ночлеге при холме Торугарт. Это были два сипая кокандской службы, присланные из крепости Куртка для тайного надзора за путешественниками. Соглядатаи, собственно говоря, даже и не скрывали смысла возложенных на них поручений, поскольку все было шито белыми нитками. Они не переставали нахваливать плов и другие даровые угощения караванщиков. Один из надзирающих, Асанбай, имел чин пристава в кочевьях киргизского племени Чирик и по положению обязан был находиться у своих подопечных. Смертельная боязнь заставляла Асанбая уклоняться об общения с чириками. Стоило ему лишь услышать, что они стоят на реке Атбаш, как ретивый пристав изменил путь каравана и заставил его идти в обход атбашских аулов.

Чокан лишь немного ошибся в определении ширины и длины высокогорного озера Чатыркёль, несколько приуменьшив размеры его водного зеркала. Шатер-озеро не имело стока и казалось замкнутым водоемом, хотя местные жители и поговаривали, что оно, возможно, имеет

подземную связь с верховьями реки Кок-шаал. Рыбы в Чатыркёле никогда не водилось, зато птиц на его берегах и темно-синих водах летом было множество. К югу от озера поднимались острые снежные вершины. Там лежал уже пройденный перевал Торугарт.

Новый перевал Таш-рабат был еще выше Торугарта. В Таш-рабатском проходе было одно очень опасное место: при спуске с перевала узкая верблюжья тропа проходила по самому краю бездонного обрыва. Но его удалось избежать, спустившись прямо на лед реки.

В конце ущелья стояло строение, сложенное из сланцевых плит. Чокан спешился и, шагая по голубоватой наледи, поспешил осмотреть эту древнюю гостиницу, превращенную киргизами в жертвенный храм. Чокан решил, что здание в длину было никак не меньше двенадцати саженей, а в ширину — семи. Он переступил порог и очутился в длинном коридоре. В конце его находился круглый покой. По обеим сторонам прохода он увидел небольшие, похожие на кельи помещения. Двери этих келий были очень малы. Чтобы войти в комнатки, приходилось пригибать голову.

Круглый покой был осенен куполом, а вокруг ниш еще сохранились следы росписи. Чокан набросал план каменного дома; план этот уцелел и хранится сейчас в архиве Чокана Чингисовича.

Сооружение заезжего дома Таш-рабат киргизы приписывали бухарскому хану Абдулле, жившему в XVI веке, но Чокан считал, что постройку этого здания нужно отнести к более древним временам.

Много раздумий вызвал этот дом, сложенный из сланцевых плит! Ведь еще у античных авторов с легкой руки Птолемея говорилось, что к востоку от Каменной башни в горах находится «убежище для отправляющихся торговать в Серам». Сюань Цзан, в свою очередь, вспоминал об особом благотворительном приюте в горах, где купцы-путешественники и водители караванов, следовавших в Китай, бесплатно получали кров и пищу. Уже после смерти Чокана ориенталист В. В. Григорьев, сопоставляя свидетельства Птолемея и Сюань Цзана, высказал догадку, что птолемеевский постоялый двор в горах должен был находиться под 43° северной широты в западной части Восточного Туркестана. Григорьев, конечно, не настаивал на том, что Птолемей и Сюань

Цзан имели в виду один и тот же караван-сарай. Гораздо важнее то обстоятельство, что в ущельях Тянь-Шаня, начиная со времен глубокой древности, существовали подобные сооружения. Разумеется, также вовсе не обязательно приписывать Чокану открытие «убежища» Птолемея, но стоит заметить, что Таш-рабат расположен именно между 40 и 44° северной широты в области, на которую указывал Птолемей.

Местные киргизы уверяли, что в Таш-рабате творятся волшебства. Стоит, например, сосчитать его кельи, а потом начать счет снова, но в обратном порядке, как обязательно получится расхождение, и комнат станет больше, чем казалось до этого.

Асанбай, кокандский пристав при киргизах, помешал каравану выбрать путь по просторной и ровной долине реки Атбаш. Он потащил наших путешественников в сторону перевала Байбиче. Дорога была трудной из-за нехватки топлива. Пользуясь присутствием киргизских путешественников, примкнувших к каравану, Чокан расспросил их о достопримечательных местах по Атбашу, Арпе и Нарыну.

В этих местах сохранились следы старинного земледелия. Долины Арпы, Нарына и Атбаша лежали в низинах, хорошо прогревались солнцем и поэтому были плодородны. Чудесные пастбища находились в верховьях Арпы, неплохие луга окружали летом Чатыркёль, но киргизы зачастую просто боялись подниматься со своими стадами по уступам нагорья.

Так по милости пристава Асанбая путники переваливали через горы Калкагар и только на южном склоне Байбиче встретили темные ели и кусты барбариса и жимолости. 21 марта ночевали на реке Актал, в ауле киргизов, принадлежавших к роду *Мунулдыр*. Вечером на Актал прискакал кокандский всадник из Куртки. Он очень порадовал Асанбая последними новостями курткинской жизни. Начальника крепости, рассказывал сипай, Малля-бек наградил парчовым халатом и грамотой. Киргизы-чирики, ездившие на поклон к хану, вернулись из столицы ни с чем.

Это сообщение чирикский пристав встретил злорадным смехом. Он наперед знал, что у чириков ничего не выйдет. Они просили хана освободить их от опеки Куртки и выстроить укрепление на Атбаше, где они кочуют, чтобы впредь подчиняться новому началь-

ству. Из Андижана в Куртку прибыл зякетчи, сборщик налогов, действовавший от имени наместника андижанского, ханского брата Суфибека. Хорошего в этом было мало! Пайщики мусабаевского каравана даже стали тревожиться: как бы им не пришлось платить пошлину дважды — курткинским чиновникам и мытарю из Андижана.

Вскоре Чокан стоял на берегу Нарына против крепости Куртка́, наблюдая за тем, как весенняя река разбрасывает лед по своим рукавам, окаймленным кустарниками и пожелтевшими камышами. Начальник крепости дал знать Мусабаю, чтобы он поскорее начал переправу, но караванбаши взмолился и попросил разрешения оставить на время верблюдов и вьюки на левом берегу. С этой просьбой согласились, и купцы устроились для ночевки в юртах неподалеку от аула Османа-датхи, сына Тайлака, могущественного управителя киргизского рода *Чора*. Он состоял в родстве с начальником Куртки, пользовался его милостями и содержал на свой счет пятьсот всадников.

Двадцать второго марта Чокан уже был у восточных ворот укрепления Куртки. Оно занимало площадь саженей в двести в поперечнике. Стены высились лишь с трех сторон, с юга Куртка примыкала к высокому и крутому берегу Нарына и таким образом была похожа на букву «П». Внутри крепости темнели земляные валы, окружавшие постройки, сложенные из самана. В этих глинобитных лачугах помещались приемная начальника, его гарем, молитвенный дом и прочие учреждения. Рядом с ними стояли войлочные юрты. Возле них возвышалось подобие трона, вылепленного из глины. На нем сидел седобородый загорелый узбек в сапогах из красной юфти и бумажном халате. Это и был Мамразак-датха, начальник Куртки, правитель Нарынского края и всех киргизов Тянь-Шаня.

Незадолго до этого его соглядатаи донесли, что старшина подозрительного каравана, пришедшего из Семипалатинска в Кашгар, возлежит на железной доске. Мамразаковские осведомители уверяли, что купцы из России привезли с собой волшебный ящик. В нем — золотое дерево, а на нем — чудесный соловей.

Между прочим, такой соловей в действительности существовал в природе, пусть его не было среди пожитков Мусабая и Чокана. Российские татары, отправлявшиеся

в Восточный Туркестан, нередко закупали в Нижнем табакерки «Буль-буль», внутри каждой из них находилась позолоченная заводная птичка. Она могла петь, расправлять крылья. Золотого соловья особенно любили курильщики гашиша, погруженные в созерцание нижегородской диковины.

Наслушавшись донесений о сокровищах Мусабая, курткинский генерал возмечтал получить если не соловья, то синицу в руки, содрав с каравана высокий налог. В то же время его превосходительство алчущим взором встречал каждый из подарков, подносимых ему посланцем аксакала кашгарского и путешественника. Ящика с соловьем в числе даров не было!

Мамразак-датха как бы между прочим спросил, в каком размере был плачен зякет в Кашгаре. Потом последовало замечание о том, что он до сих пор считал Мусабая и его товарищей татарами, осматривающими кокандские владения в Тянь-Шане. Письмо аксакала из Кашгара рассеяло эти подозрения.

Не надеясь на собственную сметливость, Мамразак поручил своему сыну и одному из подчиненных начать переговоры с Мусабаем на месте стоянки каравана. Там гостей приняли с полным радушием: приготовили для них прекрасный плов, подали чай. Сердца кокандцев несколько смягчились, но все же они продолжали настаивать на своем. Сокровища, скрытые во вьюках, стоили того, чтобы одна сороковая часть их общей стоимости была отчислена в курткинскую казну! Баскаки Мамразака не верили, что караванщики уже заплатили дань в размере 124 золотых. Мусабай и «купец Алимбай» возражали, делали ссылки на торговое право. Все же им пришлось развязать вьюки.

Кокандцы сильно разочаровались, увидев, что законный налог, взятый в Кашгаре, вполне соответствует наличию товаров. Поэтому мытари вполне удовлетворились тем, что им сунул Мусабай, и унесли с собой два ямба и двадцать лянов серебра, фунт чая и пять халатов. Купцы облегченно вздохнули, когда Мамразак, пригласив их на чашку чая, сделал напутствие гостям. Незадачливому же приставу при чириках он приказал провожать караван дальше вместе с влиятельным бием Найманом, возвращавшимся на свои земли.

За время короткого пребывания в кокандской крепости Чокан успел осмотреть ее достопримечательности.

Их было немного. Неподалеку от северных ворот Куртки стояло что-то вроде мусульманской часовни, окруженной сравнительно недавно посаженными деревьями и пиками с черными бунчуками. Стены были увешаны рогами баранов и других жертвенных животных. На этом месте когда-то стояло жилище Джангир-ходжи — самого решительного и последовательного воителя за кашгарский престол. Он бежал из Коканда, пользуясь замешательством, вызванным смертью Омар-хана, и появился на берегах Нарына еще за десять лет до основания Куртки. Киргизы приветили беглеца и стали почитать его за святого. Он связал свою судьбу с дочерью Тянь-Шаня; избранницей Джангира называют дочь бурутского манапа Тайляка.

Тридцать с лишним лет ориенталисты и историки не имели сведений по истории восстания Джангир-ходжи в Кашгаре! Теперь Чокан знал ее во всех подробностях. Он начал с того, что восстановил родословную ходжи, уточнил год его рождения, узнал, где жил Джангир до дня своего бегства к киргизам во время междуцарствия в Коканде.

Обосновавшись на Нарыне, потомок Аппака стал тревожить Кашгар частыми набегами, твердо заявляя о своем намерении присвоить верховную власть в Восточном Туркестане.

Богдыханские наместники решили покончить с опасным противником и отрядили пятьсот воинов для захвата Джангира. Этот отряд был полностью истреблен нарынскими киргизами.

Отпраздновав победу, ходжа провозгласил священную войну *газават* против неверных и стал стягивать силы. Весной 1826 года он обрушился со своим войском с горных высот на пыльные равнины Кашгарии. Ходжа задержался в Бишкириме, где в его ставку являлись все новые и новые ополченцы священной войны.

Навстречу Джангиру вышел сам илийский цзянцзюнь из Кульджи, подкрепивший свое войско конными калмыками, призванными в Джунгарии. Противники сошлись на берегу Тюменьсу, возле большого селения Даулет-Баг, на подступах к Кашгару. Горные таджики в своих черных одеяниях первыми ринулись на императорские отряды, затем пошли в наступление кокандские всадники и нарынские киргизы. Вскоре, возвещая победу, загремели огромные киргизские трубы.

Восемь тысяч солдат цзянцзюня едва успели отступить к городу. По старой привычке они заперлись в Куня-Гульбахе, надеясь на его рвы и двухсаженные стены.

Ходжа занял Кашгар.

Он не замедлил провозгласить себя государем Кашгарии, завел двор и на радостях даровал достоинство генералиссимуса кокандцу Иса-датхе, начальнику соединенных сил в битве при Тюменьсу. Вскоре начались мусульманские мятежи в Яркенде, Хотане, Янги-Гиссаре и других городах Восточного Туркестана. Сам хан кокандский юный Мохаммед-Али, или Мадали, с большой пышностью появился в Кашгаре в надежде получить титул, «воителя неверных» ценой осады Куня-Гульбаха, с которого не сводил глаз сам Джангир-ходжа. Хан кокандский не раз бросал под стены крепости своих солдат. Эта затея стоила ему, по крайней мере, тысячи сарбазов, тела которых валялись у подножия башен, на дне рва или торчали в так и не пробитых до конца брешах в стенах.

Не справившись с Куня-Гульбахом, молодой хан отправился в Коканд. Ходжа же терпеливо и упорно осаждал крепость. Он отнял у маньчжурских солдат воду, лишил их возможности получать жизненные припасы и, наконец, вступил в Куня-Гульбах.

Девять месяцев царил ходжа в Кашгаре. Злые языки говорили, что он любил вино и не был равнодушен к красавицам всех Шести городов. В феврале 1827 года семидесятитысячная армия карателей вышла из Аксу. Джангир-ходжа встретил ее пушками, чугунными ружьями, укрепленными на горбах верблюдов, клинками пестрой туркестанской конницы, стрелами киргизов.

В первой же битве военное счастье изменило ходже, и он бежал, еще не зная, что навсегда расстается с кашгарским троном. Собрав вокруг себя новые отряды киргизов, Джангир в последний раз обрушился на врагов, как бы нехотя разбил их, после чего счел за благо укрыться в памирских и тянь-шаньских долинах.

Некоторые источники гласят, что киргизский манап Тайляк, Джангиров тесть, выдал низложенного ходжу маньчжурским усмирителям. Современники свидетельствовали, что рапсоды Тянь-Шаня заклеймили черное предательство Тайляка в гневной песне, ставшей достоянием всего народа.

Вполне возможно, что Осман-датха, сын Тайляка, с которым Чокан познакомился на Нарыне, был сыном человека, предавшего Джангира. Чокан утверждал, что захват Джангира был делом рук Исхака, хаким-бека кашгарского. Он был щедро награжден и наделен княжеским званием вана. Этот титул перешел к его потомкам. В выдаче Джангира, как писал Чокан, участвовали также киргизы из рода *Машак.*

Так или иначе, Джангир был схвачен, посажен в железную клетку и доставлен в Пекин. Богдыхан Даогуан повелел разрезать на куски мятежного ходжу.

О Джангир-ходже и его делах напоминала курткинская молельня, украшенная рогами баранов и черными бунчуками.

История кокандских захватов в землях киргизов была связана с именем человека, о котором Чокан не раз слышал от своего отца Чингиса Валиева и старших родичей. Речь идет о хищном и вероломном Ляшкере, всесильном кушбеги ташкентском, замешанном в восстании Юсуфа-ходжи. Кушбеги Ляшкер происходил из персидских рабов, что, однако, не мешало ему сделаться одним из первых сановников Кокандского ханства.

Разгромив мятеж Джангира, хан Коканда пригласил к себе Джангирова брата Юсуфа-ходжу и воздал ему высокие почести. Растроганный потомок Аппака заявил о своем немедленном желании начать новую священную войну за обладание троном Кашгара. Тогда Мохаммед-Али, хранивший в памяти историю неудачной осады Куня-Гульбаха, великодушно заявил, что он ничего не пожалеет ради великой цели и даст Юсуфу-ходже двадцать пять тысяч всадников.

На деле же войско увеличилось до сорока тысяч человек. Очевидцы рассказывали Чокану, что осенью 1830 года в сторону Оша двинулось двадцать тысяч кокандских сипаев, пятнадцать тысяч ташкентских воинов, две тысячи каратегинских горных таджиков и тысячи три выходцев из Кашгара. Впереди полчищ скакал сам Мохаммед-Али, бледный от распутства и вечного пьянства.

В Оше хан передал священные сотни Юсуфу-ходже, но начальство над ними поручил минбаши Хакк-кулы, ташкентскому кушбеги Ляшкеру и зятю своему Мохаммед-Шерифу.

Вскоре Юсуф-ходжа занял Кашгар. Ляшкер, более

ревностный, чем сам ходжа, воитель ислама, ринулся со своими конниками дальше, «предавая мечу всех, кто оказывал сопротивление». Захватив Янги-Гиссар, Яркенд и Хотан, он оказался у ворот Аксу.

Тем временем в Кашгаре происходили неслыханные грабежи и насилия. Стараясь поскорее увезти добычу за Тянь-Шань, «освободители» кашкарлыков, оставив Юсуфа-ходжу и его единомышленников на произвол судьбы, начали отход из Кашгарии. Тысячи кашгарцев, устрашившись мести илийских карательных войск, поспешили вслед за кокандцами в Фергану. Холода и метели настигли беглецов на перевалах Небесных гор. Там они погибали в занесенных снегом ущельях. И все же несколько тысяч беженцев добрались до Коканда и поселились в Шахрихане и на берегах Сырдарьи.

Персиянин Ляшкер так же, как и Хакк-кулы, благополучно вернулся к своему повелителю и стал по-прежнему ведать всеми делами в Ташкенте.

Ляшкер всячески поощрял некоторых казахских султанов, пытавшихся возродить самодержавные нравы. Он вручил Сарджану Касимову «белое с черной маковкой» знамя и дорогой панцирь.

Послушаем свидетельство простых русских людей о связях ташкентского наместника с Сарджаном. Вот два старинных документа. Первый помечен 26 октября 1831 года. В нем приведен рассказ двух торговых мещан Федора Воронова и Григория Ситникова. Они сообщали, что султан Сарджан принял от кокандцев, в данном случае Ляшкера, девять тысяч воинов, разделенных на три отряда. Это войско должно было «опорожнить занятые приказами и отрядами места», после чего Сарджан намеревался основать собственный феодальный «диван» для управления казахами.

Во второй бумаге говорится, что петропавловский мещанин Никита Лепетов, бывший в работниках у купца, в 1831 году ходил в Ташкент. Казахи, кочевавшие возле реки Чу, рассказали Лепетову, что у них только что побывал «правитель Ташкении кушбекчей». Он отобрал в налог у казахов-таминцев триста коней и пятьсот верблюдов. При этом Ляшкер хвалился, что он и впредь будет разорять степняков, состоящих в российском подданстве, до тех пор пока они не перейдут под руку кокандского хана.

Лепетов сообщал, что кушбекчей покровительствует

Сарджану Касимову, посетившему Ташкент. Наместник дал Сарджану войско для набегов на селения и аулы. подвластные России. Приспешник Сарджана бий Байтала Аманжулов получил от Ляшкера черное знамя. Кушбеги приказал Байтале всячески вредить султану Конур Кульдже за его дружбу с русскими, а также за то, что Конур Кульджа не отдал дочь за Ляшкерова сына.

Мещанин Лепетов, прожив в Ташкенте двадцать дней, слышал там любопытные разговоры о приезде китайского посланника в Коканд. Представители богдыхана, прибыв в Коканд, требовали выдачи Ляшкера, минбаши Хакк-кулы и еще шестерых сановников Коканда, указывая на них как на «главных предводителей прошедшей войны с Китаем, из Кошкарии». Далее Никита Лепетов сообщал, что китайские войска уже заняли мятежные кашгарские города.

Разумеется, ни Ляшкера, ни Хакк-кулы хан кокандский никому не выдал.

На область верхнего Нарына зарился еще Алим-хан, первый властитель Коканда, убитый в 1809 году. В самом начале XIX столетия он отправлял отряды, приказывая им захватить киргизское укрепление Кетмень-тюбе в долине реки Джумгола. Из этой затеи ничего не вышло. Покорением Кетмень-тюбе и захватом окрестных пастбищ занялся более удачливый Омар-хан. Вероятно, в последний год своего правления (1821) он взял укрепление на Джумголе. Кроме этого, хан устроил кровавую баню сарыбагишам, натравив на них другое киргизское племя, пользовавшееся поддержкой Омара.

Так или иначе, кокандцам удалось укрепиться на берегах Нарына. Они основали там свой «курган» Тогуз-Тарау. Вслед за этим Хакк-кулы заложил крепость Куртку. Произошло это в 1832 году. Хакк-кулы и Ляшкер сломили сопротивление свободолюбивых киргизов и в короткое время сумели подчинить их на огромном пространстве от Чу и Или до Нарына.

После покорения киргизов Ляшкер, собрав чуть ли не целую армию в восемь тысяч человек, явился в горы Улутау, где находился Сарджан Касимов, и стал возводить там кокандский «курган».

Пока строилась эта крепость, кушбеги ташкентский, сидя в ставке Сарджана, с упоением сочинял «возмутительные письма». Словно двести коршунов, разлетелись

эти листки по степям! Они призывали казахов к восстанию, проповедовали ненависть к русскому народу.

Это происходило в 1834 году, когда султан Чингис Валиев был назначен правителем Аман-Карагайского внешнего округа. Там была построена русская крепость, а «курган» Ляшкера в Улутау был сровнен с землей отрядом Семена Броневского. Кушбеги ушел в Ташкент замышлять новые набеги на внешние округа «Киргизской степи». Сарджан как будто предчувствовал свою судьбу, когда говорил, что он отдал хану Коканда «свой скот, душу и тело». Он скитался в кокандских пределах. Кушбеги часто упрекал Сарджана в нерешительности, корил его ханскими милостями — белым знаменем и раззолоченными латами — и наконец заподозрил султана в намерении изменить Коканду и Ташкенту. Ляшкер умертвил Сарджана вместе с его братом Исенгельды. В 1837 году убийца Сарджана перенес свою главную деятельность на реку Чу. Ляшкер строил там кокандские крепости, прокладывал оросительные каналы, заводил пашни. Он делал все для того, чтобы удержать власть кокандцев над киргизами.

Чокан имел возможность наблюдать жизнь кокандских захватчиков на Нарыне. В гарнизоне крепости Куртка насчитывалось двести сипаев. Подавляющая часть их состояла из андижанских киргизов, собственно кокандцев было лишь пятьдесят человек.

Мамразак-датха, старожил этих мест, был назначен впервые начальником Куртки в 30-х годах, следовательно, еще при жизни основателя укрепления Хакк-кулы. К слову сказать, этот временщик был умерщвлен ханом кокандским.

Потом Мамразак-датха на какое-то время исчез. Когда же Худояр-хан расправился с кыпчаками, куртинский начальник снова занял свой глинобитный трон, воздвигнутый неподалеку от былого обиталища Джангира-ходжи.

В ведомстве Куртки состояли киргизы из родов Саяк, Чирик и Богу. Саяки кочевали в верховьях Нарына и Джумгола, чирики занимали область, лежащую к югу от Иссык-Куля, часть столь хорошо знакомых нам богинцев издавна привыкла к плоскогорью Тарагай и верхнему Нарыну.

Саяки жили очень беспокойно, и все три их нарынских колена находились в междоусобной вражде. Они

легко перенимали обычаи Коканда и охотно шли за кашгарскими ходжами, когда те затевали очередной мятеж в стране Шести городов. Чирики и богинцы зачастую тоже не отказывались от участия в походах на Кашгар. Самым сильным предводителем саяков был начальник колена чора — Осман, сын Тайляка, с которым познакомился Чокан накануне своего вступления в Куртку.

В среде атбашских и аксуйских чириков выделялись четыре самых влиятельных начальника родов. Чирики, кочевавшие на Кок-Шаале, признавали верховную власть бия Турдуке. Коканду он не подчинялся и кроме всего прочего занимался разбоями на дороге в Турфан.

Турдуке очень не любил амбаня этого города. Однажды изобретательный бий поймал какого-то проезжего узбека, силой заставил его надеть на голову чалму и со знаменами, бунчуками и медными трубами подошел к воротам Турфана. Маньчжурскому амбаню Турдуке велел передать, что под стенами города стоит грозная рать ходжи, увенчанного чалмой, подобающей его святости. Амбань, по установившемуся обычаю, уже хотел запереться в крепостце и, в случае необходимости, взорвать себя и своих домочадцев на бочонке с казенным порохом.

Великодушный Турдуке тем временем заявил, что ходжа снимет осаду города, если амбань пойдет на уступки и признает притязания чирикского бия.

Хотя ему подчинялось не более полутора тысяч семей его подданных, Турдуке чувствовал себя настолько уверенным в своей силе, что не платил кокандцам зякета и сам собирал прямые и косвенные налоги, а также торговые пошлины с караванов. Доходной статьей его были грабежи на большой дороге в Кашгар.

Мамразак-датха при всей своей жестокости и изворотливости не мог справиться с киргизами и очень опасался их. Чирики, только что ездившие в Коканд для хлопот об отделении от Куртки, несмотря на то что им было в этом отказано, не пожелали явиться к Мамразаку, хотя он не раз напоминал им об этом. Во время встреч с Чоканом курткинский датха доверительно рассказывал, что он уже года два подряд просит андижанского наместника, ханского брата Суфи-бека, прислать в Куртку семьсот сипаев, чтобы проучить непокорных киргизов. В последнее время они подняли головы еще потому, что место визиря кокандской державы занял Алим-бек дат-

ха, бий киргизов Ферганской долины. Ничего не поделаешь, сокрушался Мамразак. Алим-бек помог мятежному Малля-беку свергнуть Худояра и поэтому теперь был осыпан милостями нового хана. Мамразак помнил, как в свое время Алим-бек, враждуя с кыпчаками, уходил из Ферганы на Нарын и уже тогда поднимал киргизов против кокандских сипаев. Киргизы часто держали Куртку в осаде, не раз сам Мамразак боялся даже взглянуть в сторону крепостных ворот, за которыми таилась грозная киргизская сила.

Во время волнений среди киргизов кокандцам приходилось потуже затягивать свои пояса по той причине, что их подданные отказывались поставлять хлеб для нужд курткинского гарнизона и отдавать в зякет скот.

Мамразак-датха весь изолгался на своей трудной должности; лисья хитрость, лесть и обман были его оружием. Он нарочно приблизил к себе предводителя саяков — чора Османа, сына Тайляка, даже породнился с ним и выхлопотал этому бию звание датхи. Все это возбуждало зависть со стороны остальных киргизских старшин, разжигало давние междоусобные страсти. «Разделяй и властвуй»! Зная на опыте, что богинцы были куда смелее саяков и чириков, Мамразак всячески ублажал и задаривал богинских предводителей Наймана, Алджана и Тобулды, разумеется, другой рукой ощупывая нож, спрятанный за пазухой своего бумажного халата.

Двадцать четвертого марта 1859 года Мусабай повел караван из Куртки через пашни и аулы киргиз-саяков. Нарын уже очистился от последних льдов. Сквозь землю пробились ростки полыни и тюльпанов. Подвластные Осману-датхе люди пахали поля деревянными сохами с чугунным рогом. Сам он разъезжал от пашни к пашне, наблюдая за работой. Осман немедленно послал своего человека, чтобы пригласить наших купцов в «гости». Мусабаю было впору измениться в лице. Старый караван-баши прекрасно знал, что означает такое приглашение. Он не сомневался в том, что Осман-датха затеял узаконенный грабеж, придерживаясь древнего права. Оно состояло в том, что купцы, проходящие по земле начальника киргизского рода, должны были уплатить зякет, затем дать выкуп за право свободного проезда, преподнести ему дары и ни в коем случае не отвергать гостеприимства. Кокандцы отменили статьи этого

неписаного закона, за исключением последней — насчет гостевых обязанностей караванщиков.

Если бы Мусабай свернул в аул Османа-датхи, караванбаши мог рассчитывать на то, что глава саяков прикажет зарезать для гостей двух самых тощих баранов. Наутро же хозяин потребует дары за гостеприимство. Подарки придется долго выбирать, ибо они должны соответствовать высокому достоинству хозяина. Если он останется недовольным, гостям придется платить высокую пеню.

Караванбаши в самых изысканных выражениях отказался от приглашения датхи и приказал путникам продолжать путь.

Вскоре к каравану прискакал второй всадник и твердо заявил, что вся родословная Османа с древних времен по настоящий день, так сказать, повита славой, а сам он особенно дорожит священным обычаем гостеприимства, завещанным ему великими предками.

Мусабай снова отказался ехать к очагу Османа, присоединив к ответу похвальное слово о его отваге, великодушии, мудрости и других добродетелях. Караванбаши заметил, что уж теперь-то Осман-датха успокоится, вернее — оставит гостей в покое.

Не тут-то было! К каравану на полном скаку мчались новые всадники Османа-датхи. Из того еще, что они сидели в седлах, свешиваясь набок или сползая на шеи коней, было явственно, что киргизы незадолго до этого припадали к чашам с хмельной бузой.

После бурных и хвастливых объяснений в духе Бокмуруна из «Манаса» пьяницы погнали караван в сторону османовского аула.

Начальник саяков, оскорбленный до предела, требовал от Мусабая уплаты пени за поругание древнего обычая. Осман-датхи желал получить по одному серебряному ямбу с каждой походной юрты!

Ни Мусабай, ни его спутники не захотели ни за что ни про что расстаться со светлыми слитками и затеяли переговоры с грозным датхой, послав для этого их провожатого, пристава при чириках — Асанбая. Тот съездил к Осману, но вскоре вернулся и заявил, что сын Тайляка продолжает стоять на своем. Из бормотанья пьяных всадников можно было понять, что Асанбай успел стакнуться с Османом, тем более что курткинский соглядатай знал о серебряном запасе в караване.

Мусабай приступил к Асанбаю-ильбеги и решительно заявил, что не допустит никаких поборов со стороны Османа, будет жаловаться на него самому хану. Караванбаши сейчас немедленно пошлет гонца в Кашгар к аксакалу кокандскому с письмом о дневном разбое предводителя саяков! Асанбай-пристав струхнул и переметнулся на сторону путешественников. Гостеприимный Осман мучил караван до самого вечера, продолжая вымогательства. К счастью, пришло избавление в лице курткинского конного сипая, примчавшегося от Мамразака. Он вызывал к себе своего родича.

Перед тем как ехать в Куртку, Осман-датха все же сумел выманить у Мусабая подарок, стоивший не более двадцати пяти рублей серебром. На прощанье вымогатель заявил, что он не боится кокандского хана, но вот с Мамразаком дружбы терять не хочет и лишь поэтому оставляет путников в покое. Пусть они с богом едут дальше, да не забывают молить аллаха о здравии и благоденствии Османа и Мамразака-датхи!

Из-за всех этих безобразий каравану пришлось остаться на ночлег. Поднявшись с рассветом, путешественники покинули стоянку. Караванбаши старался как можно скорее пройти османовские земли, чтобы достигнуть кочевья саяков, враждовавших с Османом. Потом начались богинские улусы. Найман, начальник богинцев, ехавший вместе с караваном, пригласил купцов заехать в аул своего родича, батыра Табылды, стоявший на берегу Нарына. Это были привольные места, где речная долина имела шесть верст в поперечнике, дорога была ровная, исключая лишь место, где пересекала гряда Теке-Сенгир.

Табылды-батыру было лет тридцать. Он лелеял честолюбивую мечту властвовать над всеми родами богинцев, завел собственный отряд лихих конников, готовых исполнить любое его приказание. Богинский батыр, выйдя из подчинения Мамразаку-датхе, подался на Тарагай, где за ним не так-то было легко гоняться кокандским сарбазам. Он уже два года не платил зякета Куртке.

В разговорах с гостями Табылды обмолвился, что он давно собирается поехать к русскому начальству в Верный, просить покровительства и защиты от кокандцев. Он жадно расспрашивал, как живут иссык-кульские богинцы, принявшие подданство России?

Во время ночлега у Табылды «купец Алимбай» вско-

чил с войлочного ложа, услышав конский топот, звон оружия и тревожные крики. Батыр Табылды, поспешно подняв на ноги своих людей, вместе с ними исчез в темноте. Утром Чокану рассказали подробно о том, что грабители-чирики, налетев на соседний аул, угнали большой косяк коней, голов в сто. Табылды ринулся по следу чириков. Вскоре стало известно, что он отбил коней, захватил в плен нескольких барымтачей и помчался в кочевья обидчиков, чтобы отомстить им за дерзкий набег.

Богинский бий Найман пригласил караван в свой аул, стоявший в стороне от главной дороги, и отвел место для походных палаток неподалеку от собственной юрты. Все это было сделано без всяких вымогательств и вполне соответствовало подлинному гостеприимству. Пристав при чириках Асанбай стал жалобно просить, чтобы его полицейскую душу отпустили на покаяние. Объяснялось это тем, что здесь, где уже не чувствовалось влияния Куртки, начинались безлюдные просторы, по которым рыскали барымтачи. Асанбай получил за услугу тридцать рублей и, набравшись духу, сказал, что готов совершить еще один переход вместе с путешественниками. Впрочем, выяснилось, что его решимость была вызвана непреодолимым желанием в последний раз насладиться пловом.

Богинец Найман, сын Будайша, вызвался проводить Мусабая до Иссык-Куля. Чокан и Мусабай даже обрадовались этому, потому что опасались преследования со стороны курткинских киргизов.

В чокановской походной тетради появились беглые описания местности. Он упоминает мост, перекинутый через Нарын. На правый берег реки караван переходил вброд возле самого моста, почему-то не пользуясь им. Чокан собрал сведения о примечательной речке Он-арча; в верховьях ее находились два прохода на Иссык-Куль. Там, где Нарын принимал в себя воды Атбаша, речные берега были покрыты еловыми лесами, к самой воде подходили тополя, кусты облепихи и заросли ивы. От устья Малого Нарына до плоскогорья Тарагай на сорок верст тянулась скалистая теснина; ее называли Капчагаем. Сквозь нее проносились бурные воды. Три дня подряд плутал здесь караван, преодолевая всего каких-нибудь семьдесят верст трудного и опасного пути. Дорога шла то по одному берегу реки, то переходила на другой, из-

вивалась по косогорам, обходила груды скальных обломков, свергалась с крутых скатов, чтобы снова подниматься вверх на крутые уступы Капчагая. Нарын еще не освободился от льда, и у берегов были видны белоголубые закраины, тогда как на середине порожистого русла плясали седые водяные бугры. Снег еще лежал на северных и восточных склонах гор, а на южной стороне их виднелись норы альпийских сурков. Летом здесь были великолепные высокогорные пастбища, облюбованные богинцами.

Через три дня пути кончились темные еловые рощи, речная долина стала расступаться, волны смирили свой бег, исчезли ступенчатые пороги Капчагайского ущелья.

Второго апреля Чокан ехал по плоскогорью Тарагай, кутаясь в шубу и отворачивая лицо от сильного ветра, летевшего с северо-востока. Он достиг мест, где рождался Нарын, и нетерпеливо ожидал, что впереди вот-вот покажется перевал Джетым-асу. Караван выходил на старую дорогу, по которой он следовал в Кашгар. Путники расположились для ночлега на том самом месте, где они останавливались 15 сентября 1858 года, у южного склона прохода, закованного в вечные снега. Напомним, что Чокан считал Джетым-асу самой высокой точкой, которую ему удалось достичь в Тянь-Шане.

Утром путники пошли мимо озера, лежавшего близ самой дороги чуть ли не поперек прохода, придерживаясь ледяного берега. Вечные снега дышали Чокану в лицо.

Потом началась равнина с мерзлыми болотами и озерами. За ними вставал столь знакомый Заукинский проход, вокруг него вздымались острозубые вершины. Как будто лишь вчера Чокан был здесь и, спешившись, брел среди нагромождений сумрачных черно-зеленых сланцев по россыпям такого же темного щебня.

С высоты в восемьсот саженей нужно было спуститься к берегу озера. За ним снова начинался каменный хаос, где сланцевые завалы преграждали путь к нижнему озеру у начала подъема. Там когда-то останавливался караван для предстоящего ночлега накануне трудного восхождения.

Вот и устье Дунгуромы открылось с левой руки! Долина Зауки стала широкой и ровной. Пологие горы по ее краям уже зеленели от свежей листвы барбариса, шиповника и нежной, но яркой травы.

Так незаметно совершился переход из области высокогорного холода в царство весны.

Караванбаши тревожно оглядывал северный конец ущелья. Всего пять дней назад, очевидно, где-то возле Малого Нарына, путники поравнялись со встречным караваном, спешившим в Куртку. Люди из этого каравана обмолвились, что видели возле Иссык-Куля юрты сарыбагишей. От этой вести заскучал богинский бий Найман. Он сказал, что дальше Тарагая идти не сможет, так как ему дорога голова и он не хочет, чтобы она очутилась на конце пики какого-нибудь Торегельды. Лучше всего, советовал Найман, послать гонца к Торегельды, Урману или Джантаю и заранее просить их о покровительстве. В противном случае караван семипалатинцев будут останавливать в каждом киргизском ауле, вымогать у Мусабая подарки и деньги, в общем — повторится история с беспощадным гостеприимством Османа-датхи.

Посланец поспешил с письмом Мусабая к Иссык-Кулю и отыскал там Торегельды.

Тот не замедлил отправить навстречу путешественникам своего брата и родного сына, поджидавших караван у выхода из Заукинского ущелья.

Чокан был страшно озадачен, когда сын свирепого манапа первым делом попросил указать ему на русского офицера, скрывающегося под видом родственника караванбаши.

Разумеется, сыну Торегельды тут же не задумываясь ответили, что о таком человеке караванщики слышат впервые.

Тогда киргизы заявили, что один из здешних сарыбагишей, будучи в свое время в Верном, видел там этого офицера. Он был страшно похож на купеческого родича Алимбая!

Продолжая такой увлекательный разговор, сын Торегельды потащил приезжих в аул своего отца. Алчный манап, когда-то поклявшийся пленить Петра Семенова, стал вымогать подарки у наших караванщиков. Он без всякого стыда заставлял спутников Чокана снимать с себя халаты, показывая пальцем на вещи, которые ему почему-либо приглянулись.

При этом Торегельды говорил, что ему ничего не стоит ограбить караван, а молодого «купца Алимбая» отправить в Коканд. Там лучше сумеют разобраться в том, по-

чему Алимбай так похож на офицера из Верного! Подкрепляя эти обещания делом, Торегельды в течение нескольких суток не отпускал караван из своего аула, стоявшего где-то возле Джеты-огуза.

За эти дни Чокан имел возможность видеть в подробностях частную жизнь одного из самых коварных разбойников Небесных гор. Вот что рассказывали об угрюмой жестокости Торегельды.

Однажды он заставил певца исполнить жалостливую песню, в которой должен был зазвучать плач. Начало песни не понравилось манапу; он прервал певца и приказал ему «глотать слезы». Для того чтобы слезы были неподдельными, Торегельды призвал своих стремянных, и те начали зверски избивать несчастного певца.

Возможно, что черный манап и в самом деле отправил бы Чокана в кокандскую клоповую тюрьму, но Торегельды побоялся это сделать по той причине, что в то время у него были нелады с кокандцами. Они могли отвергнуть его услуги. Кроме того, Торегельды находился в ссоре с более крупным хищником, Джантаем, мнившим себя верховным манапом сарыбагишей. Случись, что за Торегельды не заступились бы ни кокандцы, ни Джантай, и ему пришлось бы наедине иметь дело с верненскими ракетными станками и казачьими пиками.

Поэтому Торегельды оставил Чокана и Мусабая в покое и, отпуская их, даже попытался загладить все дело. Он подвел к гостям двух коней и передал нарядные поводья в руки караванбаши и речистого «купца Алимбая». Коням этим в зубы смотреть не пришлось, как, разумеется, не пришлось и спрашивать, где и как добыл их Торегельды, прежде чем подарить скакунов своим гостям.

Очень скоро Торегельды сам попал в беду и очутился в плену у богинцев. Наверное, ему там было не сладко, ибо весь Тянь-Шань помнил его зверские старания по истреблению несчастных богинских беглецов, чьи тела еще лежали в ледяной мертвецкой Заукинского перевала.

Вырвавшись на свободу, купленную ценой утраты радужных кашгарских халатов, Мусабай и Чокан повели караван на Джиргалан, миновали Сан-Таш с его каменным курганом и вскоре вышли на Кегень.

На этом отрезке пути произошла встреча с русским отрядом, посланным из Верного для сопровождения на-

ших храбрецов в долину Алматы. Чилик, Тургень и Иссык казались теперь домом родным.

Никаких подробностей о последних днях обратного похода Чокан в своих записках не сообщал.

В УКРЕПЛЕНИИ ВЕРНЫЙ

«12 апреля 1859 года,— писал Чокан,— я приехал в укрепление Верное. Путешествие мое продолжалось с 28 июня 1858 г. по 12 апреля 1859 г., 10 месяцев и 14 дней».

В те годы торговые караваны не останавливались ни в Верном с его станицами, ни в Алматах, как называлась вся прилегающая к укреплению местность в предгорьях Алатау.

Но для наших караванщиков было сделано исключение, и они поместились для роздыха, по-видимому, в Татарской слободке, в южной части поселения, ближе к горам, где успели основаться ташкентские выходцы и татары из Петропавловска, Казани, Семипалатинска и других городов.

Весна уже осенила теплым сиянием Алматинскую долину с ее полями, арыками и садами. На берегах горной реки там и сям виднелись мельницы, где, как машины времени, неустанно вращались водяные колеса. Мельниц в обеих станицах было много. Приметами земледельческой страны были также пчелиные ульи. Первое поколение пчел было привезено в Верный по совету Петра Семенова с Алтая, из медового царства, а сказать проще — со змеиногорских и бийских пасек, где родился лучший во всей Сибири «ела́нный» мед.

Пчеловоды Верного с выгодой сбывали свой мед на медоваренный завод; он лишь недавно начал вырабатывать искристый золотой напиток. Но, увы, мед никак не мог вытеснить дурманного изделия первых верненских винокуров — мутной водки из ташкентского изюма. Два года назад Петр Семенов сокрушался о верненском пьянстве, принимавшем невиданные размеры, настаивал на том, чтобы изюмное винокурение в Алматах и Копале было строго запрещено правительством. Но с винокурами и шинкарями местное начальство поделать ничего не могло; их нельзя было всех пересажать на верненскую

гауптвахту, где и так не хватало места для степных разбойников и конокрадов.

Во время своего второго приезда в Верный Петр Семенов восхищался первыми деревьями, посаженными возле красивого дома пристава Большой орды. Теперь Чокан, проходя по Большой станице, видел там плодовый сад, заложенный года два назад, когда поручик Хотяинцев прислал в Верный черенки европейской виноградной лозы. Для ухода за ними был выписан опытный садовод из Крыма. Говорили, что первые лозы дали богатый урожай; каждая кисть бледно-изумрудных ягод весила пять-шесть фунтов.

В свое время Чокан нахваливал кульджинские дыни. Теперь их разводили в Верном, но с ними творилось что-то не совсем понятное для владельцев здешних бахчей. Вначале дыни были как дыни и ничем не отличались от своих кульджинских сестер, но потом вдруг начали терять вкусовые качества и перерождаться.

Что же касается столь знаменитых впоследствии верненских яблок, удивительного апорта, то Чокану пробовать их еще не приходилось, хотя возможно, что безвестный воронежский мужик уже тогда привез в Алматы саженцы сказочных яблонь. Багряные плоды их Чокан успел увидеть лишь в конце жизни, в год черняевского похода, потом — во время своих приездов в Верный из аула Тезек-тёрэ.

В Верном уже можно было угадать черты будущего города. Пять тысяч человек обосновались здесь, у подножия Небесных гор. Казаки, солдаты, пчеловоды, охотники на тигров, земледельцы и торговцы составляли население укрепления и станиц в Алматинской долине. Воинские силы были представлены Восьмым и Девятым Сибирскими линейными батальонами и казаками из Шестого, Седьмого и Восьмого полков.

Земляное укрепление обычного полевого профиля находилось вблизи Большой станицы. На его валах стояли пушки, внутри крепости находились склады, где хранились дубовые бочки с порохом, запасные орудия, ракеты, пушечные ядра, холодное оружие, штуцеры. Обе станицы были защищены валами; на этих валах виднелись орудия. На ночь входы на улицы закрывались раздвижными рогатками из бревен и скрещенных друг с другом заостренных кольев. «Береженого бог бережет» — эта пословица была здесь кстати. Во всяком случае, ни

всадник, ни пешеход не могли проникнуть на улицы алматинских станиц, хотя бы и под покровом ночной тьмы. В Верном не хватало людей для охраны ротных хуторов, покосов, пашен, выгонов, расположенных в Алматинской долине. Обитатели Верного жили в вечной тревоге, ожидая нападения кокандцев. Трудно было уследить за кокандскими соглядатаями и лазутчиками, появлявшимися на верненском базаре, в лавках и харчевнях, на стоянках казахов и киргизов, приезжавших в Верный для торговли.

Еще неизвестно, когда и где мнимый «купец Алимбай» стащил с себя осточертевший синий кокандский халат, расстался со знаменитым золотым тюбетеем и снова стал отращивать ноготь на мизинце. Вполне возможно, что до самого Семипалатинска Чокану пришлось ехать в обличье Алимбая, чтобы не возбуждать ненужных толков среди киргизов, столь часто посещавших Верный, и купцов, связанных с Кашгаром.

За десять дней до появления Чокана в Верном туда прибыл из Омска молодой, но уже многоопытный ученый-геодезист, капитан генерального штаба Александр Федорович Голубев. С ним познакомился в Петербурге Петр Семенов. Герой Небесных гор сокрушался, что в области Иссык-Куля русскими был определен всего-навсего один астрономический пункт — при впадении Лепсы в Балхаш. Поисками устья Конурулена и урочища Кульджа занимались давным-давно, еще в XVII веке, отцы иезуиты. Академия генерального штаба, вняв просьбам Петра Семенова, поручила Голубеву исследовательские работы в Заилийском крае, и в Верном шла подготовка к походу по следам Чокана — к Заукинскому перевалу.

Александр Голубев привез с собой хронометры, отражательный круг Пистора и другие совершенные приборы. Спутником его был искусный топограф первого класса Мотков. Исследователи задержались в Верном чуть ли не на целый месяц, потому что слабогрудый Голубев неожиданно расхворался.

Надо думать, что Чокан и Голубев слышали друг о друге в Верном весною 1859 года.

В то время должность начальника Алатавского округа и пристава Большой орды исполнял майор Герасим Колпаковский. В ранней юности он лет шесть подряд

тянул солдатскую лямку, первый офицерский чин добыл себе «на погибельном Кавказе».

Потом Г. А. Колпаковский появился в Сибири, где был военно-окружным начальником в Березове, а затем — старшим адъютантом при штабе отдельного Сибирского корпуса, следовательно, одним из начальников Чокана Валиханова.

Выражаясь словами Ипполита Завалишина, состоявшего одно время при Гасфорте в качестве историографа его подвигов, Колпаковский знал огромный Западно-Сибирский край «от занесенного снегом Березова до Алмат, где растут в базальмических лесах нежные плоды юга».

Ему было тесно в доме из бревен тянь-шаньской ели, построенном Хоментовским на площади укрепления Верный. Неутомимый Герасим Колпаковский почти не сходил с коня, объезжая свои владения. Казахи и киргизы дали ему не совсем удобное с европейской точки зрения прозвище, свидетельствовавшее об удивительной телесной выносливости русского бородатого наездника.

Кто-то из образованных верненцев, не то артиллерийский офицер Василий Обух, не то переводчик А. И. Бардашев, тоже неплохо владевший пером, в 1859 году напечатал в «Санкт-Петербургских ведомостях» письмо из укрепления Верный. Оно было проникнуто гордостью за этот цветущий край.

«...Поверьте, что не пройдет десяти лет, как наше Верное превратится в обширный город, которому будут завидовать не только сибирские, но и центральные города России. Укрепление лежит под одними почти градусами широты с Хивой и Миланом; плодородие здешней почвы удивительное: сам-восемь, сам-девять здесь самый обыкновенный урожай хлеба. Скоро мы будем здесь делать виноградное вино, но более всего ожидаем мы для здешней страны от разведения хлопчатой бумаги... Хлопку нам привозили в Верное и из Хивы, и из Бухары, из Кашгара и Кульчжи, и она обошлась бы втрое дешевле, чем в Москве: работников здесь не занимать стать; наши казаки не прочь от промышленности; киргизы также скоро бы поняли всю выгоду труда. Притом рано или поздно, но в будущем мы должны рассчитывать и на прилив населения в наши степи.

Вырабатываемые на здешней фабрике товары шли бы во все концы Средней Азии, и, конечно, это самое

верное средство вытеснить из нея английские хлопчатобумажные произведения. Первая фабрика, основанная в центре Средней Азии, конечно, скорее всех сумела бы не только удешевить товары, но и вырабатывать их, применяясь ко вкусу и потребностям тамошных потребителей.

Но и независимо от фабричной деятельности Верное может со временем сделаться одним из первых торговых городов по своему центральному положению. Здесь перекрещиваются дороги, ведущие с одной стороны из России в Кашгар и оттуда в Индию, а с другой стороны из Китая в Ташкент и далее в Персию...»

Так было написано в одной из первых газетных статей о Верном, появившейся в столичной печати. Тридцать седьмой номер «Санкт-Петербургских ведомостей» мог быть доставлен в Верный лишь дней через сорок пять после своего выхода — не ранее апреля 1859 года.

Этот срок приблизительно совпадает с приездом еще одного исследователя, прибывшего в Верный вслед за Александром Голубевым. Речь идет о Михаиле Венюкове, двадцатишестилетнем штабс-капитане, уже успевшем свершить славные дела на дальневосточных землях России. Недавний прапорщик батареи, стоявший в Серпухове, добился перевода в топографическое отделение Военной академии, блестяще закончил его и получил назначение в Иркутск, где был причислен к штабу Н. Н. Муравьева. Трудясь в иркутской чертежной, Венюков изготовил карту Маньчжурии и Восточной Монголии. В конце мая 1857 года он ступил на берег Амура и прошел более тысячи верст вниз по течению великой реки. Через год, успев съездить в Петербург и снова вернуться на Дальний Восток, бывший серпуховский прапорщик исследовал Уссури, перевалил через хребет Сихотэ-Алинь и вышел к просторам Японского моря. Так Михаил Венюков начинал свои научные подвиги.

Отправляясь в Верный, он успел завершить большую и важную работу, подготовив к печати «Обозрение р. Уссури и земель к востоку от нее до моря» и приложив к ней две карты. Труд этот появился в «Вестнике Русского географического общества», когда Михаил Венюков уже принял на себя бремя начальника экспедиции в долину Чу. Во время пребывания в Заилийском крае ему, как всякому пишущему человеку, конечно, не терпелось поскорее увидеть мартовскую книгу «Библиотеки для чтения», где печатались его исторические изыскания

о русских поселениях на Амуре и отдельное издание «Истории реки Амура», выпущенное в том же 1859 году.

После приезда Голубева и Венюкова в Верный образовалась некая «могучая кучка» исследователей этого края. Василий Обух наряду с заботами о крепостных и полевых батареях и ракетных станках возился со своими дождемерами, флюгерами и градусниками, помещенными в белые ящики со створчатыми стенками.

Наблюдениями за верненской погодой занимался также Н. А. Тургенев, помощник начальника Алатавского округа.

Топограф Воронин долго трудился над изготовлением самодельного секстанта, чтобы с помощью его определить положение Верного и уточнить широту, указанную неправильно на печатной карте Западной Сибири, составленной к 1855 году.

Деятельность Воронина не ограничивалась топографическими занятиями. Он, например, вместе с Л. А. Нифантьевым еще в 1851 году составил записку о киргизах Тянь-Шаня, переданную западносибирским генерал-губернатором в распоряжение Русского географического общества. Капитан Воронин знал Заилийский край как свои пять пальцев, прошел его съемкой до верхней Чу и северного склона Тянь-Шаня.

Прилежный читатель «Современника», старый заилиец, верненский переводчик А. И. Бардашев продолжал собирать и разрабатывать сведения о киргизах. Он охотно делился своими знаниями с новичками; Александр Голубев и Михаил Венюков записывали его рассказы о происхождении киргизов, пережитках язычества и шаманства у кочевников Небесных гор. Бардашев, например, наблюдал, как киргизы поклоняются огню, устраивая моления перед девятью зажженными светильниками или подливая в пламя растопленное баранье сало. Записаны были предания о прародителе киргизов, незадачливом Кыргызбае, влачившем сначала свою жизнь в безвестности и сносившем насмешки по поводу своего происхождения, совершенно неясного даже для его братьев. Кыргызбай похитил из материнской юрты деревянный пест для взбалтывания кумыса и узду. Овладев этими знаками первородства, Кыргызбай удалился в Андижан, где вскорости и сделался праотцем киргизов.

Чокану тоже было известно это сказание о Кыргызбае, овладевшем скипетром в виде кумысной колотушки и тем самым положившем предел всяким кривотолкам насчет своего предосудительного происхождения.

Верненские ученые основали библиотеку при батальонном штабе; там получали толстые петербургские журналы, выписывали книжные новинки. Это было в то время, когда, по свидетельству одного очень осведомленного современника, на всем пространстве от Казани до берегов Амура было всего две книжные лавки.

Сколько времени Чокан пробыл в Верном, в точности неизвестно. По сведениям академика А. Х. Маргулана, Валиханову довелось гостить в укреплении близ Алатау месяца полтора, чтобы отдыхать и пользоваться чудесной весной верненской долины.

В бумагах Чокана нам попадались его заметки о древнем Алмату, стоявшем на дороге, по которой когда-то следовали генуэзцы в далекий Китай. В дорожниках, приведенных у Александра Гумбольдта, Чокан читал о местности Гурбан-Алмату, обозначенной на старых картах под именем рек, осененных яблоневыми ветвями. Существовало поверье, что при владычестве джунгар Алмату, или Алматы, было укрепленной зимней стоянкой брата хана Галдан-Церена. На земле Верного уже не раз находили изваяния, возможно, связанные с более древними временами.

В 1859 году в Верном составляли путеводители для поездок в Восточный Туркестан разными дорогами. Эти маршруты сохранились в черновых записях Чокана как свидетельства его внимания к таким делам. Вот дорожник Коканд — Ош — Кашгар, а вот маршрут от Сан-Таша до Кызылсу, написанный переводчиком И. Безверховым в Кульдже с учетом того, что этот путь соединен с дорогой Семипалатинск — Или — укрепление Верный.

Но как пользоваться караванными путями, если им все время угрожают кокандцы, свирепый Торегельды и другие любители легкой наживы?

Наместник Коканда в Пишпеке Дос-Мухаммед-датха не оставлял своих притязаний в отношении богинцев, уже принявших русское подданство, и настойчиво требовал, чтобы они исправно платили налоги и подати Коканду. Из Пишпека и Токмака распространилось главное зло на всю Чуйскую долину и берега Таласа. Даже

беспокойные сарыбагиши и те стали просить русских, чтобы они как можно скорее позаботились бы о разорении Токмакской и Пишпекской крепостей, построенных когда-то жестоким Ляшкером на землях киргизов.

Герасим Колпаковский и его помощники в Верном в 1859 году предрешили судьбу Токмака и Пишпека.

Верненские исследователи давно стремились в окрестности Токмака, чтобы воочию увидеть тамошние древности вроде исполинской башни Бурана или многочисленных каменных баб, стоявших зарытыми по пояс в землю. С Токмаком связывали историю древнего города Суяба.

Когда-то Петр Семенов, будучи в Омске, увлек Чокана и Потанина рассказом о путешествии византийского стратига Земарха ко двору могущественного тюркского властителя Дизабула (Истеми). Стоянка кагана тюрок была в то время в долине Таласа. С Чуйской же долиной было связано путешествие Сюань Цзана, тоже посетившего тюркского государя на земле, где зрели виноград, красное просо и пшеница. Лишь шестьдесят один год разделял два этих путешествия древних исследователей.

Напомним, что в 1856 году Петру Семенову однажды довелось побывать в Чуйской долине и туманной осенней ночью благополучно миновать кокандскую крепость Токмак. Герой Небесных гор, при всей своей великой скромности, говорил, что его ученым предшественником был лишь один путешественник. В этой связи Петр Семенов не раз вспоминал и верховья Таласа, и Страну Тысячи источников, где летом возвышались раззолоченные шатры тюркских владык, столь поразившие воображение киликийского стратига Земарха.

Пока кокандцы еще не были вытеснены из Чуйской долины, Герасим Колпаковский исподволь готовил наступление в сторону Токмака и Пишпека. С этой целью он выдвинул впереди Верного новый пикет на Каскелене, возведя укрепление на месте кокандской крепостцы Таучубек, уничтоженной отрядом Ивана Карбышева девять лет назад.

Каскеленский пикет был прикрыт небольшим редутом, где разместились сорок сибирских казаков. На их обязанности лежало наблюдение за дорогой к Токмаку и Пишпеку. Возле пикета возник Каскеленский выселок. Для того чтобы продвинуться еще на запад, надо было

устроить Узун-Агачский пост с редутом при нем и только после его основания идти дальше, к Кастеку, где надлежало стать при дороге, которая вела к верховьям Чу и озеру Иссык-Куль.

Всем этим и жил Герасим Колпаковский в Верном в то самое время, когда Чокан отдыхал там от своего изнурительного похода.

Будем считать, что укрепление Верный он покинул не ранее конца мая 1859 года. В таком случае Чокан оставил Алматинскую долину незадолго до возвращения А. Голубева из похода в места, уже известные «купцу Алимбаю».

Голубев отправился по следу Чокана 22 апреля. На Иссык-Куле путешественник должен был разыскать отряд из сорока казаков, по-видимому тот самый, что был послан для встречи каравана Мусабая.

Прежде всего надо было найти этот казачий отряд. Когда Голубев шел вверх по Чарыну, он увидел всадников с пиками, скакавших навстречу ему. Это и были верненские казаки, вышедшие из окружения немирных киргизов. С отрядом следовал Ширали, брат Тезектёрэ, сопровождаемый атбанскими удальцами, вооруженными луками, обмотанными жилами, и айбалтами-секирами с длинными рукоятками.

Всего два-три дня назад сарыбагиши пытались утопить Ширали в Иссык-Куле.

Верненские казаки не дали Ширали в обиду, и он возвращался домой под надежной защитой русского отряда.

Голубев стал подниматься на высокое плоскогорье Каркары. Оттуда он двинулся вверх по Кегену, отыскивая дорогу к монастырю Сумбэ. Он находился в области, описанной Чоканом в его «Дневнике поездки на Иссык-Куль». Где-то к северу от пути Голубева поднимались горы Куулук, или Куллок. Чокан рассказывал о рудокопах, добывавших свинец возле Кушмуруна. Это были ссыльные *чампанги*. Голубев застал эти рудники в полном разорении. Оказалось, что чампанги были истреблены кочевниками, и после этого работа на приисках уже не возобновлялась.

Путешественник осмотрел очень глубокие шахты, соединенные между собой холмами, остатки плавилен и развалины жилищ. Оттуда Голубев перешел на соленое озеро Боро-Дабсуннор. О нем тоже писал Чокан, ука-

зывая, что оно лежит у восточного склона гор и имеет связь с солончаками долины Кегена. На озере Голубев увидел людей, добывавших соль, осаждавшуюся аршинным слоем на дне водоема. К северу поднимались горы, одетые снегами. Голубев вскоре очутился за глинобитной оградой, где стояли четыре неказистых здания и жалкие мазанки сумбэйских отшельников. Главный лама пригласил русского гостя осмотреть кумирню, где стояло четырнадцать изваяний, выкрашенных в разные цвета. Один из бурханов обладал тридцатью двумя руками, которые, как казалось, он не знал, куда девать.

В молельне Голубеву с гордостью показали вышитые на шелку изображения русского царя, императора Китая, крымского хана и хана кокандского. Самое трогательное было в том, что православный русский царь был изображен с балалайкой в руках!

Отшельники были приветливы и внимательны. Голубеву даже довелось распить вместе с ними штоф-другой омской водки.

Спустившись на юг, к Текесу, капитан Голубев увидел бело-лазоревую, окруженную облаками пирамиду Хан-Тенгри. Она вздымалась к небу, главенствуя над остальными снежными вершинами.

С берегов Текеса были отлично видны подступы к знаменитому проходу Музарт, где содержалась целая служба, обязанная вырубать ступени в ледяных толщах, по которым поднимались на перевал странствователи.

Верстах в пятидесяти на запад от Музарта находился перевал Какпак, уже известный Петру Семенову и Чокану. Напомним, что Бурамбай посылал через Какпак в Кашгар своих всадников, собиравших сведения о гибели Шлагинтвейта.

Александр Голубев, побывав во всех этих местах, произвел наблюдения, позволявшие определить положение той или иной местности. Отражательный инструмент ученого вызывал удивление у лам-отшельников за глиняной стеной монастыря и богинцев, расставивших свои белые юрты по берегам быстрого Текеса.

Когда Голубев вернулся на плоскогорье Каркары, там его ожидал еще один отряд, прибывший из Верного для помощи путешественнику. Теперь сарыбагиши не были страшны, ибо покой Голубева охранялся ста пятьюдесятью казачьими пиками и таким же количеством клинков. Отряд двинулся к проходу Сан-Таш, мино-

вал луга, заросшие диким луком с золотистыми головками, и пришел к северному берегу Иссык-Куля. Там стоял своими юртами наш старый знакомый, манап сарыбагишей Умбет-Али. Припадая на одну ногу, выставив вперед живот, Умбет-Али, приблизившись к Голубеву, преподнес ему в дар сосуд с водкой, которую он самолично с помощью сыновей производил путем перегонки душистого майского кумыса.

С этой минуты Голубев ни разу не видел, чтобы Умбет-Али был в своем разуме, так пристрастился манап к напитку. Но Умбет-Али был настроен весьма миролюбиво. Кротость его сказалась в том, что он даже начал упрашивать Голубева разрешить кокандским сборщикам налога беспрепятственно следовать мимо Иссык-Куля к себе домой. Вскоре показался караван, направлявшийся в Коканд. Синехалатные всадники-сарбазы гнали стадо баранов в несколько тысяч голов. Удивляться такому количеству не пришлось, ибо Умбет-Али разъяснил Голубеву, что слуги хана кокандского берут не только по одному барану с каждой киргизской юрты; владелец пятидесяти баранов одного из них отдает кокандцам. Киргизы-земледельцы платят хлебный налог тоже баранами — по три головы с каждого гумна. Кокандцы ничего не имеют против, если данники выплачивают налоги китайскими серебряными слитками — ямбами — или тканями. Доказательством тому были туго набитые серебром и шелком вьюки на спинах кокандских коней.

Караван прошел мимо русской стоянки возле устья Тюпа и скрылся с глаз, спустившись в глубокий овраг.

На Тюпе капитан Голубев заметил остатки старинного вала. Поднимаясь вверх по Тюпу, путешественник встретил каменных баб, виденных еще Петром Семеновым и Чоканом.

Занятый перевозом своих хронометров между избранными им пунктами, Александр Голубев поспешил от устья Тюпа к Верному через Жаланаш, Чилик, Тургень и Иссык. На Иссыке и Талгаре капитан Голубев посетил первых русских поселенцев, обживавших свои дома, сложенные из бревен горных елей.

Из Верного исследователю пришлось возвратиться снова на Тюп, к Иссык-Кулю, затем Голубев двинулся на запад и достиг Кутемалдов, исследованных Петром Семеновым. В Верный же капитан возвратился через

Каскелен. Отдыхать в укреплении ему не пришлось, так как долг призывал его к свершению новых и новых трудов. Надо было произвести астрономическое определение Кастека.

О Кастеке следует сказать отдельно, и в данном случае нельзя не упомянуть о путешествии Венюкова.

Чокан еще мог находиться в Верном, когда 12 мая из ворот укрепления вышел отряд, сопровождавший Михаила Венюкова в поход на запад. Путешественник Венюков должен был на месте разузнать, каковы силы кокандцев, насколько прочно их положение в Пишпеке и Токмаке. Нужно было также собрать другие сведения.

Надо было выяснить, как будут относиться киргизы Чуйской долины, чью сторону они будут поддерживать. У Венюкова было много хлопот. Его отряд состоял из шестисот пятидесяти человек с обозом в семьдесят подвод и верблюжьим караваном.

Впереди шла полусотня казаков с двумя полевыми орудиями. За передовым отрядом шагала рота пехоты, двигался второй конный строй. Между этими рядами находились ракетчики со своими станками, а за ними — обоз, замкнутый внутри живого четырехугольника. Последнюю сторону квадрата составляли стрелки и два горных орудия.

Поход этот был тщательно продуман Колпаковским, Обухом и Венюковым. Им приходилось полагаться лишь на свой опыт и чутье. Венюков свидетельствовал, что в руководствах по тактике нельзя было найти ни слова о правилах степных походов. Через год после Чуйской рекогносцировки Михаил Венюков выступил в «Военном сборнике» с заметками об особенностях степной войны. Он указывал на заслуги Василия Обуха, великолепно изучившего этот вопрос во время службы в Заилийском крае.

Василий Обух учил, что отряды должны возить с собою продовольствие в течение всего похода, заранее запасать топливо. Движение войск должно быть скрытным и проводиться ночью, днем же отрядам лучше всего укрываться в оврагах, логах, ущельях. Обух и Венюков учитывали местные особенности. К примеру сказать, казахские джигиты, сопровождавшие войска, всегда имели «заводных» коней, то есть ехали одвуконь. Это позволяло в любое время в случае необходимости пересадить на коней часть пехоты.

Опыт показал, что казахские батыры оказывали неоценимые услуги во время движения войск: зачастую успех дела решала быстрота доставки важных вестей казахами, помогавшими русским во время походов против кокандцев.

Вот и теперь, когда отряд, миновав Каскеленское ущелье, стал двигаться по оврагам, прорытым весенними потоками, стекавшими с Алатау, к коннице пристроились прославленные казахские батыры, дружившие с русскими, начиная с 1849 года, отлично знавшие Абакумова, Карбышева, Гутковского, Хоментовского и других устроителей нового края. В числе степных удальцов мы можем назвать Суранши-батыра из рода Шапрашты, дулата Дикамбая, Кожагула Байсеркина, батыра Шаяна Толыбаева, Сарыбая Айдосова. Среди них особенно выделялся Суранши Хакимбеков. В ту пору он был уже в солидном возрасте, ему шел сорок четвертый год. Великолепный наездник, Суранши когда-то храбро дрался с черным манапом Урманом и с сыном его хромым Умбет-Али. Около 1853 года Суранши впервые разгромил кокандцев, напавших на казахские кочевья близ урочища Сары-Кемер.

Народное предание говорило, что Суранши взял кокандцев хитростью. Ворвавшись в лагерь врагов, он сам поверг на землю ханское знамя. Этот батыр приводил в русское подданство казахов Семиречья. Когда было основано укрепление Верный, Суранши стал дружить с его обитателями и предупреждать их о недобрых замыслах кокандцев. Его буланый скакун Актуяк часто стоял у коновязи в Верненской крепости неподалеку от знаменитого тополя Гутковского.

Незадолго до начала чуйского похода Г. А. Колпаковский в письме к Гасфорту, воздавая должное отваге Суранши, говорил, что батыр так воспитал своих воинов, что они, подражая своему предводителю, бесстрашно идут вперед под картечью и ядрами. Колпаковский добавлял, что Суранши-батыр может в любое время собрать две тысячи всадников; его людей можно сравнить с кадровыми воинами.

Суранши Хакимбеков очень помог Колпаковскому и Венюкову наладить трудное дело заготовки двухмесячного запаса продовольствия для чуйского отряда, принял на себя заботы по перевозке припасов на Кастек.

Он отрядил своих лазутчиков в Пишпек и Аулие-Ату.

Старшина рода Шапрашты был храбр, простодушен, но в то же время не лишен жестокости, принятой в той среде. Суранши занимался, например, настоящей охотой на киргизских барымтачей, устраивая на них облавы. Однажды в дружеском порыве он попытался подарить Венюкову живого сарыбагиша с цепью на шее. Путешественник ответил, что русским людям рабов не нужно; русские искренне хотят, чтобы казахи и киргизы были друзьями, а не охотились друг за другом. Помимо всего прочего Суранши должен был помнить, что он как-никак прапорщик русской службы и поэтому не может состязаться с кокандцами по части ловли невольников. После увещания Венюкова батыр Суранши скрепя сердце расстался со своей двуногой добычей. Тогдашние нравы надо было понимать. Всего несколько лет назад, после того как был убит манап Урман, сарыбагиши требовали от богинцев живой выкуп — сто красивейших девушек-амазонок на лучших скакунах, украшенных богатой сбруей.

Дорога, по которой двигались верненцы на запад, пересекла реку Чемолган и вскоре привела отряд к первой заветной цели. Здесь между Алатау и Или лежала волнистая степь, расцвеченная тюльпанами и синим шалфеем. По левую руку поднималась гора Суек-тюбе, направо был спокойный отлогий скат в сторону Или. К северу от этой холодной горы было выбрано место для закладки укрепления Кастек. Здесь первым делом выгрузили основные жизненные припасы. Порожние повозки потянулись обратно в Верный — за новыми грузами для Кастека.

Так было основано новое укрепление Кастек, или Бургунь, у северного подножия Заилийского Алатау в восьмидесяти с половиной верстах на запад от Верного. К югу от места застройки находился перевал Кастек и река того же названия, вырывавшаяся из гор. Здесь властвовал свирепый местный ветер, подымавшийся по вечерам и дувший в сторону Или.

Венюков с неделю пробыл в Кастеке, готовясь посетить Чуйскую долину. Он изучал животный мир, записывая сведения об охоте на фазанов, рассказы о ловле дикобразов, данные о распространении змей, фаланг и каракуртов. Его поразили кастекские птицы — удоды, настолько не боявшиеся человека, что их можно было

брать в руки и сажать на луку седла, где удоды продолжали сидеть, покачивая своими пестрыми коронами.

На берегах Чу можно было пройти разными дорогами, но Венюков избрал самую удобную из них — по ручью Биш-майлак. Она выводила на реку Каракунуз, откуда можно было видеть Токмак.

Русский отряд, оставив часть людей на Кастеке, начал подъем на хребет и 26 мая благополучно перевалил через него. Местами путники шли выше вечных снегов. Венюкову удалось определить высоту вершины близ истока быстрого ручья Джаманты; оказалось, что она вздымалась почти на семь с половиной тысяч футов над уровнем моря.

Прежде чем начать спуск с поднебесных гор, Венюков осмотрелся вокруг и увидел под ногами Чуйскую долину с кипящей рекой и Токмак, казавшийся карточным домиком, затерявшимся в зеленом поле. И хотя до прииссык-кульских вершин было никак не менее полутораста верст, снежные венцы этих гор были отчетливо видны с джамантинских круч.

Спуск был нелегок. Большой обузой для отряда были две пушки. Местами на опасных косогорах орудия приходилось спускать вниз на лямках, люди выбивались из сил.

Длина каждого такого спуска была больше версты. Пушки здесь можно было уподобить грузилам, увлекающим снасть на дно, с той только разницей, что люди не давали грузилам воли и задерживали их падение.

На пути к Чу пришлось пройти сорок семь верст по отрогам, ущельям и лощинам, пересеченным еле видной тропой. Пушечные колеса скатились на поверхность долины, уже успевшей выгореть под лучами майского солнца. Стоянка у Каракунуза принесла мало радости путешественникам и не вознаградила их за перенесенные тяготы. Подножный корм для каравана надо было искать в горных щелях, куда пришлось перегонять коней и верблюдов.

Михаил Венюков делал наблюдения за воздухом Чуйской долины. Он был необычайно сух, на всем земном шаре трудно отыскать местность, отличающуюся такой сухостью атмосферы, как долина Чу.

Ученый определил скорость течения бурной Чу, сетуя на то, что исполинская сила падения реки затрачивается понапрасну, без пользы для людей.

Пресловутая Кутемалды или Кутемалда, о которой было столько разговоров со времен Гумбольдта, как узнал Венюков во время чуйского похода, была лишь рукавом реки Кашкар, как называлась Чу в своем верхнем течении. О Гумбольдте снова пришлось вспомнить, когда во время чуйской рекогносцировки киргизы ошеломили Венюкова рассказом об огнедышащей горе, якобы высящейся в области Кашкар, то есть на верхней Чу.

Идти к «огненной горе» весною 1859 года Венюков не имел возможности. Ему пришлось отложить это дело на целый год.

Появление русского отряда в Чуйской долине весною 1859 года так напугало кокандцев, что они наглухо затворились в стенах Токмака и Пишпека. Основание укрепления Кастек отрядом из Верного повергло кокандских наместников в уныние, хотя пишпекский начальник Атабекдатха на словах еще храбрился.

Во время своего пребывания в Чуйской долине Михаил Венюков подружился с киргизами, кочевавшими в окрестностях Токмака и Пишпека. Теперь они не только склонялись на сторону русских, но даже просили их разорить ближние кокандские крепости. Что стоит, говорили киргизы, обрушить ядра и ракеты на глиняные стены? Токмак был отлично виден со стоянки отряда, но верненским офицерам строго запрещалось предпринимать какие-либо наступательные действия.

Михаил Венюков занялся изучением быта киргизов. Судя по его заметкам, из сарыбагишей ему хорошо были известны Умбет-Али, неистовый Торегельды, Адиль. Знал он и о Чон-Караче (Джан-Караче), который когда-то являлся к Чокану в сопровождении телохранителей, вооруженных дубинами. Расспросные сведения, а также подробное изучение данных о киргизах, собранных ранее Ворониным, Нифантьевым и Бардашевым, старания которого Венюков особенно ценил, помогли ему написать две главы, целиком посвященные «Дикокаменной орде». Они в какой-то мере перекликаются с «Дневником поездки на Иссык-Куль» и «Киргизами» Чокана Валиханова.

В одном месте Михаил Венюков свидетельствует, что ему уже было известно о том, что Чокан немало потрудился как исследователь жизни киргизов. Вот что писал

Венюков в своих «Очерках Заилийского края и Причуйской страны»:

«...Об Иссык-Куле в последнее время не мало было говорено и писано; небольшая заметка о нем помещена и мною в Географическом вестнике прошлого года.

Но земле дикокаменных киргизов менее посчастливилось.

Хотя мы и можем ожидать богатых и разнообразных сведений об этих местах от г. Валиханова, которому личное пребывание в стране на юг от Теплого моря и знание киргизского языка дают средство исполнить такой труд с особенным совершенством, то, может быть, не лишним будет сообщить здесь то, что мне удалось собрать в 1859—1860 годах».

Во время похода на Чу Михаил Венюков составил несколько маршрутов, подробно описав путь от Верного до Пишпека, дорогу из Пишпека в Кастек. Он также определил высоту Кастека.

Гарнизон Кастека на первых порах состоял из ста двадцати человек. Закончив все свои военные и ученые дела, Венюков покинул край удодов и тюльпанов и возвратился в Верный. Вскоре после этого со своим отражательным кругом двинулся в Кастек Александр Голубев.

ОТ ВЕРНОГО ДО ИРТЫША

Мы не знаем ни писем, ни записей в дневнике, ни казенной переписки — ни одной строчки о том, как Чокан Валиханов возвращался из Верного в Омск, с кем встречался в пути. Как будто на свете не существовало С. М. Абакумова, погруженного в заботы о благе своего Копала. Опрятные домики города стояли под крышами, щедро покрашенными густой охрой, залежи которой были отысканы Абакумовым. У каждого дома росли дикие яблони, пересаженные из горных лесов. Копальцы гордились множеством источников со студеной водой; лучше ее не было во всем Семиречье.

По количеству водяных мельниц Копал обогнал Алматинскую долину. Жителей в Копале было не меньше, чем в Верном и его станицах. Основную часть населения Копала составляли казаки Десятого Сибирского полка и казаки станичные, поселенные вместе с семьями. За

ними шли чины линейного батальона № 6. Любопытно, что в Копале в те годы числилось более четырехсот «заграничных выходцев», помимо ташкентцев и бухарцев. По-видимому, это были чалаказаки и жители Кашгарии, бежавшие оттуда после восстания Валихана-тёрэ.

Много повседневных забот Абакумов уделял Арасану. Копальский начальник не мог нарадоваться на сад, разведенный вокруг серных источников. В абакумовском вертограде были абрикосы, яблони, грушевые деревья. Там прижились яркие цветы из Кульджи и виноградные лозы. Холодная горная вода, отведенная в сад, заполняла бассейны на террасах дома, бежала в арыках, осененных листвою берез и лапами высоких елей. Наслышанный о славе консульского сада в Кульдже, Абакумов выстроил на Арасане беседку в китайском вкусе, увенчанную железным флюгером с изображением дракона. Дорожки сада были посыпаны не песком, а измельченной слюдой, блестевшей на солнце.

Абакумов выстроил новый Саркандский пикет на дороге из Копала в Чубар-Агач. Копальский начальник дождался большой чести: при его жизни был перенесен на новое место Карасуйский пикет, переименованный в Абакумовский. Этим были признаны большие заслуги Абакумова.

В свое время он отыскал новый путь от Карасуйского пикета к Арасану в обход высокого отрога и ущелья Кейсык-ауз. Абакумов взорвал скалы Боздык-сая — восточнее старой дороги — и избавил обозы и караваны от постоянной опасности, подстерегавшей их на гибельных кручах Кейсык-ауза. Карасуйский пикет пришлось передвинуть на Боздык-сай, и Гасфорт приказал впредь новое селение именовать Абакумовским.

Тронутый этим, Абакумов на собственные средства купил всю обстановку для нового пикета и обсадил его деревьями. Неподалеку от пикета, в долине речки Кзылкаин, стояла полая каменная пирамида. Казахи рассказали копальскому полковнику, что внутри памятника покоится изваяние джунгарской княгини. Много древностей было во владениях Абакумова.

В одну из своих прежних поездок по Семиречью Чокану удалось приобрести загадочные предметы, найденные в горах Лаба среди остатков древних зданий, сложенных из дикого серого и голубоватого камня. Мест-

ность эту надо искать на юго-западе от Копала, в окрестностях бывшего Каратальского пикета, неподалеку от казачьего хутора и «курганов» чалаказаков. Там были явственно видны границы огромного сооружения, окруженного развалинами еще пятнадцати зданий.

К некоторым из них когда-то примыкали каменные лестницы, спускавшиеся к реке. В годы, когда Чокан ездил на Иссык-Куль, на развалинах вблизи гор Лаба время от времени, стали находить плоские глиняные кружки и овалы, украшенные изображением венценосной женщины. Они были позолочены и покрыты алой краской. Золоченые кружки оказались на письменном столе Чокана. Значения их тогда еще не знали. Но вскоре вышла книга ученого русского архиепископа Нила: «Буддизм, рассматриваемый в отношении последователей его, обитающих в Сибири», о которой, между прочим, писал Н. А. Добролюбов.

Сидя у себя в Ярославле, Нил до тонкости изучил буддийское искусство. Просмотрев первую сотню страниц его книги, можно установить, что на семиреченских глиняных кружках изображены дивная жена Дзумберимбучи, олицетворявшая блага земные, Ракчиса — прародительница всех живущих на земле или дева небесная с длинным именем Такилун-Табун-Укинтегери.

Абакумов, разумеется, не остался бы равнодушным к уточнениям относительно изображений на золоченых кружках из гор Лаба, но говорить об этом ему было не с кем, поскольку весною 1859 года он не виделся с Чоканом.

Офицер русской армии в одежде торговца ничем себя не обнаружил и в дни пребывания в Семипалатинске. Пусть нежданным, но всегда дорогим гостем он мог быть прежде всего в доме Лепухина на Крепостной улице. Там к тому времени произошли знаменательные события.

Семипалатинский военный штаб получил из Тобольска от начальника Двадцать четвертой пехотной дивизии предписание за № 2251. В нем говорилось: «прапорщик Сибирского линейного № 7 батальона, из политических преступников, Достоевский уволен за болезнью от службы с награждением следующим чином». Высочайший приказ об этом состоялся 18 марта 1859 года, но еще в январе командир батальона официально запрашивал своего прапорщика, где он намерен проживать после

увольнения в отставку. Как и все поднадзорные, Достоевский, конечно, не подозревал, какая обильная секретная переписка была заведена по поводу его переезда в Тверь, избранную им как место нового своего жительства.

Пожалуй, единственной гласной бумагой, решившей его судьбу, был выданный на руки Достоевскому временный билет за № 2030 на проезд от Семипалатинска до губернского города Твери.

Начались радостные, но хлопотливые сборы в дальнюю дорогу. Совершать ее было всего удобнее в большом казанском тарантасе, подобном сухопутному ковчегу Петра Семенова.

Перед тем как покинуть Семипалатинск, недавний узник решал, кому подарить свое собрание «чудских» и иных древностей. Выбор пал на Артемия Гейбовича, в роте которого писатель проходил службу. Артемий Иванович получил от Достоевского его портрет, полусаблю, эполеты и коллекцию, столь ценимую ее собирателем. Новый владелец редкостей дал слово, что он немедленно сделает удобный ящик с отделениями и разместит в нем наконечники каменных стрел и копий, запястья, кольца, железные и бронзовые ножи.

Теперь можно угадать, кто в свое время помогал Достоевскому собирать местные древности. Археологией занимался Александр Егорович Врангель. Капитан Н. Ковригин, тоже друживший с Достоевским, наряду с рудами находил орудия бронзового века, золотые бусины, кости вымерших животных. Семипалатинский купец Сидор Самсонов, снаряжавший караваны в Чугучак и Кульджу, много раз исследовал развалины знаменитой буддийской обители Аблайкит близ Усть-Каменогорска. Он все старался докопаться до аблайкитских подвалов и остатков плавильных печей, скрытых под развалинами монастыря. Самсонов полагал, что буддийские монахи плавили в Аблайките золотую руду для изготовления бурханов.

Путешественники, посещавшие Семипалатинск, свидетельствовали, что Самсонов занимался сбором естественно-исторических редкостей. С ним на научной почве водили знакомство Карелин и Абакумов.

Александр Врангель во время пребывания в Семипалатинске вместе с Федором Михайловичем осматривал старинные развалины, открытые на заимке С. И. Попова

в окрестностях города. Поэтому Врангель и вспоминал потом о медных бурханах и буддийских надписях на бараньих лопатках.

А чего стоили находки на остатках развалин Семипалат!

Осенью 1855 года таможенный начальник Иван Адамович Армстронг затеял там постройку каких-то складов. Рабочие наткнулись на могилу, прикрытую плитой из глинистого сланца, сняли каменный покров и стали разбирать предметы, покоившиеся в могиле. Самой удивительной находкой был человеческий череп, расписанный в четыре краски узорами, напоминавшими розу ветров на картушке компаса.

Среди останков человека лежал сосуд из глины, покрытый глазурью. Когда его стали встряхивать, оказалось, что он наполовину наполнен густой жидкостью, похожей на смолу. Когда к ней поднесли огонь, она загорелась. Второй муравленый сосуд был с крышкой; на дне его лежали клочок атласной ткани, звериная шерсть, сердоликовые, коралловые и янтарные украшения.

В могиле нашли также череп теленка, покрытый цветной росписью. Там же лежали пластины из шифера с изображениями какой-то ступенчатой башни и выкованная из меди кирка с острым концом.

Происходило все это в тот год, когда Врангель и Достоевский с особым прилежанием занимались сбором местных древностей; Врангель, знакомый с Иваном Армстронгом, по-видимому, знал от него о черепе с «розой ветров», вынутом из сланцевой могилы на высоком берегу Иртыша на месте, где когда-то стояли Семь палат.

Тогда же Достоевский познакомился с главным начальником Алтайского горного округа Александром Родионовичем Гернгроссом. Когда-то Гернгросс участвовал в ученых поездках Егора Ковалевского, прошел с ним западную часть «Киргиз-казачьей степи». Лучшего знатока «чудских» древностей трудно было найти. Достоевский виделся с полковником Гернгроссом впервые на Локтевском заводе, а потом — в Змеиногорске и Барнауле.

Неподалеку от Локтевского завода приезжим показывали остатки рудокопного сооружения былых времен. Это был «разнос», проложенный вдоль рудной жилы. Длина его достигла ста пятидесяти трех саженей. Здесь

часто находили бронзовые орудия, принадлежавшие древним горнякам.

Летом 1855 года Врангель и Достоевский прожили около недели в Змеиногорске, где в порфировых горах были скрыты самородки меди, серебра и золота, а в глубь земли уходили, казалось, бездонные шахты. Искатели древностей сделали там одну из самых знаменитых находок — скелет чудского добытчика руды, погибшего при обвале. При нем были орудия и кожаная сума, набитая обломками отборной руды.

Когда-то три друга — Врангель, Достоевский и Чокан Валиханов — каждый по-своему старались проникнуть в тайны древней Сибири. Вот и теперь, возвращаясь из кашгарского путешествия, Чокан был занят мыслями о следах чудских копей, найденных им за время скитаний по Азии. К какому народу принадлежали подземные труженики? Можно ли причислить их к древним финнам? Нет, отвечал самому себе Чокан, китайские летописи указывают на «тугю», тюрок, добывавших руды для Жужаньского дома.

Всем этим можно было бы поделиться в беседах с Достоевским, вместе с ним перебрать его коллекцию, а заодно и увеличить ее каким-нибудь нечаянным подарком вроде просвечивающегося по краям клинка из нефрита.

Но Чокан и в Семипалатинске остается для нас невидимкой. Все это не только непонятно, но даже как-то тревожно! Ведь старый Букаш Аупаев терпеливо ожидал возвращения Мусабая из Кашгара, гадая на кумалаках об исходе предприятия, ради которого он пошел на такой риск. Но о встрече с бывалым кокандцем в Семипалатинске Чокан тоже молчит.

Так или иначе он двинулся вдоль цепи степных пикетов по обычному пути в Омск. Сразу же за Семипалатинском начались песчаные гряды, отделявшие город от места, где когда-то стояла старая Семипалатинская крепость. Вскоре обозначилась приметная скала из белого кварца, давшая название Белокаменскому пикету.

За Грачевским, на том берегу Иртыша, зеленели богатые луга, а после Семиярской станицы пикетная дорога спустилась на заливные угодья правого берега.

Вскоре Чокан приблизился к заветному месту, дороже которого для него не было на всем Иртыше. Впереди по-

казалась колокольня старой крепостной церкви. Это была станица Ямышевская — родина Григория Потанина!

Всего два года назад Чокан и Потанин, шелестя листами голубоватой бумаги, просматривали архивные дела, отыскивая в них сведения о караванной торговле с Джунгарией. Ямышевская крепость часто упоминалась в казенной переписке XVIII столетия, но Ямышевское озеро русские люди знали в очень давние времена, вероятно, еще при жизни Ермака. Григорий Потанин выяснил, что Ермак Тимофеевич выходил навстречу бухарскому каравану, продвигавшемуся в сторону Сибири с вершин Иртыша от Ямышева. В XVII веке там находилось большое торжище, в котором участвовали «бухарцы». Они не имели ничего общего с жителями Бухары в Средней Азии, потому что «бухарцами» в Тобольске издавна называли обитателей «Малой Бухарии», то есть Кашгарии. Забавная ошибка в обозначении целой страны имела свой смысл. Наши предки отлично знали, что Кашгар, Яркенд, Хотан населены народом, говорящим на тюркском языке, исповедующим ислам. Понятие «Восточный Туркестан» родиться тогда еще не могло, и в повседневном обиходе появилась «Малая Бухария», населенная мнимыми бухарцами. Чокан и Потанин были великолепно осведомлены об этом и уже в самом начале своей научной деятельности умели отличать собственно бухарцев от кашкарлыков или яркендцев. Это было очень важно!

Следует сказать, что сибирские «бухаретины», впоследствии составлявшие целую волость около Томска и, кроме этого, жившие в Тобольске, Таре, Тюмени и других городах,— прямые потомки выходцев из Восточного Туркестана, или Кашгарии.

Ответить на вопрос, когда они появились в Сибири впервые, очень трудно, поскольку Ермак уже застал бухарских торговых людей на берегах Иртыша.

Торговцы хорошо знали Ямышевское озеро, пристанище караванов из Яркенда и Кашгара. Среди заметок Потанина была одна, гласившая о том, что в 1652 и 1653 годах на Ямыш из Яркенда были доставлены грузы ревеня, овчинные тулупы и зендени. Зендень — это хлопчатобумажная ткань лазоревого, алого, желтого и зеленого цветов. Все эти товары были проданы на томском рынке.

Походы Бухгольца, Ступина, Лихарева и других деятелей петровского времени, начатые в Тобольске, были связаны с Ямышевским озером. С берегов Ямышева виделся Яркенд! Иначе и быть не могло. Сначала к Ямышевскому озеру ходили водными караванами за солью, и в таких походах, ради береженья от джунгар, участвовали большие отряды служилых людей.

После покорения «Малой Бухарии» джунгарами в Сибири и, в частности, в Тобольске появились беглецы из кашгарских городов, искавшие прибежище у своих единомышленников, бухарских торговцев. Среди беглецов были люди с положением. Так, в Тобольске, во всяком случае до 1719 года, жил и благоденствовал какой-то Алимбек, «боярин» из Яркенда, убежавший оттуда во время захвата города джунгарами. Если мы заглянем в данные, собранные Чоканом в Кашгаре, то узнаем, что это случилось в 1678 году. Так повествовали старинные рукописи, излагавшие историю ходжей.

Именно тогда преподобный Аппак, глава белогорцев, возмечтал о захвате власти в Яркенде. Изгнанный оттуда, он бродил по Кашмиру и Тибету, пока не добился свидания с далай-ламой. Тот обласкал Аппака и отправил его к джунгарскому властителю Галдан-Бошокту. Калмыцкие полчища устремились к Яркенду, захватили Кашгарию и сделали Аппака наместником Галдана.

Аппак-ходжа дважды всходил на трон Восточного Туркестана. Он прослыл великим чудотворцем.

Если яркендский «боярин» сбежал от джунгар и Аппака во время нашествия Галдан-Бошокту, то получается, что знатный кашгарец провел в Тобольске ни много ни мало — сорок один год! Яркендский «боярин» пережил нескольких тобольских воевод и дождался приезда на Иртыш губернатора сибирского князя Матвея Гагарина. В ту пору этот всемогущий вельможа, кончивший жизнь на царевой виселице, был на самой вершине своей славы. Гагарин занимался китайскими делами, которые он знал неплохо, так как ранее сидел на воеводстве в Нерчинске. Он не мог остаться равнодушным к вести о яркендском беглеце, поселившемся в Тобольске. Однажды Матвей Гагарин призвал к себе яркендского «боярина» и долго расспрашивал, богата ли его страна россыпным песочным золотом. При этих беседах

толмачил мирза Сабанака Азбакеев, приведенный к губернатору обер-комендантом Семеном Карповым.

После этого, на второй год владычества Гагарина в Тобольске, в сибирских бумагах начинает встречаться имя человека, посланного губернатором в сторону золотого Яркенда. Гагаринские приказные поставили нас, исследователей, в затруднительное положение. Возможно, что кто-то из писцов нечетко вывел четвертую букву в фамилии путешественника, и поэтому мы не знаем, как правильно ее читать. Трубников, Трутников, Трушников? Если взять за основу первое написание, то можно найти историческое лицо — Меркула Трубникова, упоминавшегося не раз в связи с походом Бухгольца и поездкой его, Трубникова, в качестве посла к джунгарскому властелину. В других источниках, например, в сообщении Миллера, назван тобольский дворянин Федор Трушников, ходивший в «Бухарию».

Как бы то ни было, Матвей Гагарин отправил Петру Великому донесение, в котором говорилось, что от Тары до Яркенда два с половиной месяца ходу. Яркенд подвластен джунгарскому контайше — «Лебединому князю». Что же касается овладения яркендским золотом, то для этого надлежит сначала утвердиться на Ямышевском озере, а потом — построить цепь укреплений до самого Яркенда.

Забавная путаница произошла с золотоносной рекой Дарьей, упоминающейся в бумагах того времени. Дело в том, что бывалые «бухарцы», приходя в Сибирь, говорили о *Яркенд-Дарье,* текущей в их стране. Все было правильно! Но наши предки слышали также, что в «Бухарии» есть еще реки с подобным названием — Сырдарья и Амударья.

Две Бухарии, три Дарьи... Не так-то легко и скоро можно было разобраться в этом хитросплетении. Старинных сибирских географов никак нельзя обвинить в невежестве. Они правильно угадывали местонахождение яркендской Дарьи, но не были уверены в том, что она существует отдельно от той Дарьи, о которой приходили известия со стороны Восточного Туркестана. Даже исполинский разум Петра Великого не мог решить задачи: что это за река Дарья, о существовании которой слышится и от сибирских «бухарцев», и от хивинцев и туркмен! Вот почему однажды хотели посылать российского купчину на Арал, с тем чтобы путешественник

пошел оттуда к заветному Яркенду. Уж если разобраться как следует, то и в этом был свой смысл. Сырдарья и Нарын привели бы петровского землепроходца к тому же самому пути в Кашгар, которым прошел Чокан Валиханов!

Двадцать второго мая 1714 года Петр Великий, находясь на борту галеры «Наталья», написал наставление подполковнику Ивану Бухгольцу. Ему было приказано следовать в Тобольск, собрать войско, сплыть по Иртышу к Ямышевскому озеру, построить там крепость и спокойно перезимовать в ней. Весною же Бухгольц был обязан пойти в сторону «Еркена», закладывая крепости и оставляя в них гарнизоны. Бухгольц должен был отыскать исток реки «Еркена», чтобы впредь эта река никого не путала. Яркендское же золото разумелось само собой.

Поздней осенью 1714 года Иван Бухгольц прибыл в Тобольск для подготовки великоважного дела. Там он застал посольство контайши джунгарского. За посла был «бухаретин» Деркень Мангреев. Он привез дорогие меха и ткани, а также расписанные золотом лазоревые кувшины.

Остаток ноября, декабря и первые дни января 1715 года Бухгольц протомился в Тобольске «без команды». В начале года закипела работа. Весь город принял деятельное участие в подготовке похода к «золотому Еркену». Литейные мастера изготовили пять пушек, плотники сделали лафеты из березы, сколотили зарядные ящики.

Груды кож превратились в амуничные ремни, портупеи, лядунки и другое походное имущество. В окрестных слободах были закуплены полторы тысячи выносливых коней.

Но подполковник Бухгольц долго не мог найти «подлинного и верного ведомца о песошном золоте близ Еркета», несмотря на то что в Тобольске в ту пору находились «жители, которые бывали в Еркете»; Бухгольц отписал об этом самому Петру Великому.

Диво дивное творилось на Иртыше возле Тобольска, когда Иван Бухгольц двинулся водою в сторону Яркенда. Против течения шли тридцать два дощаника и двадцать семь больших лодок с Бухгольцевым воинством. Два пехотных полка, семьсот драгун, пушкари, мастеровые и работные люди были размещены на речных

судах. В хвосте водного каравана плыли двенадцать купеческих дощаников, битком набитых товарами «на бухарскую руку». Табуны коней гнали по берегу Иртыша соразмерно с движением судов.

В первых числах октября тобольское войско разместилось у Ямышевского озера и приступило к постройке крепости. Каландер, поручик из числа полтавских пленников, развернул свои листы с чертежами фортеции. Она имела вид разрезанного пополам шестиугольника, флангами своими примыкала к берегу реки Преснухи, впадавшей в Иртыш. Строевого леса не хватало. Бухгольц приказал разломать часть дощаников. Кокоры, бревна и доски пошли на постройку главного острога, солдатских казарм, амбаров, сооружение палисадов и рогаток.

На рождество, глухой ночью, первые отряды джунгар показались в виду крепости и напали на табуны, находившиеся вне земляного вала. Угнав коней, пришельцы не успокоились. Вскоре десятитысячная орда, предводимая Церен-Дондуком, ближним родичем самого контайши, внезапно обрушилась на крепость. Приступ был отражен, но Церен-Дондук не повернул вспять, а хитростью укрепился в амбарах возле самой крепости. Он возвел стену из кулей с мукой, оставив между ними отверстия, и стал палить через эти бойницы. Тогда крепостной пушкарь навел медное жерло на амбары. На головы джунгар обрушились ядра. Белая пыльная завеса поднялась над амбарами. Церен-Дондук отступил от своей мучной стены.

В таких событиях прошли все святки.

Радоваться особенно Ивану Бухгольцу не пришлось, потому что войска контайши снова сжали Ямышевскую крепость в своем кольце. Контайшин родич занял все дороги и подступы к Ямышевскому озеру. Церен-Дондук узнал, что из Тобольска вышел караван с припасами для осажденных, подстерег его близ Коряковского озера и захватил в плен всю тобольскую подмогу — едва ли не полторы тысячи служилых, купцов и охочих людей.

В руках Церен-Дондука оказалась и денежная казна, присланная из Тобольска для раздачи жалованья людям в новой Ямышевской крепости.

Джунгарский военачальник, издеваясь над Бухгольцем, нарочно прогнал мимо крепости длинную вереницу

пленников и обоз со снедью,— пусть осажденные видят, что они лишились долгожданной подмоги!

В конце февраля 1716 года к крепостным воротам прискакал всадник. Он поднимал над головой грамоту. Послание Церен-Дондука пришлось принять. Он предлагал Ивану Бухгольцу уйти подобру-поздорову от Ямышевского озера, в противном случае грозился держать русских в осаде до тех пор, пока они не перемрут от голода и болезней. Не очень решительный Бухгольц на этот раз ответил полным отказом.

В отряде уже начались бедствия. Цинга уносила множество жертв, не стало жизненных припасов. Осажденным впору было глодать амуничные ремни и кожу ботфорт.

Когда начались подвижки иртышского льда, Бухгольц пустился на отчаянность: он скрытно поставил на льдину большую лодку с двумя отважными людьми, прикрыл ее с боков ледяными плитами. Холодный плот потащило вниз по Иртышу. Это удивительное путешествие, как потом оказалось, окончилось благополучно. Посланцы Бухгольца поведали в Тобольске о ямышевском бедствии, но князь Матвей Гагарин в то время не имел ни людей, ни средств, с помощью которых мог бы выручить отряд Бухгольца.

Три месяца сидели в осаде тобольские аргонавты и наконец поняли, что сила ломит солому. Ворота крепости Ямышевской распахнулись, оттуда вышли жалкие остатки ее гарнизона. Джунгары не тронули голодных и немощных людей.

Солдаты и драгуны молча принялись за печальную работу. Железные заступы вошли в иртышскую землю не только для того, чтобы похоронить мертвецов. Острым киркам, заготовленным на случай разведки золота, было уготовано уничтожить крепостные валы, подрыть и повалить сосновый палисад.

Восемнадцать дощаников отправились вниз по мутному Иртышу. Бухгольц остановился в устье Оми и высмотрел там место для постройки новой фортеции.

Кажется, в том же году объявился в Тобольске тот самый человек, которого Г. Ф. Миллер называет Трушниковым. Он приобрел в Бухарии восемнадцать с четвертью фунтов золота. Возвратившись на родину, сказал, что побывал на озере Кукунор. Путешественник видел там охотников за золотом, трудившихся на берегах ма-

лых рек и ключей, вытекавших из гор. На золото указывало даже название одной из местностей — Алтын-гол.

Пути-дороги этого следопыта, посетившего преддверие Тибета и Восточный Туркестан, неизвестны. О его походе мы знаем лишь по краткому извлечению из донесения Трушникова, сделанному академиком Г. Ф. Миллером. Чокану и Потанину, конечно, была доступна работа Миллера «Известие о песошном золоте в Бухарии, о чиненных для оного отправлениях и о строении крепостей при реке Иртыше, которым имяна: Омская, Железненская, Ямышевская, Семипалатинская и Усть-каменогорская». Она была напечатана в журнале с длинным названием «Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие» в 1760 году. Там Миллер и говорил о тобольском скитальце.

Через семьдесят шесть лет о нем вспомнил в «Энциклопедическом Лексиконе» А. Плюшара автор большой статьи о Бухгольце — Иван Федорович Штукенберг, назвавший путешественника Трутниковым. Опечатка здесь исключена, ибо подобное написание повторено дважды на одной и той же странице 573-й в седьмом томе «Лексикона».

И вот еще одно известие, относящееся ко времени возвращения искателя золота с Кукунора в Тобольск. В старинных «Киргиз-кайсацких делах» под 1716 годом отмечено, что в том же году в Тобольск прибыли казахские послы и привезли с собою Меркула Трубникова, офицера, посланного к джунгарскому контайше, но попавшего в степной полон. Любопытен тот факт, что тут же говорится о готовности казахов «воевать калмыцкого владельца Контайшу, которого город Юркеть (Яркенд.— *С. М.*), что-де в двадцати или в тридцати тысячах».

Нет, не до конца прослежены звенья золотой яркендской цепи!

Гагарин уже не мог положиться на Бухгольца. Тобольский князь послал в сторону разоренной Ямышевской крепости драгунского подполковника, который в документах того времени именуется то Матигоровым, то Мстигоревым. Потом последовали походы Прокофия Ступина, Василия Чередова, майора Ивана Лихарева, Ивана Калмыкова.

Ямышевская фортеция была восстановлена, на

берегу Иртыша выросли Семипалатинская, Железнинская, Усть-Каменогорская крепости. Так и получилось: хотели утвердиться в золотом Яркенде и сыскать истоки таинственной Дарьи, а на деле — навечно закрепились на Иртыше, обосновались на Зайсане и освоили путь по Черному Иртышу.

О Яркенде в Тобольске не забывали. Тарский дворянин Богдан Берников, постигший джунгарскую грамоту настолько, что мог переводить письма контайши, высчитал однажды, что от Ямышевского озера до «Еркенда» «сухим путем с тягостьми двенадцать недель» ходу. Вскоре вся торговля с Восточным Туркестаном сосредоточилась в основном в Ямышевской и Семипалатинской таможнях; в Ямышевской торговать начали еще в 1731 году.

Когда академик Г. Ф. Миллер посетил Иртыш, ему там очень толково рассказывали о «Еркене», окруженном шестиверстной стеной, о городе Кашгаре, говорили, как проехать туда.

На пути к Малой Бухарии нельзя было миновать Хоргоса и Текеса. Там находилась «урга»— главная стоянка джунгарского контайши, перемещавшаяся в зависимости от времени года. Зимой калмыцкий властелин находился у Хоргоса, летом — перекочевывал на привольный Текес. При Хоргосе располагалось поселение пленных «бухарцев», выведенных джунгарами из Яркенда, Кашгара и других городов. «Урга» была главным средоточием торговли с Малой Бухарией. На Текес и Хоргос во множестве привозили алые, зеленые, синие ткани — зендени и хамы из Кашгарии. Все они назывались «иркетчиной» по имени города Яркенда. От «урги» караваны шли через трудный перевал Музарт, оттуда было рукой подать до Аксу, Кашгара и Яркенда. Миллер с пером в руках исчислил расстояния между основными дорожными стоянками.

Сведения, собранные Миллером, совпадали с данными, отысканными Чоканом и Потаниным в Омском архиве. Молодые исследователи узнали, например, что торговая дорога со стороны Кашгара или Яркенда, коснувшись Текеса, шла к перевалу Хабар-асу в Тарбагатае, называвшемуся тогда Хамар-табаном. Оттуда караваны спускались в Зайсанскую котловину и двигались к знаменитому Калмак-тологою, переходили через Кал-

бинский хребет. Потом путники проникали в долину нижнего Чар-Гурбана, усеянную множеством древних могил, окруженных двойными оградами из порфировых валунов. На Иртыш обычно выходили против устья реки Убы между Семипалатинском и Усть-Каменогорском. Там некоторые караваны поворачивали на Томск, остальные, придерживаясь течения Иртыша, направлялись в сторону Тобольска, зачастую завершая свой долгий путь в Ирбите. В этом случае купцы не могли миновать ни Семипалатинска, ни Ямышевского озера, ни новой Омской крепости.

До половины 40-х годов XVIII века «бухарцы» свободно разъезжали со своими товарами по всей Сибири, общаясь с давно осевшими там выходцами из Восточного Туркестана, но в 1745 году было указано бухарский торг вести только у Семи палат и на берегу озера Ямышева.

На родину Потанина из Кашгарии привозили ревень, овчинные тулупы, волчьи и лисьи шкуры. Однажды Григорий Потанин открыл архивное свидетельство о том, как сам контайша Цеван Доржи Намгал, решив заняться выгодной продажей ревеня, прислал на Иртыш «бухаретина» Юсуп-ходжу с караваном из трехсот верблюдов, нагруженных вьюками с сушеным ревенным корнем.

Этот контайша не мешал русским купцам подолгу находиться в его «урге» и ездить с товарами в Яркенд, Кашгар и Аксу. Один из таких российских скитальцев, Алексей Верхотуров, в 1746 году вышел из Джунгарии на родину и рассказал, что в Малой Бухарии уже лет восемь живут некоторые купцы из Устюга Великого, Гороховца, Симбирска, Вологды, Тобольска, Екатеринбурга, Тары, Томска и Иркутска. Они собирают деньги за проданные в долг товары и с этой целью посещают Яркенд, Кашгар, Аксу.

Кроме того, двадцать пять русских выходцев попросили у джунгарского контайши разрешения поселиться в его «урге» и в городах Бухарии. Галдан-Церен не чинил препятствий. С тех пор русские стали жить на берегах Еркета-реки! Никто не знает, что с ними сталось, как отозвалось на них маньчжурское вторжение в Восточный Туркестан. Русские яркендцы были свидетелями многих важных событий, происходивших в самых

глубинах Центральной Азии в последние годы джунгарского владычества над страной Шести городов.

Русские обитатели Кашгарии, конечно, рассказывали там о своей родине, говорили о выгодах торговых связей с нею. Недаром четыре неизвестных кашгарца летом 1760 года добрались до крепости св. Петра на Ишиме (Петропавловск). Они пригнали туда тридцать коней, привезли волчьи и лисьи шкуры. Кашгарцы хотели закупить бархат, кармазин, бобровые шкуры, кубовую краску и «канцелярское семя», по-видимому — чернильные орехи. Полковник Лесток, комендант крепости на Ишиме, обласкал кашгарцев.

Маньчжурское взятие «Бухарии» тяжело отразилось на караванной торговле. В русскую сторону уже никто не отваживался везти вьюки с ревенем, хотанскими шелками, овчинами и пестрой «иркетчиной». Глухо и пусто было на торговых дворах Ямышевской и Семипалатинской крепостей. В 1762 году там даже были уволены все таможенные служащие, поскольку на Иртыш уже несколько лет никакого яркендского товара никто не привозил.

Почти прекратились и походы русских исследователей. В 40-х и 50-х годах в Джунгарскую «ургу» наведывались не раз гонцы с Иртыша — Соболев, сержант Котовщиков, Мяникин, переводчик Текутьев. В бумагах Чокана и Потанина сохранился список этих имен. Оба исследователя не раз находили в архиве рапорты начальника Ямышевской крепости, драгунского полковника Якова Павлуцкого. В 1748—1749 годах он посылал прапорщиков Подзорова и Терского к тому самому контайше, который самолично поставлял на русский рынок отборный бухарский ревень. Оба путешественника вели дневники, увидевшие свет лишь два года спустя.

Следующей большой дорожной станцией на Иртышской линии по пути следования Чокана была станица Коряковская. Генерал-губернатор Гасфорт решил превратить ее в город Павлодар. Это было сделано года через два после путешествия Чокана по Иртышской линии. Во времена Бухгольца и Ступина здесь был основан Коряковский форпост. Лет через тридцать после этого события в окрестностях укрепления начался промысел на Коряковском озере, покоившемся на плоском ложе из цветных глин. Добытчики рушили деревянными

лопатами соляные слои, отливавшие сверху нежно-розовым цветом, вывозили соль в огромных ящиках на берег, сваливая ее в высокие, светлые курганы.

Чокан прибыл в Коряково в самый разгар промыслов. В 1859 году там было добыто около семисот тысяч пудов соли, лучшей во всей Сибири.

В самой Коряковской ничего примечательного не было. На высоком берегу Иртыша стояло около сотни домов, питейные заведения, штаб Седьмого казачьего полка и таможенная канцелярия. Мало что изменилось здесь со времен Григория Карелина и его путешествия в Баян-Аул и Каркаралы. Там, за Иртышом, почти родные Чокану места! Сколько раз Муса Чорманов, Чоканов дядя, переправлялся здесь через Иртыш со своими кыпчакскими скакунами, нетерпеливо бившими копытами по настилам парома.

Промелькнет мимо первый пикет Калкаман, стоящий при целебном озере, дорога пойдет степью, потом начнутся холмы, встретятся рудники, где добывают медь и серебро. А от пикета Карасорского вдруг откроется вид на Баян-Аульские горы. Верст двадцать пять надо ехать по горному склону, пока впереди не покажется Баян-Аульский приказ. Между горами и неспокойным озером Сабунды, всегда покрытым пеной, видны защищенные рогатками дома. Здесь, в Баян-Ауле, и жил Муса Чорманов. Всего каких-нибудь сто девяносто верст отделяли пыльную Коряковскую от земного рая, окруженного соснами и гранитными утесами!

В окрестностях Баян-Аула, между двух гор, поросших лесом, находилась знаменитая Джаксыбаева могила — огромная круглая насыпь из каменных глыб. Внутри гранитного круга стояла одинокая старая сосна. Гости Баян-Аула старались посетить это примечательное место. От могилы Джаксыбая спускалась вниз тропа, приводившая в котловину с чудесным озером. Еще ниже располагалась долина, где стоял зимний дом султана баян-аульского. В отрочестве Чокан бывал в этих местах.

Где знать Мусе Чормановичу, что его племянник сидит на Коряковском пикете в ожидании лошадей, невольно вспоминая о сосновом Баян-Ауле, о прекрасных горах, прогретых солнцем, об охотничьих утехах Мусы Чорманова!

За Коряковом соляное царство было зримо в Черноярском, где тоже высились белые горы. Потом дорога отошла от Иртыша и приблизилась к реке лишь возле Пресной.

Болотистые низины простирались на пути к Песчаной. По правую руку тянулась Кулундинская степь. После нескольких пикетных станков показалась былая Железнинская крепость, заложенная Прокофием Ступиным в 1717 году. Пятьдесят лет спустя в Железнинской учредили меновой двор, и здесь на крутых ярах под прикрытием пушек шла оживленная торговля с обитателями степей.

От Железнинской до Омска самым важным местом был Черлак, форпост петровского времени, возникший среди белоствольных прибрежных рощ, подступивших вплотную к крутым берегам Иртыша.

До Омска осталось каких-нибудь пять остановок.

...В июле 1859 года генерал-губернатор Западной Сибири возвратился из поездки в Петербург.

В день с «несчастливым числом», а именно 13 июля 1859 года, генерал-губернатор подписал донесение на имя военного министра Н. О. Сухозанета.

В письме говорилось, что караван, «посланный в мае месяце минувшего года в Кашгар, окончив успешно свои торговые дела, возвратился в Семипалатинск. Вместе с тем прибыл в Омск и находившийся при этом караване поручик султан Чокан Валиханов».

Теперь для нас все прояснилось, и мы уже имеем возможность ссылаться на письменное свидетельство о сроке возвращения Чокана в Омск. Он снова сидел в своем домишке неподалеку от «Вестминстерского аббатства» в форштадте Мокром, разбирая пришедшую за время его отсутствия почту, постепенно приходя в себя и возвращаясь к прежней жизни.

С ним было все, к чему он так привык,— папиросы «Ферезли» и тереховские сигары, перстень Арслана, заветные рукописи и любимые книги. Чокан, конечно, жалел о том, что не мог повидать «Карасакала»— Александра Егоровича Врангеля. Он появился в Омске в самом начале 1859 года и не миновал домов Капустина и Гутковского. А. Е. Врангель, возвращаясь с востока в качестве личного гонца Н. Н. Муравьева-Амурского, рассказал в Омске о своих последних скитаниях по земному шару.

Покинув город Семи палат, Врангель по приезде в Петербург получил назначение в эскадру Перелешина-старшего, отправлявшуюся в плаванье на Дальний Восток вокруг мыса Доброй Надежды. Врангеля утвердили в должности секретаря для иностранной переписки при особе командира эскадры.

Осенью 1857 года Александр Врангель покинул берега отчизны. Через год он на борту корвета «Воевода» посетил бухту Золотой Рог и осмотрел место, где вскоре был заложен Владивосток. Обратно Врангель возвращался сушей — через Аян и Якутск. Из Иркутска он покатил по подорожной, выданной ему в Белом доме на берегу Ангары.

У Врангеля еще были свежи воспоминания о свидании его с Гумбольдтом, о встрече с Бакуниным и столь ненавистным Гасфорту графом Н. Н. Муравьевым-Амурским.

Хорунжего Григория Потанина в Омске не было. Получив отставку, он уехал учиться в Петербург.

Карл Казимирович Гутковский летом 1859 года ездил по степи, проверяя работу округов, посетил, в частности, Каркаралы и, по всей вероятности, заглянул в Баян-Аул к Мусе Чорманову. Попыхивая своей трубкой, Гутковский советовал султанам, биям и старшинам как можно скорее отпустить на волю их рабов — «кулов», потому что в Росии вскоре будет уничтожено «крепостное состояние людей». Казахские правители, внявшие совету Гутковского, поставили свои подписи и приложили печати к принятым обязательствам. В конце 1859 года семипалатинские власти уже провозгласили освобождение невольников.

Рассказ обо всем этом Чокан услышал из уст самого Гутковского. Освободитель степных рабов получил от Гасфорта приказ помочь Чокану при составлении отчета о кашгарском походе.

Из тревожного донесения Гасфорта в Петербург мы узнаем, что Чокан Валиханов тяжело заболел вскоре после своего возвращения в Омск. Генерал-губернатор перечислял причины недуга — лишения, нравственные потрясения от сознания опасностей, которым постоянно подвергался мнимый купец Алимбай. Гасфорт даже не ручался за благополучный исход болезни, оговариваясь, что Чокан от рожденья слаб здоровьем.

Но Чокан вышел победителем из игры со смертью. Отчет о путешествии был составлен и передан Гасфорту. Тот поспешил сообщить в столицу, что описание Кашгарии необычайно занимательно, полезно и для правительства, и для науки. Поручик Валиханов в своем отчете показывает политическое, торговое и военное состояние страны, мало известной ученым-исследователям. Он исправляет ошибки иностранных географов, писавших о Кашгарии, но знавших эту страну лишь по слухам о ней, доходившим в Западную Европу.

Как потом выяснилось, в Петербурге с нетерпением ждали валихановский отчет. Его хотел скорее видеть на своем письменном столе прежде всего Егор Ковалевский, глава Азиатского департамента и былой путешественник в Кульджу.

Поэтому, как только гасфортовские писаря перебелили донесение Чокана, из Омска в Петербург помчался курьер с большим пакетом под пятью красными печатями. Было решено, что Чокан вслед за этим поедет в столицу сам, чтобы живыми рассказами дополнить свой отчет.

В это время на пороге Чоканова дома появился дорогой гость.

Изможденный веснушчатый человек со шрамом над бровью заключил Чокана в свои объятья. Вместе с приезжим была женщина, смуглая и худая, во всем черном. Они прибыли в Омск прямо по следу Чокана и решили задержаться там на четыре дня.

Друзья с любовью вспоминали семипалатинский Казаков сад, Ковригина и Хоментовского, Обуха и Врангеля.

Чокан повел Достоевских на Артиллерийскую улицу, познакомил их с гостеприимным семейством Капустиных. Потом приезжие посетили Алексея Федоровича де Граве, коменданта Омской крепости.

Что должен был пережить Достоевский, войдя в крепость через башенные ворота, где каждый шаг отдавался гулом под сводом высокой арки! В нескольких шагах от Комендантского дома и Корпусного штаба, в восточном углу крепости, у самого ее края находился Степной бастион. Похожий на неправильный шестиугольник, он был обнесен высоким и крепким тыном из заостренных сверху бревен. Крепкие глухие ворота вели внутрь широкого двора. Там стояли страшные деревянные срубы Мертвого

дома, смрадные каторжные казармы, обшитая досками кордегардия с продолговатыми окнами, где когда-то царствовал плац-майор Кривцов. Это он однажды самовластно приговорил Достоевского к телесному наказанию и уже приготовил для этого розги. Но дежуривший в крепости «морячок» из ссыльных гардемаринов поспешил к де Граве и доложил ему о кривцовском произволе. Алексей Федорович пошел в Степной бастион и в присутствии каторжных отменил приказ плац-майора. Да, конечно, Чокан помнил этих замечательных ребят, воспитанников Крузенштерна, отданных в солдаты,— Павла Брылкина, Александра Лихарева, Арсения Калугина и других. Славные «морячки» делали съемку степи, ходили в караул «за офицеров» в крепость и кордегардию.

Павел Брылкин одно время поселился с больным Сергеем Дуровым в Кокчетаве, стараясь облегчить жизнь недавнего каторжника.

Когда-то А. Ф. де Граве, выполняя свой тяжелый долг, в стенах Комендантского дома, где он теперь принимал уже как равный равного гостя из Семипалатинска, вносил имя Федора Достоевского в «Статейный список» государственных и политических преступников, находящихся в каторжной работе в Омской крепости.

Список этот, по-видимому, был плодом творческих усилий Кривцова. Де Граве оставалось лишь скрепить своей подписью сведения о наружных приметах и недостатках, телосложении, ранжирной мерке омского узника, свидетельства о том, что он «грамоте знает» и к черной работе способен. Было это девять лет назад. За это время не успели выцвесть чернильные строки «Статейного списка». И если уж Достоевский, с ужасом вспоминавший до конца своей жизни почерневший палисад Степного бастиона, сам пошел с Чоканом в Комендантский дом к А. Ф. де Граве, надо полагать, что комендант Омской крепости в жизни своей был действительно добрым и участливым человеком.

Потом друзья отыскали мастера светописи и сделали памятный снимок, увековечив на дагерротипе не только себя, но и кинжал, который сжимает в руке улыбающийся Чокан.

И хоть примета говорила, что другу не годится дарить нож или какой-нибудь другой острый предмет, кинжал этот был преподнесен Достоевским. Из одного письма Федора Михайловича мы узнаем, что кинжалик когда-то принадлежал Врангелю, но во времена Казакова сада был отдан Достоевскому вместе с охотничьим ягдташем. В Омске врангелевская редкость перешла в руки Чокана — чтобы ему было чем разрезать журнальные и книжные страницы.

Достоевский вез с собой подарок Артемия Гейбовича — флягу в плетеном чехле, наполненную померанцевой настойкой завода Шриттера. Путешественник поклялся, что содержимое фляги он разопьет только у знаменитого каменного знака с надписью «Европа — Азия» на Березовой горе, когда будет переваливать с Урала в Россию.

При Березовой горе стоит изба, где живет старый инвалид, страж границы двух частей света. Там можно будет покормить лошадей и торжественно проститься с Азией у подножия каменного столба. О Березовой горе Достоевский знал со слов бывалого почтальона Николая, вызвавшегося сопровождать писателя в его долгой поездке из Семипалатинска в Тверь.

Достоевские должны были взять из Омского кадетского корпуса Пашу Исаева, сына Марии Дмитриевны. В те годы Федор Михайлович в пасынке, что называется, души не чаял и, разумеется, не мог знать наперед, сколько огорчений причинит этот самый Паша своим близким через какой-нибудь десяток лет.

Звеня шпорами, Чокан повел гостей к огромному зданию корпуса на Никольской площади. Там он показал дортуары Эскадрона, размещавшегося когда-то в нижнем этаже здания. Давно ли Чокан и Потанин жили среди этих суровых стен!

Настал час расставанья с Достоевскими.

На прощанье Чокан рассказал, что его требуют в Петербург; он двинется туда, по всей вероятности, через месяц. Возможно, что он сумеет увидеться с Михаилом Михайловичем Хоментовским, когда будет проезжать через Владимир. Что же касается Достоевского, то и он твердо решил отыскать былого пристава Большой орды. Ведь это Хоментовский добывал для Федора Михайловича деньги, когда у того перед женитьбой не было ни копейки!

Такую дружбу трудно забыть. Достоевский надеялся, что Хоментовский поможет устроиться на службу где-нибудь в России их общему знакомому Артемию Гейбовичу, которому ссыльный писатель был тоже многим обязан. Найти Хоментовского во Владимире нетрудно: каждый прохожий солдат должен знать, где квартирует владимирский обер-провиантмейстер.

Кони тронули с места, загремели кованые колеса, ходуном заходили железные суставы огромного тарантаса, и вскоре сухопутный ковчег скрылся в завесах дорожной пыли...

1962

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИБ 1887

Сергей Николаевич Марков

ИДУЩИЕ К ВЕРШИНАМ

Историко-биографическая повесть

Редакторы *Н. Муханова, Г. Дмитриева*
Художник *Л. Титенко*
Худож. редактор *Б. Машрапов*
Техн. редактор *С. Лепесова*
Корректор *А. Тимофеева*

Сдано в набор 19.02.81. Подписано к печати 15.07.81. Формат 84×108¹/₃₂. Бумага тип. № 2. Высокая печать. Литературная гарнитура. П. л. 11,0. Усл. п. л. 18,48. Уч.-изд. л. 19,5. Тираж 100 000 экз. Заказ № 407. Цена 1 р. 40 к. Издательство «Жазушы» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Абая, 143.

Фабрика книги производственного объединения полиграфических предприятий «KITAП» Государственного комитета Казахской ССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли, 480046, г. Алма-Ата, пр. Гагарина, 93.

1 р. 40 к.

СЕРГЕЙ МАРКОВ ИДУЩИЕ К ВЕРШИНАМ